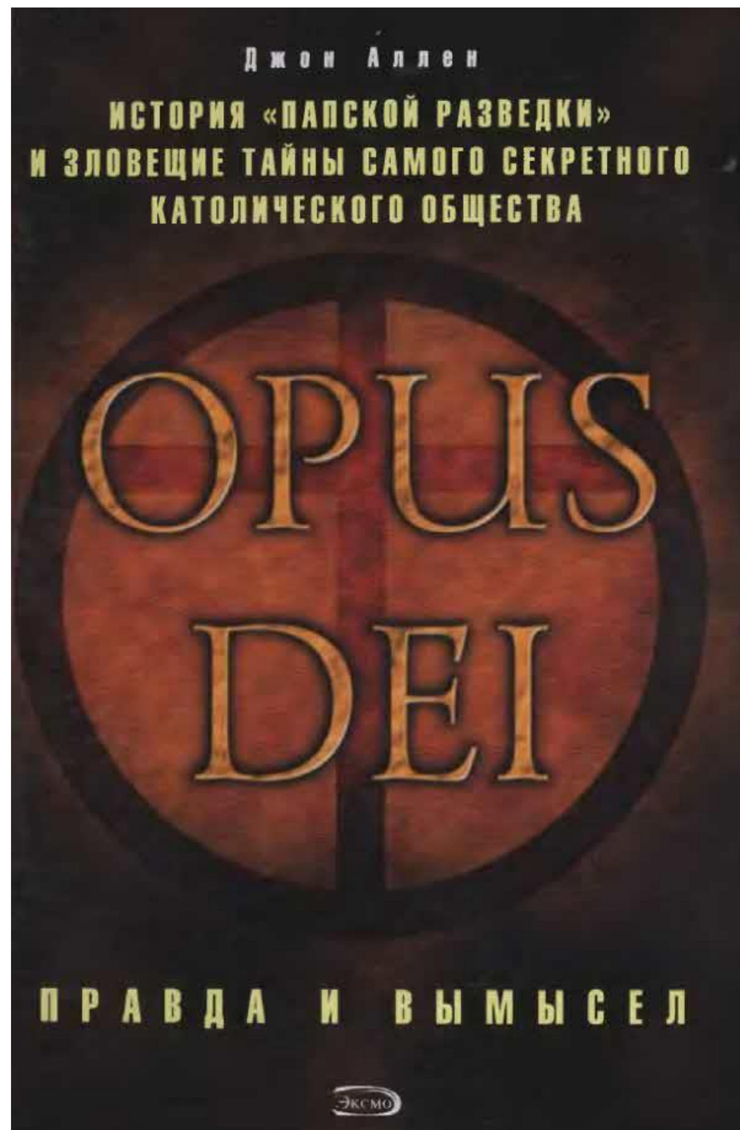
Аллен Джон

Opus Dei

Джон Аллен

OPUS DEI

МОСКВА
«ЭКСМО»
2007

ВСТУПЛЕНИЕ

Если бы вдруг понадобилась метафора для характеристики Opus Dei — духовной организации, основанной в 1928 году в Испании священником Хосемарией Эскрива де Балагер (1902–1975) и вызвавшей в католическом мире самое большое количество споров, — пожалуй, стоило бы назвать ее Guinness Extra Stout[1] католической церкви. Это очень крепкое пиво с четким и определенным вкусом, и оно, безусловно, предназначено не для всех.

Правда, такое сравнение может показаться поверхностным, если вообще не оскорбительным, поскольку Opus Dei — не коммерческая организация, не коммерческий продукт, а духовный путь, цель которого — очищение мира от грехов, путь, по которому преданно и очень осознанно следуют восемьдесят пять тысяч людей и которым восхищаются миллионы. Сравнение с пивом было бы резко отвергнуто большим числом людей как внутри, так и вне католической церкви. Для Opus Dei это слишком мелко. И все же образ крепкого Гиннесса в чем-то отражает важную роль, которую Opus Dei играет на католической сцене, и над этим стоит поразмышлять.

В эпоху, когда пивной рынок заполнен диетическими и легкими сортами, крепкий Гиннесс идет другим путем. Это пиво не просит прощения за свои лишние калории или высокое содержание алкоголя. Ему свойственны плотность и горечь, что некоторые острословы сравнивают с алкогольным смазочным маслом для мозгов. Оно лишено ненужного притворства, и его предпочитают пуристы, потому что оно всегда неизменно. Конечно, если его вкус вам кажется ужасным, то эта неизменность не заставит вас его купить. Тем не менее, несмотря на то что крепкий Гиннесс не доминирует на пивном рынке, у него всегда найдутся свои почитатели.

Если приложить этот образ к католической церкви, то на прошедшем четыре десятилетия назад Втором Ватиканском соборе (1962–1965) также в какой-то степени отмечалась общая тенденция к «меньше — это больше». Вообще говоря, прорыв Ватикана II состоял в том, что врата церкви распахнулись, она стала более современной и обновилась, в то же время возвратившись к основам религии, открыто повернувшись к миру и способствуя союзу разделенных христианских семей со всем человечеством. Все церковные обряды и ритуалы стали стремиться к упрощению, наиболее заметному по отношению к изъятию латыни как языка богослужения и проведению служб на родных языках верующих. Были отменены многие традиционные обряды и обычаи, а такие духовные епитимьи, как посты, стали менее строгими. Апологетику христианства заменил экуменический межрелигиозный диалог как основной способ общения людей разных конфессий и религиозных традиций. Священнослужители и монахи стали часто отказываться от ношения традиционных облачений из опасений, что люди воспринимают это как привилегии или как способ отличиться от тех, кому служишь.

Многие полагали, что миссия церкви заключается в том, чтобы способствовать по мере сил общественному и человеческому развитию, а разговоры о молитвах и жертвах воспринимались как символические воздушные замки. Прежний подход к заучиванию догм христианской веры привел к критическому пересмотру многих аспектов католического образования, а благотворительная деятельность пополнилась повышенным вниманием к масштабам глобальной несправедливости и к тому явлению, которое стало называться «грехом общественного сознания».

Все эти явления несколько в карикатурном виде отражают сложные теологические и церковные тенденции, но тем не менее обозначают основные направления возможного дальнейшего развития.

В эту эру нового церковного «пивоварения» Opus Dei предлагает классическую и здоровую альтернативу. По аналогии с Гиннессом «рыночная доля» Opus Dei в мировом католицизме необычайно мала.

Согласно официальному ежегоднику Ватикана *Annuario Pontifico* за 2004 год, Opus Dei насчитывает во всем мире 1850 священников, 83 641 мирянина, а общее число членов — 85 491, которое составляет 0,08 процента от общего числа католиков — 1,1 миллиарда. Кстати, 55 процентов членов Opus Dei — женщины. Для осознания масштаба этих цифр: епархия города Хобарта на австралийском острове Тасмания насчитывает 87 691 член, то есть больше, чем членов Opus Dei во всем мире.

Opus Dei — на латыни «Божье дело» — формально классифицируется как единственная «личная прелатура» папы римского, и это означает, что ее главе в Риме, в настоящее время епископу Хавьеру Эчеверрия Родригесу, члены Opus Dei подчинены в вопросах, относящихся к внутренней жизни организации. В вопросах, касающихся жизни католиков в целом, члены Opus Dei остаются под юрисдикцией своего епископа. Однако обычно Opus Dei воспринимается как организация, возникшая в результате расцвета многочисленных религиозных движений и объединений в XX веке и получившая международную известность в период после собрания Второго Ватиканского собора.

Основная идея Opus Dei, как она была выражена Эскрива де Балагером, — освящение ежедневных трудов, то есть имеется в виду, что человек может найти Бога, работая юристом, инженером, врачом, убирая мусор, доставляя почту, если он вкладывает в этот труд всю свою христианскую душу.

Для развития души члены Opus Dei подвергаются серьезному духовному воздействию, причем в стремлении к благочестию обычно не срезаются острые углы. Есть сведения, что большинство католиков сейчас не причащаются? Члены Opus Dei обязаны это делать каждый день. Большинство католиков не читают молитв? Опять же члены Opus Dei делают это ежедневно.

Кенийский архиепископ Рафаэль С. Ндинги из Найроби с улыбкой рассказал мне, что в прежние времена, если вы хотели в Африке опознать члена Opus Dei, нужно было отправиться с ним в путешествие. Если за милю до пункта назначения он просил его высадить для произнесения молитвы, значит, он из Opus Dei. Сегодня многие католики скептически воспринимают некоторые аспекты церковного учения, но члены Opus Dei «думают вместе с церковью» и искренне воспринимают всю полноту учения церкви.

Священники Opus Dei намеренно подчеркивают достоинства многовековой школы церковной дисциплины. Они носят духовные облачения, молятся по требнику, проводят много времени в исповедальне.

В качестве показателя их серьезного отношения к вере можно привести тот факт, что ни один из священников Opus Dei в США не был обвинен в сексуальных домогательствах или отстранен от своих обязанностей, когда в 2002 году Ватикан учредил специальные нормативные документы для Американской католической церкви.

Было бы не совсем правильным называть это «традиционной» альтернативой более «либеральному» постсоборному католицизму, поскольку с исторической точки зрения Opus Dei совершенно не традиционен.

Его видение мирян и священников, женщин и мужчин, свободных следовать своему призванию в той профессиональной сфере, которую они считают для себя подходящей, было настолько новаторским, что в Испании в 1940-е годы Эскрива де Балагер был обвинен в ереси.

Внутри Opus Dei у большинства священников имеются духовные «директора» — миряне, что является разрывом с традиционной клерикальной культурой, а миряне Opus Dei, как мужчины, так и женщины, отдают голоса за своего прелата, и это очень близко к демократическим выборам епископа, которые происходят в современной католической церкви. Opus Dei — первая организация в католической церкви, которая запросила и получила в 1950 году согласие Ватикана вносить в списки своих сотрудников (имеются в виду не члены, а сторонники) не католиков и даже вообще не христиан.

В более широком смысле настойчивое утверждение Эскрива, что настоящая деятельность по привнесению Евангелия в мир должна осуществляться мирянами через их светские виды занятий, в чем-то подобно перевороту, совершенному Коперником в астрономии. Католицизм всегда считал, что на религиозной сцене миряне — актеры вспомогательного состава, а ведущие роли играют священство и монашество. Культурные баталии после Второго Ватиканского собора, отмеченные постоянным антагонизмом между «левыми» и «правыми»,

до некоторой степени затмили самобытное понимание Opus Dei. Люди видят лишь бескомпромиссную ортодоксальность и лояльность по отношению к папе, то есть внешнюю упаковку, но очень редко постигают сами идеи.

Несмотря на все это, духовность и взгляды большинства членов Opus Dei, относящиеся к доктрине, часто на самом деле кажутся «традиционными» по современным стандартам в том смысле, что они верны установленным богослужениям, практикам и порядкам, в то время когда многие традиции понимаются по-новому или от них вообще отказываются. В этом смысле Opus Dei — потрясение для определенного типа католического восприятия, не говоря уже о секулярной точке зрения, которая зачастую не подразумевает религиозных установок.

Возможно, из-за своего этоса «крепкого католицизма» Opus Dei стал маркером для культурных сражений в церкви и собственно в культуре. «Либералы», называющие себя католиками, обычно испытывают неприязнь к Opus Dei и ему противостоят. «Консерваторы» чаще всего выступают в защиту, может быть, из-за сильной неприязни к критикам. В более открытом светском мире Opus Dei стал кратким обозначением тайного закрытого общества с элитным оттенком, в чем-то похожего на «Череп и кости»[2] или масонский орден. Благодаря бестселлеру Дэна Брауна *Код да Винчи* такое восприятие Opus Dei проникло на рынок товаров массового производства.

Поскольку Opus Dei держит для своих членов высокую планку, приземление должно быть особенно жестким, когда дела идут плохо.

Достаточно много бывших членов, чтобы не считать это просто инсинуациями, рассказывают, как их травмировал опыт общения с Opus Dei, утверждают, что они находились на грани физического и душевного истощения, что их контакты с внешним миром были ограничены, а отношения с руководством строились на бездумном послушании. В результате Opus Dei подвергся жесткой критике определенного процента своих экс-членов, некоторые говорили о «духовной эксплуатации» или даже о нарушении прав человека. Они утверждали, что внутренний климат Opus Dei — оборонительный, замкнутый и временами квазиапокалиптический — очень отличается от того имиджа, который пытается создать Opus Dei.

Возможность высказаться этим людям предоставляют сайты Opus Dei Awareness Network (ODAN) на английском языке и www.opuslibros.org на испанском. Эти высказывания и описания оспариваются десятками тысяч убежденных нынешних членов, а также бывших, оставшихся в добрых отношениях с Opus Dei. Иногда случается так, что обе группы описывают примерно те же обстоятельства, но увиденные сквозь разные призмы: одни убеждены, что Opus Dei действительно «Божье дело», другие в равной степени уверены, что Opus Dei в значительной степени человеческий инструмент контроля и власти.

Два различия

Мистический ореол и споры вокруг Opus Dei сильно усложняют его детальный анализ. Два различия помогут разобраться в этой проблеме. Первое — между *идеями* Opus Dei и его *установками.* Например, как быть с теми фактами, что меньшая часть членов Opus Dei два часа в день носит на бедре вериги с шипами или что Opus Dei не публикует списки своих членов, — таковы установившиеся обычаи организации, и для нее не является особо существенным, как к этому относятся окружающие. На эти традиции обращают внимание, иногда они просачиваются в печать и в светские сплетни, можно потратить кучу времени на чтение и разговоры об Opus Dei, но при этом совершенно не соприкоснуться с официально сформулированной задачей и миссией этой организации.

В своей основе идея Opus Dei заключается в том, что спасение мира придет в большой степени от мирян, людей, с пиететом относящихся к повседневным трудам, видоизменяющих секулярное сознание изнутри. В этом ключе «духовность» и «молитва» не являются понятиями,

предназначенными исключительно для церкви, набором благочестивых правил, отгороженных от обычной жизни. Действительный фокус духовной жизни — повседневная деятельность человека, его взаимоотношения с окружающими, его поведение в социальной жизни, рассматриваемые с точки зрения вечности. Эта подобная взрыву концепция потенциально способна высвободить созидательную энергию христиан во многих сферах деятельности. В ней заключены немалые амбиции: пройти сквозь века христианской истории и возродить идею приближения к ранним христианам обычных мирян — мужчин и женщин, неотличимых от своих коллег и соседей, занимающихся повседневной работой, но при этом «воспламеняющихся душой» от чтения Евангелия и стремящихся изменить мир.

Вполне законным является всеобщее любопытство к щекотливым моментам в деятельности Opus Dei, таким как секретность, деньги и власть. Если говорить только об этом, возникнет риск проникновения в Opus Dei через заднюю дверь, что не даст возможности понять сути организации. По этой причине в данной книге после двух глав, в которых дается общий обзор деятельности Opus Dei и его основателя, вторая часть (главы 3–6) посвящена четырем краеугольным камням «Дела», — тому, как члены объясняют суть идей Opus Dei: освящение работы; размышления в «тесноте» мира; христианская свобода; и «богосыновство», имея в виду живое понимание того, что все мы чада Божьи. В третьей части приводятся наиболее часто задаваемые вопросы об Opus Dei, начиная от статуса женщин и до методов привлечения новых членов. Таким образом, вторая часть посвящена идее Opus Dei, а третья — его установкам, хотя различия между ними не имеют четких границ. Как и в любой организации, цели и стремления Opus Dei помогают формированию развития учреждения, и в то же время ведомственные требования иногда влияют на способы понимания и выполнения целей.

Другой способ выражения этого различия — рассказы некоторых бывших членов, оставшихся в дружеских отношениях с Opus Dei, о том, что увлеченность идеями организации, особенно той, что ежедневная работа — путь к святости, — это вовсе не повод состоять ее членом. Один экс-член, который покинул Opus Dei после двадцати пяти лет, сформулировал это следующим образом: «Прошло много лет, прежде чем я убедился, что понимание и разделение идей Opus Dei не обязательно должны привести к призванию к Opus Dei… Я совершенно согласен с призывом Opus Dei ко всеобщей святости и со святым Хосемарией, который говорил о духовности и освящении обычной работы и жизни человека. Это то, что привлекло меня в Opus Dei и до сих пор привлекает. И все же, несмотря на то что я чувствую себя обязанным распространять этот всеобщий призыв к святости, я никогда не ощущал, что призван это делать «в соответствии с духом и практикой Opus Dei».

Второе различие — между *социологией* членов Opus Dei и его *философией.* Эта философия заключена в слове «секулярность» и, в частности, означает, что Opus Dei не хочет действовать как группа влияния, предлагая свою «повестку дня», а хочет воспитывать и мотивировать мирян, которые придут к своим собственным выводам в сфере политики, права, финансов, искусства и т. д.

Не существует курса Opus Dei в области налоговой политики, войны с терроризмом или здравоохранения. В действительности каждый может убедиться, что у членов Opus Dei очень разные взгляды на эти вопросы. В наиболее концентрированной форме это можно увидеть в Испании, где политики — члены Opus Dei — подвергаются в прессе атакам ученых, тоже членов Opus Dei.

Сегодня самый глубокий недостаток западных политиков — стремление уйти от таких проблем, как аборты и гомосексуализм. Поскольку Opus Dei придает особое значение идее «думать вместе с церковью», в этих вопросах его члены единогласно справа — не в качестве членов Opus Dei, а в качестве католиков, которые придерживаются традиционного прочтения доктрины церкви. Это неизбежно означает также, что люди, которых привлекает Opus Dei, во всяком случае в некоторых странах чаще всего — консерваторы и переносят свое

консервативное отношение на множество вещей, включая секулярную политику и дебаты внутри католической церкви.

Таким образом, политически и теологически члены Opus Dei тяготеют к правому крылу, хотя бывают и исключения. Это имеет мало отношения к философии Opus Dei, скорее к социологии, то есть к тому, где сейчас находится его «рынок».

Социологические тенденции являются в какой-то степени случайностями исторического момента и могут меняться. В Испании Opus Dei по-разному трактовался в 1930-е, 40-е и 50-е годы, когда его рассматривали в качестве «либеральной» силы как в секулярной политике, так и в церкви. В период развития внутрикатолических и общекультурных дебатов вполне возможно представить себе будущее, в котором члены Opus Dei опять должны будут проявить себя менее «традиционными» и «консервативными». Одна из задач данной книги — отделить то, что является весьма важным в Opus Dei, от побочных черт, характерных для конкретной эпохи, как внутри католической церкви, так и во всем мире.

Теории заговора

Иногда кажется, что Opus Dei возбуждает у людей какое-то заговорщическое воображение. Думаете, я шучу? В процессе подготовки этой книги я как-то беседовал по телефону с критически настроенной женщиной — бывшим членом Opus Dei, которая очень хотела поделиться со мной своими переживаниями. Но в начале разговора она сказала, что у нее есть ко мне один предварительный вопрос: является ли моя жена членом Opus Dei? Я рассмеялся и сказал, что, во-первых, моя жена — еврейка и в целом весьма двойственно относится к римско-католической церкви, а во-вторых, она придерживается левых убеждений, абсолютно чуждых принципам Opus Dei. Во время моей работы над этой книгой она постоянно преодолевала напряжение, связанное с симпатией ко многим членам Opus Dei, и своим долгом считала противостоять им. Ума не приложу, откуда взялось мнение, что Шэннон — член «Дела»?

Правда, так случилось, что моя жена несколько недель назад разослала друзьям e-mail, где описала свое времяпрепровождение в Риме. Одной из тем письма было посещение вечеринки, устроенной членом Opus Dei для друга, который уезжал в США. Шэннон отправилась туда попрощаться, а не подписаться под идеями Opus Dei. И все же это брошенное в киберпространство упоминание породило мнение о пребывании Шэннон в рядах Opus Dei, что для многих людей является пятном на репутации моего проекта.

Давайте поэтому четко установим: в настоящее время я не член Opus Dei и никогда раньше им не был. В моей семье никто не связан с Opus Dei. Я не работаю на Opus Dei и не завишу от него финансово или профессионально. Все изыскания для этой книги, включая поездки в восемь стран (Испания, Италия, Перу, Кения, Уганда, Россия, Великобритания и США), оплачивались из моего кармана. Я не восторженный член организации и не ожесточенный экс-член. Я — журналист, специализирующийся на проблемах католической церкви, заинтересовавшийся слухами, окружающими Opus Dei, и снедаемый любопытством узнать, насколько они правдоподобны. Преследуя эту цель, я провел более трехсот часов за интервью, пролетел десятки тысяч миль, поговорил со сторонниками и недругами Opus Dei — кардиналами, архиепископами, епископами, рядовыми верующими — и прочесал литературу об Opus Dei на нескольких языках. Мне кажется, что я настолько близко подошел к пониманию Opus Dei, насколько это возможно для неспециалиста, и надеюсь, что смог отличить факты от вымысла, относясь с уважением к самым обычным человеческим представлениям.

Хотя моя книга не является официальным исследованием, Opus Dei предоставил мне доступ к конфиденциальной информации, которой журналисты ранее не располагали. Когда издательство Doubleday впервые заговорило со мной об этом проекте, я не без некоторого

трепета обратился в римскую штаб-квартиру Opus Dei, имея в виду его вошедшую в легенды репутацию секретной организации. Я сказал, что собираюсь писать книгу об Opus Dei и хотел бы узнать, согласны ли они сотрудничать. Сразу же получив положительный ответ, я подписал контракт с издательством и начал работать. Справедливости ради должен сказать, что Opus Dei никогда не нарушал наших договорных обязательств о полной открытости. Я легко передвигался по отделениям Opus Dei по всему миру. Я получил доступ к *Noticias* и *Cronica* — испаноязычным журналам, обычно предоставляемый только членам организации. По запросам мне показывали частную корреспонденцию из архивов Opus Dei. Я провел пять дней в резиденции Opus Dei в Барселоне и все это время придерживался официального «плана жизни» организации. (Этот опыт, кроме всего прочего, еще сильнее убедил меня, что я совершенно не гожусь в члены Opus Dei.) Мне дали интервью все высокопоставленные члены Opus Dei внутри католической церкви, включая кардиналов Хуана Луиса Сиприани и Хулиана Эрранса, пресс-секретаря Ватикана Хоакина Наварро-Валльса и прелата Хавьера Эчеверрия Родригеса. Фактически сотрудничество с Opus Dei было настолько тесным, что в Риме один из крупных функционеров сказал мне, что организация совершила в мою честь «общий стриптиз».

Почему Opus Dei это сделал? Во-первых, у меня создалось впечатление, что он гораздо менее секретен, чем обычно считают. Моих собеседников не нужно было убеждать в достоинствах нашего сотрудничества, наоборот, они горели желанием поведать свою историю. Во-вторых, я полагаю, они рассчитывали на то, что объективная книга, в которой предоставляется слово также и критикам, предпочтительнее мифов и предрассудков, которые столь омрачают публичные дискуссии. Другими словами, они были готовы вступать в рукопашную, но до тех пор, пока удары не наносятся ниже пояса. Почувствуют ли они себя так же после прочтения книги, еще предстоит узнать.

Несколько слов благодарности в порядке очередности. Первое: 10-я глава этой книги основана главным образом на работе Джозефа Харриса — одного из лучших исследователей финансового положения католической церкви. Я пригласил Джо, чтобы он помог мне разработать финансовый портрет Opus Dei, и он в этом невероятно преуспел. Благодаря его усилиям эта книга впервые дает детальный финансовый портрет Opus Dei в США и предположительные оценки его финансовой деятельности по всему миру. Второе — я хотел бы поблагодарить Марка Карроджио из Информационного офиса Opus Dei в Риме, чья помощь в организации контактов с членами Opus Dei в разных частях света была просто бесценной. Я бы также хотел выразить благодарность Шарон Класен — экс-члену Opus Dei с «критическим голосом», которая помогла мне выйти на других экс-членов и наблюдателей. Мне также помогли Диана и Тэмми Ди Никола из Opus Dei Awareness Network. Кроме того, я благодарю Тома Робертса — издателя моей газеты *National Catholic Reporter*, который терпимо относился к моим постоянным отъездам из Рима и периодическому отсутствию на рабочем месте, тем самым создавая мне условия для продолжения работы над книгой. Я просто бессилен описать, как мне помогли все мои коллеги из *National Catholic Reporter.* Я хотел бы распространить слова благодарности на читателей моей интернетовской колонки «Слово из Рима», которые, зная о моей работе над книгой, прислали сотни электронных писем, в которых делились своим жизненным опытом и взглядами на Opus Dei. Хотя не все нашло отражение на страницах книги, это способствовало формированию моего собственного подхода к теме, ставило какие-то вопросы, открывало новые горизонты и помогало совершенно неожиданным образом. Я хотел бы поблагодарить сотни членов Opus Dei во всем мире, а также его критиков и беспристрастных наблюдателей, которые распахнули передо мной свои дома и свои жизни. Говорить о своей духовной жизни нелегко даже при благоприятных обстоятельствах, а делать это перед журналистом, имеющим при себе диктофон, просто трудновыносимо. Тем не менее, осознавая важность темы, эти люди — от профессора деловой этики в Барселоне до японского иммигранта, держащего прачечную в Лиме, или пенсильванского эксперта по реабилитации людей от последствий влияния культов, — раскрывались передо мной и пускали меня в свои

души. Я неописуемо благодарен им за их снисходительность, честность и мужество, невзирая на возможные последствия. Наконец, слово благодарности моей долготерпеливой жене Шэннон, которая на самом деле не хотела, чтобы я брался за эту книгу, и которая сильно страдала в период созревания моего проекта. Я знаю, как утомительны были все поездки, сверхурочные часы, бесконечные разговоры об Opus Dei, и постараюсь найти способ ей это возместить.

Эта книга — попытка рассказать правду о предмете, в описании которого часто превалируют идеология и фантазия. На мой взгляд, идеология — искажение здравого смысла и нравственно близка ко лжи. Вместо идеологического подхода я стараюсь подойти к теме с точки зрения личного опыта. Все, о чем я прошу, — чтобы читатели отложили в сторону свои предубеждения по отношению к Opus Dei и постарались понять, что происходит. В конечном счете, цель этой книги — не апология Opus Dei и не полемика с ним. Я не собираюсь говорить о том, прав или нет Opus Dei, хороший он или плохой, должен ли он быть удовлетворен своим нынешним видным положением в римском католицизме или нет. Я хотел бы дать читателям возможность разобраться самим. Несмотря на раскол во мнениях при обсуждении Opus Dei, я надеюсь, все согласятся, что обсуждение, основанное на фактах, может быть продуктивным.

8 декабря 2004 года Праздник Непорочного зачатия

Часть I
ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Глава первая
КРАТКИЙ ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ OPUS DEI

Известный английский католический еженедельник The Tablet недавно опубликовал серию анекдотов о различных группах католической церкви. Один из них посвящен Opus Dei: сколько нужно членов Opus Dei, чтобы ввернуть электрическую лампочку? Ответ: сто — один вворачивает лампочку, девяносто девять поют: «Мы не общественное движение, мы не движение».

Возможно, это чересчур язвительно, но в анекдоте есть соль, поскольку Opus Dei зачастую больше преуспевает в объяснениях, чем он *не* является, чем объясняет, что он *есть.* Эскрива решительно настаивал, что Opus Dei — не монашеский орден и поэтому его не нужно сравнивать с францисканцами или доминиканцами. Его члены полностью погружены в дела мира и не удаляются в монастыри. Они ищут и находят Бога в мирских мелочах повседневной жизни.

Позже Opus Dei вступал в подобные баталии, настаивая, что не является «движением мирян», поскольку включает в себя духовенство. Именно это и обеспечивает уникальный характер Opus Dei — организации, объединяющей мирян и священников, мужчин и женщин, имеющих одинаковые призвания, но играющих разные роли. В разные годы Opus Dei в составе структур католической церкви классифицировался по-разному: как религиозный союз, как духовное общество с обычной жизнью без монашеских обетов, как немонашеская организация и, наконец, с 1982 года как «персональная прелатура» папы римского. На каждой из этих стадий, вплоть до последней, ведущие мыслители Opus Dei настаивали, что существующие структуры, находясь в рамках Кодекса канонического права 1917 года — официального свода

законов католической церкви до 1983 года, — неадекватно отражают истинную суть группы. В сущности, члены Opus Dei приводили доводы в пользу совершенно новой концепции, в чем-то подобной «персональной прелатуре», к которой они стремились, чтобы придать организации юридическую форму, соответствующую ее первоначальному импульсу и образу.

Что же это был за импульс?

Члены Opus Dei датируют свое образование 2 октября 1928 года, когда Хосемария Эскрива, тогда еще молодой испанский священник, в молитвенном уединении в мадридском монастыре пережил откровение, в котором «целиком и полностью» выразилась Божия воля создать то, что позднее получило название Opus Dei. Очевидно, откровение не было «полным» в том смысле, что не могло ответить на все вопросы, и Эскрива потребовались дополнительные вдохновения свыше, чтобы в Opus Dei было организовано отделение для женщин (это произошло в 1930 году) и чтобы Opus Dei также включил в себя священников — было создано Священническое общество Святого Креста (1943 год). Но Эскрива настаивал, что проект Opus Dei содержался именно в первоначальном откровении в праздник Ангелов-хранителей в 1928 году. Вот как он однажды это описал: «2 октября 1928 года в праздник Святых Ангелов-хранителей, — прошло уже почти сорок лет с того дня, — Господь повелел, чтобы возникла мощь Opus Dei, чтобы христиане с радостью жертвовали собой ради других и освящали любую свою деятельность, любую добросовестную работу, любое занятие на Земле».

Таким образом, Эскрива и члены Opus Dei были убеждены, что их организация возникла по воле Божией. Как сам Эскрива это однажды сформулировал: «Я не основатель Opus Dei. Opus Dei был основан, несмотря на меня». Поначалу Эскрива даже не дал этому новому образованию имени: название Opus Dei, что по-латыни означает «Божье дело», возникло экспромтом из вопроса, заданного Эскрива его духовником: «Как подвигается ваше дело Божие?» Поэтому члены обычно говорят об Opus Dei как о «Деле».

Основной идеей, пришедшей Эскрива в откровении 1928 года и развившейся на последующих стадиях существования Opus Dei, было освящение повседневной жизни мирян, живущих согласно заповедям Евангелия и учению церкви. Именно поэтому один из главных символов Opus Dei — крест внутри круга — означает освящение мира изнутри. Идея состоит в том, что святость, «состояние святого», не является прерогативой деятельности немногих духовных подвижников, но есть общее предназначение каждого христианина. Святостью не обладают исключительно или преимущественно священники и монахи. Кроме того, святость не достигается в первую очередь через молитву и духовную дисциплину, а скорее через земные повседневные труды. Таким образом, обретение святости не нуждается в изменении внешних обстоятельств, а требует изменения в отношении, стремления все увидеть по-новому в свете своего божественного предназначения.

В этом смысле почитатели Эскрива, к которым относился и папа Иоанн Павел II, уверены, что испанский святой предвосхитил «всеобщий призыв к святости», провозглашенный на Втором Ватиканском соборе. Тем не менее покойный флорентийский кардинал и правая рука папы Павла VI Джованни Бенелли, который боролся с Эскрива многие годы, однажды сказал, что святой Игнатий Лойола, основатель ордена иезуитов, по отношению к постановлениям Трентского собора (XVI век) был тем же, кем был Эскрива по отношению к Второму Ватиканскому собору. То есть он был святым, который внедрил уложения собора в жизнь церкви.

В своем интервью в декабре 2004 года второе лицо Opus Dei, испанский теолог монсеньор Фернандо Окарис, с 1986 года — консультант Конгрегации доктрины веры в Ватикане, — объяснил, что понимание Эскрива «всеобщего призыва к святости» имеет два измерения — субъективное и объективное. Субъективное — это некое приглашение отдельных людей, вне зависимости от их положения, к приобщению к святости. Объективное — это осознание того, что каждое Божие создание, каждая ситуация жизненного опыта человека ведет все к той же святости.

«Сущность человека, все обстоятельства его жизни, его занятия, любая семейная и общественная ситуация — все это путь к святости, — сказал Окарис. — Это вовсе не потому, что кто-то собирается стать святым, несмотря на то, что не является священником или монахом, но потому, что обычная повседневная жизнь человека как раз и ведет к Богу».

Однажды в своих комментариях к Песни Песней из Ветхого Завета Эскрива выразил эту мысль в поэтической форме: «Я буду искать того, кого любит душа моя, на улицах и площадях, — писал он. — Я пробегу по всему миру…в поисках мира для своей души. И я обрету его в вещах, которые приходят извне, которые не препятствуют мне, — наоборот, они являются стезей, лестницей, все больше приближающей меня к Богу». Это природное чутье обрести Бога «в вещах, которые приходят извне», из обычной сутолоки и суматохи повседневной жизни, и есть импульс Opus Dei.

Когда-то Эскрива определил Opus Dei как внутривенную инъекцию в кровеносную систему общества. Члены Opus Dei могут быть врачами и юристами, профессорами университетов, парикмахерами и водителями автобусов, но внешне они производят впечатление абсолютно обычных людей. Иллюстрацией служит известная история о трех священниках, членах Opus Dei: Альваро дель Портильо, Хосе Мария Эрнандесе де Гарника и Хосе Луисе Мускуисе. Эскрива обратил внимание, что ни один из них не курит, что было необычно для Испании 1944 года. Он сказал им, что кто-то из них должен закурить, иначе люди подумают, что члены Opus Dei не от мира сего. Выбор пал на Портильо, который со временем стал преемником Эскрива. Члены Opus Dei — миряне не жили по церковному уставу, не уединялись, от них не требовался какой-то особый образ жизни. Идея была в том, чтобы спасать мир, не удаляясь от него, но обращая его в христианство, решая задачи повседневной жизни при помощи новообретенной духовной силы. Эскрива кратко это сформулировал так: «Освящай свою работу. Освящай себя на работе. Освящай окружающих через свою работу».

Стоит подчеркнуть революционный характер такого подхода в Испании 1930–1940-х годов. Как говорил Эскрива, не предполагалось, что Opus Dei будут руководить священники. Миряне должны были стоять на тех же позициях, что и духовенство, на основах полного равенства. В понимании Эскрива роль духовенства была вспомогательной, что-то вроде экспертов в духовной жизни, которые занимались обрядами и таинствами, настоящее же «действие» происходило во внешнем мире. Только мирянин мог определить, каким образом обычное судебное дело, хирургическая практика или публикация в газете становились жертвой Богу и вели окружающих к очищению от грехов. Идея была в том, чтобы воспитывать людей, а затем «отпускать их», доверяя им распоряжаться своей свободой. В принципе это включало в себя и обязательное равенство мужчины и женщины. В Opus Dei женщины получали такое же теологическое воспитание, как мужчины, некоторые из них в конечном счете посвящались в духовный сан. Все это было прорывом из традиционной клерикальной ментальности, и в Испании определенные круги обвиняли Эскрива в антиклерикализме и в ереси. Шли разговоры о выносе этих обвинений на суд Ватикана.

Абсолютно все в Opus Dei, во всяком случае по официальной точке зрения, существует для выполнения одной цели: воспитания обычных мирян, мужчин и женщин, в духе христианской доктрины, чтобы они смогли освятить мир изнутри, самостоятельно решая, какие использовать для этого средства в своей повседневной жизни и работе. Официально говоря, Opus Dei, в сущности, не похож ни на одну из организаций. Это не группа влияния, не лобби, у него нет общих финансовых и политических интересов, нет последовательной программы действий. Эскрива называл Opus Dei «неорганизованной организацией», в том смысле, что его министерство внутренних дел в 8.00 не издает меморандумы о программе действий на текущий день. Opus Dei отвечает за воспитание, а его члены делают все остальное. «Opus Dei не совершает никаких действий, это делают его члены» (постоянно повторяемое заклинание).

Нужно заметить, что критики обычно настаивают, что все это — дымовая завеса, что «настоящие» глубоко спрятанные цели организации — завоевание политической власти,

финансовые прибыли, новые члены. Однако сейчас мы посмотрим, как Opus Dei организует свою жизнь и характеризует себя, а позже сравним это с мнениями критиков.

Как стать членом Opus Dei

Когда Opus Dei стал известным, бывали случаи, что туда приходили люди просто с улицы и заявляли: «Я хочу стать членом Opus Dei». В таких случаях им советуют сначала что-нибудь узнать об Opus Dei. Но обычно все происходит по-другому. Членству предшествует знакомство с семьей членов Opus Dei, участие в одном из «корпоративных предприятий» — в школе или в молодежном центре — или в других видах деятельности, которыми занимаются члены, хотя формально их Opus Dei не спонсирует, например в работе в телевизионном новостном агентстве, клинике — любое из этих мест подходит для завязывания личных отношений. Однако случается и так, что будущий член посещал вечера воспоминаний, встречи и другие мероприятия Opus Dei еще до принятия решения «свистнуть» (профессиональный жаргон для определения момента присоединения к Opus Dei). Это очень серьезный выбор, поскольку принадлежность к Opus Dei не является приятным времяпрепровождением или хобби. Это *призвание,* полностью изменяющее жизнь, сродни решению жениться или принять духовный сан.

Что имеется в виду? На божественном уровне ответ всегда состоит в том, что Господь дает человеку призвание к Opus Dei. Однако на человеческом уровне на первоначальный интерес влияют многие факторы. Для некоторых это может быть чтение произведений Эскрива — многие утверждают, что их привлекла идея о том, что обучение или работа могут стать путями к обретению святости. Для других привлекательно окружение Opus Dei, в котором серьезный набожный католик ощущает поддержку. Для третьих это пример нумерариев, которые чаще всего воспринимаются энергичными, увлеченными, искренними и счастливыми людьми из-за того, что их жизнь связана с верой. Другими словами, они «отправляются в путь».

В центрах Opus Dei также может быть много забавного. Например, в сентябре 2004 года в Windmoor центре в Notre Dame я попал на еженедельный пятничный обед с жареным цыпленком, которому предшествовала медитация, а завершали его пиво и беседы. Обстановка обычно очень свободная, в ней поражает соединение молитв и католической ортодоксии с беззаботным, студенческим, интеллектуальным духом.

Поскольку Opus Dei — не монашеский орден, его члены не дают обетов, их статус по отношению к церкви остается прежним, когда они присоединяются к Opus Dei. Миряне остаются мирянами. Они объединяются друг с другом с помощью основного секулярного документа — договора. По существу, члены заключают сделку с Opus Dei: они дают согласие жить в духе Opus Dei и поддерживать его апостольскую деятельность, а взамен Opus Dei берется обеспечить им духовное и теологическое воспитание.

Форма договора следующая.

ЧЛЕН OPUS DEI

Я, полностью осознавая свою свободу, заявляю, что твердо решаю со всей энергией стремиться к святости и совершать апостольское служение в согласии с духом и практикой Opus Dei. С этого момента и до следующего 19 марта я беру на себя обязательства:

первое — оставаться в юрисдикции прелата и других правомочных руководителей Прелатуры, чтобы искренне посвятить себя выполнению целей Прелатуры;

второе — выполнять все обязанности нумерариев/ассоциированных членов/супернумерариев Opus Dei и следовать нормам управления Прелатурой, а также указаниям прелата и других правомочных руководителей Прелатуры, относящимся к форме правления, духовности и апостольскому служению.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПРЕЛАТА

Я, представитель прелата, заявляю, что с момента вашей регистрации в Прелатуре и пока эта регистрация будет иметь силу, Opus Dei берет на себя обязательства: первое — уделять постоянное внимание и заботу вашему образованию в духе католического вероучения, духовного и апостольского служения и предоставлять вам особое пастырское попечение священников Прелатуры;

второе — выполнять другие обязательства с уважением к верующему, как предписывают законы, которыми управляется Прелатура.

Вне рамок этого соглашения члены и Opus Dei свободны друг от друга. Во всяком случае теоретически члены не имеют права «представлять» Opus Dei в профессиональной работе или выступать от его имени, а Opus Dei не ищет способов влияния на них, выходящих за рамки духовного развития. Если взять конкретный пример, упомянем Луиса Вальльса — семидесятивосьмилетнего члена Opus Dei, недавно ушедшего в отставку с поста исполнительного директора Banco Popular — третьего по величине испанского коммерческого банка с фондовым капиталом 47,9 миллиона долларов. Вальльс, который живет в Мадриде в центре Opus Dei, всегда утверждал, что никто в Opus Dei не диктовал ему банковскую стратегию и что никогда ресурсы банка не использовались в целях Opus Dei. Он был не «банкир Opus Dei», а банкир, который случайно оказался в Opus Dei. Влияние Opus Dei на его деловую карьеру и жизнь, как он настойчиво утверждает, было другого порядка: «Без религиозных убеждений я мог бы стать мошенником».

Способы привлечения новых членов являются предметом полемики, поскольку критики Opus Dei полагают, что организация занимается безжалостной и ловкой «вербовкой», напоминающей тактику религиозных сект. Эти обвинения мы рассмотрим в 14-й главе. Здесь мы просто наметим в общих чертах различные стадии членства в Opus Dei.

«СВИСТ»

Под словом «свист» имеется в виду написание прошения с просьбой присоединиться к Opus Dei. Более формально это называется «письменное прошение». Эскрива употребил термин «свист» по ассоциации со звуком, который издает чайник, когда он готов закипеть. Идея в том, что нагревание чайника происходит в течение долгого времени, и точно так же будущий член «нагревается» под воздействием жизни и деятельности Opus Dei. Можно «свистнуть» и в шестнадцать с половиной лет, хотя формально в Opus Dei принимают с восемнадцати лет. Можно стать «соискателем», то есть думать о вступлении в Opus Dei, уже с четырнадцати с половиной лет. Необходимо отметить, что перед тем, как написать прошение, будущему члену нужно разрешение директора местного центра Opus Dei. Члены говорят, что достаточно часто об этом разрешении приходится просить неоднократно.

ДОСТУП

Этот термин относится к краткой церемонии с участием двух членов Opus Dei, обычно священника и мирянина — директора местного центра Opus Dei, во время которой новый член на словах дает согласие «жить в духе Opus Dei», а представители Opus Dei обещают воспитывать его в этом духе. Доступ считается первой стадией членства и обычно происходит через шесть месяцев после написания прошения о приеме, хотя многие относятся к этому неформально и считают себя членами с того момента, как они «свистели». Период между доступом и посвящением, ознаменованным формальной регистрацией в Opus Dei, обычно считается временем распознавания, в процессе которого новый член узнает на опыте «жизнь», еще не имея к ней определенных обязательств.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Посвящение обычно происходит через полтора года после «свиста». На этой стадии приводится в исполнение договор между членом и Opus Dei. Посвящение является официальным юридическим вступлением в Opus Dei, причем будущий член должен достичь восемнадцати лет. Договорные обязательства должны обновляться ежегодно 19 марта, в день Святого Иосифа, который является покровителем всех работающих и главным святым патроном Opus Dei. Хотя договорные обязательства и не являются бессрочными, тем не менее очевидно, что человек, посвятивший свою жизнь Opus Dei, поступает очень серьезно, и покинуть эту организацию весьма сложно. 19 марта каждого года ожидается, что в своем молитвенном уединении член Opus Dei решит возобновить договор и сообщит Opus Dei, что он это сделал. Если он этого не делает, то автоматически перестает быть членом.

ВЕРНОСТЬ

«Верность» — через пять лет после посвящения возникают пожизненные договорные обязательства и отпадает необходимость в их ежегодном возобновлении. Теперь человек — постоянный член «божественной семьи» Opus Dei, и если на этой стадии у него возникнет желание ее покинуть, он должен подать прошение об этом прелату. (Однако на практике те, кто уходит, часто не соблюдают этой формальности.) «Верность» достигается только через шесть с половиной лет после того, как человек в первый раз «свистнул», и поскольку это невозможно до шестнадцати с половиной лет, то члену на этой стадии договора с Opus Dei должно быть не меньше двадцати трех лет. Для членов Opus Dei нет верхнего возрастного предела, и восьмидесятилетние люди вполне могут достичь стадии «верность».

КАТЕГОРИИ ЧЛЕНОВ

Согласно официальной статистике Ватикана, во всем мире в Opus Dei состоит 85 491 член, из которых 1850 священников, а остальные — 83 641 — миряне. Несмотря на то что существуют разные категории членства, Opus Dei считает, что их наличие связано лишь с разницей в степени полезности членов для деятельности организации. Не существует разницы в призвании, а также «степеней святости». Есть следующие категории: супернумерарии, нумерарии (вместе с помощницами нумерариев), ассоциированные члены и множество поддерживающих Opus Dei нечленов, называемых «сотрудниками». Хотя сегодня в этой терминологии чувствуется некоторый налет секретного общества, она основана на традиционных испанских названиях категорий университетских профессоров. Непонятные непосвященным термины, которые сегодня кажутся экзотическими, в свое время были выбраны, чтобы показать, насколько Opus Dei на самом деле обычен.

СУПЕРНУМЕРАРИИ

Большинство членов Opus Dei — около 70 процентов — входят в эту категорию. Обычно супернумерарии наименее полезны для Opus Dei, поскольку они состоят в браке, у них есть семейные и личные обязательства. (Правда, состоять в браке вовсе не обязательно.) Они живут в своих домах, а не в центрах Opus Dei. Муж и жена могут оба быть супернумерариями, но есть множество случаев, когда один из супругов — супернумерарий, а другой — нет. Супернумерариями духовно руководит нумерарий Opus Dei, часто директор ближайшего к их дому центра, и они ходят на исповедь к священнику Opus Dei. Хотя повышенный интерес общества к Opus Dei относится к нумерариям, члены говорят, что настоящая деятельность организации связана с супернумерариями, поскольку смысл Opus Dei — не организация школ и благотворительная работа, а изменение привычного образа жизни. Один из членов

сформулировал это таю «До тех пор, пока вы не представите себе мать, которая, живя в разбитом фургоне, пытается научить детей играть в футбол, вы не поймете Opus Dei». Супернумерарии финансово поддерживают деятельность Opus Dei. Американский супернумерарий Расселл Шоу, известный своими публикациями о католицизме, рассказал мне, что переводит на счет Opus Dei ежемесячно двести долларов. Некоторые супернумерарии жертвуют больше, некоторые меньше. Несмотря на то что супернумерарии — члены Opus Dei, они не перестают быть членами своей епархии и церковного прихода. Многие супернумерарии Opus Dei активно работают в своих церковных приходах, участвуют в таинствах, читают лекции, руководят группами молодежи и т. д.

НУМЕРАРИИ

Нумерарии — их около 20 процентов от общего числа членов — те, кто сделал Opus Dei своей семьей. Они приносят обет безбрачия и живут в центрах Opus Dei. Некоторые из них целиком работают на Opus Dei, но большинство заняты своей профессиональной деятельностью. Среди них есть хирурги, юристы, писатели, телевизионщики. Все средства, которые у них остаются после личных расходов, идут на поддержку Opus Dei. (Высокооплачиваемые американские нумерарии часто имеют дело с Финансовым управлением по налогам и сборам, которому трудно пережить, что кто-то зарабатывает 200 000 долларов и 150 000 из них отдает на благотворительные цели. Нумерарии проверяются по учетным ставкам выше среднего государственного уровня.)

Программа теологического и духовного образования нумерариев очень разнообразна, и в связи с этим они играют лидирующую роль в Opus Dei. Например, только нумерарий может быть директором центра Opus Dei. Некоторые нумерарии отправляются в Рим изучать теологию в Университете Святого Креста. Часть нумерариев отвечает за воспитание других членов Opus Dei в духе католической доктрины — они называются *inscripti*[3].

Нумерарии — ключевые фигуры в географической экспансии Opus Dei, поскольку открытие центров в новой стране требует присутствия по меньшей мере двух нумерариев, которые в состоянии найти там себе место работы, финансово поддержать центр, изучить язык страны, если нужно, и в целом положить начало деятельности Opus Dei. Именно нумерарии практикуют духовную епитимью, которая некоторых критиков так раздражает. Они в течение двух часов в день, за исключением праздников и воскресений, носят вериги — небольшую цепь с шипами, обмотанную вокруг бедра. Нумерарии также прибегают к бичеванию — во время чтения молитвы, чаще всего «Отче наш», раз в неделю хлещут себя по спине кнутом. Поскольку требования к нумерариям очень высоки, эта категория членов испытывает высочайшее напряжение. Большая часть публичной критики Opus Dei исходит от бывших нумерариев.

ПОМОЩНИЦЫ НУМЕРАРИЕВ

Это примерно четыре тысячи женщин, которые полностью посвящают себя внутреннему обслуживанию в центрах Opus Dei. Конкретно имеются в виду готовка, уборка и финансовое управление центрами. Это сопоставимо с ролью матери и хозяйки, которой женщина отдает себя полностью, и обычно это так и воспринимается помощницами нумерариев. Собственно, эта идея проистекает из семьи, в которой вырос Эскрива, и состоит в том, что в центрах Opus Dei всегда чувствуешь себя как дома, а не как в бюрократических организациях, которые требуют вмешательства «женской руки». В Opus Dei вся эта женская домашняя работа рассчитана на полный день и оплачивается соответствующим образом. В некоторых случаях, особенно в крупных центрах, помощницы набирают для работы по обслуживанию других женщин, но в небольших центрах они все делают сами. Обычно помощницы и другие женщины при выполнении таких работ, как уборка или приготовление пищи, носят униформу. Критики

обвиняют Opus Dei в поощрении традиционного образа покорной женщины, в частности из-за того, что помощницами нумерариев бывают только женщины. В ответ члены Opus Dei возражают, что большие, чем у мужчин, способности к ведению домашнего хозяйства вовсе не являются дискриминацией женщин. К тому же, добавляют они, таково было представление Эскрива, и совершенно ни к чему его менять.

АССОЦИИРОВАННЫЕ ЧЛЕНЫ

Ассоциированные члены соблюдают целибат, как и нумерарии, но их семейные и личные обстоятельства складываются так, что они счастливо живут в своих семьях или там, где им удобно по работе. Разница между нумерариями и ассоциированными членами — место жительства, а обязательства перед организацией и требования к ним те же самые. Например, двадцативосьмилетний Мозес Мутака — ассоциированный член Opus Dei в Найроби, заместитель директора управляемого Opus Dei института по неформальному сектору бизнеса, — обучает основам бизнеса неимущих кенийцев, вовлеченных в «неформальную экономику», — продавцов сладостей, украшений, одежды секонд-хэнд. У Мутака четыре брата и пять сестер, и только один из них устроен и имеет средства к существованию. Его отец умер в 1996 году, а мать живет в деревне. Младшие братья и сестры целиком зависят от Мутака, который обеспечивает их едой, жильем, водит в школу. Противоположный пример — Рон Хэтавэй, американский хирург, специалист по детским черепным и лицевым травмам, который работает в Индианаполисе, где нет центра Opus Dei. Раньше он был супернумерарием, но потом пришел к выводу, что лучше для него быть ассоциированным членом, потому что это делает его более независимым. Он сказал, что это также освобождает его от конфронтации с начальством и медицинскими корпорациями, которые не соблюдают интересов его пациентов. Без необходимости поддерживать свою семью он может идти на больший профессиональный риск.

СВЯЩЕННИКИ

В прелатуре Opus Dei 1850 «инкардинированных» священников, находящихся под властью прелата в Риме — епископа Хавьера Эчеверрия. Главная задача священников — пастырская опека членов Opus Dei, хотя у них есть и другие обязанности: возглавлять церковные приходы, преподавать в университетах и семинариях, руководить каким-либо видом деятельности Opus Dei. Священниками могут стать мужчины-нумерарии. Существует еще около двух тысяч других епархиальных священников, которые принадлежат к Священническому обществу Святого Креста, о котором мы будем говорить дальше. Они тоже считаются полными членами, но каждый из них работает не на Opus Dei, а на епархию, куда он приписан.

СОТРУДНИКИ

Хотя сотрудники не являются членами Opus Dei, это друзья организации, и они поддерживают ее своими молитвами, трудом и иногда финансовыми пожертвованиями. Opus Dei имеет среди своих сотрудников не только католиков, но и христиан других конфессий, евреев, мусульман, буддистов, а также людей, не исповедующих никакой религии. Opus Dei стал первой католической организацией, которая по закону, одобренному Ватиканом в 1950 году, имеет право зачислять в свои ряды не католиков. Еще в те годы этот закон вызвал резкую критику противников Opus Dei, которые утверждали, что организация равнодушно относится к католицизму, воспринимая его как одну из многих религий. В мире 164 000 сотрудников Opus Dei, из них 57 процентов — женщины. Кроме того, существует очень широкий круг людей — около 900 000, — участвующих во встречах и собраниях Opus Dei, и некоторые из них могут стать сотрудниками.

В эту категорию входят не только отдельные лица. Около пятисот религиозных общин, как мужских, так и женских, организационно являются сотрудниками. Например, я посетил общину сестер-кармелиток в Сан-Висенте де Каньете в Перу, настоятельница которой мне рассказала, что они решили стать сотрудниками еще и потому, что местные члены Opus Dei им очень помогли, когда обитель нуждалась в ремонте, в частности, бесплатно снабдили стройматериалами. Она также сказала, что священники местной прелатуры Яуойс, во главе которой с 1957 года епископ Opus Dei, всегда были исключительно добросовестны в богослужении. «За двадцать семь лет они ни разу не пропустили мессы, — сказала она мне. — Я знаю, что другие обители бьются над этой проблемой».

Географическое распространение

Испания по распространенности Opus Dei намного опережает все другие страны. В Испании 35 000 членов Opus Dei, более 40 процентов от общего числа. Мадрид — город с самым большим количеством членов Opus Dei. Планы распространения Opus Dei в других странах возникли в 1930-е годы, но были приостановлены из-за гражданской войны в Испании. Ниже в хронологическом порядке дается перечень шестидесяти двух стран, в которых есть хоть один центр Opus Dei.

1946 Португалия, Италия и Великобритания

1947 Франция и Ирландия

1949 Мексика и Соединенные Штаты Америки

1950 Чили и Аргентина

1951 Колумбия и Венесуэла

1952 Германия

1953 Гватемала и Перу

1954 Эквадор

1956 Уругвай и Швейцария

1957 Бразилия, Австрия и Канада

1958 Япония, Кения и Сальвадор

1959 Коста-Рика и Голландия

1962 Парагвай

1963 Австралия

1964 Филиппины

1965 Бельгия и Нигерия 1969 Пуэрто-Рико

1978 Боливия

1980 Конго, Берег Слоновой Кости и Гондурас

1981 Гонконг

1982 Сингапур и Тринидад-и-Тобаго

1984 Швеция

1985 Тайвань

1987 Финляндия

1988 Камерун и Доминиканская Республика

1989 Макао, Новая Зеландия и Польша

1990 Венгрия и Чехия

1992 Никарагуа

1993 Индия и Израиль

1994 Литва

1996 Эстония, Словакия, Ливан, Панама и Уганда

1997 Казахстан

1998 ЮАР

2003 Словения и Хорватия

2004 Латвия

В следующих семи странах самое большое число членов Opus Dei (в порядке убывания): Испания, Мексика, Аргентина, Италия, США, Филиппины, Колумбия.

Развитие Opus Dei в каждой из стран зависит от конкретных обстоятельств данной страны. Например, Великобритания была одной из трех первых стран после Испании, где Opus Dei начал свою деятельность. Эскрива провел в Лондоне больше времени, чем в любом другом городе, кроме Мадрида и Рима. Все летние сезоны 1958–1962 годов он провел в Англии, которую называл «перекрестком мира». Ему очень нравился музей Виктории и Альберта, а будучи почитателем святого Томаса Мора, он дважды ездил в англиканскую церковь Святого Дунстана молиться у склепа семьи Роупер, где покоятся мощи и глава святого Томаса Мора. В январе 2005 года лондонский приход Святого Томаса Мора был передан священникам Opus Dei. И тем не менее Opus Dei мало распространен в Англии. После почти шестидесятилетней деятельности в этой стране он насчитывает едва ли более пятисот членов, пополняясь ежегодно не больше чем на десять человек. Частично на это повлияло настороженное отношение к Opus Dei покойного кардинала Бэзила Хьюма, архиепископа Вестминстерского, воспринятое другими священнослужителями.

Противоположный пример — Перу, где распространение Opus Dei и любовь к Эскрива просто поражают. Там 1630 членов Opus Dei, почти 2 процента от общего числа, в них входят 400 нумерариев и 180 ассоциированных членов. Эта цифра также включает 200 священников и 10 активных епископов, а также двух епископов на покое, что в целом составляет треть общего числа епископов Opus Dei во всем мире. В этом случае рост Opus Dei произошел частично благодаря решению Пия XII передать в 1957 году Opus Dei местную прелатуру под названием Яуойс, что обеспечило ей твердую географическую основу и инфраструктуру. В этом районе Перу народная любовь к Эскрива соперничает с поклонением, которое в Южной Италии проявляется к падре Пио. Когда заходишь на центральный рынок Каньете, на каждом прилавке находишь иконку святого Эскрива, и продавец хвастает, что его икона освящена на мощах святого во время канонизации, а у продавца за соседним прилавком просто раскрашенная картинка. Там есть даже парк кэбов, который называется «Эскрива» (в данном случае кэб — разновидность тяжелой тележки, типа тачки), причем есть еще кэбы под названиями «Дева Мария» и «Святое семейство», но местные жители утверждают, что парк «Эскрива» более успешен в своем бизнесе. Я встретил уроженца тех мест Франсиско Матиаса Гуапая, который так предан Эскрива и Opus Dei, что троих сыновей назвал Хосе-мария, Альваро и Хавьер по именам трех прелатов, а дочерей — одну Долорес в честь матери Эскрива, а другую Кармен в честь его сестры. В качестве дополнительного католического всплеска недавно родившегося в семье младенца назвали Иоанном Павлом.

Что делают члены Opus Dei?

Члены Opus Dei говорят, что самое главное для них — выполнять обычные для повседневной жизни обязанности: ходить на работу, воспитывать детей, платить налоги, встречаться с друзьями. Они говорят, что отличительная черта Opus Dei — не участие в специальных религиозных акциях, а превращение обычных обязанностей в путь к святости.

Для выполнения этой задачи члены используют программы воспитания Opus Dei. Это очень личные программы, предназначенные для того, чтобы члены понимали доктрину и учение церкви, и содействующие развитию их личной святости. Каждый член Opus Dei берет на себя обязательства следовать ежедневному «жизненному плану», по-английски называемому «правила». Правила включают:

• ежеутреннее обращение к Богу со словом «*seruiam*» — «Я служу»;

• ежедневная месса, включающая причащение;

• ежедневное чтение молитв по четкам;

• мысленные молитвы, обычно полчаса утром и столько же вечером;

• молитва Деве Марии «Ангелус» или «Царица небесная» в зависимости от времени литургии;

• ежедневные размышления о том, как поступать по совести;

• размышления над духовными текстами — около десяти минут;

• ежедневное чтение Нового Завета — около пяти минут;

• ежедневное святое причастие, чаще всего сразу после ужина, включающее произнесение трижды «Отче наш», трижды «Ave, Maria!», трижды «Слава Отцу, Сыну и Святому Духу!» и совершение «духовного причастия», подразумевая под этим акт объединения с Христом, который не включает в себя физического получения причастия во время мессы;

• ежедневный свод молитв на латыни под названием Pre-ces — обращения к святому Духу, Иисусу Христу, Деве Марии, святому Иосифу, ангелу-хранителю, святому Хосемарии, потом молитвы за святого отца — епархиального епископа, за единение всех участвующих в проповеди Евангелия, за прелата Opus Dei и других членов Дела, а также взывание к святым Михаилу, Гавриилу, Петру, Павлу и Иоанну как патронам Opus Dei.

Другие типичные практики членов Opus Dei включают в себя:

• произносить в течение дня короткие молитвы, называемые «стремлениями»: «Иисус, Мария и Иосиф, я отдаю вам сердце и душу» или «Иисус, я люблю тебя всем сердцем». На 2005 год прелат Opus Dei предложил следующий текст: «Самое главное в жизни — идти вместе с Петром к Иисусу через Марию»;

• произносить трижды «Ave, Maria!» как стремление к духовной чистоте и перед сном окропить себя святой водой;

• практики умерщвления плоти (будут обсуждаться в главе 8).

Помимо этой индивидуальной программы каждую неделю собирается «кружок», который ведет член Opus Dei (обычно мирянин, но иногда и священник) и на котором обсуждаются проблемы духовности жизни, совести и различные традиции Opus Dei. Каждый месяц проходит день воспоминаний, обычно включающий две-три медитации, беседы, а также выделяется «время тишины» для личной молитвы. Каждый год супернумерарии несколько дней посещают семинар, а нумерарии — курс, который обычно продолжается три недели. Кроме того, каждый год происходит «уединение», т. е. молчание в течение нескольких дней и многочисленные медитации. Каждый член Opus Dei получает духовные инструкции от нумерария или ассоциированного члена.

23 мая 2004 года я посетил день воспоминаний для муж-чин-мирян, который проходил в римском приходе Сан-Эудженио, вверенном духовенству Opus Dei. Обычно сначала на таких встречах все собираются в часовне, гасится свет, и священник начинает читать молитвы. Затем он садится за стол, зажигает настольную лампу и, глядя в свои записи, произносит текст для размышлений. Потом участники переходят в комнату и беседуют на духовную тему, заданную одним из членов-мирян, после чего возвращаются в часовню для следующей медитации. В то утро тексты для размышлений были представлены отцом Микеле Диазом, испанцем, прожившим в Риме более тридцати лет. Темой первого разговора была евхаристия, и Диаз

призывал аудиторию понять, что «вы приходите на евхаристию не получать, а отдавать», имея в виду, что католики должны быть готовы отдать себя Богу. «В Риме в ресторанах всегда полно народу, а в церквах часто пусто, — сокрушался Диаз. — Бывает, что в храме нет ни одного человека, поклоняющегося Христу». Беседу в комнате вел супернумерарий, который говорил о мае как о месяце Девы Марии и рекомендовал участникам в процессе их мини-паломничеств в этом месяце пользоваться четками. Вторую медитацию Диаз посвятил теме осознания своих грехов. Он цитировал Эскрива, который говорил: «Битвы выигрываются на флангах, а не в центре». Это означает, говорил Диаз, что человек должен стараться контролировать свои даже «самые крохотные нечистые помыслы».

В сентябре 2004 года я участвовал в семинаре в конференц-центре Shellbourne в Вальпараисо, штат Индиана. Участники семинара изучали седьмое издание *Катехизиса Opus Dei,*опубликованное в Риме в 2003 году и переведенное на английский язык в Лондоне в 2004 году. Этот 133-страничный документ, состоящий из четырех частей и построенный в форме вопрос — ответ, предназначен для внутреннего употребления, а не для широкой публики. (Там сообщалось, в частности, о том, что Эскрива был вынужден изъять четвертое издание документа из-за «сильной скрытой оппозиции Делу»; все экземпляры нынешнего издания были пронумерованы.) Фактически документ был не более чем обзором истории и самопознания Opus Dei.

Утренняя сессия была посвящена основному вопросу главы 1 «Что такое Opus Dei?» Ответ был таким: «Opus Dei — персональная прелатура папы римского со своим собственным статусом, которая служит интересам всей церкви и является частью ее пастырской иерархической структуры». Дальше шли дополнительные объяснения мелким шрифтом. Священник, ведущий сессию, просил супернумерариев зачитывать отрывки из *Катехизиса,* часто их останавливал и предлагал развивать дальше идеи и задавать вопросы. Чтобы проиллюстрировать равенство священников и мирян в Opus Dei, он пересказал часто упоминаемую историю об Эскрива.

Однажды Эскрива пришел на встречу членов Opus Dei и увидел, что все священники сидят на стульях, а миряне на полу. Он занял место на полу, а когда кто-то попытался предложить ему стул, сказал, что не основывал общества, где священники были бы выше остальных, и вышел из комнаты. Когда он вернулся, священники, естественно, сидели на полу.

Нумерарии, живущие в центрах Opus Dei, должны посещать подобные встречи (известные под названием *tertulia)* каждый день, это заменяет им семьи. Они получают теологическое образование, равноценное учебе в семинарии кандидата в священнослужители. Каждый год у них бывают отпуска, обычно три недели, когда они изучают языки или занимаются какой-либо деятельностью, свойственной для отдыха. Вообще нумерарии должны быть в распоряжении организации для множества обычных дел, таких как помощь после работы в молодежном центре, воскресные программы катехизации для детей или даже внезапно возникающие проблемы с доставкой гостей в аэропорт. Все это рассматривается как «семейные обязанности».

Все члены Opus Dei должны трудиться. У супернумерариев-женщин это может быть ведение домашнего хозяйства, поскольку семьи членов Opus Dei обычно очень большие. Для некоторых нумерариев работа может заключаться в полной или частичной занятости в Opus Dei, руководстве центрами или другой апостольской деятельности, оказании помощи региональным, национальным и международным штабам. Все члены Opus Dei уверены, что профессиональная этика их работы и прилагаемые ими усилия соответствуют высоким секулярным стандартам.

За рамками этого, во всяком случае, как официально заявляется Opus Dei, члены свободны делать все, что считают нужным. То есть они сами решают, как перенести получаемое ими духовное воспитание на их профессиональную деятельность, дружбу, политический выбор, потребительские приоритеты и т. д. Никто в Opus Dei не пытается внушать членам, как им

голосовать на выборах. Ни один священник не инструктирует супернумерария, в каком банке лучше сделать банковскую карьеру или в какой газете печататься для карьеры журналиста. То, что члены Opus Dei имеют тенденцию быть приверженными к определенным видам профессиональной деятельности, связано, как они говорят, с их личными предпочтениями, а не с административным диктатом.

Корпоративная деятельность и независимые инициативы

Помимо своих индивидуальных программ члены Opus Dei совместно участвуют в различных проектах в школах, молодежных центрах, сельскохозяйственных общинах. Те случаи, когда Opus Dei осуществляет доктринальное и духовное руководство проектом, можно отнести к «корпоративной деятельности» организации. Это совсем не означает, что данные учреждения являются собственностью Opus Dei, — он только обеспечивает воспитание. В большинстве случаев строительством и управлением этими объектами занимаются нечлены Opus Dei.

Корпоративная деятельность Opus Dei включает в себя:

• пятнадцать университетов с общим числом студентов около 80 000. Самый большой из них — Наваррский университет в Памплоне с факультетами права, медицины, философии и литературы, фармакологии, естественных наук, канонического права, теологии, информатики и экономики. Недавно были открыты Биомедицинский кампус в Риме и Университет Isthmus в Гватемале;

• семь больниц на 300 000 пациентов с более чем 1000 докторов и 1500 человек младшего медицинского персонала.

В них входят две больницы в Африке: Monkole в Демократической Республике Конго и Niger Foundation в Нигерии;

• одиннадцать школ бизнеса с общим числом студентов 10 000, включающих в себя Instituto de Estudios Superiores de la Empresa (IESE) в Барселоне — филиал Наваррского университета, Instituto Panamericano de Alta Direccion de Empresa (IPADE) в Мехико и Instituto de Altos Estudios Empresa riales (IAE) в Буэнос-Айресе;

• тридцать шесть начальных и средних школ с общим числом около 25 000 учащихся. Пять из них в США: Heights для мальчиков и Oakcrest для девочек в Вашингтоне; Montrose для девочек в Бостоне; Northridge Prep для мальчиков и Willows для девочек в Чикаго. Имеются школы в Японии — Nagasaki Seido и в Кении — Kianda;

• девяносто семь профессионально-технических школ, в которых обучаются 13 000 учащихся. В своем большинстве это школы, обучающие профессиональным и жизненным навыкам молодежь из бедных семей. Например, ELIS для мальчиков и SAFI для девочек в Риме; Junkubal и Kinal в Гватемале; Condoray и Valle Grande в Перу; Punlaan в Маниле, Филиппины; Pedreira в Сан-Пауло, Бразилия;

• сто шестьдесят шесть университетских помещений для 6000 студентов, большинство из которых не являются членами Opus Dei. Эти помещения включают в себя жилые комнаты, библиотеки, комнаты для занятий и религиозных ритуалов. В частности, это Netherhall в Лондоне, Pedralbes в Барселоне и He Shan в Тайпее, Тайвань.

Кроме того, есть еще организации, которые не рассматриваются в качестве объектов корпоративной деятельности Opus Dei, но которым он оказывает духовную помощь. Некоторые из них могут быть впоследствии включены в число данных объектов. Имеются в виду:

• два университета с общим числом студентов около 4000;

- одна школа бизнеса с 300 студентами;
- двести тринадцать школ с общим числом учащихся около 100 000;
- пятьдесят девять профессионально-технических школ с общим числом около 16 000 учащихся;
- неопределенное количество медицинских заведений, большинство из которых очень небольшие. Среди них Aq'on Jay в Гватемале — однодневная больница, основанная в 2002 году по случаю канонизации Эскрива. В ней двадцать врачей и двадцать семь медсестер. В отдельных районах Гватемалы недавно были открыты двадцать семь аптек

Небольшое замечание по поводу корпоративной деятельности. Иногда Opus Dei считается «элитарной» организацией, в частности потому, что наиболее известные корпоративные объекты, такие как школа бизнеса IESE в Барселоне, Университет Strathmore в Найроби или школа Heights в Вашингтоне, — заведения для привилегированных учащихся. Справедливости ради стоит сказать, что Opus Dei также занимается объектами, предназначенными для людей с низкими доходами и относящихся к группе риска. Это, например, Центр Midtown в Чикаго, который организует летние курсы обучения для афро- и латиноамериканцев; школа Besana на окраине Мадрида, в которой учатся дети недавних эмигрантов из Латинской Америки и Северной Африки; Сельскохозяйственный институт Valle Grande в Перу, где небогатые фермеры изучают многообразие видов урожайных культур и учатся предлагать их рынку, чтобы прокормить семьи и дать детям образование. Можно также упомянуть медучилище Gatina на чайной плантации недалеко от Найроби, которое не является объектом Opus Dei, но поддерживается находящейся рядом школой Kimlea для девочек, опекаемой Opus Dei. Kimlea обеспечивает училище двумя учителями, а также ежедневно снабжает молоком и печеньем около сотни голодных детей на плантации, и даже такая скудная помощь помогает им выжить.

Другой случай, когда несколько членов Opus Dei, часто вместе с нечленами, разрабатывают какой-нибудь проект, не имеющий формального отношения к Opus Dei. Например, недавно двое лондонских супернумерариев Джон и Джейн Филлипсы объединились с группой других родителей-католиков и открыли свою собственную школу Oakwood. Когда-нибудь она может стать корпоративным объектом, но сейчас это просто личная инициатива, официально не связанная с Opus Dei. Другой пример — это римское телевизионное новостное агентство по проблемам католической церкви, созданное нумерарием Opus Dei Сантьяго де ла Черва. В этом случае маловероятно, что Opus Dei когда-нибудь объявит это агентство своим корпоративным объектом, поскольку Opus Dei воздерживается от оказания социальных и чисто образовательных услуг. Эскрива однажды сказал: «Абсурдно думать, что Opus Dei как таковой когда-либо сможет управлять банками, шахтами или другими коммерческими объектами».

Для человека со стороны разница между «корпоративными объектами», официально относящимися к Opus Dei, и проектами его отдельных членов, которые не относятся к Opus Dei, кажется незначительной. Если штат организации в большой степени состоит из членов Opus Dei и в ее работе отражается «духовность Дела», то зачем отрицать, что это учреждение Opus Dei? Помимо налогов и связанных с ними обязательств, есть еще три момента для понимания деятельности Opus Dei. Первый — некоторые из людей, участвующих в личных инициативах, могут даже не быть католиками, не говоря уже о членстве в Opus Dei. Например, один из основателей школы Northridge Prep в Чикаго был иудеем, а другой принадлежал к англиканской церкви. Второй — Opus Dei не желает подавлять творческие способности и инициативу и не требует, чтобы человек ждал приказов из штаб-квартиры. Это противоречило бы постоянному акценту Эскрива на свободу выбора действий. Третий — это могло бы скомпрометировать концепцию «секулярности», которая подразумевает, что члены Opus Dei во всем мире не выступают в качестве посредников католической церкви, а ведут себя как обычные граждане. Отнюдь не предполагается, что они требуют особых привилегий за добродетель быть католиками. Эскрива сказал однажды, что он «презирает» людей, которые под маркой католичества пытаются достичь каких-либо выгод в бизнесе или политике.

Персональная прелатура

В англосаксонском мире споры вокруг Opus Dei впервые вспыхнули в 1982 году, когда папа Иоанн Павел II предоставил ему канонический статус «персональной прелатуры». Прелатуру можно считать ограниченной частью епархии, но только не в географическом смысле, а потому что ее границы определены договором. Во главе прелатуры стоит «прелат», обычно епископ. Членство в прелатуре не освобождает католика от власти местного епископа, будь то в Нью-Йорке или в Нью-Дели. По всем общим католическим вопросам члены Opus Dei подчинены местному епископу. Например, если член Opus Dei добивается аннулирования, то есть церковного признания брака недействительным, он должен идти к местному епископу, а не к прелату Opus Dei. В принципе в юрисдикции прелатуры находятся только внутренние дела Opus Dei. Члены Opus Dei согласны подчиняться прелатуре в районах, где католики в других отношениях свободны в своем выборе.

Хотя Второй Ватиканский собор приблизил создание персональных прелатур и в новом Кодексе канонического права, изданном в 1983 году, есть закон о прелатурах (канон 294–296), до сего дня Opus Dei остается единственной «персональной прелатурой» в католической церкви.

Эскрива был юристом по образованию, и его дипломная работа была озаглавлена *Аббатиса Лас Уэльгас* и посвящена необычному делу квазиепископской юрисдикции, совершенной аббатисой известного средневекового монастыря в Бургосе, Испания. Эскрива — почти единственный среди католических отцов-основателей — с большим вниманием относился к каноническим и юридическим печатным изданиям. Эволюция правового статуса Opus Dei — поистине эпическая история, которой посвящены 655 страниц книги *Канонический путь Opus Dei: История и защита Божьего Дара,* опубликованной в США Midwest Theological Forum — филиалом Opus Dei. Opus Dei был утвержден в качестве религиозной организации в 1941 году, затем к нему добавилось Священническое общество Святого Креста в 1943 году, после чего в 1947 году он стал секулярной организацией и, наконец, в 1982 году — персональной прелатурой.

Opus Dei утверждает, что эта эволюция была связана не с жаждой особых привилегий, но с поиском той канонической формы, которая смогла бы защитить откровение Эскрива. Для иллюстрации приведу лишь один пример, подобный множеству других, возникших за все эти годы. Согласно канону 500 из Кодекса канонического права 1917 года, секулярная организация не должна состоять одновременно из мужчин и женщин, таким образом, в теории Opus Dei должен был быть разбит на две отдельные структуры. Новый Кодекс 1983 года не накладывал таких ограничений на персональные прелатуры.

Как с исторической, так и с психологической точки зрения трудно переоценить важность канонического статуса для Opus Dei. Можно очень многое в Opus Dei не понимать — его настойчивое утверждение собственной неповторимости, его сдержанное, хоть и уважительное отношение к монашеским орденам и общественной деятельности мирян, его нервное отношение к каноническим терминам и категориям, его кажущуюся неуемной жажду знаков одобрения от высшего духовенства церкви, — пока не увидишь изнутри, что он на удивление слабо демонстрирует свою самобытность. Это объясняется вечным страхом быть втянутым в одну из двух моделей канонического права: монашеский орден, к которому миряне будут иметь вторичное отношение, или ассоциацию мирян, в которой на самом деле нет места священникам. Идея же о том, что священники и миряне, мужчины и женщины разделяют одно и то же призвание и занимаются тем же апостольским служением, выходит за рамки католических традиций, во всяком случае ранних веков. Рывок в персональную прелатуру вовсе не был тренировкой грубой и властной политики, а скорее защищал еще неоперившуюся формацию от жизни.

Священническое общество Святого Креста

Священническое общество Святого Креста — это ассоциация священников Opus Dei, а также епархиальных священников, пожелавших участвовать в духовном и доктринальном воспитании Opus Dei. Канон 278 Кодекса канонического права дает епархиальным священникам право присоединяться к духовным ассоциациям по своему выбору. Эскрива был настолько озабочен воспитанием священников, что однажды даже размышлял о создании для них в рамках Opus Dei отдельного «начинания», но решил, что та же цель может быть достигнута при помощи «общества», которое объединит священников Opus Dei и епархиальных священников всего мира. И те и другие считаются членами Opus Dei, но только священники Opus Dei находятся под юрисдикцией прелата. Технический термин для этой юрисдикции — «инкардинация», то есть имеется в виду, что эти священники напрямую подчиняются Opus Dei. Священники, которые инкардинированы в прелатуру Opus Dei, считаются нумерариями, а те священники, которые остаются в своих епархиях, — супернумерариями или ассоциированными членами.

Так же как и с мирянами, разница состоит в том, насколько полезен священник для деятельности Opus Dei, но считается, что у всех одно призвание и они полные члены Opus Dei.

Согласно Эскрива, для епархиальных священников освящать свою работу — значит иметь тесные отношения с епископом. Таким образом, Священническое общество Святого Креста не заменяет собой местного епископа, который продолжает быть главенствующей инстанцией для своих священников. На самом деле есть также епископы, входящие в Священническое общество, например ньюаркский архиепископ Джон Майерс.

Официальная цель общества — «через выполнение священнической миссии содействовать развитию святости в своих членах», предлагая им духовное обучение и практику Opus Dei в качестве способов достижения этой цели. Средства воспитания епархиальных священников общества схожи с теми, которые используются по отношению к супернумерариям, — изучение доктрины в специальных группах и ежемесячные дни воспоминаний.

Общество было создано Эскрива в 1943 году отчасти для того, чтобы обеспечить поддержку священников, посвятивших себя пастырской заботе о членах, еще до того, как Opus Dei получил каноническую правоспособность к инкардинации духовенства.

В 1944 году произошло первое рукоположение для Opus Dei, и принявшие его три священника стали первыми членами Священнического общества Святого Креста. Сегодня в нем 1850 священников, инкардинированных в прелатуру, и еще 2000 епархиальных священников, членов общества.

Священники Opus Dei выходят из рядов нумерариев и ассоциированных членов — это необходимое условие, связанное с тем, что нужно подстраховаться, чтобы никто не подозревал Opus Dei во «вмешательстве» в чьи-то чужие интересы. Эти священники после рукоположения автоматически становятся членами Священнического общества. Прелат — «генеральный президент» общества. Однако по закону там нет начальства, и священники общества остаются полностью в ведении своего местного епископа.

Руководство

Руководящие структуры Opus Dei определены в статусе организации. Максимальной властью обладает прелат, преемник Эскрива, которого называют «Отец». До сих пор в Opus Dei было два прелата — Альваро дель Портильо, который был избран в 1975 году после смерти Эскрива и рукоположен папой Иоанном Павлом II, и теперешний прелат епископ Хавьер

Эчеверрия, которому сейчас за семьдесят. Он был избран после смерти Портильо в 1994 году и стал епископом в 1995 году. Согласно статусу, прелат живет в месте своего служения. Существовала естественная преемственность от Эскрива к Портильо и к Эчеверрия, поскольку Портильо был ближайшим помощником Эскрива, а Эчеверрия — личным секретарем Эскрива.

Для священников Opus Dei прелат — их епископ, у них к нему то же отношение, что у епархиальных священников к местному епископу. Однако каждый священник Opus Dei, совершающий богослужение вне прелатуры, должен получить на это право от епископа данной епархии.

Прелату помогают два центральных совета, штаб-квартиры которых находятся в Риме. Генеральный совет — головной орган мужской части организации, Центральная асессория — женской. Оба совета консультируют прелата по общим вопросам. В настоящее время немецкий нумерарий Марлис Кукинг — глава Центральной асессории, а прелат Эчеверрия — Генерального совета. Теоретически оба этих органа самостоятельны, но равноправны. Дело не только в том, что у них различные структуры, существует ряд запретов, среди которых даже прямое общение друг с другом.

Однажды я спросил Сару Кэссиди, нумерария из Англии, члена Центральной асессории, принято ли звонить колле-гам-мужчинам для обсуждения какого-либо вопроса, например возможности расширения деятельности Opus Dei в конкретной стране. Она ответила «нет» — если возникнет необходимость такого обсуждения, это можно сделать лишь в письменной форме.

Марлис Кукинг утверждает, что мнения женщин имеют в дискуссиях тот же вес, что и мужчин, и эта практика восходит ко времени Эскрива. «Часто случалось, что он приходил к нам и спрашивал: «Генеральный совет решил то-то и то-то, а что вы думаете?» Если мы говорили нечто противоположное, он часто полагался на наше мнение», — сказала она мне в ноябре 2004 года в интервью, данном на Вилле Сакетти — штаб-квартире женского отделения. В том же здании находится Вилла Тевере, но у нее отдельный вход и помещения. Кукинг сказала, что когда Центральная асессория что-нибудь предлагает, «прелат нас выслушивает и задает вопросы, но обычно он утверждает предложенное, говоря, что мы лучше знаем проблему, даже если он очень хорошо знаком с действительным положением вещей».

Структура советов более или менее одинакова. Они состоят из членов Opus Dei, которые отвечают за различные области апостольской деятельности (молодежь, супернумерарии и нумерарии), предлагают программы изучения философии и теологии и занимаются административной работой. Кроме прелата, к обоим советам имеют отношение две фигуры — генеральный викарий Окарис и викарий-секретарь, в настоящее время отец Мануэль Дакал Видал. Каждый совет также назначает на должности региональных делегатов, то есть официальных представителей для каждого «региона» Opus Dei, примерно соответствующего стране, таким образом, Франция — регион, Кения — регион и т. д. Члены обоих советов переизбираются раз в восемь лет.

Региональный уровень имеет такую же базисную структуру. Во главе каждого региона стоит региональный викарий или советник, и существует два совета — для мужчин и для женщин. В США региональный викарий — отец Томас Болин, его офис находится в штаб-квартире Opus Dei на Манхэттене на тридцать четвертом этаже.

В больших регионах, таких как США, территория еще подразделяется на «делегации» с той же структурой, то есть викарий и два совета — для мужчин и для женщин. Регионы (или делегации) делятся на центры. Согласно *Ежегоднику* Ватикана за 2004 год, в мире 1751 центр Opus Dei. Каждым центром управляет директор — мирянин, которому помогает местный совет. Каждый центр должен состоять самое меньшее из директора и еще двух членов Opus Dei. Поскольку центры четко разделены по гендерному принципу, нет необходимости в двух советах.

Центр — основной строительный материал Opus Dei. «Центр» не обязательно должен иметь физическое местоположение, хотя обычно это какое-то жилое помещение или корпоративное учреждение. Однако в теории «центр» — это объединение, организующее средства и способы воспитания и пастырской работы членов Opus Dei в данном районе.

Перед открытием нового центра Opus Dei должен получить разрешение епископа той епархии, где он будет находиться. Согласно каноническому праву, местный епископ может периодически посещать центр и осматривать молельню, дарохранительницу и исповедальню. Если Opus Dei берет на себя руководство приходом данной епархии, как это произошло, например, в приходах Saint Mary of the Angels в Чикаго, Sant'Eugenio в Риме или Святого Томаса Мора в Лондоне, Opus Dei и местный епископ заключают специальное соглашение.

Генеральный съезд

«Генеральные съезды» Opus Dei обычно проводятся раз в восемь лет. Их участники — члены Opus Dei из разных стран. На этих съездах обсуждается апостольская работа прелатуры, и на рассмотрение прелата представляются предполагаемые направления пастырской деятельности прелатуры. Во время съезда прелат обновляет состав советов. При необходимости назначения нового прелата созывается избирательный генеральный съезд. Согласно статусу, прелат избирается из священнослужителей прелатуры, удовлетворяющих требованиям возраста, давности членства в Opus Dei, пастырского опыта и т. п. Папа подтверждает избрание нового прелата и одновременно с этим доверяет ему эту должность. Стоит заметить, что кандидатуру предлагают женщины — делегаты съезда, а голосуют мужчины, что говорит о демократическом характере выборов.

Глава вторая
ЭСКРИВА

Хосемария Эскрива де Балагер — историческое лицо с захватывающей судьбой, один из самых тщательно изученных и популярных католических святых всех времен. Он родился в 1902 году в испанской провинции Арагон в обеспеченной буржуазной семье. Еще ребенком Эскрива избежал смерти от менингита, чудом выздоровев после того, как мать отвезла его в скит Девы Торресьюдадской — святыню Божией Матери. Уже будучи молодым священником, Эскрива столкнулся с ужасами гражданской войны в Испании. Однажды он избежал смерти, изображая умалишенного и прячась в сумасшедшем доме. Потом он вместе с небольшой группой сторонников совершил тяжелейший переход через Пиренеи, чтобы оказаться в безопасности в зоне националистов. В 1946 году Эскрива приехал в Рим, где занялся распространением новых идей, которые были посланы ему в Божественном откровении. Он пережил драматические события Второго Ватиканского собора и воспоследовавшую после него либерализацию католической церкви, которая не всегда его удовлетворяла, — повиновение папе имело для него огромное значение, а слова «инакомыслие» не было в его лексиконе. После его смерти в 1975 году в Ватикан пришли поддерживающие его беатификацию письма от 69 кардиналов, 241 архиепископа, 987 епископов и 41 генерала религиозных конгрегаций. Даже после своей смерти Эскрива вызывал волнение в обществе. В наше время немногим беатификациям предшествовали такие публичные дебаты, но тем не менее в 1992 году он был беатифицирован, а в 2002 году произошла его канонизация. Хотя сегодня некоторые осуждают Эскрива, миллионы людей преклоняются перед ним. Во время его канонизации около 350 000 человек заполнили площадь Святого Петра и близлежащие улицы.

Несмотря на то что цель этой книги — ознакомиться с современной деятельностью Opus Dei, мы никак не сможем избежать хотя бы краткого обсуждения личности Эскрива, поскольку большая часть полемики по поводу Opus Dei неизбежно связана со спорами, посвященными отцу-основателю. Был ли он, как считают члены Opus Dei, одним из величайших святых в

истории церкви, духовным учителем, подобно Фоме Кемпийскому или Терезе из Лизье, учредителем, сравнимым со святым Домиником и святым Игнатием Лойолой? Или, как утверждают его критики, он был мелким диктатором, самовлюбленным и с трудом подавляющим свой гнев? Возможно ли, чтобы он совмещал в себе все эти черты? Есть и другие темы для дискуссий. Занимал ли в его сердце особое теплое место фашистский режим генералиссимуса Франсиско Франко? Пытался ли он минимизировать потери Холокоста и выражал ли восхищение Гитлером? Был ли он разочарован Вторым Ватиканским собором и позицией папы? Существует ли культ личности Эскрива, который замалчивает разногласия и создает светлый образ, характерный для официальных житий святых?

Разбираться во всех этих спорах — неприятная и очень тяжелая проблема для тех, кто считает Эскрива святым, тем более что они полагают, что все это уже тысячи раз обсуждалось на протяжении нескольких десятилетий. Тем не менее эти острые моменты снова и снова возникают как в массовой печати, так и в виде различных слухов внутри католической церкви, особенно в ее англосаксонской части, для которой Эскрива не столь известное лицо. Пока публика не получит полные и убедительные ответы на все вопросы, не смогут исчезнуть сомнения вокруг личности Эскрива и основанной им организации.

История Эскрива

Хосемария Эскрива, в крещении Хосе Мария Хулиан Мариано, родился 9 января 1902 года в городе Барбастро в испанской провинции Арагон. В разные периоды жизни он пользовался различными вариантами своего имени, но в итоге остановился на Хосемария Эскрива де Балагер, соединив два первых имени, чтобы подчеркнуть близость Иосифа (Хосе) и Марии.

Арагонцы славятся своим упрямством — это отражено в известной истории о Пиларской Божьей Матери, посвященный которой храм находится в Сарагосе, столице провинции. Легенда рассказывает, что когда святой Иаков Праведный, брат Иисуса, проповедовал христианство в Испании, он преуспел везде, кроме Арагона, жители которого были слишком упрямы и не отказывались от прежней веры. Богоматерь явилась на верхушке столпа (pillar), чтобы утешить и подбодрить Иакова. Это единственное место на земле, где Мария чудом оказалась еще при своей жизни. И почитатели, и критики Эскрива утверждают, что в его характере есть арагонская склонность к упорству и прямоте. Как гласит известная испанская пословица: «Дайте жителю Арагона гвоздь, и он забьет его собственной головой».

Сегодня дом № 11 на площади Меркада в Барбастро, где родился и провел детство Эскрива, полностью перестроен, и в нем находится женский центр Opus Dei. Железная решетка на верхнем этаже — это все, что осталось от прежней постройки. Но, находясь внутри, можно себе представить, что это был комфортабельный дом среднего класса для семьи достаточно преуспевающего торговца тканями, а именно этим занимался отец Эскрива — Хосе. Так же, как и сто лет назад, дом Эскрива стоит на главной площади Барбастро и, таким образом, находится в центре жизненных событий небольшого городка провинции Арагон. Я был там в июне 2004 года, вечером на площади проходил бесплатный концерт, и так же, как и, вне всякого сомнения, во времена Эскрива, мужчины и женщины сидели на балконах в своих квартирах и слушали музыку. По иронии судьбы, сегодня рядом с домом Эскрива находится бакалейная лавка, которая носит название «San Pedro», то есть «Святой Петр», как бы подчеркивая, что с самого начала существовала связь между основателем Opus Dei и папским престолом.

Хосе и Кармен Эскрива поженились в 1898 году, и их первый ребенок, дочь Кармен, родился годом позже. Следующим был Хосемария, за ним последовали три девочки: Мария Асунсьон, Мария Долорес и Мария дель Розарио. Три младшие девочки умерли в 1910–1913 годах.

В раннем детстве Хосемария тоже тяжело заболел. Мать отвезла его в скит Девы Торресьюдадской — святыню Божией Матери, моля ее об исцелении, и мальчик выздоровел. Позже, отчасти из благодарности, Эскрива будет руководить строительством крупного комплекса в Торресьюдадском скиту, сделав его единственным в мире центром паломничества, управляемым Opus Dei. (Даже в связи с этим впоследствии возникли споры. 25 июня 1979 года баскские сепаратисты группы ЕТА взорвали бомбу в часовне Гвадалупской иконы Божьей Матери в Торресьюдад, связав Opus Dei с антитеррористской политикой испанского правительства.)

Между 1913 и 1914 годами текстильное предприятие Хосе Эскрива обанкротилось, и финансовое положение семьи значительно ухудшилось. Хотя по испанским законам можно было объявить о банкротстве, Хосе настоял на выплате долгов кредиторам и зарплаты рабочим, что ввергло семью в еще большую нужду. Они были вынуждены расстаться со слугами и решили начать все с нуля в другом месте.

В 1915 году они переехали в Логроньо, центральный город провинции Риоха — испанского винодельческого района. Отец нашел себе работу в магазине тканей, и они поселились в скромном доме, где летом было жарко, а зимой холодно. Семья Эскрива, привыкшая в Барбастро к зажиточной жизни буржуа, оказалась вынужденной «соблюдать приличия». Члены Opus Dei иногда относят свое умение создать видимость элегантности, даже имея недорогие поношенные вещи, к врожденному чувству стиля, проявленному семьей Эскрива в годы материальных невзгод.

Хосемария рос набожным ребенком, к своему первому причастию он подошел еще в Барбастро. Семья воспользовалась новыми правилами, введенными папой Пием X, в которых снижался возрастной ценз, чтобы поощрить и расширить распространение принятия святого причастия. Где-то между Рождеством 1917 года и Крещением 1918 года у Эскрива произошло первое в жизни божественное прозрение. Как он расскажет позже, он увидел на снегу следы босых ног монаха-кармелита и в этот миг осознал, что он тоже хочет служить Богу. Он стал ежедневно посещать литургию, регулярно исповедоваться и ежедневно молиться. Он размышлял над тем, чтобы стать кармелитом, но на самом деле чувствовал, что Господь призывает его к иному служению. Он также думал о том, чтобы стать епархиальным священником, но испытывал чувство вины перед семьей, поскольку был единственным сыном и был обязан ее финансово поддерживать. Но рождение в 1919 году его младшего брата Сантьяго разрешило все сомнения.

В 1920 году Эскрива приступил к занятиям в Папском университете Сарагосы. Он учился очень хорошо и в сентябре 1922 года был объявлен лучшим студентом-богословом Сарагосы. Он познакомился с кардиналом Сарагосы Хуаном Сольдевила и Ромеро, и, когда 4 июня 1923 года престарелый кардинал был убит анархистами, Эскрива тяжело переживал его смерть. Эскрива был рукоположен в священники 28 марта 1925 года и двумя днями позже отслужил свою первую литургию в часовне собора Богоматери Пиларской, где, будучи студентом, он однажды провел целую ночь в молитвах. Вслед за этим он получил степень кандидата канонического и гражданского права. Вскоре Эскрива переехал в Мадрид, чтобы закончить докторантуру по гражданскому праву и начать карьеру священника. Он приехал в Мадрид в 1927 году и жил там постоянно, за исключением периода гражданской войны, до 1946 года, после чего переехал в Рим. В Мадриде Эскрива сначала был капелланом для группы женщин, посвятивших себя апостольскому служению, и проводил нескончаемые часы, посещая бедных и больных в мадридских больницах и трущобах. В эти дни он жил на очень скудные средства, в основном на жалованье священника, которое на современные деньги составляло приблизительно 0,3 цента за мессу.

Переворот в жизни Эскрива произошел 2 октября 1928 года во время уединения в мадридском монастыре, когда он услышал колокольный звон в честь праздника Ангелов-

хранителей и испытал прозрение. По словам Портильо, «он увидел Opus Dei, каким его захотел основать Господь и каким он должен был стать навечно».

С 1928 года Эскрива посвятил себя построению новой истинной сущности, которую открыл ему Господь, хотя позже настаивал: «Я не хотел ничего основывать». Задолго до того, как появились первые члены, он начал писать письма, в общих чертах обрисовывая «дух» новой сущности. В августе 1930 года первым членом-мирянином Opus Dei стал Исидоро Сорсано — сейчас Opus Dei добивается его беатификации. В 1933 году Эскрива основал первый центр Opus Dei — общежитие для студентов университета, которое он назвал DYA по начальным буквам испанских слов «право и архитектура» (Derechoy Arquitectura). Члены Opus Dei шутили, что подходят также слова Dios у Audacia, что значит «Бог и дерзание».

Когда в Испании вспыхнула гражданская война, Эскрива пытался остаться в Мадриде, хотя город оказался во власти республиканских антиклерикальных сил. В течение пяти месяцев он симулировал душевное заболевание в психиатрической клинике друга семьи, позже он нашел убежище в дипломатической миссии Гондураса. В конце концов Эскрива и группа первых членов Opus Dei совершили переход через Пиренеи в Андорру, а потом вернулись назад в Испанию в город Бургос, столицу националистов в северо-восточной Кастилии. После победы Франко Эскрива вернулся в Мадрид. В 1939 году он опубликовал первое издание *Сатгпо (Путь)* — сборника 999 духовных афоризмов, которые теперь стали классикой. К сегодняшнему дню вышло 125 изданий этой книги на 25 языках. Позже были опубликованы другие произведения Эскрива, в том числе *Борозда, Кузница* и *Христос проходит рядом.*

В 1946 году Эскрива переселился в Рим, позже он объяснит, что горизонты Opus Dei стали шире послевоенной Испании. Главным мотивом переселения была возможность наблюдать за поисками юридического статуса Opus Dei, призванного защитить его самобытность. К тому же в результате этого весьма разумного переезда Эскрива и его помощники приблизились к структурам, принимающим решения в Ватикане. Первый заместитель Эскрива отец Альваро дель Портильо начал свою карьеру в римской курии, она длилась несколько десятилетий, а после смерти Эскрива в 1975 году он был избран главой Opus Dei.

Из Рима Эскрива руководил распространением Opus Dei по всему миру. В 1940-е годы он активно ездил в разные страны, подготавливая фундамент для новых аванпостов Opus Dei. В 1948 году он открыл римский Колледж Святого Креста, который впоследствии стал Папским университетом. В 1952 году он основал Наваррский университет в Памплоне, который со временем стал краеугольным камнем «корпоративных учреждений» Opus Dei. Очень много времени Эскрива уделял подготовке материалов к конгрессу 1969 года, на котором была впервые выдвинута идея превращения Opus Dei в персональную прелатуру. В последние годы жизни он активно ездил, вознося молитвы за новообращенных и учреждая центры Opus Dei. Эскрива умер 26 июня 1975 года — эта дата станет днем его поминовения. Он был беатифицирован 17 мая 1992 года и канонизирован 6 октября 2002 года.

Споры

Существуют полярные взгляды на Эскрива, и за эти годы толкование его жизни стало одним из главных полей сражений Opus Dei. В этом разделе мы сделаем обзор самых крупных споров по поводу Эскрива и попытаемся кратко изложить аргументы обеих сторон.

ЛИЧНОСТЬ ЭСКРИВА

Некоторые критики считают, что Эскрива не обладал достоинствами святого. Они говорят, что он был самодоволен, часто деспотичен, имел взрывной темперамент и до некоторой степени был параноиком. Иногда эти обвинения исходят не от историков-ревизионистов, а от

первых лиц — бывших членов Opus Dei, которые в свое время были знакомы с Эскрива. Но эти рассказы опровергаются другими свидетелями — самыми первыми членами Opus Dei, высшими церковными чинами, политиками, бизнесменами, журналистами, которые тоже были знакомы с Эскрива.

МИГЕЛЬ ФИЗАК И МАРИЯ АНГУСТИАС МОРЕНО

Мигель Физак был одним из участников небольшой группы, перешедшей вместе с Эскрива через Пиренеи. Физак, член Opus Dei с 1936 по 1955 год, описал Эскрива как «очень сложную и всех смущающую» личность, которая изрекает «резкие суждения» и «никогда ни о ком не говорит хорошо как внутри, так и вне Дела», включая ближайшего сподвижника Портильо. (Защитники Эскрива говорят, что есть кинопленка, где он восхваляет Портильо.) Эскрива так ревниво относился к своему контролю над духом Opus Dei, утверждал Физак, что возмутился успехом книги о духовности организации, написанной священником Opus Dei отцом Хесусом Уртеага. Физак заявлял, что Эскрива был особенно язвителен по отношению к членам монашеских орденов. Он говорил, что сам был свидетелем того, как Эскрива «унижал» людей. Будучи архитектором, Физак также критиковал Эскрива за трату «миллионов долларов» на Виллу Тевере, римскую штаб-квартиру, за «безвкусные вещи», которые были для него «очень важными».

Мария Ангустиас Морено была нумерарием с 1959 по 1973 год и занимала руководящие должности в женском отделении Opus Dei. В 1976 году Морено написала книгу о своем пребывании в Opus Dei *El Opus Dei: Anexo a una historia.* В ней она говорит, что если Эскрива на самом деле святой, то это не связано с его «простотой и скромностью». Например, она утверждает, что в то время в Opus Dei ко многим священникам, таким как Альваро дель Портильо и Сальвадор Канале, было очень почтительное отношение и они заслуживали титула «монсеньор». Но пока был жив Эскрива, только *он* назывался «монсеньором». Морено также утверждала, что Эскрива никогда не приходил на похороны кардиналов или другого высшего духовенства. Он принимал VIP-персон только на Вилле Тевере, куда они должны были сами к нему приходить. Морено назвала Эскрива «диктаторской и высокомерной» личностью. Она написала, что когда в 1975 году Эскрива умер, она была потрясена, что «Отцу» не чуждо ничто человеческое.

МАРИЯ ДЕЛЬ КАРМЕН ТАПИА

Бывший нумерарий из Венесуэлы Мария дель Кармен Тапиа обнародовала ряд весьма важных наблюдений за жизнью Эскрива в своей вышедшей в 1992 году книге *За порогом: Жизнь в Opus Dei.* Тапиа была нумерарием с 1948 по 1966 год и в течение пяти лет жила и работала в римской штаб-квартире Opus Dei. Она приехала в Рим в 1952 году за несколько месяцев до того, как было образовано центральное женское правление, вместе с другим нумерарием Марией-Луизой Морено де Вега, чтобы помочь Эскрива установить контакты штаб-квартиры в Риме с появляющимися новыми учреждениями женского отделения Opus Dei в Англии, Ирландии, США, Германии и некоторых странах Латинской Америки. Она занимала два важных поста в женском правлении, а также возглавляла типографию Opus Dei. В течение этих лет она почти ежедневно контактировала с Эскрива. Тапиа пишет, что у Эскрива был сильный волевой характер, она отмечает его склонность к поношению и осмеянию любого, кто небезупречно выполнял свои задачи. Она утверждает, что тогда подавляла в себе негативные реакции, потому что в ее сознании «воля Отца» была равносильна «воле Бога».

В течение десяти лет Тапиа была директором или старшим должностным лицом женского отделения в Венесуэле, после чего была отозвана назад в Рим. Она говорит, что в последний год пребывания в Венесуэле по ее поводу распускались разные «клеветнические слухи», которые достигли Рима. Вскоре после прибытия на Виллу Сакетти, штаб-квартиру женского

отделения в Риме, она была помещена под «фактический арест», на несколько месяцев «лишена большинства основных прав», и это длилось до тех пор, пока она не вышла из Opus Dei. В последний день пребывания в Риме она лицом к лицу столкнулась с Эскрива, который бушевал, извергал потоки клеветы, обвиняя ее в том, что она бесполезна для организации и что ею овладели «злые духи». Она также утверждает, что он предупредил ее о нежелательности разглашения того, что произошло с ней в последние месяцы в Риме, иначе ее имя будет покрыто позором. Это был последний раз, когда она виделась с Эскрива.

В 1992 году во время процесса беатификации Эскрива Тапиа предложила в качестве свидетельства свои воспоминания о нем. Однако церковная комиссия, отвечающая за процесс, не разрешила ей быть свидетелем. Это решение Тапиа относит на счет «прискорбной и оскорбительной» информации о ней, которую некоторые руководители Opus Dei донесли до комиссии. Этот рассказ был подтвержден *El Pais,* самой читаемой испанской газетой, которая получила конфиденциальные отчеты мадридской комиссии, включая свидетельство епископа Хавьера Эчеверрия, нынешнего прелата Opus Dei и бывшего секретаря Эскрива. В процессе этого свидетельства, клятвенно принесенного перед судейской коллегией и рассчитанного на конфиденциальность, Эчеверрия попросили объяснить обстоятельства, при которых Тапиа покинула Opus Dei, и он, не уточняя деталей, сослался на ее поведение, которое было «порочащим».

Сегодня Тапиа говорит, что во всем этом самое неприятное то, что эти «ложные оценки» до сих пор представлены в имеющемся в Ватикане документе. Она надеется, что Opus Dei официально отменит относящиеся к ней негативные заявления, сделанные во время процесса беатификации. Она обратилась в Opus Dei с просьбой о том, чтобы «клеветнический документ был изъят и исправлен раз и навсегда во имя любви к истине и справедливости». Тапиа сказала, что она считает это пятном на своем добром имени и имени своей семьи и полагает, что Opus Dei несет моральную ответственность за исправление документа.

По случаю канонизации Эскрива в 2002 году Тапиа в ответ на вопросы журналистов сказала, что «клеветническая дезинформация», которую донесли до Эскрива пользующиеся его доверием советчики, вызвала у него неуместные реакции и превратила его в невольную жертву. В интервью Католической службе новостей она сказала: «По моему мнению, вера была самой важной и определяющей особенностью монсеньора Эскрива — его непоколебимая уверенность в Боге». Тапиа сказала, что те, кто ожидал, что она на процессе беатификации даст порочащее Эскриву свидетельство, были «удивлены и разочарованы». В последнее испанское издание книги Тапиа *Tras el Umbral: Una vida en el Opus Dei* (Barcelona, 2004) включены ее интервью различным международным агентствам по печати в связи с канонизацией Эскрива. Она четко высказывает свою точку зрения на Opus Dei, выражает понимание и дарует прощение всем, кто причинил ей боль, и отдает себя в руки Бога, поскольку Он — единственный судия.

ХУЛИАН ЭРРАНС

Негативные воспоминания уравновешиваются воспоминаниями друзей и сотрудников, настойчиво подчеркивающих добрый нрав, сострадание и духовную глубину Эскрива.

Кардинал Хулиан Эрранс, испанец, член Opus Dei с 1950 года, рассказал мне, как он в первый раз встретился с Эскрива, недавно вернувшимся в Мадрид. Умер молодой человек, только что ставший членом Opus Dei, и Эскрива приехал на траурную церемонию в центр, где жил Эрранс.

Было видно, что он очень страдает, как отец, потерявший сына. Он спросил: «Где, где?» Мы внесли покойного в часовню и положили перед дарохранительницей. Эскрива вошел, прошел вперед, опустился на колени перед дарохранительницей, потом встал и начал петь респонсорий за упокой души… Когда мы пришли в общую комнату, перед нами был другой

человек. Он очень ласково улыбался, почти сиял. Это меня удивило, поскольку я только что видел его страдающим, а сейчас он выглядел совершенно иным. Мы начали беседу, и он сказал: «Это грустный день, но одновременно и счастливый». Умерший молодой человек очень страдал, потому что родители были против его призвания. Святой Хосемария сказал: «Он выиграл последнюю битву, он до последнего дыхания был верен Божьей воле. Это великая жизнь — всегда соблюдать Божью волю, никогда не говорить Господу «нет»… Я счастлив, что у меня был такой сын. Вы должны быть счастливы, что у вас был такой брат».

В этот момент я понял, что этот человек — святой. Он знал, как объяснить двойное измерение — человеческое и сверхъестественное — Христа. Он был очень человечный человек, отец, который страдал и боролся. В то же время он был великим священником. Он был христианином, весь смысл его жизни сосредоточился на Христе.

ХАВЬЕР ЭЧЕВЕРРИЯ

Эчеверрия, преемник Портильо на посту главы Opus Dei, встретился с Эскрива в первый раз, когда ему было шестнадцать, а Эскрива был зрелым мужчиной сорока шести лет. Он говорит, что был поражен «необычайным чувством юмора» Эскрива и одновременно тем, что тот «воспринимал всех очень серьезно», включая себя. Однажды, когда Эчеверрия заканчивал высшую школу, Эскрива заявил, что хочет с ним поговорить. Он пригласил Эчеверрия поехать с ним вместе в центр Opus Dei, где должен был с кем-то встретиться. Эчеверрия очень не хотел ехать из-за того, что его укачивало в долгих поездках. Тем не менее он согласился. Естественно, его стошнило, и он все вокруг испачкал. В самом расцвете клерикальной Испании до периода Второго Ватиканского собора испачкать машину монсеньора было очень серьезным прегрешением, и Эчеверрия обуял ужас. Однако Эскрива не выразил никакого отвращения или раздражения. Вместо этого он остановил машину, достал бумажные полотенца, помог молодому человеку все вытереть и как ни в чем не бывало продолжал поездку. «Это помогло мне понять человека, — сказал Эчеверрия. — Именно человека, а не священника».

«Он был человеком огромного терпения, — сказал Эчеверрия. — Это не значит, что он не мог рассердиться. Иногда он огорчался и показывал это. Он умел очень-очень четко говорить разные вещи. Но всегда после этого он произносил: «Если я говорил не тем тоном, простите меня. То, что я вам сказал, я считаю истиной перед Богом и поэтому и сказал вам. Я должен быть с вами искренним. Но если мой тон был слишком строгим, простите меня, потому что я только хотел, чтобы вы поняли, что можете обрести святость».

Обозреватели утверждают, что существует демаркационная линия между экс-членами, которые стали критиками, и такими, как Эчеверрия, которые упорно продолжают быть членами. Критики воспринимают строгие замечания Эскрива как свидетельства гнева или даже душевной болезни, в то время как сторонники принимают их за свидетельства отцовской любви и заботы.

ДРУГИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Покойный венский кардинал Франц Кениг — один из либеральных защитников Второго Ватиканского собора и в целом не считающийся сторонником церковного консерватизма, тем не менее был совершенно потрясен личностью Эскрива. В интервью 2001 года Кениг сказал: «С блаженным Эскрива де Балагером я познакомился в дни собора. Мне говорили, что он способствует развитию роли мирян в повседневной жизни и в работе. Он не изображал из себя человека церкви: никаких римских воротников или епископских регалий. По моему мнению, он был человеком с большой душой. Мы много говорили о том, что происходит в мире, и вскоре я понял, что в нем я увидел живую церковь… Я хотел бы сказать, что Святой Дух обрел в нем очень восприимчивый человеческий плацдарм».

Похвалы приходили и из других неожиданных церковных источников. Кардинал Карло Мария Мартини, бывший архиепископ Милана, долгое время считавшийся «великой белой надеждой» либерального крыла церкви на роль следующего папы, сказал: «Духовное плодородие монсеньора Эскрива невероятно. Тот, кто говорит и пишет, как он, ясно показывает всем окружающим подлинную святость».

Эскрива был также лично знаком с архиепископом Сальвадора Оскаром Ромеро, ныне глубоко чтимым мучеником и поборником либерализации теологического движения. 12 июля 1975 года после смерти Эскрива Ромеро обратился к Павлу VI с просьбой «во славу Божью и во спасение душ» начать процесс беатификации Эскрива. Ромеро выразил «глубокую благодарность священникам Opus Dei, которым я с удовлетворением и весьма плодотворно вверял руководство собственной жизнью и жизнями своих священников… Монсеньор Эскрива, которого я лично знал, мог вступать в продолжительный диалог с Господом с огромным человеколюбием. Становилось сразу же ясно, что он Божий человек, что его поведение исполнено деликатности, любви и доброго настроя». Историки, однако, замечают, что это письмо было написано до убийства в 1977 году в Сальвадоре отца Рутилио Гранде, события, которое «радикализировало» Ромеро и изменило его ранние консервативные взгляды.

Эскрива вызывал положительные реакции даже вне католических кругов. Венский психиатр Виктор Франкл, уцелевший во время Холокоста, автор *Man's Search for Meaning,* однажды во время приезда с женой в Рим побеседовал с Эскрива. После этого разговора Франкл суммировал свои впечатления: «Что меня особенно очаровало в его личности, так это прежде всего живительное спокойствие, исходящее от него и согревающее весь разговор. Кроме того, невероятный ритм его мыслительного процесса и, наконец, поразительная способность немедленно войти в контакт с собеседником… Совершенно очевидно, что монсеньор Эскрива полностью живет настоящим моментом, он ему открыт абсолютно и отдает себя целиком».

Что же можно извлечь из этих противоречащих друг другу свидетельств? Когда я был в Барбастро, городе, где Эскрива родился, я расспрашивал жителей об их известном земляке. Многие из них с гордостью говорили, что Эскрива был типичным сыном Арагона: прямым, горячим, остроязычным, хитрым и гордым и при этом также сердечным, жалостливым, добродушным, в нем совершенно отсутствовали неуверенность и жалость к себе. Если он правда был таким, то, возможно, эти качества действительно сосуществовали в его характере. Как это определил католический писатель Роберт Ройал в рецензии на книгу Тапиа в 1999 году, некоторые критики Эскрива, «кажется, исходят из того, что истинно святые люди должны быть без недостатков, несмотря на всю историю святых, начиная с апостолов Петра и Павла и по сегодняшний день».

ИМЯ ЭСКРИВА

Определенные обвинения в тщеславии связаны и с различными формами имени Эскрива. Первое — Эскрива часто подчеркивал «де Балагер», обозначая город в Каталонии, из которого происходила его семья. Физак обвинял его в наличии комплекса низкого происхождения и стремления к испанской знати: по его мнению, это была попытка искусственно возвысить свой социальный статус. В 1934 году Эскрива был назначен ректором Real Patronato de Santa Isabel, включавшего в себя школу сестер конгрегации Успения Богоматери и монастырь августинок. Он сохранил эту должность (за исключением периода гражданской войны) до 1946 года — своего переезда в Рим. Это послужило причиной пребывания в Мадриде, несмотря на принадлежность к епархии Сарагосы. Физак пишет, что однажды монахини монастыря Святой Изабеллы представили Эскрива группе испанских дворян, которые поинтересовались, не происходит ли он от Эскрива де Романи, очень известной аристократической семьи. Когда он ответил отрицательно, аристократы отреагировали крайне недоброжелательно, что произвело

на Эскрива сильное впечатление. Физак утверждает, что Эскрива рассказал ему об этом случае, объясняя, почему он хочет подчеркнуть «де Балагер».

Второй виток событий произошел в 1968 году, когда Эскрива подал прошение в испанское министерство юстиции вернуть ему дворянский титул маркиза Перальта, пожалованный семье эрцгерцогом Австрии в 1718 году. Согласно генеалогическим изысканиям, родственник Эскрива по материнской линии был у эрцгерцога военным министром и министром юстиции. 24 июля 1968 года министерство юстиции удовлетворило просьбу Эскрива. Некоторые критики Эскрива полагали, что, добиваясь этого титула, он руководствовался политическими мотивами. В 1968 году Франко готовился объявить своим преемником принца Хуана Карлоса, и некоторые думали, что Эскрива стремится занять ключевой пост в правительстве, считая, что его публичный статус вместе с дворянским происхождением сделает его идеальной фигурой для этого назначения. Или, возможно, предполагали другие, Opus Dei планирует поглотить Мальтийский орден — престижнейшую католическую организацию, образованную в Средние века, конституция которой требует от великого магистра целибата и аристократического происхождения. На самом деле ни одна из этих версий не была реализована.

Ни у кого не вызывает сомнений то, что у Эскрива была некая романтическая привязанность к испанской аристократии и королевской семье. Его официальный биограф, член Opus Dei Андрес Васкес де Прада пишет, что отец Эскрива всегда был очень предан монархии. Тем не менее защитники Эскрива утверждают, что в 1965 году, когда его помощники впервые узнали, что он имеет право на два дворянских титула (маркиз Перальта и барон Сен-Филип), он сначала отказался от их принятия. Его ближайший помощник Портильо обратил его внимание на то, что по испанским законам Эскрива как старший сын в семье может подать прошение о титуле. Потом, если это будет нужно, он мог бы передать титул младшему брату Сантьяго. Согласно Васкесу де Прада, перед тем как обратиться с просьбой о титуле, Эскрива консультировался со многими представителями испанской знати, а также с римской курией, включая кардиналов Анжело дель Аква, помощника епископа Рима, Джакомо Антониутти и Аркадио Ларраона Саралегуи, префектов конгрегаций Ватикана, и Паоло Марелла, президента секретариата по вопросам, не относящимся к христианам. По словам Васкеса де Прада, Ларраона особенно агитировал Эскрива и настаивал, что у него не право, а обязанность потребовать титул. Ларраона напоминал, что Эскрива всегда учил членов Opus Dei, что они должны использовать права граждан. Эскрива никогда не пользовался своим титулом и передал его брату по судебному постановлению от 22 июня 1972 года.

ЭСКРИВА И ФРАНКО

Отношение Эскрива к Франко уже давно является предметом споров, поскольку наиболее значительный рост Opus Dei пришелся на период с конца испанской гражданской войны 1939 года до смерти Эскрива в 1975 году, то есть тот период, когда Испания была под властью генерала Франсиско Франко. Некоторые полагают, что Эскрива — франкист и близкий друг генерала и вследствие этого Opus Dei пропитан духом фашизма. Предполагаемая симпатия к Франко стала общепринятым тропом в прессе: *The Village Voice,* например, в 2004 году назвал Эскрива «последователем Франко». *U. S. News & World Report* в 2003 году заметил: «Несмотря на протесты, вызванные связью Эскрива с авторитарным режимом Франко, папа Иоанн Павел II в прошлом году канонизировал священника». *Chicago Tribune* в 2003 году писал: «Когда генерал Франко выиграл войну, Эскрива объединил свое движение с авторитарным режимом Франко, и несколько членов Opus Dei заняли ключевые посты в правительстве. Однако должностные лица Opus Dei в настоящее время преуменьшают активные действия Эскрива в поддержку Франко».

Это оценка звучала не только в массовой печати. Мэри Винсент, читающая лекции по истории в университете Шеффилда, Англия, в 1996 году в своем эссе о политическом

католицизме в Испании XX века писала: «Из всех католических организаций ближе всего связан с режимом Франко Opus Dei… Opus остался верен режиму, который его члены, безусловно, считали благоприятным».

Перед тем как перейти непосредственно к Эскрива, стоит заметить, что в контексте гражданской войны в Испании, в которой антиклерикальные республиканские силы убили 13 епископов, 4000 епархиальных священников, 2000 монахов и 300 монахинь, практически каждая группа и прослойка католической Испании были «профранкистскими». Критика Франко шла из католических кругов за пределами Испании, например, неотомист Жак Маритен настаивал, что теория Фомы Аквинского о «справедливой войне» неупотребима для оправдания бомбардировок мирных жителей легионом «Кондор». Французские католики писатели Франсуа Мориак и Жорж Бернанос были также настроены критически. И все же внутри Испании поддержка Франко католиками была практически единогласной. Как замечает Джон Хупер в своей книге *The New Spaniards:* «Испанские прелаты благословляли войска Франко перед битвами, и есть даже их фотографии с фашистским приветствием». В день своей победы Франко получил поздравительную телеграмму от папы Пия XII. Франко был миропомазан как каудильо, или вождь, кардиналом Исидро Гома и Томасом и возложил меч у ног Христа Лепанто.

В этой обстановке тот факт, что Эскрива был знаком с Франко и не подвергал сомнению его полномочия, не кажется очень удивительным. Хотя в публичных выступлениях Эскрива не прославлял и не критиковал режим.

Такое молчание относится и к позднему периоду правления Франко, когда испанские католики перешли от поддержки режима к оппозиции. В 1960–1970-е годы, пишет Хупер, пришла эра *curas rojos,* или «красных священников». Оппозиционные священники использовали правовые привилегии, пожалованные католической церкви, чтобы разрешать забастовки и сидячие демонстрации протеста по поводу церковной собственности, настраивая церковь на демократический лад. В Стране басков, где франкистский испанский национализм всегда сталкивался с баскским сепаратизмом, даже была построена специальная тюрьма для священников в городе Замора. В рабочем предместье Мадрида папа Павел VI назначил «красного епископа» Альберто Иньеста Хименеса помощником епископа. Это означало, что папа поддерживает дух конфронтации. Когда кардинал Винсенте Энрике Таранкон, друг Павла VI, на конференции епископов в 1971 году был избран председателем, это тоже было симптомом того, что лед тронулся. Более умеренная фигура, чем Иньеста, Таранкон тем не менее поддерживал плюралистические перемены. Во время всех этих брожений Эскрива настаивал на постоянстве Opus Dei.

В 1930–1940-е годы, когда огромное большинство католиков были настроены профранкистски, молчание Эскрива часто толковалось как признак скрытого либерализма, в I960–1970-е годы, когда мнение католиков изменилось, такое же молчание трактовалось как маскировка профранкистского консерватизма.

Что касается личных отношений между Эскрива и Франко, то, согласно документам, они были знакомы, но не были друзьями. Задокументированы всего лишь три встречи — одна в 1946 году, когда конференцией испанских епископов Эскрива был назначен проповедником Франко и его жены в их молитвенном уединении (каждый год для этой церемонии выбирался испанский священник); второй раз в 1953 году, когда член Opus Dei, антифранкист Рафаэль Кальво Серер был оклеветан в испанской печати, Эскрива потребовал аудиенции у Франко, чтобы защитить Серера; и третий раз в 1962 году во время переговоров в испанском правительстве об официальном признании ученых степеней, присваиваемых курируемым Opus Dei Наваррским университетом в Памплоне. Духовные обряды происходили во дворце Пардо с 7 по 12 апреля 1946 года и были подготовлены монсеньором Леопольдо Эйхо и Гарай, епископом Мадрида.

Кроме того, после переезда в Рим в 1946 году Эскрива письменно уведомлял Франко о каждом своем приезде в Испанию просто для того, чтобы сообщить, что находится на испанской земле. Эти послания, приведенные в биографии Эскрива, написанной Васкесом де Прада, очень учтивы, но вполне официальны.

Предположение о профранкистских взглядах Эскрива и Opus Dei обычно базируется на том факте, что в 1957 году трое членов Opus Dei стали министрами в правительстве Франко. Альберто Улластрес Кальво, профессор экономической истории университета Мадрида, стал министром торговли; Лауреано Лопес Родо, ученый, стал ученым секретарем государственного департамента (позже он сделался министром без портфеля и членом комиссии по плану экономического развития); Мариано Наварро Рубио, директор-распорядитель Banco Popular, возглавил министерство финансов. В 1962 году еще один член Opus Dei Грегорио Лопес Браво Кастро стал министром промышленности. В своей книге *Spain: Dictatorship to Democracy* Раймонд Карр и Хуан Пабло Фуси охарактеризовали этих министров из Opus Dei как «сторонников быстрого капиталистического роста и «нейтрализации» политики через процветание».

Opus Dei был не единственной католической организацией Испании, члены которой служили режиму Франко.

Президент Catholic Action в Испании Альберто Мартин Артахо был назначен министром иностранных дел в июле 1945 года и перед принятием этой должности получил благословение епископата Испании. Вообще из 116 министров, назначенных Франко в его одиннадцать правительств между 1939 и 1975 годами, только восемь были членами Opus Dei. Один из восьмерых умер через три месяца после назначения, а еще четверо сохранили свои должности только в одном составе правительства. Министры Opus Dei считались частью «технократического» крыла режима Франко, и некоторые историки приписывают им проведение экономических реформ, определивших место Испании в современном мире.

При этом очень многие члены Opus Dei принимали активное участие в антифранкистском движении.

Рафаэль Кальво Серер, нумерарий Opus Dei, был либералом-монархистом и влиятельным литератором. В 1953 году он был изгнан из Верховного совета по научным исследованиям за опубликованное им в Париже эссе, в котором критиковалось правительство Франко. С 1966 года он стал издателем газеты *Madrid,* которую впоследствии закрыла правительственная цензура. После серии судебных процессов он эмигрировал в Париж Вернувшись в Испанию, он вместе с секретарем испанской коммунистической партии основал Junta Democratica, целью которой стала подготовка способа перехода к демократии после свержения режима Франко. Антонио Фонтан, другой член Opus Dei, сотрудничал с Кальво Серером в *Madrid.* Потом помещение редакции газеты было взорвано сторонниками Франко. Мануэль Фернандес Ареал, нумерарий Opus Dei, при Франко был заключен в тюрьму за критические статьи, опубликованные в *Diario Regional de Valladolid.*

Отец Пер Паскуаль, священник Opus Dei, в 1960-е годы был мирянином-нумерарием и организовал тайный союз журналистов, пытавшихся подтолкнуть режим Франко в сторону реформ. Паскуаль был участником одного из первых серьезных протестов против режима Франко, вошедшего в историю как *caputxinada.* Это произошло в монастыре капуцинов в Сарриа, близ Барселоны, 9–11 марта 1966 года. Все началось с тайного собрания нового студенческого союза, созданного в противовес официальной студенческой ассоциации, связанной с фалангистами. Союз объединял людей с различными политическими взглядами, включая левоцентристов и членов нелегальной компартии. В какой-то момент на собрание прибыла полиция и потребовала, чтобы все предъявили документы и покинули монастырь. Около двухсот человек решили остаться и продолжать участвовать в дебатах и «круглых столах». Более сорока восьми часов они были гостями капуцинов. Когда наконец собрание разошлось, Паскуаль, один из его организаторов, был привлечен к суду, который наложил

запрет на его издательскую деятельность. Кроме Паскуаля в *caputxinada* приняли участие еще два мирянина — члена Opus Dei: Роберт Эспи и Франческо Броза. *Caputxinada* стала большим и символическим событием для всей Испании, в частности потому что была реализована идея о ненасильственной форме протеста.

В качестве примечания ко всему сказанному выше — единственным кардиналом, архиепископом Испании, заключенным в тюрьму при режиме Франко, был Эрранс, в то время молодой нумерарий Opus Dei и студент университета. Он принимал участие в акте гражданского неповиновения, который заключался в написании слов «Мы за аграрную революцию в Андалусии» на стене в Мадриде. (Отец Эрранса работал в Андалусии врачом, и он был убежден в необходимости проведения земельной реформы.) Полиция арестовала молодежь, посчитав их коммунистами. Они провели ночь в тюрьме, но были освобождены после того, как в кармане Эрранса полицейские нашли четки. Согласно полицейской логике, это было доказательством, что он не коммунист. Об этом эпизоде своей жизни Эрранс сказал: «Мне это [протест] понравилось, особенно потому, что общество было немного слишком скучным и слишком сильно правым».

Эскрива был вполне осведомлен о происшедшем, но, согласно своим принципам, он никогда не вмешивался ни в действия членов Opus Dei, работавших в правительстве Франко, ни в деятельность тех, кто против этого правительства протестовал. Эскрива настойчиво утверждал, что члены Opus Dei свободны поступать в секулярной политике как им угодно, если при этом они руководствуются учением католической церкви.

Личное отношение Эскрива к Франко, может быть, лучше всего видно из письма, написанного им папе Павлу VI в 1964 году и опубликованного в итальянском журнале *Famiglia Cristiana* в 1992 году. Эскрива пишет, что он предупреждал испанских епископов, что «если революция [имеется в виду насильственное антифранкистское восстание] разразится, ее остановить будет очень трудно, и поэтому, цитируя Священное Писание, — «не думайте, что будет только один козел отпущения [имеется в виду Opus Dei], все вы будете козлами отпущения». Можно привести огромную подборку чрезмерных публичных панегириков, которые епископы адресуют режиму, но меня никто не заставит их произнести, хотя я признаю, что Франко — истинный католик».

Эскрива пишет, что он считает важным подготовить постепенное изменение режима в Испании, чтобы избежать угрозы анархии и коммунизма, губительной для церкви. Он выступает против создания в Испании единственной католической политической партии, «потому что это могло бы начаться с полезности партии для церкви, а закончиться использованием церкви, которая тогда будет не в состоянии освободиться от этой партии и в результате терпеть моральный шантаж». Эскрива говорит, что церковь должна главенствовать «над всеми группами и всеми партийными обязательствами».

Может сложиться впечатление, что Эскрива старается сохранить нейтралитет по отношению к режиму Франко, даже если в глубине души ощущает некоторую симпатию к лидеру, который по мере своих сил стремится быть честным католиком. Обвинение в «профранкизме» не подтверждается, разве что в том общем смысле, что вначале большинство испанских католиков поддерживали Франко. Во-первых, как мы видели выше, члены Opus Dei активно участвовали в оппозиции режиму Франко. Самое большее, что можно сказать, — что сам Эскрива не был «антифранкистом». Его главной заботой была стабильность испанского общества, стремление не подпускать к власти радикальные движения, чтобы не допустить ужасов новой гражданской войны. Эскрива не пытался навязывать политические решения ни членам Opus Dei, ни властям Испании.

ЭСКРИВА И ВТОРОЙ ВАТИКАНСКИЙ СОБОР

Некоторые критики Opus Dei заявляют, что Эскрива был разочарован той либерализацией, которую привнес в римский католицизм Второй Ватиканский собор, и обижен на двух пап этого собора Иоанна XXIII (1958–1963) и Павла VI (1963–1978). Джон Роч, член Opus Dei с 1959 по 1973 год, написал, что Эскрива по этому поводу заметил, что он «больше не верит папам и епископам, а только Господу Иисусу Христу» и что «дьявол таится в самых высокопоставленных служителях церкви». Бывший член Opus Dei отец Вольдемар Фельцман, британский подданный чешского происхождения, сказал, что Эскрива был так возмущен литургическими реформами Ватикана II, что однажды даже рассматривал идею перехода Opus Dei в лоно православной церкви, пока не обнаружил, что «их церкви и конгрегации слишком малы для нас».

Большинству членов Opus Dei очень трудно согласиться с этим обвинением — наоборот, они настойчиво утверждают, что Эскрива опередил «призыв Ватикана II к святости». А именно: Эскрива сказал, что святость не является прерогативой религиозной элиты, за несколько десятилетий до того, как Ватикан II сформулировал это в качестве религиозной доктрины.

19 августа 1979 года папа Иоанн Павел И в своем приветственном обращении к студентам, связанным с Opus Dei, сказал, что откровение Эскрива «предвосхитило ту теологию мирян, которая характеризовала церковь во время проведения собора и постсоборного периода».

По меньшей мере формально Эскрива не препятствовал работе Ватикана II. Два священника Opus Dei Портильо и Эрранс работали в комиссии собора по подготовке документов. Они также укомплектовали штаты комиссии по делам духовенства, которая подготовила декрет *Presbyterorum Ordinis* о жизни священства и пасторства. Портильо все четыре года работы собора был секретарем предподготовительной комиссии по делам мирян и консультантом нескольких других комиссий. Его книги *Верные и миряне в церкви* (1969) и О *священстве* (1970) — по большей части плоды этого опыта. Портильо и Эрранс участвовали в комиссиях с ведома Эскрива и при его поддержке.

Кроме того, что бы ни говорил Эскрива в моменты разочарований, кажется совершенно невероятным, что он когда-либо думал об официальном разрыве с папой. Фактически верность папству — отличительный признак Opus Dei.

Итальянский журналист Андреа Торнелли в самой свежей биографии Эскрива цитирует кардинала Джованни Кели, бывшего главу Папского совета по пастырскому попечению мигрантов и беженцев, который беседовал с Эскрива вскоре после смерти Иоанна XXIII. Кели рассказал, что он начал разговор с Эскрива о возможных кандидатурах на папский престол, но Эскрива его прервал со словами: «Даже если папой изберут человека из племени дикарей с кольцами в носу и в ушах, я немедленно брошусь к нему в ноги и скажу, что Opus Dei в его безусловном распоряжении». Еще был случай, когда государственный секретарь папы Павла VI французский кардинал Жан Виллльо сообщил Эскрива, что папе не понравился текст о секулярных организациях, написанный Эскрива. Ответ Эскрива был совершенно четким: «Ваше преосвященство, скажите Святому Отцу, что я не Лютер или Савонарола, что я всем сердцем принимаю решения Святого Отца и напишу ему письмо, чтобы подтвердить мою совершенную готовность отдать себя римскому понтифику, на службу церкви».

В конце понтификата Павла VI возникла ссора между Эскрива и главным советником папы монсеньором Джованни Бенелли, который должен был стать кардиналом-архиепископом Флоренции, а также был одним из основных претендентов на роль будущего папы. Однако эта ссора имела весьма косвенное отношение к вопросам церковной доктрины. Частично проблема состояла в том, что Бенелли хотел создать в Испании Католическую политическую партию наподобие итальянской Партии христианских демократов. Эскрива отказался это поддержать, взывая к уже упомянутой логике, а именно, что наличие единственной католической партии не является удачной идеей для церкви, и, кроме того, он не может диктовать политический выбор членам Opus Dei. Бенелли воспринял это как демонстрацию нелояльности, и в течение некоторого времени отношения между Ватиканом и Opus Dei были прохладными.

Многократные просьбы Эскрива о встрече с Павлом VI оставались без ответа, и никак не продвигался вопрос с изменением канонического статуса Opus Dei.

Без сомнения, Эскрива многое беспокоило в постсоборный период, отличительными чертами которого были отказы от призваний, ширящееся сопротивление отдельным аспектам папской доктрины, авангардистский дух церковных ритуалов и обрядов. В 1974 году Эскрива сказал чилийскому журналисту: «Матерь Божия плачет и скорбит, у Иисуса опять открылись все раны. Вы знаете — при всем позоре это не секрет, — что церковь в большом беспорядке, внутри нее обилие еретической пропаганды. Многие занимаются злословием, люди, которые должны быть светлыми, надежными, поддерживающими веру, сеют сомнения, люди, которые должны придавать силу, толкают к слабости, люди, которые должны внушать достоинство, порождают страх».

Как указывают его защитники, не один Эскрива пришел к таким заключениям. Сам папа Павел VI однажды так сказал о постсоборных беспорядках: «В храм Бога через какую-то щель просочился сатанинский дух». Нынешний папа Бенедикт XVI при Иоанне Павле II возглавлявший одну из ключевых структур Ватикана — Конгрегацию доктрины веры, описывал «лавину» ухудшений после Ватикана II: «Я убежден, что вред, который мы на себя навлекли за эти двадцать лет, произошел не из-за собора, а из-за того, что *внутри* церкви были спущены с привязи скрытые полемические центробежные силы, а *снаружи* церкви из-за того, что на Западе произошла культурная революция, успех в которой одержала верхушка среднего класса, новая буржуазия с ее либерально-радикальной идеологией индивидуализма, рационализма и гедонизма».

Католики-либералы обычно рассматривают подобные суждения как недостаток силы. Как бы то ни было, к Эскрива это относится не больше, чем к широкому кругу консервативно настроенных католиков.

ОСОБЕННОСТИ МЫШЛЕНИЯ ЭСКРИВА

Некоторые критики называли духовное учение Эскрива банальным и заимствованным. Они считали, что его достоинства преувеличены благодаря «культу личности», сформировавшемуся в Opus Dei по отношению к «Отцу». В большинстве своем подобная критика направлена на самый известный труд Эскрива *Путь.*

Причем так воспринимают это произведение не только озлобленные экс-члены или либеральные критики. Ганс Урс фон Бальтазар, швейцарский теолог, основатель журнала *Communio,*ставшего главным источником информации для консервативного крыла церкви, в 1963 году писал, что в *Пути* «недостаточно духовности» для поддержания мировых религиозных организаций.

В 1979 году фон Бальтазар написал письмо в швейцарскую газету, процитировавшую его высказывания в негативной статье об Opus Dei, в котором признал, что он действительно выражал сомнения по поводу *Пути,* но это не оправдывает атаку на Opus Dei *tout court (фр.:* просто, коротко. — *Прим. пер.).* Тем не менее он не прекратил критиковать *Путь.* В 1984 году в своем доме в Базеле он дал интервью немецкой службе швейцарского телевидения. Журналист напомнил фон Бальтазару, что он однажды охарактеризовал *Путь* как «руководство для бойскаутов высшей ступени». Фон Бальтазар ответил: «Я до сих пор так считаю».

В этом фон Бальтазар не одинок. Кеннет Вудвард, бывший многие годы главным религиозным обозревателем *Newsweek,* писал в книге *Making Saints:* «Эскрива не был необыкновенным человеком: зависимый и часто банальный в своем мышлении, он лично, может быть, мог воодушевить, но не обладал подлинным проникновением в суть».

Однако четыре с половиной миллиона экземпляров *Пути* не были бы распроданы во всем мире, если бы у него не было поклонников. Монах-цистерианец и популярный духовный писатель Томас Мертон однажды сказал о *Пути-.* «Он, безусловно, принесет много добра из-за

своей простоты, которая является лучшим посредником для передачи Евангелия». Тогдашний кардинал Венеции Альбино Лучани, позже ставший папой Иоанном Павлом I, 25 июля 1978 года превознес автора *Пути* как «революционного священника, который преодолел традиционные барьеры и поставил мистические задачи даже перед семейными людьми».

Благожелательно настроенные читатели Эскрива говорят, что *Путь* был собранием заметок и наблюдений, поспешно набросанных для духовного руководства молодыми испанцами в годы гражданской войны и, таким образом, не является его самым зрелым и продуманным произведением. В поисках последнего, говорят они, нужно обратиться к его последней книге *Христос проходит рядом* и к проповеди, прочитанной 8 октября 1967 года в кампусе Наваррского университета, названной «Всей душой возлюбишь мир» и опубликованной в 1974 году в сборник *с Беседы с Отцом Хосемария Эскрива,* в который также включены интервью, данные Эскрива различным мировым периодическим изданиям.

Познакомимся с отрывками из проповеди «Всей душой возлюбишь мир»:

Поймите, Бог призывает вас служить ему и в условиях вашей обычной, секулярной, гражданской человеческой жизни. Он ждет нас каждый день: в лаборатории, в операционной, в казарме, на университетской кафедре, на фабрике, в цеху, на заводе, в семье — словом, везде, где трудятся. Что-то есть божественное и сокровенное в самых простых вещах, и каждый из вас должен открыть это что-то. Студентам и рабочим, которые собирались со мной в тридцатых годах, я говорил, что им надо овеществить свою духовную жизнь. Я хотел, чтобы они избежали соблазна двойной жизни, распространенного и тогда, и теперь: по одну сторону — жизнь внутренняя, связь с Богом, по другую, совсем отдельно — профессиональная, социальная, семейная, где толпятся и кишат мелкие земные дела.

Нет, дети мои! Мы так жить не можем! Мы — христиане, а не шизофреники. Жизнь — одна, ее мы и должны освятить, наполнить Богом и плоть, и дух. Невидимого Бога мы открываем в самых видимых, материальных вещах. Истинное христианство верит в телесное воскресение, а потому, вполне логично, всегда отвергало «развоплощение», ничуть не боясь, что его обвинят в материализме. Мы вправе говорить о материализме христианском, который смело противостоит материализму бездуховному.

Читая эти отрывки, легче понимаешь, чем энергичных молодых интеллектуалов, таких как Раймундо Паниккар, привлекало учение Эскрива. В ранние годы Паниккар был в «мозговом тресте» Opus Dei, а позже участвовал в католическом теологическом авангарде, особо занимаясь проблемой религиозного плюрализма.

Окарис, генеральный викарий Opus Dei и, возможно, самый образованный теолог организации, сказал, что, по его мнению, Эскрива когда-нибудь будет объявлен доктором церкви, то есть святым, необычайно глубоко проникшим в разум и ортодоксальность церкви. «Я считаю, он внес самобытный вклад, сопоставимый с вкладами других докторов церкви, но постановка этого вопроса зависит от многих факторов, в частности от своевременности, — сказал Окарис. — Это не поддается прогнозированию». В настоящее время докторами церкви признано тридцать три человека, самой последней была святая Тереза из Лизье, умершая в 1897 году.

Ютта Бургграф, нумерарий Opus Dei, преподающая теологию в Наваррском университете, тем не менее допустила, что теология не была сильным местом Эскрива. Она сказала, что он был «главным образом основателем, а потом уже теологом», таким образом противопоставив Эскрива фон Бальтазару, который основал в Базеле общину Святого Иоанна, но был «главным образом теологом, а потом уже основателем».

ЭСКРИВА И ГИТЛЕР

Отец Вольдемар Фельцман, бывший член Opus Dei, 13 января 1992 года в интервью журналу *Newsweek* утверждал, что Эскрива однажды сказал ему, что общественное мнение «несправедливо» к Гитлеру, поскольку «он не убивал шесть миллионов евреев. Он убил не более четырех миллионов». Фельцман сказал, что Эскрива говорил с ним наедине, в римском колледже Opus Dei в перерыве демонстрации фильма о войне.

Представители Opus Dei считают такое замечание Эскрива невозможным для него.

В своем заявлении, опубликованном 11 января 1992 года, Фельцман объясняет, что он не имеет в виду, что Эскрива был антисемитом, а только то, что из-за антипатии к коммунизму позиции Эскрива были «прогитлеровскими и прогерманскими». Другая фраза, повсеместно приписываемая Эскрива, хотя никогда никем не подтвержденная, имеет тот же привкус: «Гитлер против евреев, Гитлер против славян — означает Гитлер против коммунизма».

В некоторых кругах, несмотря на заявление Фельцмана, все эти слухи стали материалом для обвинения Эскрива в антисемитизме. Например, газета *Jerusalem Post* 20 октября 2003 года в редакционной статье о планируемой беатификации Анны Катерины Эммерих, немецкой монахини XIX века, на основе видений которой был поставлен фильм Мэла Гибсона *Страсти Христовы*, писала, что она просто была самой последней из святых антисемитов. В этот список газета включила «основателя Opus Dei Хосемарию Эскрива де Балагера, папу Пия IX, польского священника Максимилиана Кольбе и загребского архиепископа Алоизия Степинаца, который поддерживал нацистский режим в Хорватии».

Существует документальный источник — запись собрания в Венесуэле 14 февраля 1975 года, который представители Opus Dei часто приводят в качестве иллюстрации отношения Эскрива к евреям. Один из участников собрания встал, чтобы задать Эскрива вопрос, и происходит следующий диалог:

Участник «Отец, я еврей…»

Эскрива: «Я очень люблю евреев, потому что безумно люблю Христа, а он еврей. Я не сказал, он был, а говорю в настоящем времени. *Iesus Christus eri et hodie ipse et in saecula.* Иисус Христос продолжает жить, и он еврей, как и вы. И вторая любовь моей жизни — тоже еврейка — святая Дева Мария, мать Иисуса Христа. Поэтому я смотрю на вас с любовью…»

Участник: «Я думаю, вы уже ответили на мой вопрос, Отец».

Некоторые еврейские источники подтверждают близость Эскрива к иудаизму. Например, раввин Анхель Крей-ман, бывший главный раввин Чили и вице-президент Всемирного совета синагог, на посвященном Эскрива конгрессе в Риме в 2002 году сказал: «Многие идеи Хосемарии Эскрива вызывают в памяти талмудические традиции и демонстрируют его глубокую любовь к миру евреев… Более всего его учение уподобляется иудаизму в призыве к людям служить Богу своей созидательной работой, каждый день совершенствовать мироздание путем совершенствования работы». Крейман, потерявший жену в 1994 году после взрыва израильского агентства в Буэнос-Айресе, добавил: «Члены Opus Dei помогали мне с самого начала моих занятий в семинарии настойчиво стремиться к своему призванию, и я видел, что они помогают и другим раввинам, за что я глубоко им благодарен».

Испанский раввин Симон Ассан Бенасаяг писал: «Обвинение основателя Opus Dei в нацизме или антисемитизме — бред высшей степени».

Что касается современного состояния Opus Dei, то там нет никаких признаков и остатков антисемитизма. Израильский посол в Ватикане Одед Бен-Гур в данном мне в декабре 2004 года интервью заявил, что его личные отношения с Opus Dei «всегда были конструктивными» и он «никогда не замечал никаких следов» антисемитизма. У Бен-Гура были хорошие рабочие отношения с Opus Dei в Риме: моя первая встреча с епископом Хавьером Эчеверрия, нынешним прелатом Opus Dei, произошла на ланче в римской резиденции Бен-Гура.

Обвинение Фельцмана, высказанное в 1992 году и повторенное в 2001 году, заключалось в том, что все мужчины — члены Opus Dei в 1941 году (в то время около пятидесяти человек)

стали добровольцами испанской «Голубой дивизии», воевавшей на восточном фронте на стороне Германии против России. Испанский историк Альфредо Мендис, член Opus Dei, отвечая Фельцману, утверждал, что многие молодые испанские идеалисты, не только члены Opus Dei, записались добровольцами на войну с большевиками. Некоторые члены Opus Dei, хотя не все, стали добровольцами, но фактически никто не уехал на фронт. В любом случае, сказал Мендис, «Голубая дивизия» связывалась у испанцев не с антисемитизмом или приверженностью к Гитлеру, а с желанием сражаться против Сталина как врага религии.

И в заключение стоит заметить тот парадокс, что оппозиция иногда критиковала Эскрива и Opus Dei за «тайный иудаизм». В 1942 году испанский профессор права, связанный с фалангистами, обратил внимание на то, что некоторые члены Opus Dei основали общество под названием So-coin — аббревиатура от Sociedad de Colaboracion Intelectual. Профессор доказывал, что на самом деле название общества взято из раввинского иврита, где термин *socoim* относится к секте убийц. Он предположил, что Opus Dei — это «еврейская секта вольных масонов» или, по меньшей мере, «еврейская секта, связанная с вольными масонами». В 1994 году колумбийское издательство Orion Publications выпустило книгу *Opus Judei,* посвященную выявлению «скрытого иудаизма Opus Dei». В книге утверждается, что некие тайные еврейские капиталы, вливавшиеся в Испанию в XX веке, проникали в Opus Dei и что символика и терминология Opus Dei по большей части заимствована из иудейских каббалистических обычаев. Далее в книге прослеживаются связи между финансовыми операциями Opus Dei и «международным сионизмом».

Эскрива собственной персоной

Как бы ни воспринимать отношение Эскрива к политике Испании или к Ватикану II, но из него совсем не вытекали переполненные залы во время его поездок по всему миру, или продажа десятков миллионов экземпляров *Пути,* или поклонение, повсеместно возникшее после его смерти. До некоторой степени можно отнести этот феномен к хорошо налаженному маркетингу Opus Dei, но нельзя и преувеличивать роль Opus Dei. В конечном счете, все распродажи хороши тогда, когда на них предлагаются хорошие товары. Нечто особенное, волнующее душу было в этом человеке, иначе нельзя объяснить, почему на его беатификацию и канонизацию собрались огромные толпы людей, превышающие по своему числу количество членов Opus Dei во всем мире. Даже если не относишься к Эскрива как к святому, понимаешь, что в нем было нечто харизматическое.

К счастью, мы не только догадываемся о наличии у Эскрива особых качеств, мы можем увидеть многочисленные кинокадры. Он не был такой сенсацией для средств массовой информации, как мать Тереза, но в отличие от Франциска Ассизского или Игнатия Лойолы можно хотя бы увидеть и услышать проповеди и лекции Эскрива, записанные в течение ряда лет. Существует фильм под названием *Встречи со святым Хосемарией Эскрива.*

Первое впечатление от экранной «жизни» Эскрива — его постоянный подъем и тонкое чувство юмора. Он отпускает шутки, гримасничает, бродит по сцене и обычно заканчивает выступление импровизированными ответами на вопросы из зала. Возникает ощущение полного контраста с тем образом Opus Dei и Эскрива, которого ждет публика, — в жизни Эскрива оказывается улыбающимся сердечным человеком. В нем нет ничего от Sturm und Drang[4]. Кроме того, он абсолютно позитивен. Каждый раз, когда ему предлагают полемизировать или критиковать какое-то явление в культуре или церкви, он меняет тему и обычно хвалит задающего вопрос: «Я знаю, вы хорошая мать» или «Я уверен, вы хорошо управляете своим газетным киоском и посвящаете свою работу Богу». И, наконец, очевидно его предпочтение отдельной личности, а не структуры в целом. Когда его спрашивают об общественных проблемах, большую часть времени он говорит о личной духовности, необходимости личного

совершенствования и святости. Возможно, благодаря этому кажется, что он способен говорить непосредственно с каждым человеком даже в окружении большой толпы.

Например, 24 июня 1974 года Эскрива выступал в Буэнос-Айресе. Он отвечал на вопрос недавно обращенного в христианство мусульманина, который шутливо уверял Эскрива, что стоящие рядом с ним три женщины — это его жена и две дочери, а вовсе не «гарем». Эскрива похвалил мужчину за искренность и добавил, что «очень любит мусульман». Потом он рассмеялся: «Сейчас уже есть два издания *Пути* на арабском, так что я у них в руках». После этого Эскрива спросили, что Opus Dei собирается делать с «развратом», который проник в культуру в форме сексуальной неразборчивости, порнографии и т. п. Что он посоветует? «Во-первых, будьте хорошим мужем своей жене и хорошим отцом своим дочерям, — ответил он. — Занимайтесь своей внутренней жизнью. Делайте это, а обо всех других вещах подумаете потом».

Другой мужчина попросил у Эскрива практического совета. Он тренировал детскую футбольную команду, а его жена была недовольна, что это отрывает его от домашних обязанностей. Должен ли он бросить футбол? Эскрива улыбнулся и ответил: «Нет, продолжайте тренировать. Только иногда позволяйте жене быть судьей матча». И уже серьезно добавил: «Думаю, что ваша жена, будь она сейчас здесь, высказалась бы за продолжение вашей тренерской работы, потому что вы заботитесь не только о телах, но и о душах этих мальчиков. Но к тому же будьте хорошим мужем». Женщина в инвалидном кресле спросила, чем калеки могут помочь Opus Dei. Эскрива ответил: «Во-первых, мне хочется сказать, что я вам завидую. Вы ни в коей мере не парализованы. У вас невероятно активная внутренняя жизнь». Затем он попросил ее обратиться к Богу с молитвой о духовном совершенствовании священнослужителей и очищении их сердец.

11 февраля 1975 года в Каракасе Эскрива проводил встречу с людьми на открытом воздухе. Встала женщина и сказала, что у нее дома ребенок с очень тяжелой степенью инвалидности и она поддерживает контакты с другими родителями, у которых дети в таком же состоянии. Что мог бы Эскрива ей сказать? «Мои поздравления», — начал Эскрива. Всем показалось, что женщина озадачена. «Мои поздравления, — повторил Эскрива, — этот ребенок — огромная честь для вас. Бог посылает таких детей в семьи, одаренные громадной способностью к любви».

Он посоветовал женщине обратиться в организации, работающие с детьми-инвалидами, чтобы получить от них всю необходимую помощь, но при этом всегда гордиться привилегией, предоставленной ей Богом.

Поднялся мужчина и сказал, что он католик, а его мать — пресвитерианка. Что он может сделать, чтобы обратить ее в истинную католическую веру? «Добросовестно работайте, — ответил Эскрива. — Будьте хорошим сыном, верным мужем, а что касается остального, имейте терпение». Эскрива сказал, что будет молиться за его мать. «Она не обидится, если вы попросите ее помолиться за меня?» — спросил Эскрива. Мужчина отрицательно покачал головой, и Эскрива сказал: «Тогда, пожалуйста, попросите ее». Еще один мужчина сказал, что он ждал несколько недель, чтобы задать Эскрива вопрос, а теперь, когда время пришло, все, чего он хочет, это крепко его обнять. Эскрива позвал его на сцену, они обнялись, и тот долго его не отпускал. Потом Эскрива удалось высвободиться, и он пошутил: «У меня такое ощущение, что меня обняли все мужчины Венесуэлы».

В таких ситуациях требовались не глубокие теологические размышления, а пастырская забота об отдельных людях, и Эскрива ее искренне проявлял. Он мог быть твердым и не делал попыток скрывать свои бескомпромиссные католические взгляды. На одной из встреч женщина задала ему вопрос о нравственной чистоте, и он ответил без обиняков: «Люди должны воздерживаться от половых отношений вне брака, должны оставаться верными в браке и быть со своими супругами до смерти». Но даже в такие моменты он не сыпал библейскими проклятиями, не заламывал руки над грешным обреченным миром. Критики утверждают, что

это все было публичным лицом, а в частной жизни Эскрива был более мрачной фигурой. Но в любом случае в качестве публичного человека Эскрива был оживленным, страстным и оптимистичным, и этим в большой степени объясняется его привлекательность.

Резюме

Возможно, единственной огромной проблемой в оценке Эскрива является то, что на него реагируют как бы через несколько фильтров. Обозреватели истолковывают его жизнь, обсуждая Opus Dei, или католическую церковь и перемены в ней после Второго Ватиканского собора, или политическую историю Европы XX века. Все это не может помочь правильно оценить человека. К тому же иногда Эскрива находился в столь экстремальном окружении, что было трудно разглядеть его подлинные черты.

Его защитники также иногда приносят больше вреда, чем пользы. Некоторые члены Opus Dei с необычайной страстностью провозглашают, что Эскрива всегда был самым великим, самым остроумным, самым святым, самым прозорливым. Например, римские католические теологи буквально скрежетали зубами, слыша утверждения, что Эскрива был первым, кто заявил, что миряне могут достичь святости. Они спрашивали, а как же тогда святой Франциск Сальский или святой Альфонс де Лигуори? А святой Франциск Ассизский, который изначально представлял себе францисканцев мирянами, никогда не был священником и согласился быть рукоположенным в дьяконы только потому, что Ватикан не разрешал ему без этого возглавить общину? А святая Анжела Меричи из Италии, которая в XVI веке нарисовала в своем воображении группу женщин, посвятивших себя Богу, но живущих и несущих апостольское служение в миру? А иезуит отец Пьер-Жозеф Пико де Клоривьер, который во время Французской революции основал новые общества мирян — мужчин и женщин, которые должны были быть «верующими перед лицом Бога, но не перед людьми»? Разумеется, у Opus Dei другие структура и взгляды, но разве же это не прецеденты?

Другие члены Opus Dei, к их чести, признают необходимость более продуманного подхода к «Отцу». Один священник из США сказал мне, что Opus Dei должен покончить с мнением, что все должно навсегда быть таким, как постановил Эскрива, поскольку не все, что он думал или говорил, шло непосредственно от Бога. Нумерарий из Англии мне сказал, что он надеется, что кто-нибудь напишет новую биографию Эскрива «без прикрас», потому что при чтении существующих упорно возникает ощущение, что это просто «слишком хорошо, чтобы быть правдой».

С другой стороны, нет сомнения в том, что в своем неприятии Opus Dei некоторые обозреватели склонны демонизировать даже кажущиеся безобидными эпизоды жизни Эскрива, такие как возвращение дворянского титула в 1968 году, чтобы передать его брату в 1972 году.

Когда пытаешься проанализировать разные представления об Эскрива, все эти обвинения и встречные обвинения, создается впечатление, что он был сложным и необычным человеком. В своих лучших проявлениях он мог быть сердечным, сочувствующим, полным жизни и юмора, глубоко вникающим в духовные проблемы, не говоря уже о том, что он преданно и неутомимо служил церкви. В худших проявлениях он мог быть вспыльчивым и насмешливым по отношению к своим оппонентам, среди которых были и высшие церковные авторитеты. Но ведь нигде не написано, что святые должны быть совершенными людьми, и доказано, что даже при всех своих недостатках Эскрива изменял к лучшему человеческие жизни, давал людям ощущение, что они любимы Богом, и призывал их помогать строить царство Божие.

Как сам Эскрива писал в книге *Христос проходит рядом,* «давайте не будем обманывать себя: в жизни существуют как энергия и победа, так и уныние и поражение. Это всегда было истиной для первых христиан, даже для тех, перед кем мы преклоняемся перед алтарем. Помните Петра, Августина и Франциска? Мне никогда не нравилось читать жития святых — они

наивны и так представляют поступки святых, будто они с рождения были предназначены к канонизации. Нет. Настоящие жизненные истории христианских святых напоминают наш собственный опыт: они боролись и выигрывали; они боролись и проигрывали. А потом, покаявшись, опять лезли в драку».

Часть II
OPUS DEI ИЗНУТРИ

Глава третья
ОСВЯЩЕНИЕ РАБОТЫ

Уолтер и Норма Накасоне — дети японских иммигрантов в Перу, оба выросшие в семьях, принявших католичество после переезда в Латинскую Америку. Уже три поколения семьи тридцативосьмилетнего Уолтера живут в Перу и два — тридцатидевятилетней Нормы. У них трое детей: Наоки, одиннадцати лет, Наохико — восьми и Наоюки — четырех.

В 2000 году Уолтер и Норма стали супернумерариями Opus Dei, с которым они впервые встретились, когда были студентами университета Лимы. Норма первой стала посещать мероприятия Opus Dei, а Уолтер был настроен скептически, поскольку «не хотел терять свою индивидуальность». Однако в конечном счете оба решили, что Opus Dei предлагает стоящий путь духовного формирования. Сейчас Уолтер — владелец основанной его отцом небольшой прачечной в рабочем районе Лимы. В июне 2004 года в их квартире, расположенной над прачечной, он дал мне интервью, и я попросил его объяснить, что означает для него «освящение работы», — быть может, самый важный и существенный принцип Opus Dei.

«До того, как я присоединился к Opus Dei, я занимался стиркой рубашек в прачечной моего отца и часто оставлял без внимания небольшие пятна, особенно если они были под воротником или на каких-то труднодоступных местах, — сказал Уолтер. — Это была тяжелая работа, и я говорил себе, что если кто-нибудь пожалуется, я всегда смогу сказать, что не увидел пятна. Но после присоединения к Opus Dei я отношусь к этому гораздо серьезнее. Я стараюсь вывести все пятна, даже крошечные и малозаметные. Я теперь сознаю, что стираю рубашки не только для клиента, но и для Бога».

Это вполне может быть рекламой для прачечных, в которых работают члены Opus Dei.

Таким образом, Уолтер Накасоне выразил главную идею Эскрива, заключающуюся в том, что любая работа, даже самая черная или незаметная, в конечном счете — для Бога. Члены Opus Dei рассказывают историю о том, как Эскрива приводил своих первых последователей на самый верх кафедрального собора в Бургосе, столице националистов во время испанской гражданской войны. Он просил их посмотреть на богато украшенные резьбой камни бельведера собора и замечал, что эти изысканность и искусство совершенно не видны снизу. Эскрива говорил, что мастер, выполнивший резьбу, смог бы понять душу Opus Dei. Эти произведения искусства, говорил он, сделаны для глаз Бога.

Концепция освящения работы была в основе идеи Эскрива, и она столь же тесно связана с «главной директивой» Opus Dei. Эскрива сравнивал рабочий стол в офисе, прилавок в магазине или, как в этом случае, паровую в прачечной Накасоне с алтарем во время обедни — все это места, где присутствует Христос, хоть и разными способами, и во всех этих местах разыгрывается драма человеческого спасения. Расширяя далее этот образ, Эскрива учил, что

через таинство крещения христиане становятся «священнослужителями своей собственной жизни», и это значит, что так же, как священник приносит на мессе хлеб и вино Богу, каждый христианин должен возвыситься и принести Богу свою повседневную работу.

В Книге Бытия говорится, что человек создан для работы, и, таким образом, согласно Эскрива, работа — это та окружающая среда, в которой нужно искать Бога. В этом смысле Эскрива отверг средневековое теологическое представление о том, что работа — это следствие первородного греха и является формой наказания. Он говорил, что только утомительная сторона работы — результат греха; сама по себе работа прекрасна, и именно через работу человек достигает совершенства и участвует в божественном созидании. Как писал Эскрива: «Каждый, кто считает, что наша духовная жизнь подразумевает пренебрежение к работе, не понимает, в чем наше призвание. На самом деле работа для нас — это особый путь к святости… Внешние обстоятельства работы не должны прерывать молитву, так же как биение сердца не отвлекает нас от любой нашей деятельности».

Именно с этим связано то, что святой Иосиф — ключевая фигура для Opus Dei. Святой Иосиф, плотник, святой покровитель работающих, в Назарете обучал своему ремеслу Иисуса Христа. Ежегодно 19 марта в день памяти святого Иосифа члены Opus Dei возобновляют свои договоры с организацией. Согласно Эскрива, Иисус не начал свое спасение мира с Нагорной проповеди или со входа в Иерусалим. Он провел тридцать лет в мастерской Иосифа, занимаясь тяжелым трудом, и уже в тот период он становился преобразователем и спасителем. Последователи Христа призваны высоко ценить и освящать обычную работу, как это делал Он. Поэтому известный призыв Эскрива: «Человек должен освящать работу, освящать себя в работе и освящать других через работу».

Такой подход Эскрива привлекает серьезно относящихся к своей работе людей, иногда даже в самых неожиданных обстоятельствах. Например, бывший тренер итальянской национальной сборной по футболу Джованни Траппатони сказал в январе 1999 года: «Хосемария Эскрива разъяснил многим спортсменам, что их усилия во время тренировок и соревнований, их товарищеские отношения в команде, их уважение к соперникам, их скромность при победе и мужество при поражении — это особый путь общения с Богом и помощи ближним». Траппатони является сотрудником Opus Dei.

Монсеньор Фернандо Окарис, генеральный викарий Opus Dei и превосходный теолог, сказал, что освящение работы в понимании Эскрива означает «делать свою работу настоящим приношением Богу», что подразумевает две вещи: 1) «стремиться хорошо выполнять работу, потому что, если я действительно верю, что это приношение Богу, было бы нелепо не стараться это делать»; 2) «иметь четкое намерение служить Богу и окружающим через эту конкретную работу». Это, сказал Окарис, «поле сражения, потому что всегда существуют эгоизм, гордыня и так далее», которые сопутствуют любым человеческим устремлениям, но такова природа духовного пути Opus Dei.

Такое особое внимание к обычной мирской работе как к обрамлению драмы спасения также объясняет, почему Эскрива так жестко сопротивлялся любому сравнению Opus Dei с монашеским орденом или его поглощению таковым. Хотя сами члены орденов часто работают — на самом деле, известный девиз бенедиктинцев *ora et labora*, «молись и работай», — тем не менее монашеская жизнь влечет за собой определенную степень отречения от повседневности секулярного мира. Наоборот, Эскрива считал, что члены Opus Dei должны быть полностью погружены в мир.

Эскрива особо отмечал, что частью «Души Работы» является ее высокое качество не только с духовной точки зрения, но и по самым высоким стандартам профессиональной оценки. Подход Opus Dei состоит в том, чтобы «хорошо работать», и, как говорит Эскрива, «стремиться к совершенству и полностью выполнять все профессиональные и общественные обязательства». Смысл в том, что вы не можете предлагать Богу свою работу, если она плохо сделана. Акцент на то, что качество работы оценивается по объективным стандартам, был

четко поставлен французским католическим философом Этьеном Жильсоном, который в 1949 году писал: «Говорят, что средневековые соборы были построены благодаря вере. Согласен… но знание геометрии тоже сыграло свою роль».

Исходя из этого можно убедиться, что большинство членов Opus Dei — люди со здоровой деловой этикой и большим уважением к профессиональной компетентности. Опять Эскрива: «Какой смысл рассказывать мне, что такой-то и такой-то — мой хороший сын, добрый христианин, но плохой сапожник? Если он не старается научиться своей профессии или просто не обращает на нее внимания, он не в состоянии освятить ее или предложить ее Богу. Освящение обычной работы — суть истинной духовности».

Для многих членов именно идея обретения Бога и достижения святости через свою профессиональную деятельность была притягательной в Opus Dei. Например, Расселл Шоу, известный американский писатель-католик, супернумерарий Opus Dei, утверждал, что это было первым, что его заинтриговало: «Что-то было в идеях группы мирян-католиков, профессионально грамотных, выполнявших серьезную работу и так же серьезно работавших в духовном плане. Это каким-то образом меня захватило», — сказал он.

Заявления

Пятидесятилетняя Мария Хосе Фонт, испанский юрист и, кроме того, дипломированный архитектор — одна из шести компаньонов крупной юридической фирмы в деловом центре Барселоны. Она специализируется на коммерческом праве в области строительства и заключает сделки от имени крупнейших испанских фирм, работая ежедневно по десять-двенадцать часов в жестком режиме. Перед тем как принять решение связать свою жизнь с Opus Dei в качестве нумерария, она три месяца училась в Гарварде. Во время интервью, которое она дала мне весной 2004 года, я спросил, что означает для нее как юриста «освящение работы».

«Когда Бог охраняет человека, когда человек живет, ощущая Бога, то посвящение Богу своей работы умножает ее результаты, — ответила она. — Я работаю не для того, чтобы расчистить свой стол. Все, что делаю, я посвящаю, например, миру в Ираке, или ситуации в Конго, или надежде, что президент США примет правильное решение об абортах». Другими словами, Фонт объяснила, что ее работа становится молитвой и в этом смысле возрастает ее ценность на духовном уровне, выходя за пределы непосредственных профессиональных результатов.

Безусловно, освящение работы означает также, что сама она старается находиться на самом высоком профессиональном уровне, и это обеспечивает ей определенный комфорт в отношениях с компаньонами-мужчинами. «У меня нет с ними никаких проблем, хотя во многом наш мир все еще является мужским. Они выслушивают меня, и это, в частности, потому, что они знают — я хорошо выполняю свою работу».

У Дианы Лечнер, супернумерария из Чикаго, матери семерых детей, «освящение работы» происходит в домашней обстановке. Хотя у нее есть степень бакалавра языкознания и магистра аудиологии, она «хотела остаться дома, когда появятся дети». Сначала приспособиться было трудно, потому что, как многие сидящие дома молодые мамы, она пыталась преодолеть сомнения по поводу расставания со служебной карьерой. В это время она познакомилась с Opus Dei, и, как она сказала, «мне понравилось, что я могу посвятить Богу свой материнский труд».

«Opus Dei ценит материнство и ценит брак, — сказала Лечнер. — Я обрела огромную поддержку и возможность обмениваться материнским опытом. Для меня быть матерью — это самая вознаграждаемая и требующая огромного напряжения работа на земле. Никто другой не сможет быть хорошей матерью моим детям. Святой Хосемария сказал, что любой женский труд,

и дома, и в офисе, очень важен, и я абсолютно в это верю». Лечнер сказала, что концепция освящения работы помогла ей увидеть самые простые земные дела в новом свете: «Вымойте ванну для вашей семьи. Работа никогда не пропадает даром. Никто не сможет зачеркнуть работу, выполняемую как богослужение, потому что вы приблизились к вечности».

Она рассказала, что позже, когда дети выросли, она пошла работать помощником продавца в большой универсальный магазин. Там Лечнер тоже старалась применить идею освящения работы. Причем она не только хорошо работала и прекрасно относилась к сослуживцам, но пыталась в прямом смысле хоть немного освятить свое рабочее окружение. В частности, она сделала маленький крест из бумаги и положила его на кассовый аппарат. В течение дня она смотрела на этот крест и молилась в душе, таким образом освящая несложные задачи продажи или снабжения магазина товарами.

Джим Бербидж, супернумерарий, — водитель лондонского автобусного маршрута 213 из Саттона в Кингстон, который проходит через юго-западную часть города. В октябре 2004 года я навестил его дома и познакомился с его женой Терезой и двумя из их пяти детей: Анной Марией — студенткой университета и Домиником — учеником старших классов. Джим и Тереза — члены Opus Dei, и они, конечно, стараются вырастить детей в духе католицизма. Доминик, одетый в школьную форму, показался мне искренним молодым человеком, хорошо ориентирующимся в теологии и проблемах духовной жизни. Джим очень просто объяснил, что означает для него «освящение работы». «Я стараюсь добросовестно возить людей. Я стараюсь, чтобы они были уверены, что в автобусе чисто, спокойно и все в порядке. Я стараюсь их встречать с улыбкой», — сказал он, зная, что для людей поездки на работу и с работы часто могут быть стрессовыми. Бербидж также сказал, что, когда ведет автобус, он обращается к Богу с молитвой о каждом пассажире.

Кроме того, Бербидж пытается воздействовать на коллег и вовлекать их в свою духовную жизнь. Он сказал, что иногда приглашал коллег на мероприятия Opus Dei, хотя никто из них не вступил в организацию. Но Бербидж утверждает, что у него и не было такой идеи, он просто старался помочь им стать более совершенными людьми и христианами.

Фиделис Катонга, библиотекарь университета Strathmore в Найроби, супернумерарий Opus Dei, формулирует свое видение освящения работы в терминах человеческих отношений. Он говорит: «Это настраивает меня позитивно. Я должен отдать себя целиком. И я делаю это не только для себя. Иногда студенты прижимают меня к стенке, но я знаю, что должен проявить хладнокровие и не позволять себя спровоцировать. Нужно иметь голову на плечах, относиться ко всему спокойно, в этом и состоит служение Богу. Все эти надоедливые студенты — на самом деле те возможности, которые Бог дает нам, чтобы освятить себя и других».

Эллен Ройале, которая первый год работает учительницей в школе Opus Dei для девочек Oakcrest в пригороде Вашингтона, — не член Opus Dei, хотя ее родители — супернумерарии. Она рассказала, что слышала об идее «освящения работы» с самого детства и у нее есть очень простой ответ на вопрос, что это означает для нее. «Мне не хотелось преподавать латынь», — сказала она мне в своем интервью в ноябре 2004 года. Но как молодого учителя ее заставили этим заниматься. «С большим удовольствием я бы преподавала историю, литературу, любой другой предмет. Но если бы я вошла в класс с таким настроением, дети бы сразу об этом догадались. Я обязана хорошо выполнять свою работу, и каждый день в течение этих сорока-пятидесяти минут девочки должны видеть меня доброжелательной и уравновешенной. Идея освящения работы помогает мне верить, что я попаду на небеса. Когда мне хочется как-то словчить, я вспоминаю об освящении работы, и это помогает мне выложиться на все сто пятьдесят процентов».

Джон Хант, бывший банкир из Чикаго, — ныне исполнительный директор некоммерческого фонда Alliance for Character Education и супернумерарий Opus Dei. Хант говорит, что впервые столкнулся с Opus Dei на ужине в центре Northview Study в Чикаго. Как

банкира его привлекла идея освящения работы. Для него это прежде всего означало быть лично заинтересованным в деловых партнерах.

«Opus Dei всецело поддерживает идею дружеских отношений между людьми, когда можно влиять на человека при условии, что он открыт и вызывает всяческое доверие, — говорит Хант. — Меня по-настоящему привлекла мысль о превращении деловых отношений в отношения другого, более глубокого плана. Opus Dei помог мне понять, что можно заниматься с человеком совместным бизнесом и одновременно разговаривать с ним сначала о внешних поверхностных вещах, затем беседовать о проблемах семейной жизни и наконец постепенно переходить к вопросам души и веры. За эти годы я встретил многих людей, и дружеские отношения с ними стали более тесными и глубокими, безусловно, благодаря тому, что я узнал в Opus Dei об освящении работы».

Проблемы

Несмотря на то что понятие освящения работы рассматривается членами Opus Dei как ценный источник профессиональной деятельности, который часто помогает им достичь ранее невозможного успеха, присоединение к Opus Dei может создавать реальные трудности. В атмосфере интриг и подозрений, окружающей Opus Dei, особенно после таких публичных событий, как шпионское дело Роберта Хансена в США и выход в свет романа *Код да Винчи,* сам факт членства в Opus Dei может создать некие трения.

Все это раздражает членов Opus Dei, поскольку они рассматривают присоединение к организации как момент своей личной духовной жизни, не имеющий отношения к их профессиональным качествам. Например, испанский нумерарий Хоакин Наварро-Валльс — по профессии психиатр и, кроме того, многолетний корреспондент *ABC,* крупной испанской газеты. Как пресс-секретарь папы Иоанна Павла II, а теперь Бенедикта XVI Наварро вошел в легенды своей невозмутимостью при самых агрессивных выпадах в адрес католической церкви и ее главы. Но при этом, когда речь заходит о его членстве в Opus Dei, он иногда теряет терпение.

Когда во время интервью для этой книги я спросил На-варро-Валльса, создает ли проблемы в его работе членство в Opus Dei, он довольно раздраженно ответил: «Какое это имеет отношение друг к другу?» Позже в этот же день он сказал: «Послушайте, Джон, это то же самое, как если бы кто-нибудь вас спросил, препятствует ли вашим репортажам из Ватикана то, что ваша жена — еврейка. Я имею в виду, что нет никакой разницы. Какое это имеет отношение к тому, как вы выполняете вашу работу? Кого это интересует? Я был иностранным корреспондентом в Египте, Израиле и Греции. И неизбежно должен был писать об исламе, об иудаизме и о православии. При этом никто — ни представители общественности, ни религиозные лидеры — ни в малейшей степени не интересовался, даже из любопытства, моей личной религиозной принадлежностью. Их заботили только точность и беспристрастность моих репортажей. То же самое было, когда я в течение четырнадцати лет работал врачом в больнице. Там были заинтересованы в правильном медицинском обслуживании, и я старался его обеспечить».

Суть в том, что члены Opus Dei стремятся, чтобы их ценили на работе в качестве профессионалов, то есть по обычным, нормальным стандартам, применяемым к любым сотрудникам. Однако на практике реальность не всегда является таковой, особенно когда речь идет о членстве в организации с такой мистической славой, как у Opus Dei. Обычно члены Opus Dei не распространяются о своей связи с организацией и обнаруживают, что коллеги за их спинами шепчутся и строят предположения: «Да или нет?» Другими словами, каждый член должен решить, когда и при каких обстоятельствах поведать коллегам о своем членстве и стоит ли вообще это делать, имея в виду дополнительные моменты для беспокойства в

коллективе. Для нумerариев особо деликатной проблемой является безбрачие, поскольку и в университетских кампусах, и на фирмах очень активна общественная жизнь. Очень сложно правильно определить, когда «разыграть карту безбрачия».

Для тех членов Opus Dei, которые связаны по работе с католической церковью, полемика вокруг деятельности организации создает особые трудности. Весьма символичен случай с Расселлом Шоу. Он присоединился к Opus Dei в 1979 году, когда был членом конференции американских епископов. Шоу рассказывает, как реагировали его коллеги на это событие:

«В то время генеральным секретарем конференции епископов был мой хороший друг Томас Келли. Мы были очень близки и хорошо ладили между собой. Ежедневно по утрам Келли просматривал почту вместе со своим заместителем, со мной и еще парой сотрудников, и мы определяли, чем будем заниматься в этот день.

Во время одного из таких просмотров Келли подал мне знак, чтобы я остался после ухода остальных. Я до сих пор помню, как он в явном замешательстве подошел ко мне и сказал что-то вроде: «Мне очень не хочется этого вам говорить, но люди поговаривают, что вы член Opus Dei». Я уверен, он хотел бы, чтобы я ответил: «Нет, ни в коем случае!» Но я сказал: «Ну, на самом деле формально я еще не член, но надеюсь, что скоро буду». После чего я объяснил ему свой тогдашний статус по отношению к Opus Dei, и он воспринял это вполне нормально. Мы все обсудили, он был очень любезен и вел себя по-джентльменски.

Сейчас не могу вспомнить, возвращался ли в дальнейшем к этой теме Келли или кто-нибудь еще. В любом случае я ничего бы не мог с этим поделать, хотя сознавал, что мои коллеги знают, что я член Opus Dei, и относятся к этому без особого энтузиазма. Кстати, мне до сих пор интересно, как меня вычислили. Насколько я помню, я не делал ничего необычного, не произносил заклинаний, не поднимался в воздух. Я ежедневно ходил к мессе, но это делали и те, кто не был членом Opus Dei. По сей день я не знаю, что именно я предпринял, чтобы кто-то пришел к Келли и сказал: «Шоу — член Opus Dei». Может, я узнаю это в мире ином».

Присоединение к Opus Dei не погубило карьеру Шоу. Закончив работу в конференции епископов, он стал представителем католической организации «Рыцари Колумба», в настоящее время Шоу — популярный писатель и лектор. Тем не менее связь с Opus Dei внесла напряженность в жизнь Шоу: в критических статьях об организации его имя упоминается достаточно часто. В статье ныне покойного автора из Ватикана Питера Хебблетуэйта в *National Catholic Reporter* высказывалось мнение, что Шоу вместе с римским кардиналом и главой «Рыцарей Колумба» был вовлечен в закулисные переговоры о признании регулирования рождаемости, которое объявлялось греховным в энциклике Павла VI *Нитапае Vitae.* Шоу со смехом это отрицает. Из-за таких обвинений гораздо легче попасть в категорию «раздражителей», чем из-за чего-то на самом деле подрывающего основы, но они как раз и доказывают, что для членов Opus Dei поиски секулярного совершенства связаны с особыми трудностями.

Согласно мнению некоторых членов, дополнительной сложностью, относящейся к этической деятельности Opus Dei, является высокий уровень стандартов совершенства. Особенно это касается тех нумерариев, для которых ожидание от них невероятных свершений и достижений стало одним из факторов, способствующих решению покинуть Opus Dei. Шарон Класен приехала в центр Bayridge в Бостоне в 1981 году и поступила на первый курс Бостонского колледжа. К маю 1982 года в возрасте восемнадцати лет она стала супернумерарием Opus Dei. Тремя годами позже, в 1985 году, она стала нумерарием. После этого Класен переселилась в Brimfield — центр Opus Dei для женщин в Ньютоне, штат Массачусетс. Ожидалось, что все дни она будет отдавать учебе в колледже, вечерами посещать занятия Opus Dei и при этом всегда быть «в распоряжении» центра для многочисленных общественных обязательств и разнообразной помощи.

«Не имеет никакого значения, что у вас завтра труднейший экзамен, — они вам скажут: «Что ж, твоя семья важнее, сдашь экзамен милостью Божией, — сказала Класен в интервью в мае 2004 года. — Они молятся Святому Духу, потом перед сном кладут себе под подушку листок бумаги с молитвой и ждут, что Святой Дух на них снизойдет и они сдадут экзамен. Но у меня так никогда не получалось», — сказала Класен. В конце концов она почувствовала себя «полностью выдохшейся и опустошенной» и не могла соответствовать тому, что она назвала «бесчеловечными ожиданиями». У Класен были и другие претензии к Opus Dei, но физические и психологические факторы стали главными в ее разрыве с Opus Dei.

В процессе работы над этой книгой я прожил пять дней в общежитии Opus Dei при студенческом колледже Mayor Pedrables в Барселоне. Это было довольно утомительно, так как в Испании вполне обычно обедать в 10 вечера, а к полуночи собираться на встречу. Я был поражен множеством требований, предъявлявшихся нумерариям: полный рабочий день, помощь во всех видах деятельности, спонсирующихся Opus Dei, и просто быть «под рукой» на вечерах и других общественных мероприятиях. При этом вполне очевидно ожидалось, что нумерарии не только выполнят все эти обязанности, но и сделают это хорошо. Нумерарии, с которыми я беседовал, казались удовлетворенными, но я также заметил молодого человека, видимо, испытывавшего свои силы и пытавшегося соответствовать всем требованиям, который выглядел опустошенным и сломленным. Как сказал один из американских нумерариев, «это не для слабых духом».

Католическая форма кальвинизма?

При всех проблемах, возникающих в отношениях с коллегами из-за членства в Opus Dei, при безусловном истощении, появляющемся от повышенных требований, действительные трудности связаны с концепцией освящения работы и находятся на духовном уровне. Опасность состоит в том, что «освящение работы» с упором на то, что эта работа всегда должна хорошо выполняться, преобразуется в культ успеха, разновидность мании достижений, которая должна продемонстрировать «правильность целей» человека.

Упор на совершенство при выполнении секулярной работы — одна из причин, по которым Opus Dei в течение многих лет обвиняется в «элитарности». Не случайно Opus Dei руководит одной из элитных бизнес-школ Европы — Instituto de Estudios Superiores de la Empresa (IESE), находящейся в Барселоне. Действительно, в Opus Dei имеются некая предпринимательская жилка и запрограммированность на обязательный результат. Многие критики обвиняли Opus Dei в том, что он является католической версией кальвинизма, идея которого, в частности, в том, что человек демонстрирует свою богоизбранность через мирские успехи и процветание. У наблюдателей, даже с симпатией относящихся к Opus Dei, иногда складывается подобное впечатление. Таково, например, мнение монсеньора Джозефа Обунга, генерального секретаря конференции епископов Уганды. В Уганде Opus Dei появился только в 1996 году и сразу же произвел впечатление «элитарной» организации.

«Opus Dei — идейная организация, но она предана идее исключительно высших классов», — сказал мне Обунга в интервью в сентябре 2004 года. «Это мое наблюдение. Если вы спросите человека на улице «Что такое Opus Dei?», он не сможет вам ответить. Он этого просто не знает. Когда Opus Dei у нас появился, он сначала обосновался около университета Makerere, поближе к профессорам. Сейчас они работают с членами парламента, министрами, людьми высших классов. Но если в современной Уганде спросить об Opus Dei обычного христианина, он ничего не знает о них». Обунга сказал, что он приветствует работу Opus Dei с этими слоями общества. «Opus Dei подходит людям высшего класса. Если он сможет их как-то объединить, он будет влиять на них. Он хорошо работает именно для этого класса».

Такие представления расстраивают большую часть членов Opus Dei, и они делают все возможное, предъявляя парикмахеров, водителей автобусов, таксистов, механиков, являющихся членами Opus Dei, не говоря уже о японских иммигрантах, владеющих прачечными в Перу. Как сказала мне испанский супернумерарий Нуриа Чинчилла: «Я знакома с нумерарием, мать которого работает уборщицей, а отец — на заводе. Но об этих людях не говорят в новостях, а к нам приклеена репутация элитарной организации».

Окарис приводит доводы в пользу того, что сравнение Opus Dei с кальвинизмом в принципе неправильно: «Согласно философии кальвинизма, успех в работе является знаком и гарантией божественного предопределения. В Opus Dei совсем не так. Эскрива много раз повторял, что если мы стараемся хорошо выполнять свою работу, посвящаем ее Богу, служим окружающим, то даже если объективно эта работа не окажется очень хорошей, она очень ценна для Бога. Другими словами, мы должны добиваться объективных последствий хорошо выполненной работы, но не это конечный результат… Мы добиваемся успеха не как личного триумфа, а как способа стать полезными ближним». Окарис сказал, что такой подход также подразумевает «одинаковую важность всех видов работы» — и дворника, и президента США, — и это тоже очень далеко от подхода кальвинистов.

Епископ Хавьер Эчеверрия, прелат Opus Dei, в декабрьском интервью 2004 года заявил, что сейчас в связи с мировой экономической ситуацией некоторое количество членов Opus Dei не работают. «С внешней точки зрения это может рассматриваться как неудача. Но если они отдают свои души Богу, они живут в духе Opus Dei», — сказал он.

В то же время было бы лицемерием притворяться, будто в Opus Dei отсутствует сильное стремление к преуспеянию членов, поскольку профессиональное совершенство рассматривается как доброе оружие христианина. Теория гласит, что когда завоюешь уважение коллег на профессиональном уровне, они с гораздо большим вниманием выслушают твои размышления по вопросам веры. Вот как ставит этот вопрос член Opus Dei Доминик ле Торно в своей книге *What is Opus Dei?* (1984): «Чтобы завоевать окружающих, человек должен собраться с духом и выполнять свои обязанности так же хорошо, как самый лучший из его коллег, и, если возможно, лучше его».

Один итальянский нумерарий поставил перед членами Opus Dei духовную задачу борьбы за то, чтобы быть «лучше лучшего», таким образом: «Действительная опасность состоит не в том, что мы придем к поклонению мирским успехам и к мысли, что мы должны доказать свою богоизбранность, как это делают кальвинисты. Действительная опасность в том, что мы можем принять средства за цель. Это может произойти, когда вы стараетесь хорошо выполнять свою работу, потому что Отец этого от вас ждет, и вы думаете о работе утром, днем и ночью. Это занимает вашу душу, ваш ум, и вы забываете действительную причину, по которой вы все это делаете. Для Opus Dei быть занятым и хорошо выполнять свою работу — очень важно, но все это предназначается для освящения мира. Проблема в том, чтобы об этом помнить».

Глава четвертая

МОЛИТВЕННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ В ГУЩЕ ЖИЗНИ

В прошедшем году я несколько раз совершал долгие поездки на машине с членами Opus Dei. Например, 9 июля 2004 года я ехал в Анды с отцом Климентом Ортега, пастором церкви Святого Пророка и Предтечи Господня Иоанна Крестителя из города Матукана, который находится в двух часах езды от Лимы. Ортеге пятьдесят два года, он окормляет двадцать четыре небольших прихода в отдаленных горных деревнях. Некоторые из этих деревень находятся не более чем в семидесяти километрах от Лимы, если считать по прямой, но поездка по узким грязным дорогам занимает у него четыре — пять часов. Ортега — нетипичный вариант пастора: деревенские прихожане видят его раз в три недели, в то время как большинство священников появляются перед своими общинами в Андах раз в два месяца или даже реже.

Ортега — член Священнического общества Святого Креста, и его должность простого приходского священника в Матукане опровергает представление об элитарности Opus Dei. В его доме нет водопровода, и если вы хотите ночью воспользоваться туалетом, вам нужно втащить ведра с водой наверх в гостевую комнату. Домашний телефон Ортега не принимает междугородние звонки, а мобильные телефоны на таком расстоянии от Лимы не действуют, поэтому однажды утром я как бы участвовал в сцене фильма *Роман с камнем с* Майклом Дугласом, снятого в 1980-е годы, отчаянно пытаясь набрать побольше мелочи, чтобы дозвониться по городскому автомату до Рима и внести правку в мою еженедельную газетную колонку.

Когда я ехал с Ортегой в горы, наш путь петлял по узким грязным тропкам, которые заменяют дороги в этой части мира, и я заметил много маленьких придорожных памятников, украшенных цветами. Я подумал, что это какие-то предметы перуанского религиозного культа, и спросил об этом у Ортеги. «О нет, — ответил он. — Это места, где кто-то погиб в аварии на дороге». Это был не самый ободряющий ответ, поскольку мы как раз выполняли крутой поворот на сразу показавшейся мне головокружительной скорости. (На самом деле за все утро мы проехали какие-то девяносто миль.)

Где-то в середине пути Ортега вытащил из кармана молитвенник и объявил, что настало время помолиться. В машине с нами были двое нумерариев, которые тоже мгновенно достали молитвенники, и Ортега, стараясь перекричать рев колес джипа, вычитывал тексты молитв.

Подобное я наблюдал и в других обстоятельствах, хотя и не в столь опасных, — например, по дороге из Барселоны в Барбастро, или из Лимы в Канете, или из Найроби в аэропорт. Только что мы говорили о политике или о спорте, а в следующую минуту зачитываем отрывок из Эскрива, после чего предаемся медитации. Это одно из проявлений того, что члены Opus Dei имеют в виду под «молитвенными размышлениями в гуще жизни». Им не нужно удаляться на специальную «духовную» территорию, чтобы помолиться, они могут это сделать в своем обычном повседневном окружении, там, где они работают, играют, живут. В этом смысле молитва — естественное продолжение повседневной жизни.

Однако концепция молитвенных размышлений в гуще жизни нацелена глубже, чем просто на совершение молитвы в машине, а не в часовне. Идея заключается в том, что вся жизнь человека — это молитва и нет отделенных друг от друга «мирского» и «духовного» существования. Почитание и восхваление Бога в этом смысле не нуждается в чем-то специфически «религиозном», хотя, как мы видели, члены Opus Dei соблюдают ежедневные религиозные ритуалы. Цель в том, чтобы в самые обычные занятия посреди делового дня вторгались молитвенные размышления.

Не член Opus Dei, двадцатидвухлетняя Мария Ольга Галло Риофрио, которая живет при университете Opus Dei в Перу, беседовала со мной во дворе школы для умственно неполноценных детей, где она работает учителем-волонтером вместе с несколькими членами Opus Dei. «Это дети с проблемами, и Opus Dei пытается им помочь. Для Opus Dei эти дети так же важны, как и церковная жизнь. Фактически между ними нет никакой разницы. Здесь тоже молитва», — сказала она мне.

Пятнадцатилетняя Сьюзан Кимани, ученица Kianda — школы Opus Dei в Найроби, — очень уравновешенная и четко выражающая свои мысли юная девушка: кажется, что она уже сейчас вполне готова доказать свою правоту и в зале суда, и на совете директоров. Кимани не член Opus Dei, но она говорит о его органичном объединении с жизнью на примере собственного опыта в Kianda: «В других школах то, что происходит в классе, и то, что происходит в жизни, — совершенно разные вещи. Здесь жизнь — это жизнь. Ты можешь поговорить с учителями о своих домашних проблемах или ссорах с друзьями. Во многих других заведениях дети могут из-за чего-то переживать и мучиться, а учителя никогда этого не узнают. Здесь они знают тебя вдоль и поперек и интересуются тобой как личностью, а не только как учащимся».

Наряду с другими моментами такое настроение и отношение позволяют сделать органичным переход от специфически «религиозных» ситуаций к секулярному миру. Подразумевается, что член Opus Dei не выступает в качестве одного человека в церкви или в центре Opus Dei, а совсем Другого — на рынке, в операционной или в парикмахерской. Переход из одной обстановки в другую должен совершаться без усилий или быть, если употребить самое распространенное слово в Opus Dei, — «естественным». Нужно подходить ко всем аспектам человеческой жизни с одинаковым благоговением и ожиданием, избегая духовной или нравственной шизофрении. Эта идея на профессиональном языке Opus Dei называется «единство жизни».

Единство жизни, как это понимает Opus Dei, состоит в том, чтобы найти некие линзы, через которые можно увидеть всю жизнь как одно целостное явление. По словам членов Opus Dei, это то, что превращает ряд случайных и отдельных мгновений, бесконечную цепь часов, дней и лет, которые составляют жизнь, в значимое единство — в произведение искусства. Дух Opus Dei превращает множество различных шагов и противоречивых движений в единый танец, и в любой конкретный момент человек сознает, что он всегда один и тот же. Иногда в религиозном контексте люди говорят о «духовной жизни», имея в виду свои молитвы и набожность. Но для Opus Dei «духовная жизнь» включает работу, дружеские отношения, общественную жизнь, семью — все. Естественно, предполагается, что существует некое влияние на то, *как* члены Opus Dei это осуществляют. В конечном счете, «духовная жизнь» — это не больше и не меньше, чем человеческая жизнь. Ничего другого не происходит. Нет таких отделений, где не было бы написано «Дело Божие».

Одним из последствий «молитвенных размышлений в гуще жизни», в понимании Opus Dei, является тенденция к исчезновению «религиозности» как отдельной категории жизненных переживаний. «Религиозные» переживания могут случиться в офисе, на игровом поле, в кухне, на улице, в спальне, в больнице. Эскрива однажды сказал, что его монашеской кельей была улица, имея в виду, что член Opus Dei выходит из церкви с той же целью, как другие люди входят в нее, — быть в единении с Богом.

В конечном счете «единство жизни» также ведет к серьезному отношению ко всему — корпоративной сделке на миллион долларов, принятию закона, который имеет огромную важность, или уборке мусора по ночам. Точно так же, как не нужно делить по категориям нравственные инстинкты или относящиеся к доктрине вопросы веры, не нужно «исключать» значимости служения Богу только потому, что эта задача, с определенной точки зрения, является менее важной. Мысль заключается в том, что не нужно стремиться к превосходству в одних областях жизни и мириться с заурядностью в других только потому, что с внешней точки зрения они могут показаться менее важными. Это касается самых базисных аспектов повседневной жизни: например, очень редко можно встретить небрежно одетого и неряшливого члена Opus Dei. Огромное внимание Opus Dei уделяет так называемым мелочам, то есть небольшим повседневным заботам, которые с точки зрения вечности имеют огромное значение. По отношению к членам Opus Dei очень актуально звучит старинная мудрость: «Если что-то стоит сделать, это стоит сделать хорошо».

Если живешь должным образом, то молитвенное размышление в гуще жизни означает, что человек никогда не знает, где заканчивается молитва и начинается остальная жизнь. С точки зрения отца Климента Ортеги, вовсе не наша поездка в Анды включала в себя несколько мгновений молитвы. Вся эта поездка была молитвой, и несколько ее мгновений были ясно выражены в чтении молитв.

Заявления

Семнадцатилетняя Кэти Дойл учится в выпускном классе Oakcrest — школы Opus Dei в пригороде Вашингтона. Oakcrest выкупил здание школы у евангелической церкви, и до сих пор в нем осталось что-то от огромного пространства церкви. Сегодня в школе 250 девочек от шестого до двенадцатого классов, 70 процентов из них — католички, и среди них Кэти Дойл — одна из самых бойких и общительных. Это красивая, четко формулирующая свои мысли девушка. На будущий год она поступает в Университет Виргинии. Она участвует в школьных спектаклях, посмеивается над своим «приятелем» школьным дворником, болтает со скоростью «сто слов в минуту» с подругами — Лили Нельсон и Меган Хэдли. Дойл со смехом рассказывает, как задает вопросы об Opus Dei преподающим в Oakcrest нумерариям, потому что «это потрясающий способ отвлечь их от урока». Она дает понять, что совсем не спешит закончить нашу беседу — ведь иначе она должна вернуться в класс. Когда мы заговорили о том, что внесло обучение в Oakcrest в ее жизнь, она становится более вдумчивой, тщательно подбирает слова.

«В старших классах мы изучаем философию, и мы прочитали Аристотеля, — рассказывает Дойл. — Он говорит, что человек — разумное животное. Намеренно лишиться разума — очень серьезная вещь, это делает тебя в чем-то мельче человеческого существа. Это на самом деле поразило меня, потому что у меня всегда было ощущение, что напиваться пьяным — неправильно, но я никогда не могла объяснить это друзьям, которые просто говорили: «А почему бы и нет?» Я думаю, это часть того, что мы выносим из обучения в Oakcrest. Мы лучше стали понимать, почему вся наша жизнь очень важна».

Дойл — не член Opus Dei и не собирается им становиться. Она сказала, что не боится утратить свою веру, когда на будущий год поступит в известный светский университет, потому что: «Я довольна, что я католичка. Я знаю, чему учит церковь, и я с этим согласна. Я уверена, не имеет значения, поступаю я в католическое учебное заведение или нет, потому что я могу быть точно так же «религиозна» в Университете Виргинии. Стараться жить по вере — одинаково сложная задача в любом месте».

Главная мысль рассказа Дойл в том, что все в человеческой жизни должно быть согласовано и не имеет значения, находится ли человек в явно «католическом» окружении Oakcrest или в секулярной обстановке Университета Виргинии — везде и всегда он должен быть одинаков.

Александр Хавард, нумерарий Opus Dei, — директор Европейского тренингового центра под эгидой Opus Dei в Хельсинки. Он объясняет, что значит «молитвенное размышление в гуще жизни» для финской культуры.

«Например, вы идете с приятелем в сауну и не отпускаете его, пока не зададите пару вопросов о его жизни и вере. Не давайте ему говорить исключительно о качестве снега». Правда, Хавард сказал, что такой подход на самом деле идет вразрез с природой финнов. «Есть правило, что обсуждать в сауне вопросы веры вредно для здоровья», — пошутил он.

Если серьезнее, сказал Хавард, то идея религиозных размышлений в процессе ежедневной работы для большинства финнов является тонизирующей. «Финны работают очень серьезно и поэтому всегда или почти всегда уходят от разговоров. Это правильное начало для размышлений, поскольку молитвенное размышление в гуще жизни означает в первую очередь хорошее выполнение работы. Но это только начало, и многие финны на этом останавливаются. Они смешивают «рабочую этику», основанную на внешних обстоятельствах, с добродетелью, которая всегда трансформируется. Финны любят говорить о своей профессиональной этике, они ею гордятся, но им необходимо молитвенное размышление. И когда они открывают это для себя, им это нравится».

В этом смысле, сказал Хавард, концепция единства жизни, объединяющая молитвенное размышление и работу, закрывает для многих финнов серьезный этический пробел. «Проблема с «профессиональной этикой» заключена в самой ее концепции. Она предполагает, что вне

работы существуют какая-то другая этика, другие нормы с отличающимся содержанием. На самом деле можно встретить финнов, которые настойчиво говорят о своей «профессиональной этике» и при этом напиваются каждую пятницу, разводятся с женами и бросают детей, но считают себя абсолютно нравственными людьми, поскольку платят по счетам и выполняют свои профессиональные обязанности».

«Молитвенное размышление — это то, что создает единство жизни, — сказал Хавард. — Размышляющий таким образом человек не исполняет разные «роли» в течение дня: роль профессионала, роль мужа или жены, отца или друга. Размышляющая душа всегда и везде ищет Бога: в работе, в семье, в дружеских связях и хобби, даже в одиночестве. «Рабочая этика» ведет к двойной жизни и лицемерию, молитвенное размышление — к единству жизни и искренности.

Поэтому для финнов молитвенное размышление ведет к нарушению правил «профессиональной этики» и открытию, что Бог может преобразить тебя в процессе твоей работы. На этой идее настаивал Лютер, но многие современные финны, даже глубоко религиозные, не являются лютеранами. Они убеждены, что Бог воздействует на человека не снаружи, а изнутри. Я знаком с протестантским пастором из Торнио — города, находящегося за тысячу километров от Хельсинки, в Лапландии, на границе со Швецией, который ежемесячно покупает пятьдесят книг Хосемарии Эскрива для своих прихожан. Им нравится то, что говорит Эскрива. Каждый месяц около тридцати лютеран вместе с этим пастором обсуждают учение святого Хосемарии. Идея о «молитвенном размышлении» просто сводит их с ума в хорошем смысле слова».

Сорокалетний испанский нумерарий Пабло Кардона, имеющий ученые степени в области физики и менеджмента, руководит программой по этике бизнеса в Instituto de Estudios Superiores de la Empresa (IESE) — элитной школе Opus Dei в Барселоне. Он работает с такими гигантскими компаниями, как Deutsche Bank, Microsoft, Motorola, побуждая их размышлять о том, как основные моральные принципы могут использоваться в практике бизнеса.

«Мое понимание работы — составная часть понимания человеческой личности, — сказал мне Кардона в интервью в мае 2004 года. — Как оценить эту личность, как нужно относиться к людям и в чем миссия компаний в обществе? Я не отделяю свою жизнь христианина от моего подхода к компаниям. Я проработал много лет с крупными компаниями и старался помогать им выполнять их предназначение, соблюдать обязательства по отношению к разным заинтересованным лицам, а не только к владельцам акций».

«Максимализация прибыли занимает все внимание компании, — сказал Кардона. — Поэтому в последние три-четы-ре года я старался показать руководителям корпораций, как выглядит глобальный подход. Основываясь на своем понимании мира и значения людей и организаций в обществе, я пытался найти неувязку между человеческими ценностями и господствующим подходом к руководству компаниями. При разговоре с генеральными менеджерами выяснялось, что они просто не знают, что делать в этих случаях. Таким образом, я занимался разработкой административной системы, которая начинается с предназначения… Я не объясняю, как пользоваться блокнотом или веслом, я говорю о жизненных приоритетах. Когда имеешь более глубокий кругозор, антропологический кругозор, можешь добиться большего.

Все это явления одного порядка — кто ты как человек и как ты ведешь бизнес. Именно это Эскрива назвал единством жизни… Opus Dei подберется к твоей душе и скажет: «О'кей, с высоты твоей должности как ты будешь воздействовать на окружающих при помощи христианской веры? Что означает Воскресение Христа и то, что ты сын Господа? Что это значит для тебя и окружающих? Совершенно все равно, кто ты при этом: профессор в высшей школе бизнеса или любой другой человек».

Профессор университета Makerere в Кампале Мэтью Одада посещал собрания и курсы Opus Dei с 1996 года, когда в Кампале открылся центр Opus Dei. В сентябре 2004 года он рассказал мне, что хотя сам он — не член Opus Dei, но занимается в кружке, где состоят сорок сотрудников организации. Он говорит тихим голосом и делает долгие паузы, внимательно обдумывая ответы на вопросы. Он считает, что единство жизни, на которое делал упор Эскрива, может быть исключительным вкладом Opus Dei в гражданское общество современной Африки.

«Основным препятствием к созданию достойного политического и гражданского порядка в Африке является коррупция. Слишком много африканцев считают вполне приемлемым давать взятки и перекачивать материальные ресурсы в свою личную пользу или в пользу родственных групп и племен. На самом деле в большинстве своем африканцы — высоконравственные люди, придающие особое значение семье и общине, но слишком многие из нас проводят четкую грань между своей личной моралью и общественным поведением. Люди себе не представляют, что значит привнести этику в политику или бизнес. Я думаю, именно в связи с этим вклад Opus Dei может быть очень серьезным. Они могли бы помочь сформировать поколение африканских лидеров, которые знают, как соединить личную честность со своей публичной ролью». Одада сказал, что он приветствует деятельность Opus Dei в Уганде и надеется, что она распространится по всей Африке. Он хотел бы, чтобы наибольшее распространение получила мысль о том, что человек не должен «отделять» свою религиозность от руководства бизнесом или работы в правительстве. Идея не в том, чтобы посвятить жизнь каждого бизнесмена или политика религиозным медитациям, а в том, чтобы помочь им увидеть важность «единства жизни» вне зависимости от их личных нравственных ценностей.

Выше уже было отмечено, что часть «единства жизни», как это понимает Opus Dei, состоит в серьезном отношении даже к задачам, кажущимся незначительными. В качестве иллюстрации отношения к «мелочам» рассмотрим центр Shellbourne, находящийся в часе езды от Чикаго в Вальпараисо, Индиана. Его штат составляют пять нумерариев Opus Dei и восемь помощниц нумерариев, и еще летом часть дня там работают девочки-школьницы из старших классов. Центр построен в 1960-е годы, в 1986 году пристроено новое крыло, в нем имеется общежитие для священников и мирян. Жильцы общежития обычно, хотя и не всегда, — члены Opus Dei. Ежегодно там останавливаются порядка семисот человек, и бюджет общежития составляет около одного миллиона долларов. Хотя бы в одной из четырех капелл центра обязательно проводится ежедневная месса, и в каждой из них молящиеся могут исповедоваться и причащаться в течение всего дня.

В сентябре 2004 года я посетил Shellbourne, по которому меня провела его директор, нумерарий Лали Санчес Алдана. Когда мы проходили через кухни и прачечные, Санчес Алдана упомянула, что для мессы используется специальное оборудование. Существует небольшой набор кухонной посуды для выпечки просфор, часть которых упаковывается и отправляется в другие католические приходы. Имеется также специальная прачечная, в которой стираются и гладятся облачения священников и служебные покровы, используемые в четырех капеллах. «Когда священники служат мессу, они всегда отмечают чистоту и свежесть напрестольной пелены, — с заметной гордостью сказала Санчес Алдана. — В капеллах всегда чисто и убрано, всегда свежие цветы и все на своем месте».

Некоторые могут счесть излишним такое внимание к деталям или даже назвать его «скрупулезным» — определение, которое обычно употребляет католическая теология, имея в виду настойчивое и чрезмерное соблюдение правил, выходящее за рамки «состояния Божьей благодати». Но с точки зрения единства жизни все это части одного целого. Если человек искренне верит, что Христос присутствует на мессе, он обязан придавать значение даже таким мелким вещам, как состояние напрестольной пелены.

Кстати, в этой связи центры Opus Dei обычно выглядят безупречно. Чистота этих мест, на самом деле, один из самых первых моментов, на которые люди обращают внимание. Например, когда я посетил епархиальное собрание в территориальной прелатуре Яуойс в Перу, я сразу же обратил внимание на сияющие полы в каждом холле. В Торресьюдад, Марианском святилище в Испании, я познакомился с Маноло Фернандесом Гомесом, ассоциированным членом Opus Dei и бывшим коммунистом, который рассказал мне, что, когда он впервые был в Наваррском университете, его совершенно поразили «настолько чистые пепельницы, что из них можно было есть». Кроме того, все учреждения Opus Dei обычно хорошо оборудованы и производят впечатление богато обставленных (честно говоря, иногда так и есть). Однако часто это просто умение Opus Dei хорошо распоряжаться ограниченными средствами.

Еще одним примером проявления единства жизни может быть Ксави Касажуана, тридцатилетний супернумерарий Opus Dei, который живет в городе Сабаделле, в тридцати минутах езды от Барселоны. Он компьютерщик на заводе, выпускающем электромоторы. Касажуана так описывает свое отношение к работе: «Я всегда счастлив. Мои коллеги не понимают, почему в понедельник в семь утра я всегда улыбаюсь. Но для меня не важно — понедельник это или пятница… На одной из наших радиостанций есть диск-жокей, который всегда говорит: «Наконец-то пятница». Мне это не нравится. Почему бы не сказать: «Наконец-то понедельник» или «Наконец-то четверг»? Я стараюсь сделать все, чтобы быть счастливым в любой день недели, а не только в пятницу. В конце концов, я ведь тот же самый человек в каждый день недели». Это способ объяснения единства жизни — у человека должно быть одинаково ровное настроение каждый день, потому что каждый день дарит возможность восхвалять жизнь.

И, наконец, американский священник Opus Dei отец Джон Вок, который преподает на факультете коммуникаций римского Университета Святого Креста, так объясняет важность «единства жизни»: «Я думаю, для Opus Dei типично, что его члены, священники и миряне, не переходят на какой-то специальный «религиозный» язык, когда говорят о духовных предметах. Когда разговор становится «религиозным», почти не происходит изменения его уровня. В нем не появляется признаков елейности. Мы говорим обычным голосом и с Богом, и с людьми. Человек — это единая личность, с единым голосом и единой душой».

Проблемы

Существует некое опасение, которое связано с концепцией «единства жизни». Иногда считают, что члены Opus Dei никогда не теряют над собой контроль. Это может перерасти в слишком маниакальное отношение к любой мелкой детали повседневной жизни, непреклонное и настойчивое требование, чтобы все происходило «только так». Откровенно говоря, такая опасность больше свойственна англосаксонской культуре, чем Средиземноморью, где Opus Dei имеет наиболее широкое распространение. Действительно, хотя центры Opus Dei в Италии практикуют *bella figura,* то есть «соблюдение приличий», но большинство известных мне итальянских членов Opus Dei способны на так хорошо известное итальянское «пожимание плечами» и прекрасно знают, как сочетать правила и уставы с субъективной реальностью. Их требование соблюдения «единства жизни» несомненно, но не фанатично. По этому поводу Эскрива однажды сказал, что христианин не должен быть «нервным вместилищем образцового поведения».

Возможно, более глубокая проблема — поддержание духовности «размышлений в жизни», поскольку Opus Dei организационно усиливается и развивается и, хоть и неумышленно, предлагает своим членам все больше возможностей вовлечения в его деятельность, а вовсе не существование «в гуще жизни». Например, в Памплоне я говорил с супернумерарием, преподавателем Наваррского университета, который сказал, что хотя он

любит свою работу и ему нравятся коллеги, но, как это ни парадоксально, он считает свое окружение противоречащим первоначальной цели Эскрива. «Я здесь живу в гуще Opus Dei. Я работаю в организации Opus Dei, я хожу на мессу в центры Opus Dei, я отдаю детей в школы Opus Dei. Где же во всем этом «гуща жизни?».

Естественно, Памплона — уникальный случай, на земле нет другого места, где человек находится в таком замкнутом окружении Opus Dei. Но так же естественно, что нет вынужденного контраста между участием в корпоративной работе Opus Dei и существованием «в мире». Корпоративная работа, открытая и связанная с культурной жизнью общества, не является убежищем. Тем не менее очень часто семьи членов Opus Dei отдают своих детей в детские сады, школы и университеты Opus Dei, проводят свободное время, участвуя в мероприятиях Opus Dei, и заводят друзей, в основном во время неформальных встреч с другими членами организации. Они могут читать книги писателей, членов Opus Dei, или опубликованные в издательствах Opus Dei. Существует риск ухода в «мнимое гетто».

Долгое время критики считали это одним из основных противоречий Opus Dei, — когда при всех разговорах о мирянах и мирской духовности некоторые его члены живут почти в изоляции, напоминающей религиозную жизнь периода до Второго Ватиканского собора. Когда эти обвинения направлены против таких людей, как американский нумерарий Грег Бюрке, корреспондент *Fox News* в Риме, или испанский супернумерарий Ана Ройо, служащая аэропорта, они не имеют смысла. Их профессиональная деятельность ежедневно сталкивает их с широким кругом людей. Тем не менее нельзя отрицать, что члены Opus Dei хотят быть *внутри,* а не *снаружи,* — это, например, одна из причин, по которой нумерарии обычно не ходят в кино или на спортивные состязания. Следовательно, проблема в том, чтобы проявлять достаточную сдержанность и, сохраняя критический подход, не пытаться заставлять людей отказываться от их обычного жизненного опыта.

Обвинения, связанные с предыдущими, заключаются в том, что Opus Dei иногда пытается навязать свой стиль жизни руководимым им объектам, таким как университетские общежития, и в результате те не производят впечатление «секулярных». Например, американский экс-нумерарий Деннис Дубро был направлен Opus Dei помочь организовать университетское общежитие Warrane College в Сиднее — чисто мужской объект, куда даже посетители мужского пола не допускались выше первого этажа. «Мои руководители истратили четыре года, объясняя мне, что у нас мирская духовность, и я затратил столько же, объясняя это другим, а теперь они превращают университетское общежитие в монастырь», — сказал Дубро.

Большинство членов Opus Dei на это отвечают, что нет никакого риска отхода от секулярности: в Opus Dei никто не огораживает себя монастырскими стенами и не живет в скиту. И все же на психологическом уровне есть ощущение, что некоторых людей привлекает в Opus Dei именно альтернатива существующему этосу как в широком культурном плане, так и внутри самой католической церкви. Было бы соблазном относиться к Opus Dei как к убежищу, спасительной гавани и бросать там якорь, вместо того чтобы «погружаться в глубину», как часто говорил папа Иоанн Павел II.

Например, Бекет Греммельс, двадцатилетний студент университета Notre Dame, рассказал, что из-за его глубокой набожности в старших классах школы из него делали посмешище и называли «ханжой». В колледже он надеялся попасть в окружение, где ему не пришлось бы стараться «смягчать свою ортодоксальность». Он поступал во Францисканский университет Стьюбенвилла, в штате Огайо, у которого репутация довольно консервативного католического заведения, но обнаружил, что там «слишком многие просто делают вид». Греммельс сказал, что нашел то, что ему нужно, в Windmoor, центре Opus Dei рядом с кампусом Notre Dame. После учебы в аспирантуре он собирается подумать над вступлением в Opus Dei. В самом по себе факте, что Opus Dei может обеспечить спокойную благоприятную атмосферу для таких католиков, как Греммельс, нет ничего предосудительного. Но неизбежный риск заключается в том, что такие католики могут рассматривать Opus Dei в качестве места, где

можно спрятаться от мира, а не способа увидеть мир в новом свете, чтобы впоследствии его преобразовывать.

Проблема состоит в том, чтобы помнить, что быть созерцателем, то есть быть набожным, намеренно заниматься своей духовностью, — это только половина битвы, и она не относится непосредственно к Opus Dei. Дух Opus Dei заключается в том, чтобы жить с этими качествами в профессиональном мире, не создавая замкнутых групп, настоящих или мнимых. Критерием должно быть Евангельское чудо Преображения, когда Петр, Иаков и Иоанн поднимаются с Иисусом на гору и свидетельствуют о его славе. Петр хотел, чтобы они сделали кущи и остались здесь с Иисусом, но не в этом было предназначение учеников. Они были призваны следовать за Христом по городам и весям, «нищие духом», в ожидании искупления. Именно так и должны поступать члены Opus Dei.

Глава пятая
ХРИСТИАНСКАЯ СВОБОДА

Известный испанский журналист Луис Фойкс живет и работает в Барселоне. Он регулярно бывает «свежей головой» в трех телевизионных и трех радиопрограммах, он также ведущий колонки секулярной левоцентристской газеты *Vanguardia* и постоянно печатается в разделе новостей и на спортивных страницах этой газеты. В испанской журналистике он испробовал все виды работы — от редактора и заместителя редактора до зарубежного корреспондента в Вашингтоне. С 1961 года он ассоциированный член Opus Dei. Он живет со слепой матерью, которая больна болезнью Альцгеймера.

Другими словами, Фойкс — вполне типичный, успешный и морально устойчивый член Opus Dei, активно участвующий в общественной жизни Испании, человек, который осуществляет принцип «освящения работы». Имея в виду влиятельность и известность Фойкса, можно было бы предположить, что руководство Opus Dei вступит с ним в тесный контакт для координации усилий и обеспечения максимальной эффективности в достижении общих целей.

На самом деле, говорит Фойкс, после сорока одного года членства в Opus Dei он все еще ждет, что кто-нибудь из организации скажет ему, что они думают о какой-нибудь из его статей или хоть об одном из многочисленных телевизионных комментариев.

«Ничего подобного просто не происходит», — сказал он мне в июне 2004 года в неохотно данном интервью за чашкой кофе в Барселоне. Я говорю «неохотно данном», поскольку было очевидно, что, несмотря на публичную открытость, Фойкс не хочет говорить о своей частной жизни. Фактически, говорит он, Opus Dei никогда не интересовали ни его журналистская деятельность, ни его политические убеждения. Он улыбается и говорит, что все в порядке, поскольку уже по меньшей мере шесть лет он голосует за левых, а не за консервативную Народную партию бывшего премьер-министра Хосе Марии Аснара. (В испанской прессе широко распространено мнение, что Аснар — любимец Opus Dei.) Фойкс дал понять, что он так ведет себя не потому, что очень любит левых, а потому что более чем разочарован в правых. Он также подчеркивает, что никто в Opus Dei не пытался повлиять на его политический выбор.

«Люди склонны считать Opus Dei политическим, общественным, экономическим и так далее движением, — сказал Фойкс. — Это не так, во всяком случае, насколько я знаю. Opus Dei старается смотреть на людей как на личности, помочь им в духовной жизни, понять их человеческую сущность. Насколько я могу это видеть. Директор центра Opus Dei никогда не спрашивал меня, что я думаю о каком-либо издании или политическом деятеле. Будучи членом Opus Dei, я чувствую себя совершенно свободным».

Фойкс затронул и другой вопрос: «Мы не роботы. Мы нормальные люди. Иногда мне не хочется работать. Когда я вижу на улице красивую женщину, я чувствую то же, что и вы. А по субботам… ну, дело в том, что я езжу в свой пригородный дом и ухаживаю за оливковыми деревьями и виноградником — это мне отец завещал перед смертью. Это нормальная жизнь, без всякого давления».

В известном смысле огромная ирония заключена в том, что Opus Dei привлекает к себе внимание как организация, контролирующая своих членов, а при этом, по крайней мере на понятийном уровне, в католической церкви не существует никакой другой группы, которая бы придавала такое значение свободе наряду с личной ответственностью, которую эта свобода подразумевает.

Основная идея заключается в том, что вне духовного руководства и воспитания в духе доктрины, осуществляемых Opus Dei, организация не имеет никакой «программы», и ее члены совершенно свободны поступать так, как считают нужным, неся полную ответственность за свой выбор. Это не только личное восприятие Opus Dei, но и политика Ватикана: в декрете Конгрегации по делам епископов, учредившем Opus Dei в качестве личной прелатуры, говорится: «Верующие миряне, принадлежащие к прелатуре, в пределах католической веры и церковной дисциплины имеют такую же свободу, как и другие католики и их сограждане; следовательно, прелатура не отвечает за профессиональную, общественную, политическую или экономическую деятельность своих членов».

Члены Opus Dei — профессора, юристы или дворники — несут ответственность перед своим начальством на работе, но никогда — перед духовенством или директорами центров Opus Dei. Кроме того, Opus Dei никогда не использует высокое положение своих членов, будь то в церковной или мирской их карьере. «Opus Dei — апостольское предприятие, — писал Эскрива. — Нас интересует только душа. Наша мораль не позволяет нам вести себя как общество по самосовершенствованию или взаимопомощи». Под «свободой» для своих членов Opus Dei также имеет в виду свободу от любых попыток со стороны организации их эксплуатировать.

Ни одну другую тему, относящуюся к внутренней жизни Opus Dei, Эскрива не рассмотрел столь подробно, как свободу. Он обращался к ней в своих сочинениях десятки раз, выделял ее со свойственной ему жесткостью.

Например, однажды Эскрива написал: «Со своей благословенной свободой Opus Dei никогда не станет разновидностью политической партии: внутри Opus Dei есть и всегда будет место для разных точек зрения и подходов, дозволенных христианину его совестью, и на это никак не могут повлиять руководители центров Opus Dei». Эскрива высмеивал то, что называл «псевдодуховным однопартийным менталитетом». Другая цитата: «Господь хочет, чтобы мы служили ему свободно — *ubi autem Spiritus Domini, ibi libertas* — «Где Дух Божий, там свобода», и потому апостольская миссия, которая не уважает свободу, безусловно, вредна».

Может быть, самое известное замечание по этому поводу содержится в составленной Эскрива для директоров центров инструкции о том, как помочь членам Opus Dei осознать собственную свободу: «Если директора навязывают какое-то свое отношение к светским делам, то члены, которые думают иначе, должны немедленно протестовать, и это справедливо. Со своей стороны, я буду иметь печальную обязанность благословлять и хвалить тех, кто твердо отказался подчиниться, и со святым негодованием поправлять директоров, которые хотели воспользоваться властью, не имея на то права». Согласно Эскрива, суть в том, что «личная свобода и ответственность — лучшие гарантии сверхъестественной задачи «Дела Божьего».

Епископ Альваро дель Портильо, преемник Эскрива, однажды сказал его биографу Питеру Берглару, что Эскрива никогда публично не комментировал политические проблемы отчасти из-за того, что уважал свободу членов Opus Dei, поскольку, если «Отец» займет какую-то позицию, это станет сильным моральным давлением на каждого из членов. Решимость Эскрива преодолеть политические разногласия заходила весьма далеко: например, во время гражданской войны в Испании он подстрекал знакомых молодых людей играть в футбол в политически разнородных командах, так, чтобы это никогда не выглядело как «черные» против «красных». Такой же подход был не только к политике, но и к бизнесу, культуре — к любой

области, где люди организовывались по общим интересам. Эскрива настаивал, что Opus Dei не должен быть ни на чьей стороне.

Широко известно, что внутри Opus Dei священники и директора центров должны помогать членам в их духовной жизни, распространяя учение католической церкви, и это все. Священникам не советуют высказывать политические замечания, чтобы не отвратить доверившихся им людей. Руководству не полагается интересоваться политическим выбором члена Opus Dei или его профессиональной деятельностью. Студент университета, вовлеченный в Opus Dei, однажды выразил Эскрива свое удивление, что никто не спрашивает его о политических убеждениях, и Эскрива ответил: «Вместо этого тебе зададут другие «неудобные» вопросы. Тебя спросят, молишься ли ты, правильно ли тратишь свое время, радуешь ли своих родителей, учишься ли ты, ведь для студента учиться — это серьезная обязанность».

В настоящее время, как говорили мне члены, дела в значительной степени обстоят так же. Члены Opus Dei из любого уголка мира неоднократно говорили, что никто в организации никогда их не спрашивал, как они голосовали, или какой у них подход к работе, или как они обращаются со своими доходами.

Заявления

Рафаэль Рей — ведущий политик-консерватор и член Конгресса Перу. Он считается оппонентом левоцентристского президента страны Алехандро Толедо и союзником предыдущего президента Альберто Фухимори, слывшего автократом. Рей — нумерарий Opus Dei. Его политические заявления часто бывают очень резкими, и многие перуанцы полагают, что они подготовлены им вместе с кардиналом Лимы Хуаном Луисом Сиприани, который тоже является членом Opus Dei. Но в своем июньском интервью в офисе Лимы Рей сказал мне: «Никто в Opus Dei никогда не говорил со мной на политические темы. Они говорили исключительно о духовном воспитании личности, о Боге, о религиозном формировании в духе доктрины. Они старались подвигнуть меня вести себя нравственно и поступать в духе христианского учения. И все.

Никто из Opus Dei никогда не просил меня вмешаться в какой-либо политический вопрос. В центрах Opus Dei мы не говорим о политике, во всяком случае, никогда о ней не спорим. Я знаю множество людей в Opus Dei, которые думают совсем иначе, чем я». В качестве примера Рей сослался на перуанского политика Родриго Франко Монтеса, который до своей смерти в 1987 году от рук террориста из группировки «Светящийся путь» был членом левоцентристской партии тогдашнего президента Алана Гарсия. Монтес также был нумерарием с середины 1970-х до начала 1980-х годов, потом он женился, но остался в добрых отношениях с Opus Dei. Рей тогда был в жесткой оппозиции к правительству Гарсия, он и Монтес расходились во взглядах по многим вопросам. Они жили в одном и том же центре Opus Dei и, находясь дома, никогда не обсуждали политику. «Основатель сказал, что мы должны уважать свободу друг друга, и мы к этому относимся серьезно», — заявил Рей.

То, что ему дает Opus Dei, сказал Рей, относится к совершенно другому уровню. «У меня очень твердый характер, и я испытываю от этого неудобство. Мне необходима помощь в работе над собой, в том, чтобы быть терпимее, понимать и прощать других. Мне нужно видеть мои недостатки и заблуждения и научиться просить прощения. Именно эти свои проблемы я обсуждаю с кем-нибудь из Opus Dei, а вовсе не мой политический выбор».

Члены Opus Dei утверждают, что то же самое относится и к миру бизнеса. Рафаэль Лопес Алиага — президент общества Peruval Corp. S.A. и крупный руководитель железнодорожной отрасли Перу. Он ассоциированный член Opus Dei, живущий дома, поскольку ухаживает за родителями и душевнобольным братом, который нуждается в дорогих лекарствах.

Лопес вырос в Чиклайо, провинциальном перуанском городе, и впервые столкнулся с Opus Dei в выпускном классе школы, когда занял первое место на экзаменах и получил возможность поступать в университет. Результаты экзаменов были опубликованы в местной газете. Совершенно неожиданно его разыскал нумерарий Opus Dei и пригласил на собеседование в университет в Пиура. Лопес был приятно поражен таким вниманием, но не поехал, хотя интересовался Opus Dei, поскольку прочел критическую статью, в которой Opus Dei назвали «спрутом». Со временем, однако, он стал посещать лекции в университете Opus Dei в Пиура, в основном потому, что преподаватели местного университета объявили забастовку. Потом он стал читать произведения Эскрива и через год «свистнул».

Лопес заявил, что никто из Opus Dei никогда не пытался влиять на его бизнес или просить о привилегиях для членов организации. На самом деле, сказал Лопес, быть ассоциированным членом — это большие обязательства: каждый вечер в течение двадцати лет он посвящает четыре часа работе в находящемся в деловой части Лимы центре Opus Dei для мальчиков. Он проводит беседы на темы морали, ведет кружки, проводит субботние встречи для супернумерариев и помощников Opus Dei, организует спортивные мероприятия и преподает на бесплатных курсах для студентов. Курсы включают в себя ежегодную девятидневную программу для лучших перуанских студентов, посвятивших себя изучению бизнеса, и сочетают обучение профессии с некоторыми элементами «плана жизни» Opus Dei: ежедневной мессой, медитациями и так далее.

«В Opus Dei поражает исключительный духовный настрой, — сказал Лопес. — Он влияет на мою профессиональную деятельность, побуждая меня быть более искренним и высоконравственным, относиться к моим подчиненным и коллегам как к личностям, а не винтикам в машине. Я свободен решать, как мне двигаться по служебной лестнице, какие сделать инвестиции, кого взять на работу и тому подобное. Просто немыслимо предположить, что кто-нибудь в Opus Dei попытается повлиять на мой выбор в этих вопросах».

Возьмем пример из Америки: Дуг Хиндерер — вице-президент Национальной ассоциации риелторов в Чикаго, супернумерарий Opus Dei. У них с женой Ширли девять детей, что вполне отражает склонность Opus Dei к большим семьям. Мальчики посещают Northridge Prep — школу Opus Dei для мальчиков в Чикаго, девочки — Williows — также школу Opus Dei. Хиндерер сказал, что на самом деле они хотели бы иметь больше детей, но пока не получается, поэтому они завели собаку по имени Хантер.

Хиндерер заявил, что никто в Opus Dei никогда не расспрашивал его о карьере, хотя когда он перешел из корпорации, приносящей большие прибыли, в менее прибыльную организацию, это могло сказаться на его финансовой поддержке Opus Dei. Тем не менее все беседы с духовенством и светскими руководителями Opus Dei посвящены исключительно духовным вопросам.

«Они не спускают меня с крючка на исповеди, и я это очень уважаю, — сказал Хиндерер. — Один из священников как-то сказал мне: «Ты пичкаешь меня рассказами о своем дерьмовом поведении». Я был очень удивлен, что священник так выражается, но ведь он был абсолютно прав. Именно этим занимается Opus Dei».

Нельзя сказать, что при случае некоторые члены Opus Dei не пытаются использовать организацию как своего рода широкую политическую или деловую сеть для профессионального или другого продвижения. Однако люди, знакомые с Opus Dei, утверждают, что обычно такая активность, прикрываемая неискренним подчеркиванием «свободы», заканчивается очень быстро. Например, Эндрю Рид, руководитель школы Opus Dei для мальчиков в пригороде Вашингтона и не член Opus Dei, рассказал мне, что в декабре 2004 года один супернумерарий заявил ему, что присоединился к Opus Dei, потому что это поможет его карьере. Рид сказал, что в дальнейшем этот человек вступил в конфликт с Opus Dei и покинул организацию. «Думаю, что на самом деле он не представлял, с чем имеет дело», — сказал Рид.

Пределы свободы

Со стороны этот разговор о свободе может быть непонятным, поскольку часто кажется, что Opus Dei действует в качестве единой силы как в церковных вопросах, так и в секу-лярной политике. Например, если коснуться церковных дел, — монсеньор Фернандо Окарис, викарий Opus Dei, а также консультант Конгрегации доктрины веры, был одним из основных авторов документа *Dominus Iesus* (2001), в котором вновь заявлялось о превосходстве римского католицизма над другими религиями. Никто из членов Opus Dei, во всяком случае публично, не принял участия в критике этого документа. Видные американские члены Opus Dei Расселл Шоу и отец Джон Макклоски солидаризировались с правыми католиками (если не предполагать, что они на самом деле согласны со всеми положениями документа). Трудно назвать хоть одного члена Opus Dei, выступающего на стороне левых католиков, по крайней мере во внутрицерковных дискуссиях. Два кардинала Opus Dei — Хуан Луис Сиприани из Лимы и Хулиан Эрранс из Ватикана, президент Папского Совета по толкованию законодательных текстов, хотя и очень разные по характеру, относятся к консервативному крылу Совета кардиналов. Говоря языком секулярной политики, — хотя в мире есть несколько членов Opus Dei, участвующих в левых партиях, центр тяжести числа членов, безусловно, находится справа.

Как это возможно, если Opus Dei на самом деле выступает за свободу? Одна из первостепенных проблем, встающих перед Opus Dei, — дать убедительный ответ на этот вопрос.

Часть ответа является социологической. Opus Dei привлекает к себе определенный тип людей, и обычно, хотя и не исключительно, эти люди склонны к «консерватизму» как в церковных, так и в секулярных вопросах. Нет необходимости в центральной организационной комиссии или в указаниях свыше. Заранее существует приблизительный консенсус по вопросам о том, что является важным, какие дела имеют особое значение и какие средства больше подходят для их продвижения. Когда члены Opus Dei начинают «свободно» работать над совершенствованием секулярного мира, те из них, кто выбирает политику, обычно заканчивают тем, что идут в одном направлении, без диктовки Opus Dei или попыток повлиять на их выбор.

Вторая часть ответа заключается в том, что внутри Opus Dei существуют четкие границы свободы мыслей и поступков, содержащиеся в учении католической церкви. В проповеди, озаглавленной «Свобода: Дар Божий», Эскрива так ставит вопрос: «Отвергайте ложь тех, кто ублажает себя патетическим криком «Свобода! Свобода!». Их крик часто маскирует ужасное порабощение, потому что выбор, который предпочитает ошибаться, не свободен. Только Христос делает нас свободными, поскольку только Он есть Путь, Правда и Жизнь». Члены Opus Dei не считают себя «свободными» поддерживать точки зрения, которые противоположны церковной вере и морали. Вы не найдете ни одного члена Opus Dei, который был бы против позиции церкви о контроле рождаемости, или поддерживал аборты, или отрицал Бога, или считал Христа просто странствующим проповедником. Это происходит не потому, что членов Opus Dei заставляют занимать такие позиции, и не потому, что им угрожает инквизиторский процесс, если они произнесут или опубликуют что-то неортодоксальное. Скорее всего, это связано с тем, что люди, которые решают присоединиться к Opus Dei, в большинстве своем уже «члены одной команды» и Opus Dei привлекает их тем, что в нем они не столкнутся со скептицизмом, который так характерен для секулярного мира или для некоторых католических кругов.

Пожалуй, лучше всего выразила эту мысль семнадцатилетняя Кэти Дойл, которая учится в выпускном классе Oakcrest — школы-филиала Opus Dei для девочек в Маклине, штат Виргиния. Я спросил ее (Кэти не член Opus Dei), считает ли она, что член Opus Dei должен «свободно» относиться к позиции церкви о контроле рождаемости. Она ответила: «Если вы

собираетесь быть в Opus Dei, вы не можете соглашаться только с частью церковного учения. Вы уже в большой степени строгий консервативный католик».

Кузница фундаментализма?

Если взглянуть со стороны, может показаться, что комментарий Дойл намекает на некую проблему, которая не всегда адекватно оценивается в Opus Dei и связана с вопросом «свободы». Opus Dei часто воспринимается как довольно четкий образ лояльности по отношению к папе и приверженности к консервативной католической доктрине. Некоторые источники полагают, что Opus Dei — «кузница фундаментализма», поглощающая восприимчивые умы и формирующая в них узкий кругозор.

Без сомнения, есть случаи, когда в Opus Dei приходят люди без особых духовных склонностей, и тогда официальные указания и неформальные беседы подталкивают их к консервативному мышлению. С другой стороны, гораздо более часты случаи, когда будущие члены тянутся к Opus Dei потому, что они уже настроены консервативно. Согласно большинству обозревателей, тогда они обычно долго находятся в рядах Opus Dei. Постоянное подчеркивание «свободы» приводит к тому, что они становятся немного более великодушными, когда сталкиваются с противоположными взглядами, и хотя не смягчают собственных точек зрения, все же склонны меньше осуждать и быть более милосердными. Кроме того, в границах, обозначенных в *Катехизисе католической церкви,* в Opus Dei существует поразительное множество школ и интеллектуальных подходов.

Пиа де Соленни, американский юрист, работающая в Совете по изучению семьи в Вашингтоне, не член Opus Dei, изучив положение дел в двух папских университетах, работала над докторской диссертацией в руководимом Opus Dei Университете Святого Креста в Риме. Вот ее наблюдения: «Конечно, вы можете сказать про Университет Святого Креста, что он консервативен. Но вы туда попадете и столкнетесь и с томистами, и с феноменолистами, и с неоплатонистами. Это действительно интересно, что так много философских направлений существуют в рамках одного университета. Я думаю, это удивительно, потому что никогда не видела такого в любом другом заведении. Они спорят друг с другом на конференциях и на страницах журналов, но так бывает всегда, когда есть интерес к интеллектуальной жизни».

Приведем один пример: в конце 2004 — начале 2005 года католический мир был еще раз втянут в дебаты о СПИДе и презервативах, на этот раз в связи с тем, что на Конференции испанских епископов выступавший предположил, что презервативы могут быть легитимной частью антиспидовской стратегии. По иронии судьбы, два самых ярых оппонента были представлены ультраправыми католиками и секулярными массмедиа, которые, хотя и по разным причинам, связывали церковь с полным и абсолютным запретом презервативов. Кроме того, многие католики-моралисты и даже некоторые официальные представители Ватикана были склонны допустить, что в ситуации, когда безнравственный половой контакт может произойти так или иначе, использование презерватива для предотвращения СПИДа может рассматриваться как «меньшее зло».

Один из голосов, выступавших за такой подход, принадлежал монсеньору Анхелю Родригесу Луньо, священнику Opus Dei, профессору Университета Святого Креста в Риме, консультанту Конгрегации доктрины веры. «Проблема заключается в том, что, когда мы пытаемся дать неоднозначную реакцию, тут же в газетах появляются заголовки «Ватикан одобряет презервативы», — сказал Родригес Луньо в интервью *Washington Post.* — Вопрос гораздо более сложный. С точки зрения морали мы не можем смотреть сквозь пальцы на контрацепцию. Мы не можем сказать шестнадцатилетним детям в классе, что они должны пользоваться презервативами. Но если мы сталкиваемся с ситуацией, когда человек несомненно будет продолжать вести себя пагубно, с проституткой, которая не собирается

бросать свою профессию, тогда мы можем сказать: «Остановись. Но если ты не собираешься этого делать, то хотя бы сделай то. Половая жизнь вне брака уже есть нарушение шестой заповеди, половая жизнь вне брака без предохранения чревата нарушением пятой заповеди — «Не убий». В сущности, Родригес Луньо проводил различие между законом и казуистикой, имея в виду применение закона в конкретных случаях. Родригес Луньо очень хорошо знал, что ни папа, ни любое агентство Ватикана никогда не высказывались по конкретному вопросу о том, может ли презерватив быть оправдан как меньшее зло в контексте СПИДа. Это была тонкая аргументация, которая удивила и ужаснула некоторых консерваторов.

Через некоторое время эта разновидность плюрализма, которую описывает де Соленни и о которой говорит Родригес Луньо, привела к эффекту «смягчения» людей, бывших изначально более жесткими. Другими словами, Opus Dei не столько порождает фундаменталистов, сколько их переделывает. Если так действительно происходит, это должно согласовываться с мечтой Эскрива, который в письме от 1965 года писал, что хотел бы, чтобы члены Opus Dei были либеральными, «всегда признавали хорошее в других, никогда не были замкнутыми и ограниченными и чтобы их души были открыты всему миру».

Разные модели

На более глубоком уровне мир не готов серьезно воспринять мнение Opus Dei о свободе, поскольку чаще всего речь идет о двух разных моделях свободы. В большинстве случаев напряженная секулярная мысль под свободой понимает то, что философы называют «волюнтаризмом», имея в виду личное желание. Человек «свободен», когда нет внешних ограничений в свободе действий, когда он делает то, что хочет. В этом смысле, если человек не согласен с позицией Opus Dei по отношению к контролю рождаемости, он не полностью «свободен».

Однако внутри Opus Dei понимание свободы другое. Opus Dei обращается к классическому аристотелевско-томистскому подходу, согласно которому свобода — не есть конечное добро. Свобода, скорее, отсылает к истине, и, таким образом, действительно свободный человек не просто делает то, что хочет, но поступает в соответствии с промыслом Божиим о подлинном человеческом процветании. Если воспользоваться довольно избитым примером, алкоголик не «свободен» именно потому, что он пьет, когда хочет. Он не может быть свободным, пока не прекратит пить, даже если это будет не то, чего он «хочет» в этот момент.

В проповеди о свободе Эскрива выражает это следующим образом:

Поймите, свобода обретает правильный смысл только при служении истине, которую мы устанавливаем в поисках бесконечной любви, освобождающей нас от всех форм рабства. Каждый новый день усиливает мое стремление провозгласить на все стороны света неисчерпаемое сокровище, принадлежащее христианству: «Великая свобода детей Божиих!» По существу, именно это имеется в виду под «доброй волей», которая учит нас добиваться добра, после того как мы отличили его от зла… Но есть люди, которые этого не понимают. Они восстают против Создателя, и их восстание мелко, уныло и беспомощно, они слепо повторяют бесполезные жалобы, увековеченные в псалмах, — «давайте избавимся от рабства, давайте освободимся от их власти». Они естественно, молчаливо, без демонстраций и сетований уклоняются от тягот выполнения своих повседневных задач. Они не сознают, что даже когда воля Божия кажется тягостной и причиняет боль, она вполне совпадает с нашей свободой, которую можно обрести лишь в Боге и в Его замыслах.

По этому поводу один итальянский нумерарий сказал мне: *Abbiamo liberta, si, ma liberta dentro un impegno* («У нас есть свобода, но она находится в рамках наших обязательств».)

Взаимное непонимание по поводу «свободы» в Opus Dei часто не столь огромно, чтобы заявлять: «критики лгут, а Opus Dei говорит правду» или наоборот. Просто обе стороны

употребляют одно и то же слово «свобода», но имеют в виду разные вещи. Конечно, напрямую аристотелевско-томистская модель не является концепцией свободы Opus Dei, но она лежит в основе многих традиционных католических размышлений. Однако, поскольку Opus Dei стремится занять в данном случае ведущую позицию, на него падает непропорционально тяжелая ноша — найти способ объяснить свое понимание свободы культурному сообществу, исходные параметры которого по этому вопросу очень отличаются.

Глава шестая

БОГОСЫНОВСТВО

Одна из самых значительных случившихся с Эскрива историй произошла во время его поездки по Мадриду в 1931 году, через три года после его прозрения в День Ангелов-Хранителей, положившего начало Opus Dei. В тот день он ехал в трамвае и читал ежедневную мадридскую газету *ABC*, когда внезапно увидел вокруг божественное сияние, настолько потрясшее его, что он не смог сдержаться и закричал во весь голос: *«Abba,* Отец, Отец!» *Abba* — слово из арамейского языка, на котором говорил Иисус, оно переводится приблизительно как «папа». Это одно из нескольких слов, оставшихся не переведенными авторами Нового Завета, который написан в основном на греческом языке.

Нечего и говорить, что пассажиров трамвая его крик сильно удивил, но они ничего не предприняли. Потом Эскрива рассказывал, что в тот момент он ошеломляюще четко осознал себя сыном Божиим — позже он стал называть это ощущение *богосыновством.* Идея заключается в том, что все мы — создания Божии, а искупая наши грехи через жертву Иисуса на Кресте, Бог нас усыновил, и, таким образом, мы в самом прямом смысле «дети Божии» и пользуемся всей любовью и нежностью, которые подразумевают эти отношения.

Конечно, Opus Dei считает знаменательным, что это откровение произошло не в соборе или монастыре, а в уличном транспорте, набитом обычными людьми, едущими по своим повседневным делам. Это был случай усиленного предназначения: откровение случилось *в* миру, чтобы подчеркнуть правду *о* мире. Как позже это сформулировал сам Эскрива, «улица не мешает нам иметь умозрительный диалог с Богом. Для нас давка и сутолока мира и является местом для молитвы».

Восприятие себя любимым чадом Господа было главной идеей Эскрива. Настолько, что однажды во время «медитации» (размышления после чтения Евангелия), когда он услышал слова молодого священника о том, что основа духовной жизни Opus Dei — смирение, Эскрива выкрикнул: «Нет, сын мой, богосыновство!» Позже он пришел к такой формуле: если секулярность и освящение работы — каркас Opus Dei, то богосыновство — его фундамент. Питер Берглар в своей биографии Эскрива пишет, что Хосемария, когда служил капелланом в монастыре Святой Изабеллы в Мадриде, проводил долгие часы перед статуей младенца Христа, размышляя над тем, что означает быть, как Христос, Сыном Божиим.

На каком-то уровне идея богосыновства должна давать тем, кто серьезно ее воспринимает, удивительную безмятежность, уверенность и даже гордость. В конце концов, все мы дети Божии (так же, как и дети Адама). Эскрива писал: «Ищите утешение в богосыновстве. Бог — ваш любящий отец. Это ваше убежище, защищенная гавань, где вы можете бросить якорь, невзирая на волны жизненного моря». Один нумерарий сказал мне, что если бы ему было нужно перевести идею богосыновства на язык современной молодежи, это прозвучало бы примерно так: «Парень, ты чего? Ты знаешь, кто мой папаша?»

Монсеньор Фернандо Окарис, генеральный викарий Opus Dei, в интервью 2004 года объяснял свое понимание идеи богосыновства:

«Эта идея должна быть истинной для каждого христианина, она не является специфической идеей Opus Dei. Для нас характерно только то, что святой Хосемария нас подтолкнул, попросил поставить эту идею в центр нашего христианского сознания. Что это означает? По существу, это предполагает, так сказать, жизнь в постоянных молитвах, а не

только в какие-то специальные моменты. Это поддерживает своего рода сверхъестественный инстинкт доверительного и спокойного обращения к Богу с просьбами о помощи, о прощении грехов и слабостей или с благодарностью. Дух сыновства подразумевает доверие и веру в Бога и отрицает «страх» перед Богом в отрицательном смысле этого слова: не в библейском понимании «страха Божиего», означающем уважение и любовь, но «страха» обидеть Господа, которого мы любим. В результате наша духовная жизнь проходит в спокойной, мирной, доверительной атмосфере».

Окарис также сказал, что понятие богосыновства имеет важное значение для работы. «Оно побуждает нас рассматривать свою работу как самостоятельную деятельность, вне зависимости от обстоятельств. Так сказал Основатель. Задачи служащего крупной компании кем-то заранее определены, но их выполняет он, это его работа, потому что он делает это для Бога. С общечеловеческой точки зрения он не является хозяином, он не решает сам, что сделать. Однако это *его* работа, потому что, в конечном счете, это работа Бога».

В конце Окарис сказал еще об одном значении богосыновства: «Идея богосыновства также подразумевает изменение наших собственных возможностей и собственной несостоятельности. Богосыновство порождает атмосферу возвращения к Богу с доверием и искренностью. С догматической точки зрения это не является чем-то новым. Но воплотить это в жизнь, сделать сущностью христианства — тяжелая обязанность».

Сам Эскрива в своих произведениях и проповедях обрисовал пять главных следствий из идеи богосыновства.

• Первое: если быть сыном или дочерью Господа означает, что каждый христианин в известном смысле *ipse Christus,* или «сам Христос», тогда все, что делает христианин, — часть спасения мира. Как мы уже поняли, для Эскрива это относится не только к трагическим событиям Страстной недели, но и к долгим годам мирных трудов в мастерской Иосифа. Когда Христос работал над изготовлением стола, это тоже было частью спасения всего сотворенного мира. В числе других вещей подразумевается, что он, вероятно, мог делать потрясающие столы. Это, несомненно, обращает наше внимание на ремесло и его детали. Таким образом, даже самые простые мирские дела, увиденные в аспекте богосыновства, приобретают необыкновенную значимость.

• Второе: нравственные последствия того, что человек — Божье чадо. Если христианин — это еще один Христос, это налагает на него обязательства соблюдать высокую мораль и нравственность. Иоанн Павел II называет это «христианской антропологией». Вы представляете себе, что такое на самом деле человеческая жизнь, поэтому ощущение себя сыном или дочерью Господа привносит в эту жизнь чувство достоинства, которое, в числе других вещей, устанавливает некие границы дозволенного. Например, это делает морально неприемлемыми аборты, клонирование или эвтаназию не потому, что так говорит церковь, или потому, что это будет иметь социально негативные последствия, а потому, что все это подразумевает отсутствие внутреннего достоинства жизни. Более фундаментально это означает, что любое взаимодействие с другим человеком — это столкновение с Божиим чадом, поэтому ко всем людям следует относиться с уважением и сочувствием.

• Третье: богосыновство плавно переходит в то, что в Opus Dei называется *апостолатам*, а в менее политически корректные времена было известно как «прозелитизм». Идея заключается в том, что если каждый человек — чадо Божье и еще один Христос, то чем больше люди знают о том, к чему это ведет, и чем более полно проявляют свою индивидуальность, тем они богаче. «Завоевание душ» для Христа, для церкви и, если возможно, для Opus Dei считается главным приоритетом.

• Четвертое: осознание богосыновства должно вызывать счастье, подлинную удовлетворенность жизнью, которые основаны на реалистичной оценке положения, а не на кратковременной эйфории. Эскрива писал: «Наш путь — это путь радости, преданной верности

в служении Богу. Наша радость — это не глупая оживленная улыбка, вызванная физическим благополучием. У нее глубокие корни… Радость — это неизбежное следствие богосыновства, осознания, что мы любимы своим Божественным Отцом, который приближает нас, помогает нам и всегда нас прощает». Действительно, посетители центров Opus Dei обычно бывают поражены радостью и весельем, царящим в этих местах. Многим людям это кажется очень ярким и заразительным, тогда как критики утверждают, что эти проявления неестественны и принудительны.

• Пятое: Эскрива связал идею богосыновства с более привычной реальностью — Крестом. Он так размышлял о «сиянии» 1931 года: «Господи, ты сделал это так, что я понял: обрести Крест — значит неожиданно встретиться со счастьем, с радостью. И именно поэтому я с большей ясностью, чем обычно, вижу, что обрести Крест — значит отождествить себя с Христом, значит быть Христом, быть сыном Бога». Эта связь между идеей богосыновства и Крестом Господним была для Эскрива очень существенной. Если мы в некоем мистическом смысле тоже сыновья и дочери Бога, тогда мы также предназначены для Голгофы. Вот что он сказал по этому поводу:

Очищайте свои помыслы, посвятите себя любви к Господу, каждый день с радостью принимайте испытания. Я повторяю это тысячи раз, потому что считаю, что эти мысли должны запечатлеться в сердцах христиан. Когда мы не ограничиваем себя толерантностью, а, наоборот, находим удовольствие в бедствиях, физических и нравственных страданиях, и предлагаем их Богу в качестве компенсации за свои грехи и за грехи всего человечества, я уверяю: боль вас не сокрушит. В этом случае человек не только не несет никакого креста, но открывает для себя Крест Божий с утешительным пониманием, что Спаситель предлагает себя для его несения.

Эскрива даже полагал, что каждый христианин в определенном смысле «соискупитель», имея в виду, что каждый христианин участвует вместе с Христом в работе по спасению мира. Окончательно он это сформулировал в *Крестном Пути*: «Господь — мой отец, хотя и посылает мне страдания. Он нежно любит меня, хотя и ранит. Иисус страдает, чтобы выполнить святую Божию волю… И я, который также хочет следовать воле Божией, идя по следам Христа, разве могу я жаловаться, встречаясь со страданиями? Это четкий знак моего богосыновства, потому что Он обращается со мной, как и со своим божественным Сыном».

Заявления

Я встретился с пятидесятичетырехлетним Мануэлем Хесусом Сааведра в его парикмахерской в центре Лимы. Сааведра родился в северной части Анд, шестнадцать лет был парикмахером на перуанском флоте, и сейчас у него «частная практика». Он не член Opus Dei, но уже с 2002 года полный энтузиазма помощник Его сын — член Opus Dei. Над зеркалом перед парикмахерским креслом висит фотография Эскрива, и клиенты смотрят на нее, пока он их стрижет. Он сказал, что в результате возникают очень интересные разговоры о вере и духовности.

Я спросил Сааведра, что значит для него богосыновство.

«Оно учит меня любить людей, потому что они дети Бога, — сказал он. — Поэтому клиент не только получает двадцать минут моего времени и хорошую стрижку. Я также стараюсь минут пятнадцать-двадцать просто поговорить с ним, узнать немного о нем, поделиться чем-то своим. Когда я начинал это делать, я думал, что люди не хотят говорить о Боге, но узнал, что на самом деле это не так. Я не пытаюсь никого обращать в веру, но надеюсь, что они будут серьезнее относиться ко многим вещам».

Сааведра сказал, что некоторые его клиенты начинают критиковать Эскрива, когда видят его фотографию. В Перу Opus Dei долгое время был предметом яростных споров, большей

частью из-за того, что в глазах общества он был связан с кардиналом Хуаном Луисом Сиприани и политиком Рафаэлем Реем. Они оба были известны своими консервативными и противоречивыми взглядами. «Я очень рад, что клиенты говорят об этом со мной, потому что я могу им ответить», — сказал Сааведра. Поскольку его заведение находится в рабочем районе, населенном индейцами Перу, говорящими на языке кечуа, то чаще всего он слышит критические заявления, что Opus Dei «для белых людей, для богатых людей со светлыми волосами». Тогда он говорит им: «У меня есть сын, такой же темнокожий, как и я, он живет в бедном районе, но он состоит в Opus Dei». Возвращаясь к теме богосыновства, Сааведра сказал: «Все мы дети Бога и поэтому должны любить каждого человека».

Сааведра сказал, что идея отношения к работе как к способу спасения мира очень важна для него и для его сыновей, которые тоже парикмахеры. «Я хочу умереть с ножницами в руках», — признался он.

Марлиз Кукинг — глава Центрального консультативного совета, руководящего органа женского отделения Opus Dei, и, таким образом, занимает самое высокое положение во властной структуре организации. Она живет в Риме с 1964 года и была свидетелем многих событий. Например, в 1965 году именно она была духовной наставницей Марии дель Кармен Тапиа, руководителя женского отделения в Венесуэле, позже отозванной в Рим и в 1966 году покинувшей Opus Dei. Тапиа вспоминала, что Кукинг обвинила ее в «излишней гордости».

Я разговаривал с Кукинг 25 ноября 2004 года в День Благодарения, хотя в Риме это был просто вторник. Кукинг, немка по национальности, рассказала мне, что впервые познакомилась с Opus Dei, когда в 1954 году участвовала в студенческой поездке по Риму. Тогда молодая девушка, которая жила на Вилле Сакетти — штаб-квартире женского отделения Opus Dei, ныне резиденции Кукинг, объяснила ей идею поиска Бога в гуще мира. Кукинг была воспитана в традиционной немецкой католической семье и была ошеломлена этой идеей. «Я всегда думала, что человек, чтобы помолиться, должен зайти в церковь или принять участие в каком-то крестном ходе, — сказала Кукинг. — Но просто на улице? Эта мысль меня заворожила». Кукинг «свистнула», чтобы стать нумерарием, в восемнадцать лет. Сначала она ничего не сказала матери, но скоро стало очевидным, что что-то изменилось, поскольку она ежедневно посещала мессу и не ходила в кино и на вечеринки. Родители стали выражать беспокойство, а поскольку в это время в Германии совершеннолетие наступало в двадцать один год, то теоретически они могли заставить ее ждать вступления в новую жизнь три года. Однако вместо этого они в октябре 1956 года пошли побеседовать со священником Opus Dei и вернулись с единственным вопросом: «Чем тебе помочь?»

Вскоре после этого штаб-квартира в Риме поручила Кукинг и еще двум немецким женщинам-нумерариям открыть центр. Они подыскали в Кельне жалкое здание, разрушенное во время войны. Там жили четыре или пять семей, которые никогда не пытались привести дом в порядок, и он, по словам Кукинг, был ужасен. Она вспоминает, что тогда люди говорили о «богатстве» Opus Dei. Сначала в центре жили Двое нумерариев — она и мексиканка, и перед ними стояли серьезные материальные проблемы. Однажды, вспоминает Кукинг, она буквально не представляла себе, на что купить еду на следующий день, но благодаря чудесным обстоятельствам все уладилось. Она сказала, что этот случай показал ей, что на самом деле означает богосыновство — если веришь в Бога, то никогда не будешь чувствовать себя совершенно заброшенным.

Кукинг сказала, что для нее богосыновство — это «основа всего» внутри Opus Dei и ее личной духовности.

«Мы сыновья и дочери Бога не только когда мы молимся, но и когда шутим, веселимся, едим — в каждый момент нашей жизни. Очевидно, что это придает нам силы, ощущение полноты жизни, готовность принять все, что Господь нам посылает. В этом смысле «Дух Дела» — с радостью воспринимать любую трудность. К тому же, если я дочь Бога, я также должна работать, я должна делать этот мир ближе к Богу. Эта мысль побуждает меня не только к

действию, но и к тому, чтобы делать абсолютно все, что в моих силах, поскольку каждая задача имеет в виду эту огромную вечную цель».

Диана Лечнер, супернумерарий из Чикаго, уже была представлена в главе 3. Она мать семерых детей: четырех мальчиков и трех девочек, и пока дети не стали достаточно взрослыми, она была домохозяйкой. Она объяснила мне, что, имея семерых очень шумных детей, которые день и ночь крушили все в доме, она пыталась найти время для духовной жизни. Размышление над словами Эскрива о богосыновстве, сказала она, «очень помогло мне сохранить Бога в своей жизни». А именно, она решила, что сможет выделить время для молитв, медитаций и других «нормативов», которые входят в ежедневное расписание члена Opus Dei. Когда она это сделала, то обнаружила, что прочие повседневные дела улаживались сами собой.

«Если бы я поставила на первое место пеленки, я никогда бы не выполнила «нормативы», — сказала Лечнер. — Но когда я молюсь и читаю, все остальное становится на свои места».

Эдна Кавана — типичный гражданин мира. Ее дед был наполовину испанцем, наполовину англичанином, ее родители встретились в Буэнос-Айресе, где она и родилась.

В 1959 году она эмигрировала в Европу. В Амстердаме проходил мировой чемпионат по хоккею на траве, и Кавана поехала туда в составе аргентинской женской команды. В 1967 году она получила голландское гражданство и стала работать в преуспевающей внешнеторговой фирме.

Кавана узнала об Opus Dei в 1984 году, когда она была названа «Бизнесвумен года» и один из членов Opus Dei попросил ее побеседовать с группой женщин. Она сказала, что ей сразу же понравилось особое внимание Opus Dei к освящению работы, поскольку она была и преданной католичкой, и высоким профессионалом. В конечном счете она стала супернумерарием. Я встретился с ней в мае 2004 года в храме Opus Dei в Торресьюдаде во время ежегодного семинара для женщин-супернумерариев.

Кавана сказала, что хотя в 1980-е годы Голландия считалась самым либеральным католическим сообществом мира, она сразу же поняла, что Opus Dei — источник споров. «Я заметила, что люди вели себя со мной менее открыто и использовали любую возможность, чтобы задать мне неприятный вопрос или сказать что-то ядовитое». Поскольку Кавана изучала право, у нее, как она сказала, было «обостренное ощущение справедливости» и она чувствовала, что многие атаки на Opus Dei были несправедливы. Однажды ее спросили, почему, если она хочет молиться каждый день, она не «стала кармелиткой». Это, сказала она, было бы более приемлемым для многих ее друзей-католиков. Однако она была стойкой и осталась в Opus Dei, где могла сочетать профессиональную деятельность с духовной жизнью.

Но «апостольская миссия», то есть попытка привести к вере других, гораздо сложнее. Кавана сказала, что она связана у нее с пониманием богосыновства.

«Я думала, что будет очень трудно говорить с людьми лично. Одно дело — выступать с лекцией по любому вопросу веры, но совершенно другое — разговаривать с людьми, отдавать себя им, открывать людям свою внутреннюю жизнь, чтобы они с надеждой осознали, что они дети Бога», — сказала Кавана. Согласно мнению многих членов Opus Dei, это суть «апостольской миссии». Это связано с личным дружелюбием и искренностью. Если человек старается жить как чадо Божие, как это понимает Opus Dei, если он умеет дружить, естественно, возникнет удобный случай поделиться этими свойствами с другими.

«Вдруг вы осознаете, что если открыты тому, чего от вас хочет Господь, Он делает это легким. Он приводит к вам людей. Я думала, мне нужно будет стучаться в двери и говорить «Это я» или что-то подобное. Фактически благоприятные возможности просто возникают сами: во время профессиональных встреч или дружеских бесед вы можете помочь людям понять, кем они являются в действительности в свете любви к ним Бога. Это было совершенно новым.

И это страшно усилилось. Теперь, уже будучи на пенсии, я занимаюсь этими вещами с группами людей, с семьями, в разных местах страны», — сказала Кавана.

И в заключение — отец Соихиро Нитта, викарий Opus Dei в Японии, который за ланчем в римской траттории сказал мне, что, по его мнению, идея богосыновства может оказаться самым важным вкладом Opus Dei в японскую культуру.

«После Второй мировой войны образ отца исчез из японской семьи, — сказал он. — Раньше отец всегда пользовался большим авторитетом и плюс к тому был родителем, который любит тебя, несмотря ни на что. Эти две идеи — авторитет и безоговорочная любовь — были соединены вместе. Однако после войны возникло огромное противостояние авторитаризму и всему, что напоминало людям прежнюю социальную систему. Все стремились к равноправию.

В результате, — сказал Нитта, — сегодня идея любящего отца, который при этом устанавливает правила и ожидает послушания, — другими словами, христианская идея отцовства Бога, — очень трудна для понимания японца. И здесь Opus Dei может внести свою лепту, поскольку эта идея была основополагающей для святого Хосемарии. Возможно, Opus Dei сможет сделать вклад не только в духовность японского народа, но также и в оздоровление семьи, которая сейчас в Японии в не очень хорошем состоянии».

Кстати, Нитта — один из всего девяти священников Opus Dei в Японии. Он сказал, что хотя не существует японского варианта Opus Dei, поскольку его дух повсюду одинаков, есть по меньшей мере один западный обычай, который не соблюдается в японских центрах: ношение обуви в помещении. «Это для меня тяжело и в Риме, — признался он. — Как только я прихожу в свою комнату на Вилле Тевере, я первым делом снимаю обувь».

Проблемы

Из богосыновства Эскрива вывел два следствия, которые в некотором смысле противоречат друг другу: 1) уважение ко всем людям, вне зависимости от того, кто они и что они думают, поскольку они — чада Божии, и 2) апостольское стремление помочь людям соответствовать своему высокому званию. Создается сложный баланс между восприятием людей такими, как они есть, и стимулированием их стать другими. Само по себе такое столкновение не является уникальным только для Opus Dei. Во многих смыслах оно подобно движущим силам всех дружеских отношений: колебания между безоговорочной любовью к друзьям и подталкиванием их к совершенствованию. Настоящая дружба подразумевает оба полюса, то есть любовь к человеку «каким он есть» и каким он «мог бы быть».

Поддержание должного равновесия является отдельной проблемой для членов Opus Dei, особенно для директоров центров и всех отвечающих за духовное руководство, в основном из-за сильных страстей, возбуждаемых религиозными призывами. Если предлагается правильное сочетание Допустимого и проблемного, дух человека воспламеняется и открываются новые горизонты для любви и служения, при плохом же руководстве человеческая психика нарушается и возникает ощущение напряженности. Значительная часть критики, направленной против Opus Dei его бывшими членами, относится к этой проблеме. Имеется в виду, что директора центров, подталкивая людей к состоянию «какими они могут быть», действовали деспотически, не считаясь с тем, «какие они есть». И опять же эта проблема существует не только в Opus Dei: любой родитель, любой влюбленный, любой друг бьется над ее решением. Конечно, в Opus Dei все происходит особенно болезненно, поскольку связано с глубоко религиозными моментами. Фокус состоит в том, чтобы удержать равновесие между восприятием людей в свете их божественного предназначения, желанием их духовного и нравственного роста и в то же время восприятием их как простых людей со всей толерантностью, терпением и уважением к их свободе.

Итальянец Карло де Марки, главный в Opus Dei по работе с молодежью, это сформулировал таким образом: «Одна из обязанностей в этой сфере… найти равновесие между человеческим и божественным энтузиазмом того, кто уже знает планы Бога по отношению к нему, и уважением ко всему человеческому роду. У каждого человека своя длина шага, и Иисус идет в ногу с этим человеком, как шел с учениками по дороге в Эммаус. Все, что мы можем сделать, это подать хороший пример, вселить в людей мужество и не пытаться торопить события».

В другой плоскости самая серьезная и ставящая в тупик проблема, которая связана с богосыновством, — это насколько члены Opus Dei готовы отождествить себя с распятым Христом. Как часто повторял Эскрива, для христианина осознать свою причастность *ipse Christus,* «к самому Христу», означает принять на себя его судьбу, то есть подвергаться гонениям, быть непонятым и испытывать страдания. Безусловно, в христианской духовности эта идея имеет глубокие исторические корни и до сих пор является неопровержимой. Однако, доведенная до крайности, она может превратиться в страсть к страданиям, своего рода прославление боли ради боли. Критики Opus Dei долго настаивали, что сам Эскрива в этом направлении зашел слишком далеко, особенно в своих духовных практиках. Неизвестно, насколько правомерно такое обвинение, но даже на умозрительном уровне можно понять, что отождествление с Крестом Господним несет в себе такую потенциальную возможность.

С этим связан риск того, что, принимая страдания как неизбежный жребий христиан, человек, как это ни странно, начинает с удовольствием переживать любую несправедливость по отношению к нему. На личном уровне для большинства членов Opus Dei это является очень серьезной проблемой. В результате непрерывного подчеркивания, что члены Opus Dei — такие же граждане, как все прочие, большая часть членов при всякой несправедливости сразу же апеллирует к своим правам. Но когда это относится к самой организации, Opus Dei часто проявляет нерешительность и нежелание участвовать в публичных дебатах, и такое молчание внутренне оправдывается принятием Креста. Тем более что Иисус сказал в Нагорной проповеди: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески несправедливо злословить за меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас».

Риск состоит в том, что такое духовное истолкование критики может стать логическим обоснованием для безразличия к общественному мнению, своего рода равнодушным отношением типа «они никогда нас не поймут», которое усиливает инстинктивные защитные реакции и нежелание вступать в открытую дискуссию. Позже я разовью этот тезис, но члены Opus Dei иногда поздравляют друг друга с тем, что не реагируют на публичное любопытство агрессивно, при этом цитируя Основателя и считая, что это путь духовного становления. На самом деле часто это просто служит оправданием бездействия, или отсутствием воображения, или даже нежеланием объясняться с окружающим миром.

Более того, как часто подчеркивают его представители, Opus Dei — не самоустановившаяся реальность, а составная часть католической церкви. Поэтому поощрение взаимонепонимания и осуждения наносит вред не только Opus Dei, но и всей церкви, которая включает в себя Opus Dei и с одобрением к нему относится. Конечно, многие члены организации это прекрасно понимают, и в последние десятилетия очень усилились способность и желание Opus Dei отвечать на критику и публично объяснять свои цели. И все же неотъемлемая опасность в понимании Opus Dei идеи богосыновства состоит в том, что организация одухотворяет вопросы и сомнения окружающего мира, связывая их с жертвой на Кресте, и с готовностью игнорирует даже обоснованную критику.

Наконец, само отождествление с Крестом может вызвать сомнения в необходимости противостояния несправедливости. Если страдания играют позитивную роль в духовной жизни, то какой смысл что-то предпринимать для их уничтожения? Но в действительности большинство членов Opus Dei такое бездействие не привлекает. Они вовлечены в борьбу с

нищетой, болезнями, расизмом и работают во имя справедливости по всему миру. Например, руководимый Opus Dei университет Strathmore в Кении стал первым десегрегированным высшим учебным заведением в Восточной Африке. Центр Midtown в Чикаго помогает афро- и латиноамериканцам повысить академическую успеваемость, и я встречался с несколькими выпускниками курса, которые говорят, что обязаны центру своими профессиональными успехами. Такие примеры можно умножать. Тем не менее вопрос о том, что означает «принятие Креста», будет постоянной темой для размышлений. Найти равновесие между принятием страдания и, если это возможно, сопротивлением ему — вечная проблема не только для членов Opus Dei, но и для каждого человека.

Часть III
ВОПРОСЫ ПРО OPUS DEI

Предисловие

Эта часть посвящена обычному публичному интересу к Opus Dei, и, без сомнения, некоторые его поклонники будут настаивать, что интерес этот чрезмерно преувеличен. В последующих главах речь пойдет о дискуссиях и спорах, посвященных секретности, женщинам, деньгам, власти, вербовке членов, послушанию и умерщвлению плоти. Некоторые из этих споров происходили очень давно, иногда даже в 1940-е годы, и члены Opus Dei уже несметное число раз комментировали эти проблемы. Многие сочувствующие Opus Dei обозреватели считают, что все эти вопросы уже давно были заданы, ответы на них получены, поэтому они будут удивлены их повторным обсуждением на этих страницах. Другие убеждены в том, что не нужно уделять так много места обсуждению спорных моментов и сосредоточиваться на вещах, которые в лучшем случае вторичны, а часто совершенно не связаны с делом, поскольку такое обсуждение может затемнить основную духовную идею Opus Dei.

Я допускаю, что многие утомленно вздохнут. Тем не менее реальность такова, что в глазах общественного мнения эти вопросы еще вполне остаются в силе. Обычные мужчины и женщины, и католики, и некатолики, при любой возможности задают именно такие вопросы об Opus Dei: правда ли, что в Opus Dei мужчины и женщины отделены друг от друга, и если да, то почему? Помог ли Opus Dei Банку Ватикана? Подвергают ли члены Opus Dei себя бичеванию, и если да, то зачем? Opus Dei — это секретное общество? Opus Dei — это правая политическая организация? Opus Dei намеренно занимается вербовкой впечатлительной молодежи? Возможно, как зачастую уверены члены Opus Dei, весь этот пожар разжигается падкой на сенсации прессой и преследующими свои цели критиками. Но в действительности, пока непредубежденные наблюдатели не убедятся, что им сообщили всю правду, будет трудно переключить их внимание на духовную идею, которую хочет явить миру Opus Dei. Более того, дело не только в недоброжелательности или безумном любопытстве, в основе этих споров — вполне оправданные вопросы о деятельности Opus Dei, и они заслуживают серьезных ответов. Проблема существования споров вокруг Opus Dei не в том, что возникают вопросы, а в том, что ответы на них слишком часто основаны на слухах, мифах и дезинформации с обеих сторон.

Поэтому на эти главы возложена тяжкая задача тщательно разобраться во всех окружающих Opus Dei слухах и спорах при помощи по возможности полной и исчерпывающей

информации. Цель не в том, чтобы принять чью-то сторону в споре — это дело читателей, но в том, чтобы помочь им в этом.

Несмотря на то что тревогу людей вызывают многие моменты, самый сильный из них — это свидетельства бывших членов. Некоторые из свидетельств относятся к ранним годам деятельности в Испании, другие — к 1960–1970-м, несколько последних — к 2004 году и разбросаны по всему миру. В последующих главах свидетельства таких критиков, как Альберто Монкада, Мария дель Кармен Тапиа, Джон Роч, Тамми ДиНикола, Шарон Класен и Деннис Дубро, часто будут сравниваться с нынешним состоянием Opus Dei. Opus Dei справедливо указывает, что критика этих лиц не дает полной картины, что многие другие экс-члены остаются с организацией в хороших отношениях и подробно излагают совсем другие версии своего общения с Opus Dei. Говорят, что ужасные истории, рассказанные такими критиками, как Монкада и ДиНикола, объясняются сделанным ими неправильным выбором, а не общим состоянием Opus Dei.

Важно подчеркнуть, что в случае, когда свидетельства критиков не согласуются с нынешней реальностью, это необязательно означает, что критики ошибаются или они недобросовестны. Это может быть связано с тем, что они описывают свои впечатления того времени и события, произошедшие в конкретных местах, а между тем Opus Dei изменился. В некоторых случаях сам Opus Dei охотно признает эти перемены, как, например, в ситуации с досмотром почты нумерариев, бывшим некогда стандартной практикой в центрах Opus Dei, но теперь, в век сотовых телефонов, SMS и электронной почты, совершенно не применяющимся.

Можно доказать, что хотя бы в некоторых случаях критические замечания бывших членов играли положительную роль в эволюции Opus Dei, сигнализировали о наличии проблемных сфер, нуждающихся во внимании. Представитель Opus Dei в Англии Эндрю Соан подтвердил это в своем выступлении в декабре 2004 года по информационному каналу Opus Dei, говоря с уважением об анти-Opus Dei группе, основанной ДиНикола и ее матерью: «Я посмотрел их вебсайт, и это помогло мне «настроить свою антенну» и выделить вещи, которые могут быть нам полезными». В этом смысле критики могут выполнять роль, как это называет мой друг и коллега, «стукачей на минном поле», предупреждая Opus Dei о потенциальной опасности как в теоретических, так и в практических вопросах. При этом не имеется в виду, что критика от экс-членов абсолютно неоспорима, — просто организации, как и создавшие их люди, больше учатся на своих ошибках, чем на достижениях, и их успехам больше способствует критика, чем восхваления. Все это, безусловно, справедливо по отношению к Opus Dei за все семьдесят семь лет его существования. Беспристрастное отношение к критике является косвенным признанием некоторого несовершенства Opus Dei. Можно сказать, что в каких-то частностях критика помогает организации больше, чем это можно себе представить.

Глава седьмая
СЕКРЕТНОСТЬ

LexisNexis — самая полная англоязычная информационная база данных газет, журналов и новостных агентств. Поиск по словам «Opus Dei» и «секретный» в хронологических рамках 2000–2004 годов дает результат 575 записей, то есть одна статья за два с половиной дня, что подтверждает распространенное общественное впечатление о «секретности» Opus Dei. Так обстоят дела с публикациями на английском языке. Если же обратиться к французскому, испанскому, немецкому и итальянскому языкам, не говоря уже о голландском, фламандском или португальском, то, без сомнения, выяснится, что за эти четыре года не проходило дня, чтобы где-то в мире к Opus Dei не был приклеен ярлык «секретной» организации. Не нужно никаких других подтверждений, чтобы понять, что у Opus Dei существует проблема имиджа.

Нельзя сказать, что она появилась лишь в последние годы. 18 марта 1957 года в *Time* была опубликована первая большая статья на английском языке, в которой, в частности, сообщалось, что три члена Opus Dei стали министрами в правительстве генерала

Франсиско Франко. Opus Dei в этой публикации назывался «Белыми масонами», что, безусловно, намекало на его репутацию секретной организации. (В качестве иллюстрации к тому, как изменились времена, стоит упомянуть, что в статье 1957 года также говорилось, что в современной испанской политике Opus Dei считается организацией с «либеральными склонностями».)

Секретным обществом считают Opus Dei не только журналисты и ученые мужи, которыми часто руководят недоброжелательность и типично массмедийная погоня за сенсациями. Такое же мнение весьма единодушно высказывает католическая церковь. Самые ранние обвинения в секретности датируются 1930-ми — началом 1940-х годов. Документы, подтверждающие эти обвинения, опубликованы во II томе биографии Эскрива, написанной Васкесом де Прада.

«Белые масоны»

В конце 1930-х годов члены Opus Dei в Мадриде обратили внимание на то, что молодые люди, ранее с энтузиазмом воспринимавшие проповеди Эскрива, вдруг перестали посещать кружки и встречи. Выяснилось, что ходят упорные слухи о том, что церкви в центрах Opus Dei украшены масонскими и каббалистическими знаками, что члены Opus Dei, преклоняя колени, необычным образом закладывают руки за спину, что они распинают себя на большом деревянном кресте, что, когда Эскрива имитирует вознесение, гипнотизируя аудиторию, в храме появляются странные огни. Примерно в то же время известный и харизматический испанский иезуит отец Анхель Каррильо де Альборнос публично назвал Opus Dei «секретным еретическим обществом масонского склада».

Слухи и сплетни докатились до самых верхов испанского общества. В июле 1941 года учрежденный Франко Трибунал для подавления масонства начал официальное расследование, базирующееся на обвинениях, что Opus Dei — «масонская ветвь, связанная с иудейскими сектами». Правда, в результате процесс так и не начался. Однако в 1942 году информационные службы фалангистов опубликовали «Конфиденциальный отчет о секретной организации Opus Dei», в котором утверждалось, что скрытой задачей Opus Dei является «противостояние целям испанского государства». Примерно тогда же начал свое расследование губернатор

Барселоны Антонио Корреа Веглисон. Он вызвал к себе члена Opus Dei Альфонсо Балсельса и потребовал, чтобы тот объяснил, что происходит за закрытыми дверями собрания группы. По воспоминаниям Балсельса, губернатор утверждал, что Opus Dei — это «секта иллюминатов или чего-то подобного». В Валенсии местная полиция направила молодую женщину Марию Тересу Льопис на проводимые Эскрива духовные собрания. Позже она рассказывала, что полиция поручила ей выяснить возможность тайного проникновения в подпольную деятельность Opus Dei, а также разыскать в центрах масонские символы. В некоторых городах Испании были публичные сожжения книги Эскрива *Путь.*

Из испанской католической церкви и гражданских судов слухи вокруг Opus Dei рикошетом проследовали в Рим. 3 июля 1942 года генерал ордена иезуитов, поляк, отец Владимир Ледоховский, выслал в Ватикан посвященный Opus Dei отчет, в котором писал, что хотя в *Пути* представлена «здравая христианская доктрина», книга Эскрива предназначена для «непосвященных», а внутри Opus Dei видны «признаки тайной склонности управлять миром при помощи своего рода христианского масонства». Историки замечают, что, по особой иронии, похожие обвинения выдвигались против как иезуитов, так и других ведущих групп католической церкви, например, тамплиеров (которые, как и Opus Dei, развивали активную деятельность в Пиренеях, в испанском Арагоне и на юге Франции).

Позже, в 1948 году, генеральный викарий мадридской епархии сообщил Эскрива, что на него поступил донос в Святую Палату Ватикана — ныне это Конгрегация доктрины веры. (В своем дневнике Эскрива записал: «Я так счастлив! Потому что из Рима, от папы, могут прийти

только свет и добро».) Даже Ватикан иногда не имел информации об Opus Dei. В январе 1971 года государственный секретарь папы Павла VI французский кардинал Жан Вильо запросил у Эскрива список всех членов Opus Dei, работающих в Ватикане. Хотя Вильо и не указал причины этого запроса, можно было предположить, что имеется в виду некая «фильтрация». Эскрива тут же сообщил нужную информацию.

От этих внутрицерковных дебатов обвинения в адрес Opus Dei перешли в секулярную область. В 1986 году итальянский парламент занимался расследованием деятельности Opus Dei в рамках широких национальных дебатов о подпольном влиянии на страну тайных обществ, таких как бесславная масонская ложа Пи-2. Расследованием руководил Оскар Луиджи Скальфаро, убежденный католик, позже ставший президентом Италии. Восемь месяцев спустя доклад Скальфаро оправдал Opus Dei. «Opus Dei не является секретной организацией ни в правовом, ни в фактическом смысле», — заключил Скальфаро. В подтверждение этого заявления Скальфаро заметил: «Штаб-квартира викариата Opus Dei в Италии находится на Via Alberto di Giussano 6 в Милане, а в Риме работает информационный офис, который очень легко найти в обычной телефонной книге».

Тем не менее через два года на слушании в швейцарском федеральном суде в Лозанне все обернулось иначе. Процесс был посвящен спору между образовательной организацией — филиалом Opus Dei и швейцарской газетой, и суд постановил, что Opus Dei — «секретная организация», которая действует «скрытно». Однако в связанном с этим деле другой швейцарский суд встал на сторону группы-филиала Opus Dei. В январе 1996 года французская парламентская комиссия составила список из 172 «сект», или опасных религиозных движений, Франции, и среди них был Opus Dei. В ответ последовали протесты французских и итальянских епископов. Ватикан не заявил официального протеста, но через два месяца Иоанн Павел II назвал в честь Эскрива приходскую школу в Риме.

Споры по поводу мнимой секретности не ушли в прошлое, они вполне живы и сегодня. Несколько месяцев тому назад в Вашингтоне я столкнулся с американским архиепископом, который пришел на мою лекцию. В разговоре с ним я упомянул, что пишу книгу об Opus Dei. Он сказал, что «больше всего» его беспокоит в Opus Dei репутация секретности. «Мог бы, например, Расселл Шоу признаться в своем членстве?» — спросил он. На самом деле, как уже говорилось в главе 3, супернумерарий Шоу не скрывает своего членства и даже суммы своих ежемесячных добровольных пожертвований организации. (В интервью в Католическом информационном центре в Вашингтоне Шоу назвал мне эту цифру, не дожидаясь моего вопроса.) Однако вопрос архиепископа свидетельствует о широкой распространенности представления о секретности.

Этим также был озабочен покойный английский кардинал Бэзил Хьюм, бенедиктинец, считавшийся одним из самых прогрессивных кардиналов своего времени. В 1981 году он издал несколько руководств, посвященных деятельности Opus Dei в его епархии. В них указывалось, что членам должно быть восемнадцать лет, что родители должны быть уведомлены о вступлении детей в организацию, что члены могут свободно уйти и избрать других духовных руководителей и что должны быть четко указаны спонсоры деятельности Opus Dei. Последний пункт был реакцией на жалобы, что учреждения Opus Dei часто называются общими именами, такими как Baytree или Netherhall, и может быть неясно, что они вообще связаны с Opus Dei.

Хотя Хьюм писал, что его руководства «не должны рассматриваться как сомнение в честности членов Opus Dei или в их усердии в совершении апостольской миссии», его озабоченность не исчезала. В ранее не публиковавшемся письме от 7 сентября 1983 года тогдашний епископ Осло Джон Грэн писал Хьюму: «*Ситуация следующая — Opus Dei стремится распространиться на север и основать ячейки в скандинавских епархиях. На предстоящем пленарном собрании мы постараемся выработать по отношению к Opus Dei обшупо политику, то есть либо принять, либо отвергнуть это «нападение». Я был бы вам очень благодарен за оценку (конечно, я сохраню всю конфиденциальность) этой прелатуры, ее методов работы и*

конечной цели. Любой ваш совет будет принят с благодарностью». 12 сентября 1983 года Хьюм в ответном письме предложил Грэну принять во внимание составленные им руководства по Opus Dei, в которых «отражается наш некоторый опыт». Он также посоветовал Грэну приобрести «Статус» Opus Dei. В конечном счете, Opus Dei появился в 1984 году в Швеции, но до сегодняшнего дня не открылись центры ни в Норвегии, ни в Дании.

В другом ранее не публиковавшемся письме от 29 января 1987 года Хьюм ответил на личные вопросы тогдашнего кардинала Сеула Стивена Кима Су-Хвана. Ким спрашивал у Хьюма совета, должен ли он допустить вторжение Opus Dei в свою епархию. Хьюм ответил: *«Я знаю, что в Opus Dei много хороших людей и он делает добрые дела, но, строго между нами, я всегда к нему относился очень осторожно. Мне не нравится вся эта таинственность, сопровождающая его деятельность, и у меня есть подозрения, что иногда он оказывает давление на молодежь. Поэтому мой совет таков: если вам необходимо допустить его в свою епархию, вы должны четко дать ему понять, чего вы от него ожидаете».*

Ким удалился от дел в 1998 году. До сегодняшнего дня Opus Dei не открыл в Южной Корее своего центра. Там есть только помощники, а члены Opus Dei иногда приезжают из Гонконга.

Определенную озабоченность выражают даже те епископы, которые в целом благожелательно относятся к Opus Dei. Джозеф Перри, один из немногих афроамериканцев в американской конференции епископов, посещал центр Opus Dei в Милуоки, штат Висконсин. В своем интервью в сентябре 2004 года он рассказал, что бывал на встречах Opus Dei и раз в месяц общался со священником. Ранее он разделял общераспространенное мнение, что это «элитарная» организация, но его личные контакты были «целиком позитивными». Уже в Чикаго он посещал собрания и мессы в церковном приходе Святой Марии Ангелов, относящемся к Opus Dei. Он регулярно молится вместе с отцом Питером Армениo, викарием Opus Dei в Чикаго, а также капелланом футбольной команды Chicago Bears. «Opus Dei помогает мирянам и священникам найти связи между обыденной жизнью и нашим спасением, — сказал Перри. — Мне приятно думать, что я — епископ, у которого есть право выбора. Что касается Opus Dei, я всегда могу туда пойти и увидеть, кого он интересует. Ведь он не может быть для всех».

Тем не менее Перри заявил, что Opus Dei было бы неплохо больше сотрудничать с местным духовенством и тем самым уменьшить свою репутацию элитарной и секретной организации. «Им нужно найти решение этого вопроса», — сказал он.

В главе 5 отмечался парадокс, связанный с имеющейся у Opus Dei репутацией давления на членов и постоянным подчеркиванием Эскрива важности свободы. Точно так же, несмотря на обвинения в секретности, приводятся свидетельства, что Эскрива категорически настаивал, что этого не должно быть и на самом деле нет в Opus Dei. В интервью, опубликованном в книге «Беседы с монсеньором Эскрива», его спросили, что он думает о слухах по поводу секретности Opus Dei, и вот что он ответил:

Члены Дела отрицают секретность, потому что они обычные верующие, такие же, как все. Они не меняют свой статус, когда присоединяются к Opus Dei. Для них отвратительно носить на себе знак, который гласит: «Пусть все знают — я призван служить Богу». Это не было бы мирским и секулярным. Но те, кто общается с членами Opus Dei, знакомы с ними, понимают, что они принадлежат Делу, даже если не афишируют свое членство, хотя и не скрывают его. Любой мыслящий и информированный человек знает, что в Opus Dei нет ничего тайного.

Членство

В книге *The New Spaniards* Джон Хупер объясняет, почему многие считают Opus Dei секретной организацией:

Например, иезуиты могут, без сомнения, оказывать на людей огромное тайное воздействие. Но очень маловероятно случайно узнать, что издатель экономического журнала, в котором ты сотрудничаешь, или глава компании, с которой ты ведешь переговоры, член общества Иисуса… И в то же время, хотя ты этого не ожидаешь, но вполне можешь обнаружить, особенно если живешь в Испании, что кто-то, с кем ты работаешь рядом, кем руководишь или кому подчиняешься, не возвращается вечером домой к семье или просто в свою квартиру, а идет в общину, где соблюдает долгие периоды молчания; что в течение двух часов ежедневно он или она носит cilicio — *цепь с заостренными звеньями — на внутренней стороне бедра (так, чтобы ни она, ни нанесенные ею раны не были видны); и что раз в неделю ваш коллега хлещет себя по ягодицам* disciplina — *пятиконечной плеткой — столько времени, сколько занимает чтение молитвы* Salve Regina.

Если отбросить детали (которые относятся только к давшим обет членам Opus Dei — примерно 30 процентов всей организации), Хупер дает верное общее представление. Многих людей смущает в Opus Dei не то, во что верят его члены или что они делают, а сам факт, что никто наверняка не знает, кто состоит в организации, а кто нет. Большинство членов Opus Dei — миряне, и, с поверхностной точки зрения, в них нет ничего выдающегося. Они не носят церковных облачений, не бреют головы, не ходят босиком, собирая пожертвования. Они не носят специальных значков на лацканах и не наклеивают опознавательных стикеров на бамперы своих машин. Кроме того, члены Opus Dei обычно не сообщают о своем членстве в организации, считая это частью своей личной духовной жизни. Хотя их друзья знают, что они в Деле, но коллеги и случайные знакомые могут быть не в курсе. Официально Opus Dei утверждает, что, поскольку нумерарии живут в центрах и делают Opus Dei своей семьей, их членство вполне публично и они подтвердят это, если их спросят. С другой стороны, супернумерарии, которые обычно женаты и живут в своих домах, сами решают, заявлять ли публично о своем членстве. Opus Dei как организация не подтверждает и не отрицает чей-либо статус.

Все это порождает запутанные теории о том, как опознать члена Opus Dei. Они особенно популярны в Испании, единственной в мире стране, где есть статистически значительная возможность, что выбранный наугад человек может быть в действительности членом Opus Dei. Одна из популярных гипотез — что член Opus Dei пользуется одеколоном Atkinson в подражание Эскрива. Другая сплетня, со смехом рассказанная мне в Мадриде представителем испанской газовой компании супернумерарием Робертом Дунканом, что бизнесмена — члена Opus Dei можно опознать по отсутствию пуговицы на рукаве пиджака. Еще один слух — что члены Opus Dei курят крепкие сигареты Ducados, чтобы демонстрировать «мужское» поведение. Члены Opus Dei отрицают все эти признаки (не отрицая, что некоторые из них могут курить, пользоваться одеколоном или ходить с оторванной пуговицей).

Говорят, что можно опознать члена Opus Dei по наличию у него маленькой фигурки осла, символа центров Opus Dei, изображающего того осла, на котором Христос въехал в Иерусалим. Эскрива сравнивал себя с этим ослом, говоря, что его работа — принести Христа, чтобы люди его увидели, а потом — уйти. Есть также тайный пароль Opus Dei: когда два члена встречаются, один говорит другому *Pax,* на что тот должен ответить *in aetemum.* Но это не всегда безошибочно, поскольку подразумевается, что оба знают о членстве собеседника, а это не всегда так бывает. Кроме того, они соблюдают осторожность и обмениваются этим приветствием, только если вокруг нет нечленов. Только через шесть месяцев пребывания в Испании мне удалось это увидеть в придорожном ресторане между Барбастро и Торресиудад, когда член Opus Dei, который случайно услышал наш разговор за столиком, подошел поприветствовать сидящего с нами члена этой же организации.

ОСТОРОЖНОСТЬ

Предположения «состоит он в Opus Dei или нет?» удручают своей постоянной нелепостью. Может быть, стоит спросить, почему члены Opus Dei не афишируют свое членство при помощи каких-нибудь знаков отличия или записи в визитной карточке. Почему бы и нет?

Во-первых, для Opus Dei характерна так называемая осторожность, связанная с неприятием слишком явного афиширования своего членства. Частично это происходит из-за секулярного, мирского характера Opus Dei. Говорят, что если члены Opus Dei будут оповещать о своем призвании, это нарушит дух «секулярности» и они станут другими. Члены Opus Dei не хотят быть похожими на членов монашеских орденов.

Кроме того, во всяком случае на работе, такое хвастовство причастностью к Opus Dei может быть воспринято как попытка получения выгоды из членства, попытка обрести какое-то личное или профессиональное преимущество, а это всегда было проклятием для Эскрива, который говорил, что никто не может олицетворять собой Opus Dei в секулярных вопросах. Все члены должны стоять на своих собственных ногах, не прячась за «вывеску» Opus Dei.

Эскрива также настаивал на практике Opus Dei, известной как «коллективная скромность», которая, естественно, не имеет в виду стремления к самовозвеличиванию. Об этом было написано в Конституции Opus Dei 1950 года: «Opus Dei открыто исповедует коллективную скромность, и, следовательно… его члены не используют никаких особых знаков отличия и соблюдают осторожность, когда говорят о Деле с людьми, к нему не принадлежащими, поскольку только такое поведение является скромным и не привлекающим к себе внимания. Также Opus Dei обычно не участвует и никоим образом не может быть представлен в общественных актах». Все это было сказано, чтобы заверить, что Opus Dei не является специальной группой по интересам, что его члены свободны в своей общественной жизни.

Наконец, историческая причина осторожности Opus Dei имела отношение к его каноническому статусу. С 1947-го по 1982 год Opus Dei в каноническом праве относился к категории «секулярных организаций», и это означало, что он рассматривался вне религиозной жизни. В 1950 году Ватикан постановил, что члены секулярных организаций не могут быть вовлечены в бизнес, и это означало, что супернумерарии, занимающиеся бизнесом, преследуются законами церкви. До тех пор, пока такие вещи не будут улажены, Эскрива и другие члены Opus Dei чувствовали необходимость в «осторожности».

Сегодня представители Opus Dei считают тенденцию путать Opus Dei с монашескими орденами основной причиной незаслуженной репутации таинственности. Отец Том Болин, региональный викарий и официальный глава Opus Dei в США, в своем интервью так ответил на мой вопрос, есть ли что-либо положительное во взгляде на Opus Dei как на секретную организацию: «Нет, в этом нет ничего хорошего. Я думаю, это связано с непониманием того, кто мы есть, что с нами происходит, что мы делаем. Люди приходят к нам с уже сложившимися идеями, вполне объяснимыми в клерикальном окружении, когда история монашеских орденов насчитывает сотни лет».

Однако представители Opus Dei все же считают, что Эскрива пересмотрел свою точку зрения на «осторожность», когда положение Opus Dei упрочилось.

В 1960-е годы Эскрива заявил, что он «вычеркнул слово «осторожность» из своего словаря». В письме всем членам Opus Dei от 21 ноября 1966 года Эскрива писал: «Меня забавляет ошибочная идея некоторых людей об осторожности. Они не понимают, что мы такие же, как другие граждане, мы не *похожи* на них, а мы с ними одинаковы, но они думают, что мы живем выдуманной жизнью… потому что не носим в руках плакаты или лик Христа на знаменах. Многие же рассуждают так же, как сорок лет тому назад, когда осторожность была благоразумной и привела к тому, что мы сберегли дело, как мать бережет в своем чреве новое существо. В чем здесь тайна, если это тайна, о которой громко кричат? А сейчас? Я не хочу слышать, как люди говорят об осторожности, — лучше все говорить и делать естественно».

ЭВОЛЮЦИЯ

Свидетельства эволюции можно увидеть, сравнивая «Конституцию» Opus Dei 1950 года — одобренный Ватиканом церковный закон, регулирующий внутреннюю жизнь организации, со «Статусом» 1982 года — ныне действующим законом. В документе 1950 года упоминалась обязанность «говорить с посторонними осмотрительно», а в случае, если оба собеседника — нумерарии или супернумерарии, «сохранять осторожное молчание из уважения к другим членам». Документ специально конкретизирует, что эта осторожность особенно относится к новым членам и к тем, кто покинул Opus Dei. Самое спорное положение документа гласит, что перед раскрытием факта членства в Opus Dei члены должны получить санкцию своего руководителя. При этом «Конституция» также утверждает, что Opus Dei и многие из его членов должны быть хорошо известны обществу, поскольку деятельность организации всегда соответствует гражданским законам и его члены должны всегда избегать «секретности и подпольной деятельности». Поводами для осторожности, говорится в документе, являются «скромность и апостольская действенность».

«Статус» 1982 года, который заменил «Конституцию» 1950 года, запрещает «секретность или подпольную деятельность» и гласит, что члены должны вести себя естественно и «не скрывать, что они принадлежат к прелатуре». Священники Opus Dei должны «всегда и везде вести себя в высшей степени естественно по отношению к своим брать-ям-священникам, никоим образом не казаться «таинственными», поскольку им нечего скрывать». Слово «осторожность» в соответствии с желанием Эскрива его вычеркнуть не фигурирует. Требование 1950 года о том, чтобы члены получали разрешение руководства перед обнародованием своего членства в Opus Dei, также было удалено.

Из моего личного опыта: за последний год я спрашивал у сотен людей, являются ли они членами Opus Dei, и ни разу не сталкивался с нежеланием ответить на этот вопрос, хотя иногда представителей неанглоязычных стран слегка удивляла прямота вопроса. Сама по себе эта книга — свидетельство их открытости, поскольку я цитирую высказывания сотен членов и почти всегда привожу их имена и вид членства (нумерарий, супернумерарий и тд.). Для сравнения: когда в феврале 2004 года американский телевизионный журналист задал президенту Джорджу Бушу вопрос о его предполагаемом членстве в известном йельском обществе «Череп и кости», Буш сказал, что не может на него ответить. Когда журналист задал этот же вопрос представителю сенатора Джона Керри, также предполагаемого члена «Черепа и костей», ответ был следующим: «Джон Керри не имеет никаких комментариев по этому поводу. Извините».

ПОЧЕМУ БЫ НЕ ОПУБЛИКОВАТЬ СПИСКИ?

Нежелание, с которым отдельные члены говорят о своей связи с Opus Dei, объясняется разными причинами. А как насчет корпоративной практики? Почему Opus Dei не опубликует справочник своих членов, чтобы любой мог знать, кто член, а кто нет?

Дэвид Галлахер, нумерарий Opus Dei из США, объясняет это следующим образом: «Люди присоединяются к Opus Dei с чисто духовными намерениями и не ждут, что их членство станет темой новостей. Естественно, они рассказывают о нем семье и друзьям. Официальные представители Opus Dei уважают частную жизнь своих членов и их право сообщать о своем членстве по желанию. Поэтому списки членов не публикуются в прессе или где бы то ни было. Но чтобы политика отказа от подтверждения, что некто является членом, была осмысленной, необходимо также отказаться от отрицания, что некто не является членом».

Таков официальный ответ. Другая сторона этой истории, в которую затруднительно поверить, заключается в том, что у Opus Dei нет сводного списка своих членов по всем странам.

В процессе принятия в члены, вкратце обрисованном в главе 1, кандидат в нумерарии пишет письмо прелату в Рим. Эти письма хранятся в архивах на Вилле Тевере. При этом письма о приеме в супернумерарии адресуются региональному викарию. Opus Dei ежегодно предоставляет Ватикану данные о своих членах, для чего Вилла Тевере запрашивает каждый регион о числе супернумерариев, не выясняя их имен. Таким образом, сводного списка членов Opus Dei не существует, а из-за того, что различные регионы по-разному работают с документами, составить его было бы довольно трудно. Можно пытаться утверждать, что Opus Dei *должен* совершенствовать работу по отслеживанию своих членов, но суть дела не в том, что у них есть список и они отказываются его оглашать, а в том, что такого списка просто нет.

Кроме того, многое изменилось в подходе Opus Dei к вопросам членства. Хотя представители Opus Dei публично не комментируют, является ли членом данный человек, но часто охотно делают это неофициально, особенно если речь идет о высокой персоне. Например, я без труда установил по противоречивым сообщениям прессы, что бывший директор ФБР Луис Фри и член Верховного суда США Антонин Скалиа — члены Opus Dei. (Брат Луиса Фри Джон был нумерарием Opus Dei, хотя потом его покинул, а его сыновья посещали Height — школу Opus Dei для мальчиков в пригороде Вашингтона.) То же самое с Кларенсом Томасом или Мэлом Гибсоном — их имена американская пресса часто связывает с Opus Dei, а также с телекомментатором Робертом Новаком. Подобным же образом в Перу ходят слухи, что владелец одной из самых крупных сетей супермаркетов Е. Вонг — член Opus Dei. По-видимому, это связано с тем, что во время совершения членом Opus Dei кардиналом Хуаном Луисом Сиприани церемониальной мессы некоторые из охранников были в жилетах из магазинов Е. Вонга. Я без труда убедился, что Вонг — не член.

Кроме того, трудно доказать, что в демократическом обществе, которое признает право на свободу организаций, Opus Dei обязан обнародовать списки членов. Скальфаро, руководивший парламентским расследованием 1986 года в Италии, подчеркивал, что непубликование списка членов не делает Opus Dei «тайным обществом». Он отметил, что после фашистского правления Муссолини итальянские законы сильно изменились и государство больше не властно заставить организацию огласить списки членов, что является шагом к демократии и правам человека. «Ни по [итальянской] конституции, ни по ныне действующим законам нельзя заставить организацию в целях якобы открытости предать гласности личности своих членов, — сказал Скальфаро. — Запрет на секретность не означает обязанности все делать публичным».

ПРОНИКНОВЕНИЕ НА ТРУДНЫЕ РЫНКИ

Такая незаметность членов Opus Dei может создать проблемы в западных, тяготеющих к прозрачности обществах, но она является преимуществом в культурах, где очень сильны традиционные религиозные верования. Миряне — члены Opus Dei открывают свои лавочки в таких странах, как Китай, Северная Корея или Саудовская Аравия, где христианский прозелитизм или вообще запрещен, или активно не поощряется. Opus Dei способен «проникать на трудные для католической церкви рынки».

На это указывалось в письме от 23 апреля 1979 года, которое Альваро Портильо и Хавьер Эчеверрия написали кардиналу Себастьяно Баджио, в то время префекту Конгрегации по делам епископов, собирающей аргументы в пользу преобразования Opus Dei в личную прелатуру. После рассмотрения некоторых канонических вопросов Портильо и Эчеверрия писали: «При этом не принимается во внимание апостольская миссия проникновения, которая связана с нормальной профессиональной деятельностью (специальные курсы и культурные обмены, международные встречи и конгрессы, приглашение экономических экспертов, технических специалистов, учителей и т. д.) и может проходить в странах с тоталитарными режимами антихристианского и атеистического характера или при любом проявлении жесткого

национализма. Миссионерская деятельность и даже вообще присутствие церкви как института в таких странах очень трудна и часто невозможна *de jure* и *de facto*».

Эта способность Opus Dei проникать в места, где совсем не рады видеть католическое духовенство, может применяться и на секулярном Западе. «Преобразование Opus Dei из секулярной организации в персональную прелатуру… дало бы возможность Святейшему Престолу наиболее эффективно использовать мобильный корпус священников и мирян (тщательно подготовленный), который мог бы присутствовать в любом месте с духовным и апостольским устремлением к христианской жизни, прежде всего в социальном контексте и в профессиональной деятельности, что не всегда удается при обычных средствах, имеющихся в распоряжении церкви», — писали Портильо и Эчеверрия в апреле 1979 года.

Карл Шмидт, нумерарий из США с очень большим стажем, рассказал мне, что в начале 1960-х годов его пригласили выступить у иезуитов и один из них признал потенциал Opus Dei.

«Я помню это свое выступление — тогда во время ответов на вопросы прозвучало два комментария. Один от пожилого иезуита звучал примерно так: «Я тридцать пять лет проработал в иезуитских общинах, и нас постоянно мучил вопрос: что такое мирская духовность? Мне кажется, сейчас я получил ответ…» Другой, более молодой иезуит сказал: «Давайте посмотрим фактам в лицо. Нам не нравится в Opus Dei, что они вхожи туда, куда мы не можем войти. Четыре сотни лет мы были на переднем плане, а теперь они открыли такой передний край, куда мы не можем войти».

Шмидт, естественно, знал длинную историю трений между иезуитами и Opus Dei. «Я ответил: «Что ж, отец, это вы сказали, а не я», — и Шмидт рассмеялся.

Пример для сравнения

Opus Dei не единственная группа внутри католической церкви, которая иногда «осторожна» с оглашением имен своих членов. В качестве примера для сравнения рассмотрим Istituto Secolare Missionarie della Regalita — Миссионеров Царства Христова — секулярную организацию, состоящую из примерно трех тысяч женщин, имеющую представительства в пятидесяти трех странах. Община была основана в 1919 году в Ассизи отцом Агостино Джемелли и Армидой Барелли, итальянкой, участвовавшей в движении Catholic Action.

Члены Миссионеров Царства Христова дают обет безбрачия, периодически собираются вместе для *воспитания* в духе традиций францисканства, но не живут в общине. Они остаются мирянками, работающими в разнообразном профессиональном и социальном окружении, которые стремятся распространять идеалы христианства в секулярном мире.

Община была утверждена Ватиканом в 1948 году. Ее члены остаются независимы в своем профессиональном и политическом выборе. Они сами отвечают за свою финансовую деятельность, хотя предполагается, что они составляют годовой бюджет и ассигнуют часть своих средств на «Евангельские приоритеты» (обычно под этим имеется в виду благотворительность).

Члены не носят специальных одежд и религиозных символов. В их нормативах предусматривается «проявлять сдержанность по отношению к своему призванию и членству в организации». Другими словами, они не говорят посторонним людям, что являются членами. Идея в том, чтобы оградить секулярность своей жизни и не отличаться от других мирян. В прежние времена «сдержанность» также помогала членам секулярных организаций жить и работать во враждебном христианству окружении, не привлекая к себе особого внимания.

Сходство с Opus Dei очевидно, хотя Миссионеры Царства Христова больше похожи на религиозную общину. И Opus Dei, и Миссионеры Царства Христова вышли из движения начала XX века, призванного преодолеть отчужденность католической церкви от секулярного мира.

Чтобы это сделать, многие группы решили проявлять сдержанность и не афишировать себя и свою деятельность, чтобы казаться «такими же, как все». В 1947 году папа Пий XII утвердил секулярные организации, и они получили официальный статус в церкви.

Мэри Лу Карр, которая изучала секулярные организации, так охарактеризовала феномен «сдержанности» в своем докладе в колледже Notre Dame в Манчестере в 1998 году:

Другой группой посвященных мужчин и женщин, которые не носят облачений и видимых знаков своего посвящения, являются члены секулярных организаций. Их посвящение и обязательства не меньшие, чем у монашествующих братьев и сестер, но о них меньше известно. Одна из причин меньшей известности этих организаций — принцип «сдержанности» или осторожности. В обычной практике член осторожен в объявлении своего членства… В самых строгих случаях «сдержанности» член не говорит о своем членстве никому за пределами своей организации. Цель состоит в там, чтобы дать члену большую свободу во влиянии на секулярный мир. Миссия секулярных организаций в там, чтобы привнести Христа в мир бизнеса и коммерции и, незаметно воздействуя на окружающий мир изнутри, изменить его.

Конференция секулярных организаций США объясняет обычай «сдержанности» таким образом: «Скрытность или осторожность характерны для половины членов секулярных организаций. Некоторые миряне не говорят о своем членстве в организации другим людям или общественным группам, потому что не хотят от них «отделяться». Однако предполагается, что эти члены вполне известны их епископам и другим официальным представителям церкви».

Миссионеры Царства Христова заходят в своей «осторожности» дальше, чем современный Opus Dei. Когда я просил их об интервью, мне предложили прислать вопросы по электронной почте, хотя их штаб-квартира в Риме недалеко от моего офиса.

Сегодня в США около двадцати семи секулярных организаций — одиннадцать епархиальных и шестнадцать епископальных. В них входят Община святого Иоанна, основанная в Швейцарии Хансом Урсом фон Бальтазаром, Крестоносцы святой Марии, Миссионеры Непорочного зачатия. Во всем мире более двухсот секулярных организаций, в которых около шестидесяти тысяч членов, 80 процентов из них — женщины. Вероятно, большинство католиков никогда о них не слышали, в значительной степени из-за их «сдержанности». Их члены говорят, что цель — не секретность, а распространение Славы Божьей, а они играют роль своеобразной «закваски». Если Opus Dei секретен, потому что не открывает имена своих членов, то он в этом не одинок.

Оповещение членов семьи

Особое беспокойство, имеющее непосредственное отношение к секретности, вызывает утаивание факта вступления в Opus Dei от членов семьи. Никто не спорит, что это происходило в течение многих лет. Мэтью Коллинс, программист и системный аналитик, был супернумерарием Opus Dei почти двадцать семь лет. Он остался в хороших отношениях с Opus Dei и помогает ему. Коллинс создал веб-сайт, где в формате вопрос — ответ рассказывает о своем пребывании в Opus Dei. Вот что он говорит по поводу оповещения членов семьи о решении присоединиться к Opus Dei:

Opus Dei очень часто критикуют за то, что будущим членам, особенно нумерариям, иногда не советуют рассказывать своим семьям, что они присоединились к организации или собираются это сделать. Когда я вступал в Opus Dei, мне были даны такие указания, и до сих пор это иногда происходит. Честно говоря, я не знаю, зачем это делается, но это кажется мне странным. Тем не менее я думаю, стоит вспомнить, что в самом начале своей деятельности в Испании Дело подвергалось ужасным нападкам людей, которые действительно не понимали, что пытается сделать святой Хосемария.

Коллинс правильно отмечает, что такие указания действительно давались членам Opus Dei, и это отражено в других публичных свидетельствах. Джон Роч был нумерарием

Opus Dei с 1959 по 1973 год, но в конечном счете покинул его в состоянии озлобленности. Он принимал участие в предпринятом *London Times* публичном разоблачении Opus Dei. Одним из его обвинений было то, что членов Opus Dei заставляют скрывать решение о присоединении от их семей. Другой пример — дело американки Тамми ДиНикола, бывшей в течение двух с половиной лет нумерарием Opus Dei и покинувшей организацию в 1990 году. ДиНикола и ее мать Диана основали Opus Dei Awareness Network — анти-Opus Dei группу, которая собирает на веб-сайте свидетельства бывших членов. В своем интервью в мае 2004 года Диана рассказала мне, что когда Тамми поступила на первый курс Бостонского колледжа, «сначала все было в порядке, а потом в ней стали происходить какие-то изменения. Прошло три года, и она очень от нас отдалилась. Она вступила в Opus Dei и не сказала нам об этом. Это было так неестественно для нее».

Коллинс также правильно напоминает, что в самом начале своего существования в Испании Opus Dei вызывал сопротивление у семей его членов. Это задокументировано во втором томе биографии Эскрива, написанной Васкесом де Прада. Например, Васкес цитирует отрывки из письма от 1941 года, написанного одним из первых членов — Рафа Эскола, семья которого сопротивлялась его членству: «Дома мать и пятеро братьев смотрят на меня как на еретика, обреченного на вечные муки. Целыми днями они не сводят с меня глаз, следят за каждым моим движением. Все, что я делаю, кажется им подозрительным. Если они видят, что я грущу, то говорят: «Это естественно, ты грустишь, потому что понимаешь, что избрал неверный путь». Но если они видят меня радостным или спокойным, то беспокоятся еще больше и говорят: «Уже ничего нельзя сделать, нет никакой надежды, что он опомнится, зло укоренилось в нем, и теперь он неисправимый еретик». Моя мать плачет, когда смотрит на меня или говорит со мной, теперь между нами ледяной барьер».

В те времена в Испании происходили сотни подобных историй.

Возмущение родителей по поводу религиозного призвания их детей вряд ли как-то ограничивает Opus Dei. В истории церкви многие великие святые преодолевали сопротивление своих семей. Например, родители, братья и сестры святого Фомы Аквинского так ожесточенно сопротивлялись его присоединению к ордену доминиканцев, что почти на два года заперли его в родовом замке и однажды подослали к нему женщину, чтобы она его соблазнила. По свидетельствам, Фома Аквинский размахивал перед ней факелом, пока огонь не охватил его руку. В конце концов, он присоединился к ордену братьев-проповедников, стал одним из величайших доминиканцев и великим католическим теологом всех времен. Суть в том, что родители и другие члены семьи иногда пытаются препятствовать планам детей. Как утверждают члены Opus Dei, это может стать хорошим поводом для обсуждения их намерений, и нужно найти для этого время и место.

Сегодня молодой человек, который хочет присоединиться к Opus Dei, может стать «претендентом» в возрасте четырнадцати с половиной лет. Карло Кавацколи, нумерарий из Аргентины, который работает в штаб-квартире Opus Dei в Риме, утверждает, что претендентам советуют рассказать родителям о своих намерениях и «мнение родителей является решающим на этой стадии анализа будущего призвания». Директора центров Opus Dei часто беседуют с родителями, сказал Кавацколи.

Директора центров, которые дают разрешение на обращение по поводу приема, говорят, что сегодня они бы не советовали скрывать свое решение от семьи. Альваро де Висенте, директор школы в пригороде Вашингтона, нумерарий Opus Dei, сказал мне в интервью в декабре 2004 года, что если молодой человек до восемнадцати лет обращается к нему по поводу присоединения к Opus Dei, он связывается с его родителями и обсуждает это с ними. Если они по любой причине против, он говорит подростку, что нужно подождать до восемнадцати лет, после чего «свистнуть». «Если у него есть призвание в шестнадцать с

половиной лет, то оно будет и в восемнадцать», — сказал мне де Висенте. После восемнадцати лет молодой человек уже взрослый, и его нельзя заставлять делиться своими планами, но де Висенте заявил, что он «серьезно настаивает», чтобы семья была в курсе.

Не каждый нумерарий Opus Dei имеет такие принципы — некоторые настаивают, что у человека иногда есть уважительные причины сразу не обнародовать свой выбор. Трудно сказать, является ли это секретностью или здравым смыслом по отношению к призванию, когда оно еще в значительной степени хрупко и непрочно.

«Тайный Устав»

Отец Джеймс Мартин — молодой симпатичный иезуит с обостренным чувством священнического долга. После 11 сентября 2001 года — атаки террористов на Нью-Йорк — он сразу же бросился к башням-близнецам на помощь людям. Результатом его работы вместе с пожарниками, полицейскими, рабочими-спасателями стала книга «Поиски Бога в эпицентре взрыва», опубликованная в 2002 году в издательстве Shed and Ward. Он автор публикаций на духовные темы, часто печатается в *Америке,* американском иезуитском журнале.

В начале 1990-х годов он заинтересовался Opus Dei и захотел написать о нем статью для *Америки.* Он сказал, что, по иронии судьбы, его интерес был вызван ощущением, что критика Opus Dei, в том числе и из уст представителей ордена иезуитов, явно преувеличена. В конечном счете, несмотря на попытки Мартина быть объективным и точно изложить взгляды Opus Dei, его статья, опубликованная 25 февраля 1995 года, была всеми признана критической.

Весной 2004 года за ланчем в Нью-Йорке Мартин рассказал мне, что начал писать статью с открытым сердцем, но был озадачен, а потом встревожен, когда увидел, какой «таинственностью» окружают представители Opus Dei ответы на его вопросы. Последней каплей, переполнившей чашу, была его просьба увидеть перевод Устава, или Кодекса собственного права Opus Dei, одобренного Ватиканом.

«Я позвонил им и сказал: «Я на самом деле хочу вас понять. Пришлите мне экземпляр вашего Устава». А они ответили: «Мы не можем его обнародовать». Я потом вставил эти слова в статью. Когда я спросил: «А почему?», они ответили: «Ну, это документ церкви». Они сказали, что этому препятствует каноническое право». В своей статье Мартин цитирует юристов — специалистов по каноническому праву, которые утверждают, что такого положения в праве нет. Это привело его к выводу, что отказ был своего рода «хитростью», уходом от того, чтобы представить его на публичное рассмотрение.

«Такая чушь, — резко высказался Мартин, — на самом деле очень меня рассердила».

Мартин не одинок в своих заключениях, что Opus Dei играет в некую «игру в скорлупки» со своим Уставом. На вебсайте анти-Opus Dei (Opus Dei Awareness Network — ODAN) утверждается, что «этот Устав был под эгидой «осторожности», равносильной секретности, в течение многих лет». Любой быстрый поиск в Интернете выдаст сотни упоминаний о «тайном Уставе» Opus Dei. На испаноязычном вебсайте opuslibros, критикующем деятельность Opus Dei, продается двухтомник, который конкретно озаглавлен *Тайный Устав Opus Dei.*

На самом деле, что бы ни говорили Мартину официальные представители, Устав Opus Dei был уже опубликован к моменту выхода его статьи. Издание Устава 1982 года, действующего ныне, является приложением к книге *Канонический путь Opus Dei,* опубликованной в английском переводе в 1994 году. Испанский оригинал книги вышел в свет в 1989 году. В оба издания вошли полный текст Устава 1982 года и отрывки из Устава 1950 года, хотя в обоих случаях текст был на латинском языке. Испанский журнал *Tiempo* опубликовал Устав в переводе с латинского на испанский язык в 1986 году.

Проблема с Уставом Opus Dei состоит не столько в его недоступности, сколько в языке, на котором он издается. Opus Dei никогда не делал официального перевода с латыни. Когда журналисты просят показать им экземпляр Устава, в самом лучшем случае представители Opus Dei дают им издание на латыни, что, имея в виду знание этого языка в наши дни, равносильно отказу. Это не может пригодиться, а выглядит как уловка. (ODAN вывесил английский перевод Устава 1982 года на своем сайте.)

Обычно Opus Dei оправдывает отсутствие перевода (Мартин сообщил об этом в своей статье) тем, что Устав — это документ Ватикана и Святой Престол должен утвердить перевод.

Но, по мнению многих членов Opus Dei, более глубокий смысл отсутствия перевода заключается в том, что некоторые основные терминологические вопросы еще не определены в каноническом праве. Например, отношения между членом и Opus Dei лучше определить термином «контракт» или «соглашение»?» В испанском языке слово «контракт» имеет исключительно коммерческое значение, и многие знатоки канонического права считают его неподходящим для описания сути обязательств в церкви. И по этому же поводу — тот, кто участвует в Opus Dei, это «член» или это «верующий»? Внутри Opus Dei сегодня кажется более предпочтительным термин «верующий», который лучше отражает тот факт, что Opus Dei — часть обычной церковной иерархической структуры. Кроме того, идут канонические дебаты о том, могут ли миряне Opus Dei описываться в качестве «членов» в полном значении этого термина. Официальные представители заявляют, что сомнения в переводе — это просто желание совершенствовать канонический язык и не применять опрометчиво термины, которые впоследствии станут проблематичными и будут затягивать Opus Dei в канонические формы, несовместимые с его самовосприятием.

В то же самое время многие члены Opus Dei просто закатывают глаза, когда слышат, что за двадцать четыре года не сделан перевод Устава. В сущности, чтение неофициального английского перевода на сайте ODAN или испанской версии 1950 года на сайте opuslibros вовсе не кажется нечестивым. Оба документа дают общее представление об административных структурах, процедуре присоединения и отношениях между различными подразделениями Opus Dei, о чем шла речь в главе 1 этой книги. С точки зрения пропаганды Устав делает честь организации, поскольку подчеркивает необходимость скромности и простоты и, как мы видели, запрещает секретность. Поэтому многим обозревателям отказ публиковать перевод кажется одним из случаев, когда Opus Dei избегает улучшения своего публичного имиджа.

Другие документы

Если Устав на самом деле не является «тайным», то в Opus Dei существуют другие, вполне конфиденциальные документы. Среди них *Катехизис Opus Dei,* вот уже его седьмое издание. Потом *Vademecum*, который включает в себя размышления директоров центров и других предприятий Opus Dei по поводу различных программ, инициатив и систем организации. Его экземпляр имеется в каждом центре Opus Dei и периодически обновляется, чтобы члены могли воспользоваться накопленным опытом. Opus Dei также издает Два журнала для служебного пользования: *Cronica* — для членов-мужчин и *Noticias* — для женщин. Оба печатаются на испанском — «официальном» языке внутренней жизни Opus Dei.

Конфиденциальность этих документов объясняется различными причинами. В случае с *Катехизисом* приводятся доводы, что он предназначен для воспитания членов и применяется исключительно внутри Opus Dei. Более того, он задуман не как самообразовательный документ, а как отправная точка для бесед со священником или нумерарием. Вне этой ситуации он может быть неправильно понят. Некоторые представители Opus Dei считают, что если книга, называемая *Катехизисом Opus Dei,* будет свободно распространяться, это может

укрепить мнение, что у Opus Dei имеется собственная доктрина, отличающаяся от учения католической церкви.

Что касается *Vademecum,* то это подборка текстов, постоянно обновляемая, содержащая отчеты о различных начинаниях, предпринятых в разных частях мира, с анализом их проведения и последствий. Цель издания в том, чтобы члены Opus Dei, особенно директора центров, обучались на опыте друг друга. В этом смысле *Vademecum* аналогичен отчетам правительственных агентств или корпораций, предназначенным для внутреннего пользования.

Дополнительно к идее «коллективной скромности», согласно которой Opus Dei не должен иметь собственных периодических изданий, имеется другой довод, по которому *Cronica* и *Noticias* распространяются только среди членов: через эти издания распространялись письма, которые Эскрива получал от членов, сначала из разных районов Испании, а постепенно со всего мира. В этом смысле журналы похожи на семейный альбом для вырезок, содержащий личные приключения и анекдоты. Члены Opus Dei обычно различают друг друга только по имени, частично чтобы охранять свою частную жизнь, частично в соответствии с настроем на «скромность», которым, как считается, пропитана организация. В целом идея в том, чтобы усилить ощущение, что Opus Dei — большая всемирная семья, члены которой разделяют радость и горе друг друга.

С 1934 по 1954 год основное место в журнале занимал обмен письмами между Эскрива и членами Opus Dei. Позже установилось более официальное содержание издания. Начиная с 1954 года в каждом выпуске были следующие разделы: Помощь Отца — имелись в виду чудеса разных видов, приписываемые вмешательству Эскрива; Новости из различных апостолатов Opus Dei; Заметки из Рима; Духовные чтения; Комментарии текущих событий.

«Помощь» часто является чудом весьма относительным: например, кто-то с равнодушием относился к Богу и католической церкви, а после прочтения *Пути* вернулся к вере. Однако иногда сообщается о физических чудесах. Например, в 1985 году один член написал в *Cronica,* что в его машине во время долгой поездки сломался радиатор. Он помолился Эскрива, и в моторе установилась правильная температура, как при работающем радиаторе.

Критики утверждают, что журналы используются для переписывания истории Opus Dei. Например, Тапиа писала, что она видела, как члены Opus Dei скрывают или изменяют определенные куски из *Noticias,* особенно если там речь идет о людях, больше не являющихся членами Opus Dei. Тапиа сказала, что «исправленные» страницы посылаются всем директорам с инструкциями уничтожить старые варианты и заменить их новыми. Таким образом, согласно Тапиа, пребывание бывших членов в рядах Opus Dei вычеркивается из памяти. С другой стороны, члены Opus Dei утверждают, что следы хотя бы некоторых из бывших членов остаются: например, в старых выпусках *Cronica* можно найти фотографии Раймундо Паниккара.

Что бы там ни говорили, Opus Dei считает, что *Noticias* и *Cronica,* являясь собраниями личных воспоминаний и переживаний членов Opus Dei, предназначены исключительно для «семьи» и было бы неуместно их распространять публично. Также отмечается, что и у некоторых других религиозных общин имеются свои собственные внутренние издания. Для тех, кто интересуется внутренним образом жизни Opus Dei, организация издает выходящий раз в полгода журнал *Romana,* доступный в Интернете на трех языках: английском, итальянском и испанском. В выходящем с 1985 года журнале *Romana* печатаются документы Ватикана, известия о распространении идей Эскрива, информация о деятельности Opus Dei, фамилии директоров центров, перечисляются все епархии, во главе которых стоят священники прелатуры, и приводятся подробности об апостольских инициативах, предпринятых членами Opus Dei.

Эти публикации вовсе не окружены непроницаемой «секретностью». В процессе работы над этой книгой я ознакомился с их копиями. Как я уже упоминал в главе 1, в сентябре 2004

года я посетил образовательный курс для супер-нумерариев в конференц-центре Shellbourne в Вальпараисо, во время которого члены обсуждали первую главу *Катехизиса Opus Dei.* Мне выдали экземпляр *Катехизиса, с* которым я мог поступать, как мне заблагорассудится. Что касается *Vademecum, Noticias* и *Cronica,* мне разрешили ознакомиться с ними в Информационном офисе Opus Dei в Риме.

Марк Карроджио, испанский нумерарий Opus Dei, отвечающий за контакты с журналистами, сообщил мне, что он обратился к своему начальству с просьбой о просмотре всех этих изданий, и мне охотно это разрешили. Разумеется, кто-то из Opus Dei подбирал для меня эти выпуски, но они были за разные годы, и не могло создаться впечатления, что я настроен на какой-то определенный взгляд на Opus Dei. Мне не разрешили взять издания в мой офис, но я мог изучать их сколько угодно и делать любые записи. Дополнительно Карроджио принес мне несколько писем, полученных Эскрива в ранние годы, которые послужили основой для *Noticias* и *Cronica.* На Вилле Тевере я также зашел в небольшой офис, занимающийся выпуском этих журналов.

Откровенно говоря, во всем этом очень мало захватывающего и сенсационного. Дебаты о том, насколько разумно издавать такие публикации даже для внутреннего пользования и, если все-таки для Opus Dei они необходимы, насколько требования прозрачности в современном обществе превалируют над стремлением к конфиденциальности, без сомнения, будут продолжены.

Почему бы не назвать это «центр Opus Dei»?

Как было представлено в главе 1, существуют по меньшей мере три категории деятельности Opus Dei, которые можно изобразить в виде концентрических окружностей. Во внутренней окружности находятся «центры», где живут члены Opus Dei, где осуществляется духовное и доктринальное воспитание и координируется деятельность Opus Dei в данном районе. Во второй окружности расположены «корпоративные предприятия», например школы, за духовную жизнь которых несет ответственность Opus Dei. И, наконец, деятельность, в которую вовлечены члены Opus Dei, иногда вместе с другими членами, иногда нет, которая в каком-то общем смысле отражает дух Opus Dei, но формальную роль Opus Dei в этом не играет. Примером может служить Lux Vide, итальянская телекомпания, основатель и исполнительный директор которой — супернумерарий Opus Dei.

Но в большинстве случаев нет внешних указаний на связь с Opus Dei даже в рамках первых двух окружностей, формально связанных с Opus Dei. Например, главная штаб-квартира Opus Dei называется Вилла Тевере, а не «Центр Хосемарии Эскрива» или как-нибудь в этом роде. Американская штаб-квартира на Манхэттене известна как Murray Hill Place. Школы Opus Dei не называются «Школа Портильо» или «Академия Сорсано», а имеют обычные названия, такие как Heights, Oakcrest и Northridge. Из-за отсутствия очевидных опознавательных знаков многие утверждают, что вполне возможно посещать центры Opus Dei и даже не знать, что ты там находишься. Когда Мартин работал в 1995 году над статьей для *Америки,* он обратил внимание на эту тенденцию «летать под радаром» как сознательную стратегию вовлечения людей в сферу влияния Opus Dei до того, как они осознают, что происходит.

Мартин описывает типичный случай с ничего не подозревающим студентом:

«Кто-нибудь подходит к нему и говорит: «Не хочешь ли пойти на встречу? Я член одной католической группы». Они никогда не говорят, о чем, собственно, речь. Студент идет, видит всех этих блестящих, интересных, хорошо образованных католиков, которые беседуют о своей вере. Потом все идут к мессе. Он приходит к ним еще пару раз. Это место называется какими-то общими словами — The Oak Center или что-то вроде этого. Они очень дружелюбно относятся к этому парню. Обычно с новыми людьми знакомятся в церковных приходах, на молодежных

сборищах, в кампусах. Они подходят к ним с самыми лучшими намерениями, стремятся заинтересовать, чтобы люди пришли к ним еще раз. Потом в какой-то момент они внезапно сообщают им, что это место управляется Opus Dei».

Как видится изнутри, практика называния предприятий Opus Dei общими именами, которые часто заимствуются из названий улиц или жилых районов, является неотъемлемой частью «секулярности» Opus Dei. Будучи мирянами, они не хотят подражать практике монашеских орденов, создающих некую изолированную духовную жизнь под именами святых или религиозных посвящений. Кроме того, члены Opus Dei, с которыми я беседовал, не верят, что кто-то может посетить центры и не понять, что они имеют отношение к Opus Dei, поскольку там обязательно есть фотографии Эскрива и соответствующая литература.

Но даже члены Opus Dei иногда становятся в тупик, увидев, как далеко зашла концепция «секулярности». Расселл Шоу приводит такой пример: «Я вспоминаю, как в первый раз попал в штаб-квартиру в Нью-Йорке. Меня пригласили на собрание, посвященное предстоящей в 2002 году канонизации монсеньора Эскрива. Состоялся разговор, и после того, как я выслушал собравшихся, выступления которых показались мне весьма отвлеченными, я сказал: «Вы знаете, мы должны сделать конкретную вещь — вывесить на входной двери вывеску, что это штаб-квартира Opus Dei». Это замечание, сказал он, вызвало смех, а затем, когда все поняли, что он не шутит, наступило молчание.

На самом деле Шоу одержал победу. Сейчас на здании имеется небольшая вывеска. Она гласит: ПРЕЛАТУРА OPUS DEI. ОФИС ВИКАРИЯ В США.

Шоу сказал, что его расстраивает нежелание Opus Dei раскрывать такого рода информацию: «Это основные моменты, достаточно простые, их очень легко обнародовать, и нет никаких причин от этого уклоняться. Тем не менее мой любимый Opus Dei часто отказывается это делать».

И, наконец, еще более запутанная ситуация с различными начинаниями членов Opus Dei, которые не относятся к корпоративным предприятиям организации. Они редко признаются официально, поскольку не имеют формальной связи с Opus Dei. Например, можно напрасно искать на римском веб-сайте упоминания о том, что его создатель Сантьяго де ла Черва — член Opus Dei или что некоторые из других участников (хоть и не все) тоже относятся к этой организации. С точки зрения членов Opus Dei, возникает естественный вопрос: а зачем это нужно знать? Если у троих-четверых членов Elks совместный бизнес, разве они обязаны об этом сообщать? Если руководитель, выпускник Гарвардской бизнес-школы, делает вице-президентами своих однокашников, разве об этом пишут в рекламе его корпорации? В любом случае этому трудно отказать в логике. Может быть, в случае Opus Dei различие связано с мистикой, окутывающей организацию, а вовсе не со здравым смыслом.

Произошедшие изменения

Что касается Opus Dei и секретности, то все соглашаются, что со временем организация «приспособилась» к любопытству окружающих. Сегодня в римском Информационном офисе нумерарии Opus Dei — Джузеппе Корильяно, Хуан Мануэль Мора и Марк Карроджио, по мнению большинства римских репортеров, очень отзывчивы и открыты, в некотором смысле больше, чем официальные представители других католических организаций. Opus Dei издает ежегодный документ под названием «Информационные данные», в котором приводятся основные цифры и факты. Существуют веб-сайты, журналы, компакт-диски, DVD и море литературы. В качестве доказательства открытости я могу повторить то, что писал в предисловии. Перед тем как приступить к написанию книги, я заручился обещанием Opus Dei о сотрудничестве, которое организация выполнила. Я получал ответы на все свои вопросы. В некоторых случаях ответ был: «Мы не знаем», но у меня никогда не было ощущения, что это

ложь. Есть некоторые важные сведения, такие как полные списки членов, которые Opus Dei просто не собирает. Было также несколько случаев, когда я не мог точно определить, является ли человек членом Opus Dei, но это был его личный выбор, а не позиция официальных представителей организации.

По мнению тех, кто наблюдает за развитием Opus Dei, в организации повышается внимание к важности «открытости». Альфонсо Санчес Табернеро, декан Школы коммуникации при Наваррском университете в Памплоне, нумерарий Opus Dei, сказал об этом в своем интервью в июне 2004 года: «Вначале мы не слишком хорошо объясняли свою политику… Основатель говорил: «Нам не нужен престиж. Нам не нужна известность, не нужно, чтобы о нас говорили приятные вещи». То есть имелось в виду: «Давайте не говорить о себе. Никогда, никогда…» Но все это изменилось. Я думаю, что сейчас мы говорим больше, становимся более открытыми. Мы должны двигаться в этом направлении, иначе люди останутся подозрительными. В Испании в течение многих лет было очень слабое освещение Opus Dei в средствах массовой информации. Я думаю, сейчас многое изменилось», — сказал он.

1 апреля 1961 года в журнале *Америка* была опубликована статья иезуита отца Терстона Н. Дэвиса — одна из первых, появившихся в американской прессе об Opus Dei. Дэвис цитирует «официального представителя Opus Dei невысокого ранга», который утверждает, что «Opus Dei не предполагает учреждать что-либо напоминающее обычное информационное бюро». Кем бы ни был «представитель», провидцем он не стал. Сегодня у Opus Dei есть Информационный офис в Риме и во многих других странах, включая США.

Жесткая публичная реакция на беатификацию Эскрива в 1992 году несравнима со значительно более терпимым отношением к его канонизации в 2002 году. Конечно, контраст был связан и с некоторой исчерпанностью темы, но в какой-то степени это отражает рост здравомыслящих настроений по отношении к информации внутри Opus Dei. Это позволяет предположить, что стремление Opus Dei к прозрачности своей деятельности, не говоря уже о желании рассказать свою историю, все время усиливается.

Хуан Мануэль Мора, глава Информационного офиса Opus Dei в Риме, подтверждает, что в этом смысле уже заложен некий базис, но остается еще многое сделать.

«Я работаю здесь с 1991 года, сначала с епископом Портильо, сейчас с епископом Эчеверрия, — сказал он мне в январе 2005 года. — Могу сказать, что за все эти годы не прошло и дня, чтобы кто-то из них не попросил меня делать больше и делать лучше. Это относится как к экстраординарным ситуациям, таким как канонизация или Всеобщий конгресс, так и к обычным обстоятельствам повседневной жизни… Наверное, чаще всего Портильо и Эчеверрия напоминали мне о скромности. Они обращали мое внимание на то, что в наших сообщениях мы часто смешиваем задачи Opus Dei с его заслугами, и весь текст может показаться самонадеянным. Например, сказать, что член Opus Dei освящает свою работу, будет неправильным: мы *стараемся* освящать нашу работу, делаем усилия, но совершаем много ошибок, поскольку мы не лучше и не думаем, что мы лучше кого бы то ни было».

«После беатификации мы многому научились, особенно на наших ошибках и промахах, — сказал Мора. — Мы оказались не подготовленными к событию такого огромного масштаба и испытали все последствия неудачного донесения информации. Я думаю, что с тех пор многое изменилось, но осталось много вещей, которые мы должны усовершенствовать.

Наша информационная стратегия основана на принципах профессионализма. Связь с общественностью имеет свои требования, и они должны выполняться самым серьезным образом. В этом нам помогает идея Opus Dei об освящении работы. Имеется в виду не только содержание информации, но и отношение к ней — открытость, доступность, искренность».

«Мы прекрасно сознаем, что нам не могут просто поверить, — сказал Мора. — Доверие мы должны заработать своими аргументами. Мы должны его заслужить».

Глава восьмая

УСМИРЕНИЕ

При нынешнем интересе к Opus Dei, во всяком случае в англоязычном мире, ни один из аспектов жизни организации не принимает столь угрожающих размеров, как «умерщвление плоти», под которым имеется в виду самопричиненная физическая боль с целью «смирить плоть» и соединить христиан со страданиями Христа. В романе Дэна Брауна *Код да Винчи,* где мифологизированная автором версия Opus Dei играет центральную роль, это самые драматические моменты. Действие происходит уже на первых страницах романа:

Примерно в миле[5] *альбинос по имени Сайлас, прихрамывая, прошел в ворота перед роскошным, особняком красного кирпича на рю Лабрюйер. Подвязка с шипами, которую он носил на бедре, больно впивалась в кожу, однако душа его пела от радости. Еще бы, он славно послужил Господу.*

Боль, она только на пользу…

Он задернул шторы, разделся донага и преклонил колени в центре комнаты. Потом опустил глаза и взглянул на подвязку с шипами, охватывающую бедро. Все истинные последователи «Пути» носили такие подвязки — ремешок, утыканный заостренными металлическими шипами, которые врезались в плоть при каждом движении и напоминали о страданиях Иисуса. Боль помогала также сдерживать плотские порывы.

Хотя сегодня Сайлас носил свой ремешок дольше положенных двух часов, он понимал: этот день необычный. Он ухватился за пряжку и туже затянул ремешок, морщась от боли, когда шипы еще глубже впились в плоть. Закрыл глаза и стал упиваться этой болью, несущей очищение.

Боль только на пользу, *мысленно произносил Сайлас слова из священной мантры отца Хосемарии Эскрива, Учителя всех Учителей. Хотя сам Эскрива умер в 1975 году, дело его продолжало жить, мудрые его слова продолжали шептать тысячи преданных слуг по всему земному шару, особенно когда опускались на колени и исполняли священный ритуал, известный под названием <умерщвление плоти».*

Затем Сайлас обернулся и взглянул на грубо сплетенный канат в мелких узелках, аккуратно свернутый на полу у его ног. Предвкушая еще более сильную очистительную боль, Сайлас произнес короткую молитву. Затем схватил канат за один конец, зажмурился и хлестнул себя по спине через плечо, чувствуя, как узелки царапают кожу. Снова хлестнул, уже сильнее. И долго продолжал самобичевание.

Castigo corpus meum.

И вот наконец он почувствовал, как по спине потекла кровь[6].

Можно по примеру целой индустрии «разоблачительных» книг, возникших в ответ на *Код да Винчи,* потратить время, объясняя, что в этой сцене неправильно. Самое главное — члены Opus Dei считают это огромным преувеличением того, что на самом деле — лишь краткое и умеренное переживание. Некоторая конкретика: не «все верные последователи», а только давшие обет безбрачия носят подвязку с шипами (вериги); члены Opus Dei называют своего лидера «Отец», а не «Учитель»; члены называют свою организацию «Дело», а не «Путь»; предмет для бичевания не «грубо сплетенный канат в мелких узелках», а небольшое раздвоенное приспособление, называемое «наказание»; молитва произносится не перед началом бичевания, а во время его, то есть оно не продолжается более двух минут, за которые читается «Отче наш» или «Ave, Maria!». На веригах нет пряжки и ремней. Этот анализ можно продолжить, но это испортит удовольствие, — судя по всему, существует неограниченная потребность в сенсационных сценах, подобных представленным в книге Брауна.

Нельзя сказать, что этот интерес ограничен бестселлерами. Весьма щекотливые комментарии популярных периодических изданий относятся к физическим наказаниям в Opus

Dei. Например, посвященная Opus Dei щедро проиллюстрированная статья в *Gentleman's Quarterly* за декабрь 2003 года, озаглавлена «Благодарю тебя, Господи, можно еще?» Подзаголовок гласит: «В то время как споры вокруг фильма Мэла Гибсона «Страсти Христовы» разгораются и папа умывает руки, новая генерация твердого правого католицизма раздувает огонь. В центре бестселлера *Код да Винчи* Opus Dei — одна из самых могущественных тайных сект. Почему в ней состоит столько влиятельных американцев и как обстоят дела с бичеванием?» На следующей странице помещена цветная иллюстрация, которая выглядела как настоящая фотография для любого, кто согласен, чтобы его дурачили. На ней был изображен пожилой человек, совершенно точно священник, поскольку его облачение было разложено на столе и стуле. Он был почти наг, за исключением набедренной повязки. Он свирепо хлестал себя плетью, деревянную ручку которой держал в правой руке. Его рот был открыт, и, судя по всему, он издавал отчаянные крики. На левой руке болтались четки, добавляя пафос ситуации. На левую ногу была надета металлическая цепь с заостренными, направленными внутрь зубцами, как описано у Брауна. По ноге стекала кровь.

По правде говоря, эта статья, написанная внештатным журналистом Крэгом Оффманом, не слишком сенсационна.

Хотя она и настроена на критику Opus Dei, Оффман также приводит слова члена Opus Dei отца Джона Макклоски в защиту организации. (Чтобы ничего не скрывать, я должен отметить, что Оффман мимоходом ссылается на меня как на беспристрастного наблюдателя, а в конце статьи пишет: «В англоговорящих странах Opus Dei стал громоотводом для церковных баталий в области культуры».) Тем не менее заголовок вместе с иллюстрациями создает мрачное настроение, поскольку касается привлекающих всеобщее внимание проблем секретности, религии и причинения себе боли.

Но так было не всегда.

В конце 1930-х — начале 1940-х годов, когда в Испании впервые началась полемика вокруг Opus Dei, Эскрива и небольшая группа его последователей обвинялись практически во всем: в ереси, в разрушении религии, следовании странным масонским и каббалистическим ритуалам, даже в наличии тайных туннелей под центрами, в которых они плели заговоры. Но ни один испанец в те годы не возражал против практики умерщвления плоти, которая существовала в Opus Dei. Это было настолько в духе времени, что возражение было бы равносильно протесту против чтения молитвы Богоматери по четкам. Например, власяницы, сделанные из грубой ткани, часто сплетенные из козьей шерсти со вставленной туда цепью с шипами, носившиеся в качестве нижнего белья или пояса, специально чтобы причинить неудобство, были обычным предметом духовного арсенала католиков, в том числе великих святых и теологов. По словам его секретаря, Павел VI носил власяницу до самой смерти. Когда в 1988 году умер известный швейцарский теолог Ханс фон Бальтазар, один из его коллег нашел в шкафу власяницу. В начале XX века, когда формировался Opus Dei, монахи-картезианцы и кармелиты, как правило, носили власяницу. Другие ордена использовали *flagellum,* или бич, — ритуал восходил к святому Петру Дамиани, в XI веке прославлявшему самобичевание как превосходный вид духовной дисциплины.

Рассказывая об этом, члены Opus Dei иногда сравнивают вериги с четками. Ни то, ни другое, утверждают они, не придумано Opus Dei. Возможно, и то и другое сейчас не в чести, но это не уменьшает роль этих предметов в церковной традиции и не означает, что они должны присутствовать в подлинной католической духовности. «Ради Бога, мы унаследовали вериги, — сказал мне один нумерарий. — Почему люди относятся к этому как к чему-то особенному?»

Тем не менее времена изменились, и поскольку эти вещи не просто не в почете, но в различных кругах считаются самоубийственными и своего рода психическим отклонением, тот факт, что Opus Dei остается им верен, стал одним из самых привлекающих внимание аспектов истории организации. Это особенно характерно для англосаксонских цивилизаций, в которых часто отсутствуют традиции духовного атлетизма, характерные для Испании и Италии. Для

критиков Opus Dei практика умерщвления плоти является примером безжалостного подхода Opus Dei к своим членам, когда организация желает владеть их телами и душами. Для поклонников есть что-то пленительное в том, что Opus Dei отказывается приспосабливать свою духовную программу к меняющимся вкусам эпохи.

Действительность

Как уже отмечалось в главе 1, «усмирение» является частью духовной программы всех членов Opus Dei. Но практику умерщвления плоти, так волнующую воображение публики, осуществляют только члены Opus Dei, давшие обет безбрачия, — около 30 процентов от общего числа. Супернумерарии, в большинстве своем женатые и замужние миряне, не носят вериги и не бичуют себя во время молитвы. Они слишком заняты готовкой, домашними заданиями детей, уборкой, оплатой счетов. Это не означает, что супернумерарии не осуществляют актов «усмирения гордыни», но обычно они принимают другую форму — например, вынести мусор вне очереди, не раздражаться, когда ребенок в который раз совершает ту же ошибку.

Вот перечень актов усмирения, совершаемых членами Opus Dei, давшими обет безбрачия.

• Вериги. Цепь с шипами, которая носится на внутренней стороне бедра в течение двух часов ежедневно, за исключением церковных праздников и воскресений. Она оставляет на теле небольшие колотые ранки. Некоторые бывшие члены Opus Dei рассказывают, что нумерарии не любят находиться в купальных костюмах в присутствии не членов Opus Dei, поскольку их смущает внимание к физическим следам от ношения вериг. Нумерарии рассказывали мне, что они не стремятся носить вериги вне центров или своих офисов, так как это привлекает к ним внимание и отдаляет от коллег и друзей, которые могут быть против смирения такого рода. Для ношения вериг они изыскивают время дома утром или по вечерам. С другой стороны, нумерарий Opus Dei, который работает хирургом в клинике при Наваррском университете, рассказал мне, что иногда он надевает вериги во время операции. Он сказал, что это помогает ему сконцентрироваться и напоминает, что он делает не просто операцию пациенту, но совершает это для Бога.

• Наказание. Плеть, сплетенная из шнуров по типу макраме, которой хлещут себя по ягодицам или по спине один раз в неделю, когда читают краткую молитву, обычно «Отче наш» или «Ave, Maria!». Нумерарии могут испросить разрешения практиковать это чаще и, вероятно, это делают.

• Сон. Женщины-нумерарии обычно спят на доске, положенной на матрас, и иногда без подушки (раз в неделю). Мужчины-нумерарии либо спят на полу хотя бы раз в неделю, либо обходятся без подушки.

• Еда. Нумерарии могут подвергать себя небольшому усмирению плоти за каждой едой, например пить кофе без молока и сахара, не намазывать тост маслом, пропускать десерт, отказываться от второй порции и т. д. Члены Opus Dei постятся во все предписанные католикам дни, но поощряются дополнительные личные посты. С другой стороны, мой опыт обедов с многочисленными членами Opus Dei в течение года работы над этой книгой показывает, что большинство из них не особо отказываются от еды и выпивки.

• Молчание. Каждую ночь после обращения к своей совести нумерарии соблюдают обет молчания до окончания мессы на следующий день.

Для молодых нумерариев было обычным делом принимать холодный душ, но в 1980-е годы прелат Альваро дель Портильо разъяснил, что это не является обязательным, хотя он этому не препятствует. В центрах Opus Dei есть горячая и холодная вода, и члены вольны сами решать этот вопрос.

О чистоте тела многократно пишет в своих трудах Эскрива. В *Пути* (143) он пишет: «Чтобы сохранить в чистоте душу и тело, святой Франсиск катался по снегу, святой Бенедикт бросался в терновый куст, святой Бернард погружался в прорубь… А ты? Что ты сделал?» В том же произведении (227): «Почему так снисходителен ты к своему телу, если знаешь, что оно — твой враг, враг твоей святости, а значит, и враг славы Божией?» В *Кузнице,* одной из последних работ, Эскрива возвращается к этой теме: «То, в чем провинилась плоть, восполни плотью — принеси покаяние от всей души».

Более того, Эскрива усердно занимался собственным усмирением. В его биографии, написанной итальянским журналистом Андреа Торнелли, приводится случай, произошедший в Мадриде в 1937 году во время гражданской войны, когда Эскрива и его первые последователи скрывались в консульстве Гондураса. Обычно, пишет Торнелли, Эскрива, когда занимался духовными практиками, просил освободить для него спальню. Но однажды его главный помощник Портильо заболел и не смог выйти из комнаты. Тогда Эскрива попросил его закрыться с головой одеялом. Портильо так описал то, что последовало за этим: «Скоро я услышал сильные удары его бича. Я никогда этого не забуду: было около тысячи ужасных ударов, точно рассчитанных, наносимых с одинаковой силой и в одном и том же ритме. Пол был залит кровью, но он его вымыл перед тем, как пришли люди». Члены Opus Dei обычно сразу же добавляют, что Эскрива так поступал из личного духовного героизма, что он не советовал это делать другим и не считал, что так должны поступать все нумерарии.

Члены Opus Dei утверждают, что никто не стремится в этом подражать Эскрива. Торнелли не приводит заключительные слова Портильо: «Все же он [Эскрива] всегда разумно относился к своему здоровью, и его совет был вполне недвусмысленным: «Не совершай актов усмирения, которые могут нанести вред твоему здоровью или ожесточить твой характер; *скромное* усмирение и *скромное* покаяние, без сомнения, необходимы, но краеугольный камень — это Любовь».

Члены Opus Dei настаивают на том, что осуществление актов усмирения на практике не принимает крайних форм. Пресс-секретарь Ватикана Хоакин Наварро-Валльс сказал, что считает свои регулярные тренировки в спортивном зале гораздо более тяжелыми, чем ношение вериг. В статье в *Gentleman's Quarterly,* которая упоминается в начале этой главы, о том же говорит Макклоски: «Я вижу, как люди бегают по утрам, и мне это кажется более неприятным».

Члены Opus Dei также настаивают, что практики усмирения не существуют сами по себе, а ведут к достижению духовных целей. Об этом мне рассказала Ютта Бургграф, немецкий нумерарий и профессор теологии в Наваррском университете Opus Dei. Хотя она происходит из семьи убежденных католиков, в студенческие годы Бургграф увлекалась марксизмом, «потому что они хотели изменить мир». В это же время она познакомилась с Opus Dei и «свистнула» в декабре 1973 года, став вначале супернумерарием. Через пять месяцев Бургграф стала нумерарием. Сейчас она известный теолог и специализируется в столь разных областях, как экуменизм, духовность окружающей среды и феминизм.

Я беседовал с Бургграф в ее офисе, и в конце разговора мы коснулись темы «усмирения». Она сказала, что, поскольку вериги и бич трудны для понимания многих людей, окружающих Opus Dei, возможны другие виды усмирения, например хорошим решением может быть еженедельный постный день. Пост — это «более современная» форма усмирения, и он переключает внимание людей с самого акта на духовную цель, которой он служит. (Под «людьми» Бургграф имеет в виду всех, кто не относится к Opus Dei, — они могут быть в других организациях католической церкви или не иметь никакого отношения к религии.)

В качестве примечания: чтобы почувствовать на себе суть проблемы, я надел вериги, оставшиеся от бывшего члена. Хотя я думаю, что привыкнуть к ним можно, ощущение показалось мне довольно болезненным, особенно при сидении, когда бедро приподнято и шипы больно впиваются в тело. С другой стороны, это не было непереносимым или

мазохистским, и, например, пробежать милю, особенно в моем прискорбном физическом состоянии, было бы тяжелее.

Возможно, поэтому вопросы об усмирении раздражают членов Opus Dei больше всех мифов и предрассудков, окружающих организацию. Они настаивают на том, что усмирение — это небольшая часть «духа Дела» и публичное внимание к нему вводит всех в заблуждение. Один нумерарий сказал мне, что для него ответы на вопросы о веригах — более болезненная форма усмирения, чем ношение этих вериг.

Теология

Большая часть содержания этого раздела почерпнута из рубрики «Усмирение» в *Католической энциклопедии.*

Традиционно католическая теология понимала умерщвление плоти как форму аскетизма, способ подготовки людей к добродетельной и святой жизни. На протяжении веков практика аскезы была одним из качеств, которые обеспечили католическим проповедникам доверие окружающего мира. Томас Мертон, будущий монах-траппист, автор бестселлера 1948 года *The Seven Storey Mountain,* описал впечатление, произведенное на него католическим священником, чье мертвенно-бледное лицо было «изнурено аскезой».

Усмирение — это прежде всего средство для тренировки тела переносить трудности. В этом смысле можно решить, что это род духовной разминки, способ настройки мускулов души. Однако усмирение практикуется и нехристианами, и теми, кто в Бога не верит. Например, родители в качестве наказания часто отказывают детям в каких-то удовольствиях. Христиане же верят, что милость Божия поможет человеку преодолеть трудности и усмирение — это способ противостоять греху.

Считается, что усмирение помогает покаянию и вызывает желание исправиться в случае, если грех уже совершен. Усмирение играет роль ощутимого напоминания о том, что, когда человек грешит, это вызывает боль у самого грешника, у того, кому он нанес обиду, и у Бога. Это не означает, что есть что-то от природы порочное в тех вещах, от которых человек отказывается. Нет ничего греховного в принятии горячего душа, в спанье на подушке, во второй чашке кофе после обеда. Именно потому, что эти вещи сами по себе хороши, значителен эффект «принесения их в жертву». Усмирение рассматривается как заглаживание греха, как способ показать Богу, что человек сожалеет и исполнен решимости больше не грешить. (Это еще одна неверная деталь в *Коде да Винчи* Дэна Брауна. Сайлас, альбинос-убийца из Opus Dei, безусловно, собирается грешить дальше и на самом деле это делает — он убивает следующую жертву уже через час. Если человек запланировал свой следующий грех, невозможно рассматривать усмирение плоти как заглаживание вины.)

На более глубоком духовном уровне практика усмирения должна объединять христиан со страданиями Христа, с его смертью на Кресте. Это не означает, что принятие холодного душа считается равноценным смерти на Голгофе. В ортодоксальной христианской теологии только «искупление», или смерть самого Христа, может быть возмещением греха. Тем не менее идея состоит в том, что каждый отдельный христианин может добавить свои собственные «заглаживания» или страдания к тому, что Христос вынес на Кресте, и тем человек угождает Богу и приносит жертву во имя спасения мира.

Члены Opus Dei, давшие обет безбрачия, часто рассматривают усмирение плоти как способ «отдать себя» Богу, содержащий в себе некоторые физические усилия, так же как супруги отдают себя друг другу и семье. Однако, подчеркивают они, «усмирение» не должно быть физическим актом, таким как сон на доске или самобичевание. Как отмечали многие католические авторы, «подлинное» усмирение глубоко внутри человека — нужно побороть

гордыню, победить ненависть или научиться любить бескорыстно. Они предостерегают, что внешние действия полезны, только если они способствуют внутренним переменам.

Вопреки этой логике сегодня многие директора центров Opus Dei не рекомендуют заниматься усмирением плоти. Они говорят, что, с одной стороны, такая практика может склонить истинно верующих к экстремизму: если небольшая боль полезна для души, то намного большая может быть еще полезнее. С другой стороны, многим директорам идея усмирения кажется сбивающей с толку. Они утверждают, что, если человек хочет соединиться с Христом в страданиях, пусть он поможет бедному или больному. Нет необходимости носить вериги. Некоторые даже полагают, что, как и в случае с Сайласом Дэна Брауна, это поощряет некий вид дешевой благодати, ощущение, что человек во всех случаях может идти напролом, а потом возместить это самобичеванием. Тем не менее обычно директора признают, что усмирение плоти имеет долгую предысторию и, когда им пользуются умеренно и с хорошими намерениями, оно может оказать на некоторых верующих благотворное воздействие.

Не только Opus Dei

Далеко не только члены Opus Dei занимаются усмирением плоти. В XX веке известные святые мать Тереза из Калькутты и падре Пио носили вериги и практиковали самобичевание. В диссертации «Влияние духовности матери Терезы из Калькутты на апостольскую миссию милосердия к беднейшему населению», защищенной в римском университете Angelicum, приводятся слова матери Терезы по поводу бичевания: «Если я больна, я совершаю пять ударов. Я чувствую, что мне нужно это делать, чтобы разделить страдания Христа и наших бедняков. Когда вы видите страдающих людей, перед вами естественно возникает образ Христа». В том же труде указано, что мать Тереза просила сестер носить вериги и заниматься самобичеванием.

Однако, если обратиться к современным газетам и телевизионным новостям, сосредоточенным почти исключительно на «бичах и цепях Opus Dei», станет совершенно непонятно, занимаются ли усмирением другие католики. Многие члены настаивают на том, что Opus Dei не предлагает какого-то собственного учения или особой духовности, а пытается соблюдать традиции католической церкви во всей их полноте.

В качестве доказательства, что у Opus Dei нет патента на вериги, я просмотрел прайс-лист монастыря кармелиток в Ливорно. Монахини этого монастыря изготовляют вручную вериги и бичи для паломников и желающих со всего мира. Opus Dei часто заказывает вериги в этой обители, но он далеко не единственный клиент. Интересующие меня изделия перечисляются под общей рубрикой «Орудия наказания». Цена включает в себя стоимость материала и работы. Сестры особо подчеркивают, что приведенные цифры — это скорее «предложение», чем твердая цена: если клиент не в состоянии ее заплатить, всегда можно прийти к соглашению.

Я привожу прайс-лист 1997 года, который был действителен и в декабре 2004 года. Я перевел цены из итальянских лир в американские доллары.

Бич, сделанный из веревки
$ 1250

Вериги для верхней части туловища
$ 7,50 — за один оборот с зубчатыми шипами
$ 12,50 — за два оборота с зубчатыми шипами

$ 15 — за три оборота с зубчатыми шипами

Вериги для бедра
$ 15 — за один оборот
$ 7,50 — за два оборота
$ 10 — за три оборота

Вериги для руки
$ 2,50 — за один оборот
$3,50 — за два оборота
$ 5 — за три оборота

Нагрудный крест с шипами
$ 7,50

Когда курьер доставляет заказы клиентам, в счете обычно просто указано «объекты религиозного содержания». Opus Dei заказывает «вериги для бедра» с одним оборотом с зубчатыми шипами. Это наименее внушительное «орудие наказания» из имеющихся у сестер на продажу.

Кто покупает такие вещи? Во-первых, сами сестры-кармелитки. Вериги используют братья и сестры-францисканцы Непорочного зачатия — организации, основанной в 1965 году и получившей одобрение папы в 1988 году. Но это не только предмет средиземноморских культур: монахи монастыря Mother of the Church в Нигерии также пользуются «орудиями наказания». Один ученый-теолог рассказал мне, что он недавно знакомился с официальными документами, посвященными беатификации умершего в 1974 году испанского духовника, который регулярно раздавал вериги людям, которых он окормлял: священникам, монахам, мирянам. На самом деле в католической церкви практика усмирения плоти гораздо более распространена, чем полагают многие обозреватели.

Критика

Шарон Класен, уже представленная в предисловии, совсем не похожа на голливудскую версию ветхозаветного пророка. Небольшого роста, с мягким голосом, эта мать двух девочек — Феб, одиннадцати лет, и Райны, восьми, — живет в Дамфрисе, штат Виргиния, в тридцати километрах к югу от Вашингтона. Она бывший нумерарий Opus Dei и яростный его критик. Она выступала в качестве главного свидетеля обвинения в статье в *Gentleman's Quarterly* в декабре 2003 года.

Класен хорошо училась в школе ив 1981 году, когда ей исполнилось семнадцать лет, приехала в Bayridge, университетское общежитие в Бостоне, управляемое Opus Dei. Отец ее был католиком, а мать — нет, и она не была воспитана в католическом духе. Однако ее крестили, и к тому времени, как она оказалась в Bayridge, Класен захотела больше узнать о религии. Один из членов Opus Dei взял ее под свое покровительство, и в декабре 1981 года она пришла к своему первому причастию. (Чисто случайно она получила его от отца Хосе Луиса Мускиса де Мигеля, первого из прибывших в США священников Opus Dei.) Она присоединилась к Opus Dei сначала как супернумерарий, а через три года стала нумерарием.

Два года спустя, в 1987 году, она покинула Opus Dei с горечью, с ощущением вины и убеждением, что все это было огромной ошибкой. «Я избавилась от ощущения вины, только когда прочла книгу Стива Хассана, совершенно изменившую мою жизнь, в которой он говорит, что люди не присоединяются к культам, культы людей вербуют. Понимаете, это была не моя вина».

То есть Класен считает Opus Dei культом?

«В этом нет сомнения. Я прочитала книгу Хассана о му-нитах — все очень похоже. Просто учебник», — сказала она.

Что касается усмирения, то Класен полагает, что это символ уничтожения личности в Opus Dei и на практике оно иногда выходит за рамки описанных выше мягких актов. Класен рассказала, что вскоре после того, как она стала нумерарием, ей вручили вериги и бич в небольшом голубом мешочке. В это время она жила в центре для женгцин-нумерариев Brimfield в Массачусетсе. «Они дали мне это уже на второй день. Они привели меня в офис, закрыли дверь и сказали «Вот».

Она никогда раньше не видела этих предметов.

«Я три года была супернумерарием, и на занятиях нам объясняли, что сказать, если кто-то спросит о веригах и биче. Нам их не показывали, поэтому, естественно, я их не видела. Но нам говорили, как нужно отвечать на критику. Они говорили: «Ну, это чтобы держать свое тело в форме». Вы можете прочитать это во всех газетах», — сказала она. Как уже отмечалось выше, именно такое объяснение обычно дает пресс-секретарь Ватикана Навдрро-Валльс.

Класен рассказала, что когда у нее начались сомнения по поводу Opus Dei, одна женщина-нумерарий поведала ей уже знакомую нам историю, произошедшую с Эскрива в консульстве Гондураса. «Эта женщина рассказала мне про кровь на стенах. Она дала мне прочитать отрывок из книги про Эскрива. Там рассказывается о том, как он брал маленькие лезвия бритвы, кусочки стекла, булавки и гвозди, вставлял их в свой бич и хлестал себя. Она так об этом говорила, что я стала стремиться подражать ему. Ведь у меня были сомнения, значит, я, безусловно, была грешна, и я должна была себя возненавидеть и наказать».

И я это делала. Я брала маленькие английские булавки, расстегивала их и вставляла в свой бич». Но, по словам Класен, она этим занималась недолго, и ей не удалось побороть своих сомнений. «Я не слишком прилежно причиняла себе боль», — сказала она. Класен заявила, что из-за отрицательного опыта с Opus Dei она больше не воспринимает себя как католичку. «Я верю в Бога, но, вы понимаете, у меня проблемы с церковью».

Я разговаривал с Класен в доме Дианы ДиНикола, которая создала сайт ODAN. Пока мы говорили, ДиНикола принесла вериги и бич, которыми пользовалась ее дочь Тамми, когда была нумерарием. Класен выбросила эти предметы много лет назад. Увидев их на столе, она разрыдалась. «Я не думала, что они так на меня подействуют, — сказала она. — Я не видела их много лет».

Об этом рассказывали и другие члены Opus Dei. Джон Роч, бывший нумерарий из Ирландии, присоединился к Opus Dei в 1959 году и покинул его в 1973 году. Все время своего членства в Opus Dei он работал в Кении, и он также свидетельствует о практике умерщвления плоти. «Члены бичевали себя цепью с шипами, женщины еженощно спали на досках, что сейчас уже не рекомендуется церковью», — писал он 11 сентября 1982 года. «Тех членов, которые, как считается, недостаточно умерщвляют плоть или недостаточно активны в прозелитизме, часто открыто критикуют. Opus Dei изобилует рассказами об окровавленном биче Основателя». В декабре 2004 года Роч заявил, что подтверждает этот свой рассказ.

Агустина Лопес де лос Мосос, бывшая помощница нумерариев, ныне является координатором сайта opuslibros, критикующего Opus Dei. Она присоединилась к Opus Dei в семнадцать лет в 1971 году, а ушла в двадцать пять лет в 1979 году. Она так описывает свое первое впечатление от вериг, после которого написала письмо с просьбой о вступлении.

«Однажды я случайно была в офисе вместе с женщиной-нумерарием и увидела у нее в руках коробку конфет. Я попросила у нее конфету, она сказала мне, что коробка пуста, но я видела, что в ней что-то есть. Поскольку у меня были с ней хорошие отношения, я спросила, что там. Она хитро улыбнулась и ответила, что мне это должен объяснить мой директор, но раз уж так получилось, она мне покажет сама. Она достала из коробки очень необычный ремень, сделанный из цепи с заостренными шипами. Она взяла его за оба конца, подняла и сказала: «Это вериги».

Де лос Мосос рассказала, что потом ей дали собственные вериги, которые она стала носить. Насколько туго затянуты вериги, зависит от того, что в Opus Dei называется «щедростью». Из-за стремления Opus Dei к совершенству даже в мелочах существует тенденция завязывать вериги туже, чем можно перенести, и носить их дольше положенных двух часов. Де лос Мосос сказала, что ей велели носить вериги два часа ежедневно — день на одной ноге, день — на другой. Она рассказала, что когда снимала вериги, вместе с ними отслаивались куски кожи и на ноге оставались ранки, которые за сутки не проходили. По словам де лос Мосос, летом женщины-нумерарии вынуждены носить купальные костюмы «как у их бабушек», чтобы скрыть следы от вериг. Однажды она решила поносить вериги на талии, что менее болезненно и оставляет менее заметные следы. Но женщи-на-нумерарий, которая вручила ей вериги, настаивала на ношении на бедре.

Де лос Мосос рассказала, что вериги обычно не носят вне дома. Одна из причин: если вдруг человеку станет плохо и его доставят в больницу, будет «трудно объяснить» наличие вериг. С другой стороны, опасность ношения вериг вне дома еще и в том, что можно случайно на кого-нибудь натолкнуться и сильно его ушибить. Если это случится, нужно заставить себя улыбнуться и не терять бодрости духа. Что же касается бича, то де лос Мосос сказала, что научилась произносить «Ave, Maria!» так быстро, как только возможно, чтобы поскорее покончить с бичеванием. Она также подтвердила, что принимала холодный душ и спала без подушки (на телефонном справочнике). «Мне очень часто казалось, что вот-вот будет плохо с сердцем», — прокомментировала она принятие холодного душа зимой. Она рассказала, что в шутку предложила делать это только летом, но в ответ ей сказали: «А в чем же тогда заслуга?» И также о холодном душе: «Моя личная гигиена тогда была не на должном уровне, поскольку я старалась как можно скорее выскочить из-под душа. Тем не менее я выжила».

Реакция

В декабре 2004 года я пересказал историю Класен Хуану Мануэлю Мора, руководителю Информационного бюро Opus Dei в Риме. Я спросил его, как можно объяснить, что людей заставляют вставлять в бич острые предметы, чтобы причинить себе еще большую боль? Как способ преодоления сомнений в Opus Dei?

«Если кто-то на самом деле ей это посоветовал, это была ошибка, — твердо ответил Мора. — Я могу с полной уверенностью сказать, что это не мог быть директор. Директора центров постоянно твердят членам прямо противоположное, а именно, что они не должны совершать ничего экстраординарного, когда речь идет об усмирении». Мора сказал, что не хотел бы быть судьей в случае с Класен, но за двадцать пять лет руководящей работы в Opus Dei он никогда ни о чем подобном не слышал.

Он сказал, что такие действия могли бы поощрить членов выйти за рамки нормального усмирения и они противоречат духу Opus Dei. Секулярная идея о том, чтобы не выделять себя среди других, в духовной жизни трансформируется в обязательную «естественность». Для Opus Dei не характерен нажим на крайности в этой области.

Та же точка зрения у других членов Opus Dei. Они отмечают, что, например, очень редко можно встретить членов Opus Dei, истово верующих в личные откровения. Обычно члены Opus

Dei не бывают свидетелями явлений Марии, не отправляются в путешествия, чтобы узнать о кровоточащих евхаристических дарах, и не трут четки в надежде, что они станут золотыми. Они утверждают, что во всем стремятся к равновесию. Все, что отдает экстремизмом, вызывает у них стойкое неодобрение.

Мора счел необходимым сказать еще об одном моменте.

«Дело» не изменится, даже если все мы перестанем использовать эти предметы, — сказал он, имея в виду вериги и бич. — Если бы мы отвергли идею об освящении работы или о секулярности, тогда мы стали бы совсем другой организацией. Но формы усмирения весьма вторичны. Они завтра могут измениться, что ни в малейшей степени не затронет суть Opus Dei».

Шарон Хефферан, нумерарий Opus Dei, которая раньше была директором центра Brimfield, хотя и не во время пребывания там Класен, сейчас руководит центром Metro Achievement в Чикаго. Хефферан сказала, что ее не удивляет, что Класен вручили вериги после того, как она стала нумерарием.

«Супернумерарии не всегда в курсе деталей образа жизни и посвящения нумерариев, но им, безусловно, рассказывают об этом, если заходит речь. Основное для Opus Dei — щедрость в принесении простых повседневных ежедневных жертв, а не в некоторых дополнительных скромных наказаниях, которые до сих пор совершаются членами, соблюдающими целибат», — сказала она.

Некоторые члены Opus Dei считают, что хотя бы одно преимущество есть в публичном обсуждении умерщвления плоти, возникшем в струе *Кода да Винчи*, — теперь никто не скажет, что не знал о том, что подобные вещи происходят в Opus Dei. Хорошо это или плохо, но это уже достояние гласности.

Хефферан сказала, что в Opus Dei не воспринимают личную практику Эскрива как абсолют, и современная культура поведения организации движется в противоположном направлении.

«Святой Хосемария говорил, что не нужно подражать его практике умерщвления. Как Основатель он сознавал, что Господь требует от него незаурядного и отличающегося от других наказания. Мне лично никогда ничего не советовали, ни к чему не поощряли, и я никогда не слышала, чтобы кому-то рекомендовали нанести себе ущерб… На самом деле я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь буквально следовал примеру Основателя. Если бы любой директор центра узнал, что кто-то из членов это делает, он бы тут же отсоветовал так поступать, поскольку это противоречит практике наказания у нумерариев».

«Люди считают, что члены Opus Dei выбирают наказание, пытаясь подражать Христу, — сказала Хефферан. — Я думаю, проблема в том, чтобы помочь людям понять, что самоотречение является способом участия в страданиях Христа, и члены Opus Dei совершают его, соблюдая умеренность и здравый смысл».

Глава девятая
ЖЕНЩИНЫ

Барбастро, где в 1902 году родился Эскрива, — маленький провинциальный городок Испании, который, несмотря на славу своего уроженца, не привык к визитам иностранных журналистов. Когда я туда приехал в июне 2004 года, мэр, вице-мэр и пара местных сановников устроили в мою честь обед. Это было связано и с тем, что сопровождающий меня испанский нумерарий Маноло Гарридо уже два года жил в этом районе и служил в отделе информации при расположенной поблизости базилике Торресьюдад. По испанским обычаям наш обед должен был начаться в 22.00, а по обычаям Гарридо, прогулка по городской площади, где находился ресторан, заняла у нас почти час, поскольку нужно было побеседовать с каждым владельцем бара или магазина. Мы приступили к еде около 23–00 и закончили уже где-то утром.

Меня посадили между двумя людьми, которые достаточно бегло говорили по-итальянски, чтобы я мог поддерживать застольную беседу. Одним из них был мужчина, испанский нумерарий, другим — женщина, вице-мэр Барбастро, социалистка, Инмакулада Эрвас. Очаровательная, прекрасно выражающая свои мысли женщина примерно тридцати лет, она старалась произвести впечатление на гостей города. Однако по мере продолжения вечера и особенно по мере подачи все более замечательных красных вин начали проясняться некие обстоятельства. Выяснилось, что хотя Эрвас, как любая жительница Арагона, гордится Эскрива, она не сторонница Opus Dei. Возможно, отчасти из-за того, что она считает его политически консервативным. Но также это было связано с ощущением, что в Opus Dei есть что-то враждебное женщинам — своего рода страх перед женщинами и сексуальностью, который трансформируется в восприятие их как граждан второго сорта.

Это стало ясным, когда Эрвас спросила, что я думаю о женщинах Opus Dei. Я описал нескольких встреченных мною женщин, которые произвели на меня глубокое впечатление, но добавил, что был потрясен сильным разделением между мужчинами и женщинами. Другой мой сосед, испанский нумерарий, принял вызов и стал объяснять мне духовные и канонические причины этого явления с точки зрения Opus Dei. Когда он закончил, я повернулся к Эрвас, эмансипированной европейской женщине с левыми взглядами, и спросил, что она думает о причинах разделения мужчин и женщин в Opus Dei.

«Это просто, — ответила она. — Что касается мужчин Opus Dei, то они все считают себя Адамами, а нас Евами».

Ее слова вызвали стон у нумерария, и последующий обмен мнениями затянулся далеко за полночь. Однако суть в том, что в словах Эрвас кристаллизуется мнение многих сторонних наблюдателей о том, что в Opus Dei существует страх перед женщинами, а также мужской шовинизм, который порождает сепаратизм и традиционную зависимость от мужчины.

Обычно членов удивляет и озадачивает такой подход, особенно потому, что большая часть из 85 491 члена Opus Dei — 55 процентов — женщины. Кроме того, доказывают они, женщины Opus Dei равны мужчинам, поскольку существуют две параллельные системы управления. К тому же женщины получают совершенно такое же теологическое и философское воспитание, как мужчины. В организациях Opus Dei женщины иногда занимают высокие административные посты и имеют под своим началом мужчин-членов.

Например, в Наваррском университете в Памплоне во главе четырех самых крупных факультетов стоят женщины.

Эскрива коснулся вопроса о роли женщин в церкви в интервью 1967 года:

По разным причинам, в том числе имеющим характер божественного установления, я считаю, что нужно сохранить отличие между мужчинами и женщинами только в праве принятия священнического сана. Во всем остальном, я думаю, церковь должна полностью признать права и обязанности женщин — в законодательной сфере, во внутренних отношениях, в апостольском служении — равными правам и обязанностям мужчин. Например, право заниматься апостольской деятельностью, основывать общества и руководить ими, право на высказывание взглядов в вопросах, касающихся решения общих церковных проблем, и т. д. Я знаю, что эти вещи теоретически, если исходить из ясных богословских положений, вполне приемлемые, у некоторых на практике вызовут неприятие. Я до сих пор помню изумление и даже критические комментарии некоторых людей, когда Opus Dei настаивал на том, чтобы женщины, члены нашей организации, тоже могли получать ученую степень в области богословских наук Однако теперь нам стараются в этом подражать, как, впрочем, и в других вещах.

В другой раз Эскрива сказал, что «без женщин дело потерпит настоящий крах».

Тем не менее во внутренней жизни Opus Dei есть некоторые аспекты, которые поддерживают представление об «антиженской» психологии организации. Они

рассматриваются в этой главе, которая ставит своей целью понять действительное положение женщин в Opus Dei, а также выяснить, как члены Opus Dei видят роль женщины в культуре общества в целом.

Помощницы нумерариев

Испанский экс-нумерарий Альберто Монкада, один из главных критиков Opus Dei, выражает общие впечатления от «помощниц нумерариев» — женщин, которые целиком посвятили себя работе в центрах Opus Dei. Это означает, что они готовят, стирают и убирают помещения для мужчин. Монкада пишет: «Эскрива был женоненавистником, что характерно для католической теологии, и создал структуру, в которых главная деятельность женщин ограничивалась заботой о домах и центрах Дела. В результате нумерарии — последние мужчины в странах Запада, особенно в Испании, которые наслаждаются исключительными правами традиционного господина, не вовлеченного в домашние дела, поскольку этим занимаются женщины семьи или в данном случае сестры по апостольскому служению».

Не совсем точно сказано, что домашняя работа в центрах — «главная» деятельность женщин Opus Dei, поскольку из более чем 47 000 женщин-членов только 4000 — помощницы нумерариев, то есть в этой работе участвуют менее 10 процентов женщин Opus Dei. Большинство женщин — членов Opus Dei — супернумерарии, что означает, что чаще всего они являются матерями в дополнение к тому, что еще они — врачи, юристы, журналисты, профессора университетов, парикмахеры и т. д. Часть женщин-нумерариев работает в прелатуре, другие — вне Opus Dei. К тому же помощницы нумерариев занимаются и женскими центрами, поэтому не всегда их главная задача — убирать за мужчинами.

И все же, конечно, есть нечто удивительное в том, что в организации XXI века существует целая категория членов, посвятившая себя бытовому обслуживанию и состоящая исключительно из женщин. О DAN утверждает: «Для готовки, стирки и уборки в центрах Opus Dei их набирают из беднейших общественных классов. Им говорят, что Господь призвал их отбросить мысли о замужестве и детях, чтобы они обслуживали Opus Dei. Они долгими часами занимаются физически тяжелой работой».

Такое представление резко отвергается членами Opus Dei. Нумерарий Лали Санчес Алдана, директор центра Шелбурн в Вальпараисо, Индиана, где работают несколько помощниц нумерариев, сказала: «Они заботятся о семье, а не о мужчинах». Помощницами нумерариев не могут быть женщины с ограниченными жизненными перспективами, сказала она. «Это административная управленческая работа, для которой необходимы интеллектуальный потенциал и способности менеджера».

Конкретная проблема этих споров в том, что люди склонны говорить о помощницах нумерариев, а не с ними. Поэтому в середине сентября 2004 года в Шелбурне я беседовал с двумя помощницами нумерариев — Бернадеттой Плиске, двадцати трех лет, и Андреа Фехери, двадцати семи лет.

Скромная, с тихим голосом, Плиске выросла неподалеку от Шелбурна, в Ла Порте (Индиана), в обычной католической семье. Ее отец Дэвид Плиске работает электриком, а мать Линда, за исключением двух лет, была домохозяйкой и сотрудничала в Opus Dei. Они назвали дочь в честь святой Бернадетты и рассказали мне, что она всегда была «необычной». Хотя и с неохотой, Дэвид рассказал, что с детства у Берни был особенный религиозный настрой и ей в видениях являлся Иисус. На некоторое время семья уезжала в Канаду, чтобы присоединиться к католической общине, организованной неким энтузиастом, но обнаружили, что она была создана без благословения местного епископа и, как сказал Дэвид, «оказалась ересью». Вернувшись в Индиану, они записали Берни в местную католическую школу, но очень

опасались, что она там сильно огрубеет, как это случилось с двумя старшими детьми. И они решились на заочное образование.

Берни сказала, что чувствовала свое призвание с самых ранних лет. «Я знала, что дам обет безбрачия. Я знала, что Господь не хочет, чтобы я выходила замуж», — сказала она. Еще будучи школьницей, она приезжала в Шелбурн на тренинговые программы для девочек, желающих летом поработать в центре. Плиске сказала, что ей «очень понравились люди и очень понравилась работа». Примерно в это же время, в январе 1999 года, Иоанн Павел II посещал Сент-Луис, и Плиске туда приезжала. Она сказала, что тогда начала более серьезно задумываться о своем призвании. На Пасху она ездила в Рим на ежегодную встречу папы с молодежью, которая была организована Opus Dei. Уже дома ей пришло в голову, что, возможно, Господь призывает ее жить в центре Opus Dei. Она пошла в часовню, встала на колени и спросила: «Господи, чего ты хочешь?»

Плиске сказала, что она знала, Opus Dei — это правильный ответ. Через неделю она пришла в колледж, организованный Opus Dei, и поговорила со священником Opus Dei. Он посоветовал ей побеседовать с директором, что она и сделала через два месяца. Она решилась «свистнуть» как помощница нумерариев. Ее отец Дэвид сказал, что он и Линда поддержали это решение. «Я знаю, что католическая церковь поддерживает Opus Dei, и это для меня — все. Моя дочь не состоит в секте», — пояснил он.

Фехери, скромная молодая женщина с мягкой улыбкой, выросла в Хьюстоне, Техас, в католической семье — ее отец и мать супернумерарии. Однако, в отличие от Плиске, она в детстве не интересовалась религией. Как-то родители взяли ее на встречу в Opus Dei, о которой она рассказала: «Мне очень понравилось угощение, но все остальное не произвело особого впечатления». Но в 1995 году она искала себе работу на лето, и друзья посоветовали ей Шелбурн. Она приехала туда с идеей проработать три недели, но осталась на все лето в центре Opus Dei. Она сказала, что «завела там друзей, было очень весело», но при этом она изменилась духовно. Когда она летела на самолете домой, то размышляла о возможности присоединения к Opus Dei, но «когда мне будет сорок лет».

Частично колебания Фехери были связаны с тем, что у нее был бойфренд и в будущем она планировала для себя замужество и детей. Она собиралась стать ассистентом стоматолога. К тому же в ее школе Opus Dei вызывал антагонизм. Она училась в католической школе в Хьюстоне, и каждый раз при упоминании ею Opus Dei учителя «сворачивали разговор, говорили, что это секта, что она не должна ею интересоваться». Фехери сказала, что скептически относилась к их высказываниям. «Я знала, какую жизнь они ведут, и не считала, что они заслуживают доверия». К этому времени она уже решила присоединиться к Opus Dei. «Я знала, какие споры ведутся вокруг Opus Dei. Не думаю, что я была тогда очень наивна».

Все это не означает, что ей легко далось это решение. «Я все время об этом думала и засыпала вся в слезах». Фехери сказала, что в отчаянии совершила некий поступок, который, как она сейчас понимает, не был самым удачным духовным ответом на вопрос: она подвергла Бога тестированию. «Я сказала, если ты действительно этого желаешь, если ты хочешь, чтобы я отдала тебе всю свою жизнь, ты должен подать мне знак. Мой бойфренд часто меня спрашивал: «Не хочешь ли ты мне что-то сказать?» Конечно же, он позвонил ей и опять задал этот вопрос. Фехери рассказала ему, над чем она размышляет. Она сказала, что он «вышел из себя и бросил трубку». Однако позже он перезвонил ей и сказал: «Я согласен отдать тебя Богу». Сейчас она не поддерживает с ним отношений, но они «расстались на хорошей ноте». Она рассказала о своем решении родителям и через месяц «свистнула».

И Плиске, и Фехери производят впечатление живых, прекрасно выражающих свои мысли молодых женщин. Что они думают о своем выборе жизненного пути, который многим кажется пустой тратой отпущенных им талантов?

«Я считаю это очень почетным, — сказала Фехери. — Мне нравится быть матерью каждого человека в Деле. Я отношусь к этому как к своей профессии, но все больше и больше я отношусь к этому как к материнским обязанностям. Моя работа состоит в том, чтобы люди в семье получали то, что им нужно, то, чего они хотят. Богоматерь делала это для Сына Божьего. Это великая вещь». Можно, конечно, заподозрить, что Фехери озвучивала «политический курс» Opus Dei, но в комнате никого не было, кроме нас троих. В любом случае Фехери не производила впечатления человека, которому можно вложить в рот чужие слова.

Плиске согласилась.

«Если бы я не была помощницей нумерариев Opus Dei, я все равно бы занималась чем-то подобным, — сказала она. — Я работала бы в каком-нибудь монастыре или в своей семье. Здесь я могу быть матерью действительно большой семьи. Мне это ужасно нравится. Я думаю о моей маме, о роли Богоматери в жизни Сына Божиего». Она сказала, что помощницы нумерариев «абсолютно способны» заниматься чем-либо другим и их жизнь — это сознательный выбор, а не акт отчаяния. Она отметила, что в их центре есть женщины, которые раньше были декораторами и дизайнерами интерьера. «Я имею в виду, что мы достаточно образованны», — сказала Плиске. Для тех же, кто думает по-другому, она придумала сложную задачу: «Хотела бы я посмотреть, как они составят меню на триста человек», — сказала она.

Фехери заявила, что не связанные с Opus Dei люди часто «не понимают» ее выбор.

«У многих нет матерей, которые бы готовили, убирали и вообще занимались семьей, — сказала она. — Моя мама была дома, и только позже я поняла, как это было важно». Плиске сказала, что с ужасом вспоминает те два года, когда мама работала. «Я сама запирала дом. Ее не было, когда я возвращалась». Поэтому, сказала она, решение матери остаться дома было для нее «настоящим подарком».

Фехери сказала, что она замечает в своих друзьях склонность к преувеличению каких-то внешних достижений. «Я получаю от них письма по электронной почте, и в конце они перед подписью перечисляют все свои титулы, — сказала она. — Я всегда спрашиваю, почему это так важно?» Она сказала, что чувство удовлетворения — это «милость, которую ты получаешь от Господа». Фехери не отказалась от своих прежних интересов. Еще в школе она увлекалась искусством, и сейчас в свободное время она занимается его изучением. И она не жалеет, что избрала такой путь.

«Я очень обязательный человек. Каждый проходит через кризис среднего возраста, и я знаю, что это случится и со мной. Но что заставляет мужа остаться с женой, когда это случается? В такие моменты нужно просто больше молиться», — сказала она.

И Плиске опять согласилась.

«Я знаю людей, которые ненавидят свою работу, но мне она никогда не надоест. Дело не в том, чтобы просто расставить на столе тарелки, а в том, что за всем этим стоит. Суть в том, для кого я это делаю и почему я это делаю. И в результате, например, туалет выглядит много лучше, — рассмеялась она. — Я чищу туалеты для моих родителей, и они всегда в моих молитвах».

Линда, ее мать, сказала, что она поддерживает выбор Берни.

«Я знаю, что ей предстоит скрести туалеты. Но я также знаю, как Opus Dei понимает «мелочи», и поэтому чистка туалета столь же важна, как что-либо другое. Я хочу знать только, «тянет ли она свою ношу?». Я горда тем, что я как мать смогла подготовить ее к этой работе».

Хочу к этому добавить еще один голос. В Риме я познакомился с тридцатишестилетней Маргеритой Салас, помощницей нумерариев, которая последние восемь лет живет на Вилле Сакетти, штаб-квартире женского отделения, и работает на Вилле Тевере. Имеется в виду, что большую часть времени Салас готовит еду для мужчин, моет холлы и коридоры, стирает одежду. Сейчас на Вилле Сакетти живут пятьдесят четыре помощницы нумерариев, которые обслуживают оба отделения.

Семья Салас живет на севере Италии, возле границы со Швейцарией. В детстве она любила работать в принадлежащем родителям кафе. В семь с половиной лет она становилась на стульчик, чтобы достать до кофеварки. После окончания начальной школы Салас два года училась в миланской школе Opus Dei, где девушки обучались гостиничному обслуживанию, сервировке и различным видам работы по дому. В школе она открыла для себя, что обслуживание «может быть не только профессией, но и призванием».

Ей было всего пятнадцать с половиной, когда она «свистнула» как помощница нумерариев. (Сегодня это можно сделать в шестнадцать с половиной. Но до двадцати трех лет Салас не была связана конкретными обязательствами.) Я спросил, не было ли у нее ощущения, что она слишком молода. «Я хотела сказать «да» призванию, которое передо мной открылось. Я не хотела себя ни в чем ограничивать, — сказала она. И с улыбкой добавила: — Я все еще здесь».

Салас сказала, что родители и четверо старших братьев поддержали ее выбор, хотя братья слегка ее поддразнивали: «Послушай, если ты хочешь готовить обеды и убирать в доме, почему бы не заняться этим у нас? Здесь полно работы». Родители никогда не жалели, что она не выбрала более «престижную» работу.

«Наверное, если бы я не была здесь, я работала бы в баре, то есть не занималась бы чем-то совсем другим. Я думаю, каждый родитель мечтает об удачном устройстве своих детей, но, в конце концов, все родители на самом деле хотят, чтобы дети были счастливы. Очень удачно, что мои родители поняли: Opus Dei — моя семья и мое счастье». Кроме того, сказала Салас, люди из Opus Dei держат связь с ее родителями. Например, на двадцать пятую годовщину их свадьбы она была в Милане и не смогла приехать, и члены Opus Dei того района подарили им конфеты.

Салас не считает дискриминацией тот факт, что подобную работу выполняют только женщины. «Женщины отличаются от мужчин в подходе к работе — он более конкретный и интуитивный. Я думаю, что в работе по дому женщины превосходят мужчин. Это не связано с самой работой, с ее объемом, поскольку есть и мужчины, которые очень хорошо с ней справляются. Например, в кулинарии больше профессионалов-мужчин, чем женщин. Но в каком-то смысле естественное призвание женщины — делать что-то для окружающих. Женщины — матери, они несут в себе новую жизнь. Я думаю, что дома, в семье, вы понимаете разницу между женским и мужским подходом».

Салас сказала, что ее никогда не заставляли заниматься готовкой и уборкой: «Opus Dei не хватает тебя за руку со словами: «Ты нужна нам для этой работы». Opus Dei обогащает тебя идеей призвания, размышлениями о значимости твоей работы». Салас заметила, что в некоторых центрах и других предприятиях Opus Dei работы по дому не делаются помощницами нумерариев, потому что в этих регионах их не хватает, и никому в Opus Dei не приходит в голову заставлять женщин становиться помощницами нумерариев, чтобы просто заполнить эту брешь.

Многие сторонние наблюдатели, особо чувствительно относящиеся к вековому угнетению женщин, возможно, захотят спросить: «Исходя из того, что быть помощником нумерариев — призвание, основанное на служении и освящении работы, почему оно ограничивается женщинами? Разве этим не могут заниматься мужчины?»

Обычно члены Opus Dei дают два ответа. Первый заключается в том, что так это видел Эскрива и поэтому так обстоят дела. «Opus Dei является не чем-то созданным в лабораторных условиях, спроектированным на чертежной доске после консультаций с экспертами, а историческим феноменом, рожденным в конкретный день и в конкретном месте и имеющим конкретные характерные особенности, — сказала Салас. — Помощники нумерариев всегда были женщинами, и это часть структуры организации». На самом деле, сказала она, в самые

первые годы существования Opus Dei Эскрива поручал бытовую работу в центрах мужчинам, так что он рассматривал и такую возможность.

Второй ответ связан с существующим фатальным непониманием разницы между полами. У женщин есть инстинктивное стремление к созиданию и поддержанию уюта, которое отсутствует у большинства мужчин. Директор Шел-бурна Лали Санчес Альдана прямо заявила: «У мужчин нет таланта. У женщин есть некое качество, которое они привносят в дом, — внимание к деталям. У мужчин его нет».

И все же, принимая во внимание мужские и женские различия как в биологическом, так и в социальном смысле, можно ли ожидать, что настанет день, когда мужчины придут в женские центры и будут готовить и убирать, как это сейчас делают женщины в мужских центрах? Здесь мнения разделяются.

Испанский нумерарий Мария Анхелес Бургера сказала, что это может случиться: «Мужчины все больше занимаются домашним хозяйством». Она считает, что традиционный испанский «мачизм» уступает место более демократическим совместным началам. «Было время, когда мужчины почти ничего не делали, но сегодня лучшие повара в Opus Dei — мужчины. В некоторых местах, где нет помощниц нумерариев, в мужских центрах все делают мужчины, включая уборку. Поэтому, может быть, оно [призвание помощника нумерария] изменится в плане задач или физической нагрузки, но я думаю, что в Деле всегда будут женщины, чтобы заботиться о нем, потому что это сравнимо с ролью матери в семье», — сказала она.

Другие члены настойчиво утверждают, что идея мужчин — помощников нумерариев совершенно исключена.

Беатрис Комелла Гутьеррес, сорокашестилетний нумерарий и профессиональный историк, в настоящее время работающая над темой «Эскрива в Мадриде», сказала, что помощник-мужчина «просто не входил в намерения Основателя. Он видел Opus Dei целиком и полностью, и для этого занятия там не было места», — сказала она.

В любом случае, доказывают члены, принимая во внимание небольшое число помощников нумерариев и еще меньшее число мужчин, которые могли бы заинтересоваться этой деятельностью, этот вопрос скорее имеет символическое, чем практическое значение. В конечном счете, сказала Салас, все это не означает, что мужчины Opus Dei ничего не делают по дому. Они ухаживают за больными, занимаются ремонтом, часто дежурят на входе или на телефоне и вообще стараются помогать. Некоторые из них посвящают этому все свое время.

И последнее, что касается помощников нумерариев. Кармен Чаро Перес де Гусман, бывшая нумерарием с 1972 по 1990 год, обвинила Opus Dei в том, что на помощниц нумерариев, по крайней мере в ее бытность, не распространялась страховка, они не получали пенсий и выплат по безработице, то есть оставались без средств к существованию, если решали покинуть организацию. Я задал этот вопрос Пабло Элтону, главному финансисту Opus Dei, который ответил, что сейчас у всех есть пенсия и страховка, хотя имеются некоторые различия в зависимости от страны и вида работы:

«Помощницы нумерариев всегда застрахованы и обеспечены пенсиями. В зависимости от законов страны и места их деятельности это происходит по-разному… Для тех, кто работает в организациях, таких как университетские общежития, консультационные центры, больницы, виды страхования и пенсии определяются правилами этих организаций, так же как для тех, кто не является членом Opus Dei. Для тех, кто работает в небольших центрах Opus Dei, не существует специальных правовых требований, поскольку это частные заведения. Эти помощницы нумерариев получают такие же пенсии и страховое обеспечение, как работающие дома члены семьи. Права, предоставленные по этому типу договора работающим дома, зависят от местного законодательства. В некоторых случаях закон требует компенсации, например при безработице, в других — нет. Смысл в том, что помощницы нумерариев имеют контракты и

страхование, охраняемые той страной, где они живут и работают. Мы не руководствуемся в этих случаях логикой «экономии».

Разделение

Есть одна вещь, которая сразу же поражает в Opus Dei даже случайного наблюдателя, — строгое разделение мужчин и женщин фактически в каждом аспекте жизни. Мужчины и женщины — нумерарии живут в разных центрах, и даже когда у Opus Dei имеется целое здание с многочисленными офисами и программами, помещения для мужчин и женщин совершенно отделены друг от друга, вплоть до наличия отдельных входов. Так построены американская штаб-квартира на углу Тридцать четвертой стрит и Лексингтон-авеню в Манхэттене и римская штаб-квартира на улице Бруно Буоцци. В Риме эти учреждения имеют разные названия — Вилла Тевере и Вилла Сакетти, хотя на самом деле это просто две двери, ведущие в одно и то же здание. Когда в Opus Dei проходят вечера или встречи, мужчины и женщины всегда разделены. Школы-филиалы Opus Dei не просто школы для мальчиков или девочек, но в женских школах преподают только женщины, а в мужских — мужчины (хотя технический персонал может быть смешанным). Как уже говорилось в главе 1, Сара Кэссиди, английский нумерарий из Центрального совета, руководящего органа женского отделения, сказала, что если им нужно задать вопрос кому-то из мужчин Opus Dei, необходимо сделать это в письменном виде, а не по телефону и не при личной встрече.

Отец Джим Мартин, иезуит, написавший в 1995 году статью в журнал *Америка* об Opus Dei, рассказывает, насколько далеко зашла идея разделения: «У меня есть приятель, который занимается компьютерными и телефонными сетями в здании на Тридцать четвертой стрит и Лексингтон-авеню. Люди из Opus Dei ему сказали: «Нам нужны раздельные телефонные сети, раздельные компьютерные системы, все раздельное». Он спросил: «А зачем вам это?» И они ответили: «Мы хотели бы, чтобы это было похоже на два отдельных здания». Он: «Но ведь это не имеет смысла. Вы же собираетесь разговаривать друг с другом». Они ответили, что все о'кей. Он сказал, что это обойдется вдвое дороже. Их ответ? «Нет проблемы».

«Что это означает? — риторически вопрошает Мартин. — Или то, что женщины опасны, — и это огромная ошибка с точки зрения теологии, или то, что они существа низшего класса. Это меня совершенно сбивает с толку. Если вы пытаетесь быть организацией мирян и существовать в современной культуре, то там это разделение просто исчезает».

Даже католиков, которые не согласны с точкой зрения Мартина, идея разделения часто ставит в тупик. Известная американская католичка, мирянка, которая просила не называть ее имени, поскольку она поддерживает Opus Dei, во время своего последнего посещения Рима сказала мне, что в профессиональной жизни она сталкивается и с мужчинами, и с женщинами и потому считает «немного странной» сегрегацию внутри Opus Dei. Opus Dei часто приглашает ее выступить перед членами, и то, что она делает это сначала перед мужчинами, а потом перед женщинами, «вдвое увеличивает работу».

Однако стоит добавить, что на общение мужчин и женщин внутри Opus Dei не наложено табу. В некоторых офисах нумерарии обоих полов работают вместе. Например, в Наваррском университете в Памплоне и во многих других корпоративных организациях. На мессе, на конгрессах и симпозиумах и на множестве других мероприятий присутствуют и мужчины, и женщины. К тому же огромное большинство членов Opus Dei — супернумерарии — обычно состоят в браке, имеют детей и, естественно, живут в смешанном мужском/женском окружении.

Тем не менее никто не отрицает, что Opus Dei делает сильный упор на разделении. Члены предлагают четыре причины для объяснения этого факта.

Первое — так постановил Эскрива. «Это часть дара, который Основатель получил от Бога для своего Дела, — сказала мне Пат Андерсон, руководитель женского отделения в США. — К этому нужно относиться свято, в этом все дело. Иначе это невозможно понять».

Второе — есть преимущества в разделении мужчин и женщин. Например, женщины обсуждают тему беременности, что было бы трудно в присутствии мужчин. О спорте же лучше беседовать в мужском кругу. Кроме того, разделение вносит некоторую административную четкость, когда женское отделение отвечает за все относящееся к женщинам, а мужское отделение — за деятельность мужчин.

Третье — относящееся к нумерариям. Они обрекли себя на безбрачие, и есть некая доля благоразумия в избавлении их от искушений. Будучи мирянами, они, разумеется, общаются с противоположным полом, но хотя бы в центрах благодаря разделению возникает меньше обстоятельств, вынуждающих их прилагать усилия, чтобы не нарушить свои обязательства.

Наконец — существует историческая логика. У церковных властей, особенно у Ватикана, довольно долго существовали сомнения в возможности существования внутри католической церкви единой структуры, в которой у мужчин и женщин — одно и то же призвание и апостольское служение. Например, у доминиканцев и францисканцев есть мужские и женские общины, которые живут «в духе» святого Доминика и святого Франциска, но организационно и юридически отделены друг от друга. Всегда было опасение, что жизнь мужчин и женщин в одной общине приведет к половой распущенности. Уже много лет Opus Dei временами сталкивается с перспективой раскола на две отдельные структуры — одну для мужчин, другую для женщин, что, конечно, разрушило бы то согласованное объединение, которое увидел Эскрива. Члены Opus Dei говорят, что исходя из этого единственное, что мог сделать Эскрива для успокоения Ватикана, было воздвигнуть разделяющую стену, настолько высокую, что всякая боязнь «половой распущенности» показалась бы нелепой. Другими словами, говорят члены Opus Dei, почти маниакальное подчеркивание разделения — это цена, которая должна быть заплачена за сохранение Дела.

Новый феминизм

Конгрегация доктрины веры Ватикана 31 мая 2004 года издала «Послание епископам католической церкви о сотрудничестве мужчин и женщин в церкви и в миру». Послание критикует современные тенденции, которые создают «противопоставление мужчин и женщин, когда личность и роль одних подчеркиваются в ущерб другим, что ведет к пагубной неразберихе, которая негативно отражается в первую очередь на семье». Документ ссылается на «радикальный феминизм» как на источник этой неразберихи.

Католички-феминистки немедленно раскритиковали послание. Монахиня-бенедиктинка Джоан Читтистер утверждала, что документ «демонстрирует полное отсутствие понимания феминизма, его теории и развития», и, «к сожалению, как его терминология, так и теоретические обоснования категорически устарели и не дают представления о природе феминизма». Ее реакция, как в микрокосме, отражает весьма частое охлаждение между католической церковью и многими образованными эмансипированными женщинами.

Отклики женщин, связанных с Opus Dei, были более доброжелательными. Например, Ютта Бургграф защищала Ватикан. «Действительная поддержка [женщин] — не освобождение женщины от ее образа жизни, а помощь ей стать собой. Это включает в себя возврат к ценностям материнства, брака и семьи. Если сейчас идет борьба с общественным давлением, из-за которого женщины исключались из многих профессий, то почему так пугают протесты против нынешнего давления, цель которого — введение женщин в заблуждение и попытка убедить их, что они могут наиболее полно выразить себя только вне семьи?»

Бургграф сказала, что церковь на стороне женщин:

«Церковь — самая большая в мире организация, и она — сторонник женщин. Ни в одной из организаций ООН нет такого количества сотрудников на всех континентах — в самых маленьких африканских деревушках, на самых отдаленных тихоокеанских островах они прилагают все усилия, чтобы дать женщинам образование и помочь им достойно жить».

Еще один голос принадлежит Пиа де Соленни, мирянке, американской католичке, работающей в Family Research Council, организации, которая защищает интересы семьи и основана представителем консервативного крыла христианства Джеймсом Добсоном. Де Соленни не является членом Opus Dei, но она защищала докторскую диссертацию в руководимом Opus Dei Университете Святого Креста в Риме и в течение восьми лет обращалась к священникам Opus Dei за духовными наставлениями. Ее диссертация, посвященная развитию интегрального феминизма в свете учения Фомы Аквинского, завоевала престижную награду Папской академии за 2001 год.

Де Соленни показалась мне интеллигентной, энергичной, временами даже импульсивной молодой женщиной, очень соответствующей своему месту в быстро развивающейся медиакультуре Вашингтона. Когда было опубликовано «Послание» Ватикана, она дала ему положительную оценку в журнале *National Catholic Reporter.*

«К сожалению, около сорока лет назад попытка отстоять права женщин стала витком вниз, и закрутилась спираль матча женщин против мужчин. Споры сводились к захвату власти, который создал временную иллюзию ее обретения, только чтобы убедиться, что различные завоевания утекли сквозь пальцы, не оставив нам никаких побед. Соперничество и возмездие загнали нас в тупик Таким образом, это послание не о женщинах и не о позиции, занимаемой средствами массовой информации. Оно касается мужчин и женщин, их отношений в гражданском обществе и в рамках церкви», — писала она.

Когда речь идет о проблемах пола, феминизма, отношений между мужчинами и женщинами, многие связанные с Opus Dei мыслящие женщины соглашаются с этими замечаниями. Вообще говоря, феминистки Opus Dei значительно ближе по взглядам к Иоанну Павлу II, чем к Глории Стейнем.

Например, Янне Холанд Матлари — мать четверых детей, бывший заместитель министра иностранных дел Норвегии и профессор международных отношений в Университете Осло. Матлари — убежденная католичка, в 1995 году в Пекине на Конференции ООН, посвященной женщинам, она представляла Святой Престол. Она является сотрудником Opus Dei и постоянно выступает на его различных мероприятиях. Матлари написала книгу *A Time to Blossom: A New Feminism.*

Чтобы проиллюстрировать необходимость «нового феминизма», Матлари рассказывает происшедшую с ней историю. Когда она подала заявление на свою нынешнюю должность в Университет Осло, то оказалась в шорт-листе с кан-дидатом-мужчиной. Им объявили, что оба они одинаково подходят для данной работы, несмотря на то, что мужчина был на шесть лет моложе. Матлари удивилась: и как же он при этой разнице в возрасте смог достичь ее уровня? Она стала размышлять об этом следующим образом. У нее четверо детей, и девять месяцев беременности каждым составляют три года; девять месяцев грудного вскармливания на каждого ребенка — еще три года. То есть беременность и уход за детьми вылились в шесть лет. Кроме того, Матлари прибавила еще по меньшей мере пару лет сидения дома с детьми. Короче говоря, она квалифицированнее своего соперника, поскольку все время, затраченное на вынашивание и выращивание детей, можно было вычесть. Она изложила это комиссии и получила работу.

В своем выступлении в Ирландии в 2000 году Матлари развила эти мысли:

Очень немногие [феминистки] говорят о важности материнства в практической политике или на более глубоком уровне. В этом смысле современный феминизм очень ослаблен с точки зрения антропологии, или, вернее, ее отсутствия. Вместо того чтобы исследовать, что значит

на самом деле быть женщиной, что представляет собой женский пол в онтологическом и экзистенциальном смысле, феминизм допускает и предлагает агрессивный взгляд на мужчину, при котором оба пола непрерывно сражаются друг с другом… Современный феминизм не говорит о том, что представляет собой женщина по своей сути, и поэтому ему нечего сказать о важности материнства.

Еще одно мнение по женскому вопросу: Марта Манци, которая также известна и под девичьей фамилией Бранка-тизано. Итальянский супернумерарий Бранкатизано входила в 2002 году в организационный комитет по канонизации святого Хосемарии Эскрива. Она познакомилась со своим мужем еще в университете, у них семеро детей. Она написала несколько книг, посвященных проблемам женщины и семьи, включая *The Great Adventure* и *The Gospel Explained To My Son.* Одно из ее исследований входило в работу *Approach To an Anthropology of Difference,*опубликованную в 2004 году издательским отделом Университета Святого Креста в Риме.

Бранкатизано критически настроена по отношению к «классическому» феминизму.

«В революционном тумане» движения за половое освобождение 1968 года, — пишет Бранкатизано, — женщины выбрали мужской путь самовыражения и действий, настраивая себя, часто весьма раздраженно, на мужской менталитет, вместо того чтобы раскрыться в женской ипостаси. Таким образом, была начата не просто гендерная борьба на улицах и в массмедиа, в парламентах и в квартирах, отмеченная насилием и жаждой доминировать, но также произошли быстрые изменения в одежде и стиле, которые распространялись в непрерывной прогрессии, поддержанные теоретическими призывами вообще покончить с модой».

В своем эссе, прочитанном на «Круглом столе 1998», Бранкатизано доказывала, что женщины должны быть представлены в общем экономически активном населении не как «еще одни», а как «отличающиеся», утверждая, что «единственное онтологическое различие между людьми обусловлено их полом» и забота о семье и доме является «в высшей степени присущей женщине».

«Женская специфичность основана на способности женщины служить вместилищем для другого, и это генетически записано в ее теле и освещает собой ее характер. Для нее, в отличие от мужчины, другой является не тайной, но кем-то своим, о ком она знает все, потому что носила его в себе. Никто так, как она, не умеет «управлять» людьми и устанавливать с ними взаимосвязь, она делает это мудро и с особым изяществом… Это ноу-хау принадлежит ей по закону генетики, и не имеют значения перемены в окружении и общественном положении». Таким образом, доказывает Бранкатизано, налицо уникальная женская способность быть политиком, менеджером или ученым «в удивительно другой манере, не как двойник мужчины». Она настаивает, что только в таком аспекте общество оценит должным образом вклад женщин в качестве домашних хозяек и хранительниц семейного очага. «Мы не можем рассчитывать, что правительства оценят работу по дому, если мы сами четко не осознаем не только ее полезность, но и ее важность и вызываемое ею чувство глубокого удовлетворения».

Беспокойство, которое выражают женщины Opus Dei, прозвучало и в интервью самого Эскрива в 1967 году:

По-моему, подчеркнуто и последовательно противопоставляя семью и работу с тем ли, с иным ли предпочтением, мы быстро придем к социальной ошибке, которая гораздо опаснее той, которую мы хотим исправить. Даже в личном плане нельзя односторонне утверждать, что женщина достигает совершенства только вне дома, словно время, потраченное на семью, она у себя крадет, не давая развиваться личности. Дом, что бы ни вкладывалось в это понятие, ведь у одинокой женщины тоже есть дом, исключительно подходящее место для развития личности. Для женщины всегда самой важной останется семья. Заботясь о муже и о детях, а в более общих понятиях — создавая вокруг себя душеполезный и уютный мир, женщина

выполняет то, в чем без нее не обойдешься, и тем самым может достигнуть личного совершенства.

Епископ Хавьер Эчеверрия, нынешний прелат Opus Dei, в своем интервью 1996 года чилийской газете *El Mercurio* прямо затронул тему феминизма: «Очевидно, что в центре подлинного феминизма находится четкое осознание женщиной чувства собственного достоинства. Это очень отличает его от других, обычно агрессивных, видов феминизма, которые требуют признать отношения полов чистой физиологией, без какого-либо духовного или социального содержания». Эчеверрия сказал, что женщинам должны быть предоставлены те же возможности, что и мужчинам и в Opus Dei женщины избирают себе любые профессии. Он процитировал Иоанна Павла II, который говорил, что в этом смысле феминистское движение «по сути своей конструктивно». С равными возможностями, сказал Эчеверрия, «женщина может сохранить свою индивидуальность, не обманывая себя тем, что для достижения подлинной свободы она должна подражать мужчине, копировать его поступки и жесты». Эчеверрия сказал, что женщины должны протестовать против порнографии, а также против «этого вызывающего сожаления требования о праве на аборты и против разводов, рассматриваемых лишь как социальное бедствие, а не как отступление от воли Божией».

Было бы несправедливо и неправильно сводить мысли Бургграф, де Соленни, Матлари или Бранкатизано лишь к влиянию на них Opus Dei. Де Соленни и Матлари даже не члены Opus Dei, и в ноябре 2004 года в своем интервью де Соленни четко дала понять, что не собирается вступать в организацию. Кроме того, никто в Opus Dei не советовал им, что говорить по поводу «Послания» Ватикана.

Также нельзя сказать, что такие фигуры, как Бургграф, вообще не воспринимают феминизм. Бургграф рассказала, что, когда она вернулась в Германию после учебы в университете, центр Девы Марии попросил ее написать критическую работу о феминизме. Им нужна была молодая женщина-теолог, и она подходила для этой роли. «Я прочитала все книги по феминистской теологии и пришла к выводу, что многие из них весьма несерьезны. В результате я издала жесткое критическое исследование, абсолютно не вникнув в проблемы феминизма, не пытаясь поставить себя на место этих женщин. Я брала интервью, устраивала «круглые столы», меня всюду приглашали выступать, — это было как раз то, что хотели услышать консерваторы. Мое сочинение было опубликовано в разных странах. Сегодня я почти умираю от стыда за него. Когда меня критикуют, я думаю: «Эти женщины правы. Они много страдали, а я этого не почувствовала». Сейчас я считаю себя христианской феминисткой, разумеется, я не иду на компромисс в вопросе о принципах христианства, но я чувствую, как страдают женщины».

Тем не менее женщины Opus Dei представляют общественное мнение, которое противоречит общему подходу к женской проблеме. Они поддерживают католическую церковь по вопросу запрета рукоположения женщин, подозрительно относятся к классической версии феминизма, который, как они полагают, сглаживает различия между женщинами и мужчинами, и считают подлинным феминистом Иоанна Павла II. Безусловно, эти взгляды разделяют не только члены Opus Dei или женщины, окончившие учебные заведения Opus Dei. Тем не менее относительное единство по этому вопросу резко контрастирует со взглядами остальных представителей католической церкви, не говоря уж об обществе в целом.

Большие семьи

Opus Dei не ведет подобной статистики, но весьма любопытно, что семьи участников Дела имеют склонность быть многодетными. В сентябре 2004 года в Чикаго я был в гостях у супернумерариев Дуга и Ширли Хиндерер, у которых было девять детей плюс собака. Со мной вместе был американский нумерарий Дэвид Галлахер, который поведал детям Хиндереров, что

у его родителей было тринадцать детей. В Лондоне я посетил две семьи супернумерариев: Джима и Терезу Бербидж с пятью детьми и Джона и Джейн Филлипс с десятью.

В Oakcrest, школе Opus Dei для девочек в Маклине, Виргиния, я поговорил с шестнадцатилетней Меган Хэдли. В ее семье десять детей, и она рассказала мне, что в Oakcrest очень распространена шутка о том, что все его студенты в чем-то родственники друг другу, поскольку многие происходят из многодетных семей, члены которых переженились между собой. Вполне обычно, когда студент — двоюродный или троюродный брат нескольких других студентов, и, кроме того, в колледже учатся его старшие или младшие сестры. Конечно, это не всегда так: два других моих собеседника не были из многодетных семей, но шутка все равно была забавной.

Социологическая реальность больших семей в соединении с описанным выше «христианским феминизмом» означает, что с выше средней долей вероятности женщины-супернумерарии хотя бы в какой-то момент своей жизни сидят дома с детьми. Некоторые видят в этом один из примеров традиционного взгляда Opus Dei на роль женщины, но супернумерарии, с которыми я беседовал, считают это удачной реализацией своих возможностей и большим утешением.

Линда Рот, супернумерарий из Чикаго, рассказала, что она была дипломированным бухгалтером и под ее началом работали несколько человек, когда у нее появились дети. Многие женщины, ее коллеги, буквально давили на нее, уговаривая предпочесть карьеру, а не семью. Тем не менее Линда чувствовала, что быть дома «для нее лучший и самый важный выбор», и решила перейти на полставки. В Opus Dei она нашла поддержку и «свистнула» в 1984 году. Она сказала, что упор на освящение работы «возвышал обычные домашние хлопоты до чего-то столь же важного, как аудирование компании Anheuser-Busch».

Было бы очень легко свести тенденцию к образованию многодетных семей к тому, что супернумерарии Opus Dei обычно соблюдают церковный запрет о контроле над рождаемостью, хотя и в этом есть большая доля правды. Мэтью Коллинс, бывший супернумерарий, а ныне сотрудник, говорит, что не существует умонастроения «дети — во что бы то ни стало».

«Мы должны сами решать проблему количества детей в семье. Если после уединенной молитвы мы осознаем, что имеем серьезные причины ограничить количество детей, мы с той же свободой, что и другие католики, пользуемся естественными способами планирования семьи. По этому поводу всем католикам очень неплохо посоветоваться со священником, но решение принадлежит только самой семейной паре. При решении этого вопроса должны учитываться финансовые, физические и эмоциональные запросы супругов и уже имеющихся у них детей. В это включается и обеспечение детям соответствующего ухода и образования», — сказал он.

Многие имеющие большие семьи католики стараются давать детям домашнее образование, и некоторые супернумерарии Opus Dei тоже пришли к этому решению. Иногда получившие домашнее образование католики весьма критически относятся к традиционному католическому образованию и находятся в оппозиции к официальной церкви, но это весьма редко случается с членами Opus Dei. Моя первая встреча с представителями Opus Dei произошла в 1998 году на конференции по независимому католическому школьному образованию во Францисканском университете в Steubenville, Огайо. В зале, заполненном возбужденными реформаторами образования, весьма умеренными были лишь выступления двух ветеранов школ Opus Dei в США — мирянина Джима Стенсона и отца Малькольма Кеннеди.

«У нас всегда были очень сердечные отношения с епархиями наших городов, — сказал Стенсон. — Мы никогда не участвуем ни в каких протестах. К сожалению, здесь многие это делают. Я не понимаю, к чему они стремятся. Как мы можем осуждать действия других? Мы знаем, что в церкви существует много различных взглядов, большое разнообразие мнений, что у людей много разных путей к Богу».

Руководство

Представители Opus Dei часто доказывают, что в их организации женщины гораздо больше эмансипированы, чем в других подразделениях церкви, поскольку женщины-нумерарии получают такое же теологическое образование, как мужчины (включая кандидатов в священники), а также имеют автономные руководящие структуры. Однако критики постоянно возражают, что эта автономия — чистое притворство, потому что последней инстанцией все равно является священник — либо местный викарий по региональным вопросам, либо прелат — по международным, который и принимает решение.

Даже члены Opus Dei понимают, что может сложиться такое впечатление.

«Я могу понять, почему люди настроены скептически, — сказала нумерарий из Мадрида Мария Анхелес Бургера, уже представленная выше. — Иногда люди считают, что раз тот парень, который командует, — епископ, значит, руководят мужчины. И в каждой стране есть викарии, представители прелата».

Тем не менее женщины Opus Dei настаивают, что на практике их автономия несомненна. Марлиз Кукинг, немецкий нумерарий, возглавляющая женское отделение, объясняет, как работает эта система: «Сообщения из региональных управлений поступают сюда, и у нас есть отделы, которые занимаются проблемами семейных пар, молодежи, теологическим и философским образованием, обучением и так далее. Я просматриваю почти все, чтобы распределить вопросы по соответствующим отделам. Они изучают проблему и предлагают решение. Все это делают женщины. Самые важные вопросы поступают ко мне, а затем к прелату. Он может задать вопрос, но обычно он одобряет наши предложения со словами, что мы лучше знакомы с проблемой, даже если он тоже с ней знаком». Кукинг сказала, что прелат «всегда внимательно и очень серьезно ее выслушивает».

Пат Андерсон, глава женского отделения в США, была еще более выразительна: «Opus Dei — единый организм, но у него два центра — мужское отделение и женское отделение. Каждое из них независимо от другого, хотя духовно они едины. Мы независимы». Когда я спросил ее об отношениях с мужским отделением, она ответила: «А зачем они мне нужны?»

Я спросил, есть ли ощущение, что женщины Opus Dei подчиняются мужчинам, и тут же получил энергичный ответ на «глупый» вопрос.

«Подчиняются? — фыркнула она. — Каким образом? Ничего подобного!»

Она добавила: «Лично я считаю, что священники нас обслуживают. Они всецело в нашем распоряжении». Андерсон объяснила, что они приходят в женские центры по первой просьбе, выполняют свои обязанности, получают жалованье, сумма которого определяется женщиной-директором, и проживают в отведенных им квартирах. Она пояснила, что, когда священник приходит, нет ощущения, что он главный.

Во многих случаях женщины пользуются своей автономией, чтобы поощрять активность участвующих в Opus Dei женщин. Например, Сьюзан Манджелс, сорокалетний нуме-рарий, президент колледжа в Лексингтоне. Обращенная лютеранка, как она с иронией себя называет. Когда она пыталась объяснить своему отцу, что Opus Dei — группа мирян, которая старается спасти мир, он пришел к выводу, что это «розовая коммунистическая организация».

Манджелс сказала, что лексингтонский колледж, в котором молодые женщины обучаются навыкам производства и управления, был «основан в 1970-е годы, чтобы способствовать обеспечению престижа работы в сфере обслуживания». Если взглянуть на это с внешней стороны, сказала Манджелс, может показаться, что Opus Dei продвигает традиционное понимание роли женщины. Но в реальности все по-другому. «В сфере обслуживания есть много областей, где доминируют мужчины… например, приготовление пищи. Наша задача — выпускать образованных женщин, умелых менеджеров, профессионалов обслуживания,

мыслящих, с чувством собственного достоинства». Манджелс сказала, что руководит колледжем вместе с большим коллективом женщин-преподавателей и никто из мужчин Opus Dei не стоит у нее за спиной.

Сильные женщины

В качестве конкретных примеров сильных женщин Opus Dei давайте посмотрим на двух кениек, с которыми я познакомился в сентябре 2004 года.

Нумерарий Франки Гиканди руководит техническим центром для девочек Kimlea. Он находится недалеко от Найроби, и его посещают 150 девочек полную неделю и около 200 девочек и женщин по программам неполной недели. Девиз центра на языке суахили *Kazi Huvuna Matunda,* или «Работа приносит плоды». Девочки, которые учатся в Kimlea, обычно происходят из самых бедных мест, расположенных вокруг кофейных и чайных плантаций; они считают, что школа — это дом для *musungus,* имея в виду «белых». В сущности, они так запуганы, что у Гиканди уходит два месяца, только чтобы убедить их посещать туалеты со спускающейся водой, расположенные в здании. Центр обучает девочек основным навыкам — шитью и готовке. В районах вокруг плантаций часто бывает холодно, поэтому свитера можно легко продать, и доход от продажи, сказала Гиканди, имеет решающее значение.

Из-за того, что большой процент кенийских мужчин бросает семьи, а также в связи с нищетой и определенными сельскохозяйственными традициями многие женщины из района Kiambu, где находится Kimlea, должны работать на плантациях, чтобы содержать своих детей. Поскольку денег всегда не хватает, в школу отдают только мальчиков — подразумевается, что о дочерях позаботятся их мужья. Отсутствие образования приводит к тому, что у женщин часто нет иного выбора, кроме сбора чая. Они работают с 6.00 утра до 6.00 вечера, получая за это меньше двух долларов, которых едва хватает на покупку еды. Этот порочный круг очень трудно разорвать. В Kimlea обучают взрослых женщин грамоте, счету и другим базовым предметам, создавая для них возможность выбора менее изнурительной и более выгодной работы. Многие уже открыли швейные мастерские, столовые или завели огород, и тем самым улучшили условия существования своих семей и общин. Девочки в дополнение к основным школьным предметам обучаются основам торговли.

Такое впечатление, что творческий потенциал Гиканди не знает пределов. Например, у нее есть пчеловодческий проект для Kimlea, чтобы у девочек появился дополнительный заработок. К тому же мед может использоваться в медицинских целях. Гиканди также показывает нам огромные мешки с землей, где вызревает небольшой урожай злаков, — она придумала это для семей, у которых нет своих земельных участков. Эти злаки на суахили называются *Sukuma wiki*, то есть «Подтолкни неделю». Идея в том, что люди смогут легче перенести те скудные недели, когда не хватает еды.

Гиканди происходит из многодетной семьи, у нее шестнадцать братьев и сестер, но так случилось не потому, что ее родители имеют отношение к Opus Dei. У ее отца было две жены, и ее братья и сестры — дети от обоих браков. После ее обращения в католичество постепенно все братья и сестры последовали ее примеру. Отец Гиканди развелся со своей второй женой, оставив ей ферму и обеспечив финансовую поддержку. Он также перешел в католичество и обвенчался в церкви со своей первой женой. Похоже, у Гиканди особый талант к обращению в христианство: в начале каждого учебного года в Kimlea католичками является половина девочек, а к концу года их число достигает двух третей.

Гиканди — четко мыслящий администратор. Например, она хочет открыть клинику и бороться с инфекционными и вирусными заболеваниями, распространенными в деревнях, окружающих Kimlea. Пока она отдала старый пожертвованный школе фургон двум докторам для поездок к больным в окрестных деревнях. В клинике также будет предусмотрено лечение

последствий недоедания и СПИДа. Гиканди постоянно изыскивает средства, чтобы покрыть расходы на образование девочек — двадцать пять долларов в месяц за каждую. С этой целью она основала фонд Друзей Kimlea.

В Kimlea не возникает вопроса, кто здесь главный. Когда Гиканди легкой походкой идет от основного здания к воротам, секьюрити вытягиваются в струнку. Когда мы с ней обходили кампус, садовник, развалившийся под деревом, внезапно вскочил и начал усердно работать граблями. Здесь в Kimlea нет мужчин-нумерариев или священников, которые бы принимали решения, — Гиканди нанимает на работу и увольняет, оплачивает счета и контактирует с окружающим миром.

Я спросил Гиканди о содержании курса обучения в школе: «Вы сильная и успешная женщина. Почему бы не обучать этих девочек математике, литературе, другим наукам, а не только ведению домашнего хозяйства и ремеслам?»

«Наша задача — научить их зарабатывать, — ответила Гиканди. — Тут не может быть выбора между шитьем и физикой. Большинство девочек приходят сюда потому, что хотят помочь своим семьям и хотят быть матерями. Наша цель — помочь им быть хорошими хозяйками, а также привить навыки зарабатывать деньги, чтобы они не полностью зависели от своих мужей. Нужно выявить их способности и возможности и понять, где можно их использовать».

Одна из самых ярких кенийских женщин — доктор Маргарет Огола, супернумерарий Opus Dei, которая возглавляет Комиссию по делам семьи и здоровья в конференции епископов Кении. Огола — педиатр, мать четверых детей, директор хосписа Cottolengo в Найроби для ВИЧ-инфицированных сирот. В свободное время она пишет романы. Ее роман *The River and the Source*завоевал в 1995 году литературную премию Джомо Кениатта и премию писателей Содружества за лучший дебют.

Она познакомилась с Opus Dei в 1990 году. Ей понравилось «очень, очень серьезное отношение к мирянам». Через одиннадцать лет она «свистнула». Слушая ее рассказы, приходишь к выводу, что, присоединившись к Opus Dei, она осталась независимо мыслящим человеком.

«Однажды я пришла на собрание, посвященное вопросам веры, — сказала она. — Там утверждалось, что люди сами виноваты в том, что у них СПИД. Конечно, воспитание не позволяет перебивать выступающего, но я не могла на это не возразить. Мне было что сказать как доктору. Я только что вышла из больницы от пятилетней девочки, которая боролась за свою жизнь, и я не могла согласиться с тем, что она в этом виновата.

В этом смысле подход бывает слишком упрощенным, — сказала Огола. — Людям, прежде чем открыть рот, нужно хорошо подумать и постараться проявить сочувствие. Христианство — это Крест. Как я могу требовать, чтобы другие люди несли крест, если он слишком тяжел для меня?»

В то же время она сказала, что ценит особое внимание Opus Dei к «совершению малых дел». Она сказала, что у нее «крепкая семья, активные дети» и она высоко оценивает возможность посмотреть на это с позиции «освящения». Кроме того, она нуждается во внесении в свою жизнь духовной дисциплинированности. «Распорядок жизни может быть довольно строгим. Они требуют у человека отчета».

Поскольку Огола специалист по ВИЧ/СПИД-заболеваниям, мы посвятили часть беседы этой теме. В Кении по меньшей мере 200 000 больных, которым нужно проводить антивирусную терапию, но только 20 000 из них получают лекарства. Огола знает, насколько важна эта терапия: в своей клинике она ежедневно видит умирающих. Тем не менее она говорит, что вопрос, который всегда задают западные журналисты, почему антивирусная терапия (ARV) не проводится большему числу людей, не отражает сути происходящего. «Бесполезно думать, что ARV решит проблему СПИДа». С одной стороны, люди с пустыми

желудками не смогут преодолеть токсичность лекарства, и либо их вырвет, либо они вообще его не смогут принять. С другой стороны, для решения вопроса, кто должен получать ARV, и последующего отслеживания ее применения необходимы комплексные лабораторные исследования, которые медицинская инфраструктура Кении, обескровленная в 1980-е годы корректирующими программами Всемирного банка, не может себе позволить.

Без «серьезных усилий по искоренению нищеты», сказала Огола, кризисная ситуация со СПИДом будет продолжаться. Наряду с другими вещами, нищета поломала традиционные африканские общественные структуры, которые накладывали табу на сексуальную неразборчивость.

Так как Огола работает в ассоциации кенийских епископов, я коснулся неизбежного вопроса о презервативах. Она с тоской выразила разочарование в том, что большая часть работы католической церкви с больными СПИДом омрачается дебатами по поводу презервативов. Однако она признала, что многие африканские священники потихоньку подсказывают семейным парам, в которых один из супругов болен, а другой нет, что в такой ситуации можно пользоваться презервативами. Огола не считает презервативы решением вопроса. Заметив, что этим «медицинским приспособлением необходимо пользоваться правильно и абсолютно регулярно», она отметила, что некий оптимизм может внушить лишь «массовое образование народа».

Огола сказала, что как врача ее очень беспокоит то, что СПИД несоразмерно поражает женщин. Из-за обычаев в обществе, когда старший из братьев мужа женится на его вдове, женщины очень зависят от мужчин и мало способны уберечь себя от заражения. Поскольку женщина считается собственностью мужчины, редкая африканка может сказать «нет», когда мужчина, даже инфицированный, настаивает на половом сношении. Кроме того, когда заражены дети, за ними ухаживает женщина. Понятно, что Огола — пример сильной африканской женщины, которая заинтересована в судьбе других женщин Африки.

Глава десятая
ДЕНЬГИ

Канадский журналист Роберт Хатчисон в своей книге Their Kingdom come, описывает Opus Dei как «мир обмана и лицемерия, полный святых махинаторов и беспринципно упорядоченный», и говорит, что его первоначальный интерес к Opus Dei был вызван слухами о доходах организации. «Впервые я услышал об Opus Dei в 1960 году, когда мой друг, швейцарский банкир, рассказал мне, что это один из главных игроков на европейском долларовом рынке. Религиозная организация, спекулирующая на бирже? Это звучит как-то странно». Хатчисон пишет, что хотя Opus Dei моложе General Motors, «по слухам, их капиталы много больше». Он также говорит, что Opus Dei «изображает смущение, когда его обвиняют в имперских замашках». Хатчисону принадлежит сравнение Opus Dei со средневековыми рыцарями-тамплиерами. «Огромные богатства тамплиеров были предметом зависти европейских правителей, и в конце концов тамплиеры были разгромлены. Opus Dei, который изучал историю этого ордена и даже подражал ему, должен вести себя осмотрительно, чтобы избежать подобной участи».

Любой человек, знакомый с журналистскими трюками, поймет, что ни одно из этих высказываний не является прямым утверждением. Хатчисон не заявляет, что Opus Dei *на самом деле*играет на международных финансовых рынках, а лишь говорит, что это сказал банкир, но некое впечатление остается. Он не заявляет, что у Opus Dei больше денег, чем у General Motors, — это просто «по слухам». Можно доказывать, что такие пропагандистские маневры безответственны, поскольку освобождают журналиста от обязательного подтверждения фактов. Но в данном случае Хатчисон просто озвучивает широко распространенное публичное впечатление. Предположения о наличии секретных накопленных

капиталов и построении нелегальной финансовой империи уже давно составная часть мистической силы Opus Dei.

На самом деле, как будет подробно рассказано в этой главе, такие представления сильно преувеличены. Активы General Motors в 2003 году составляли 455 миллиардов долларов. Даже самые завышенные оценки мировых денежных вкладов Opus Dei, с учетом всех операций, хотя бы отдаленно относящихся к Opus Dei, едва приближаются к 2,8 миллиарда долларов, что составляет немногим более двух процентов от цифры GM. Эта оценка активов Opus Dei основывается на данных, приведенных в финансовых отчетах по программам в Риме, Испании, США, Великобритании, Кении, Перу и Аргентине.

Эмоции, связанные с этой темой, вызваны не просто жгучим любопытством. В глазах многих католиков на ставку поставлена сущность церкви. Для прогрессивной части католиков документ Ватикана II *Gaudium et Spes,* провозгласивший солидарность «в радости и надежде, горе и страдании всех людей нашего времени», стал сигналом новой эры, когда церковь должна объединиться с бедняками и нищими. В 1970-е годы это стало называться «преимущественным правом бедняков». Такие перемены вызывали резкую критику тех, кто считал миссию церкви преимущественно духовной. Вопросы по поводу богатства Opus Dei тут же накалили страсти, поскольку в них отражался страх, что Opus Dei вернет церковь назад в первоначальный статус-кво.

Ныне покойная Пенни Лерну, католическая журналистка, занимавшаяся Латинской Америкой, в своей книге *People of God* писала, что Opus Dei «подобен эффективному механизму, который движется к мировому господству». Она также выразила тревогу по поводу роста влияния Opus Dei и связанной с этим утери проповеднической роли церкви. Таким образом, споры о «богатстве Opus Dei» — показатель более глубоких разногласий среди католиков.

В вопросе о финансах очень резок контраст между тем, что думают об Opus Dei окружающие, и тем, как он сам себя воспринимает. Представители Opus Dei говорят, что у него нет желания быть безжалостной экономической силой. На самом деле, говорят они, Opus Dei хочет владеть лишь самым малым, и в этом отражаются как спокойное отношение к земным благам, так и секулярный «дух» Opus Dei. «Мы не холдинговая компания», — сказал Пабло Элтон, ведущий финансовые дела офиса в Риме.

С точки зрения гражданского права Opus Dei — в узком смысле центрального офиса в Риме — владеет лишь Виллой Тевере и Виллой Сакетти (штаб-квартирами мужского и женского отделений) и кладбищем, где хоронят нумерариев. Его годовой бюджет составлял в 2003 году 1,7 миллиона долларов. Для понимания масштаба — годовой бюджет Ватикана 260 миллионов долларов, а Гарвардского университета — 1,3 миллиарда. В некоторых странах Opus Dei может владеть лишь собственными штаб-квартирами. В других странах даже они не принадлежат Opus Dei, поскольку являются частью многоцелевых объектов, являющихся собственностью независимых местных организаций. Например, здание на Тридцать четвертой и Лексингтон в США, несмотря на массу газетных сообщений, утверждающих обратное, «принадлежит» в правовом смысле не Opus Dei, а организации под названием «Murray Hill Place», как, собственно, и называется само здание.

Всеми «корпоративными предприятиями» Opus Dei, то есть его школами, университетами, университетскими общежитиями и так далее, владеют и управляют основавшие их лица, а вовсе не Opus Dei. Наваррский университет «принадлежит» не Opus Dei, а независимому юридически зарегистрированному совету директоров (хотя многие члены совета входят в Opus Dei). Так же обстоят дела с Университетом Strathmore в Найроби, или Университетом Piura в Перу, или Центром Midtown в Чикаго, или образовательным фондом Южного Бронкса, или Netherhall House в Лондоне и так далее по всему списку учреждений Opus Dei. Opus Dei настаивает, что это — логическое следствие особого внимания к секулярности и свободе;

критики видят в этом жульничество, предназначенное для сокрытия действительного финансового положения Opus Dei.

Возникают очевидные вопросы: что представляют собой финансовые активы, благодаря которым функционируют эти разнообразные учреждения Opus Dei, невзирая на то, кто ими владеет? Кто их отслеживает? Что на них покупается?

Большая часть исследовательских работ для написания этой главы выполнена по моей просьбе Джозефом Харрисом, известным американским аналитиком, занимающимся финансовыми делами церкви. Харрис не член и не сотрудник Opus Dei, он на них не работает. Ниже будет впервые представлен подробный и внимательный взгляд на финансирование программ Opus Dei.

Общие принципы

Пабло Элтон, генеральный администратор и финансовый распорядитель Opus Dei в Риме, — чилийский нумерарий, который окончил Католический университет в Сантьяго по специальности «гражданское строительство». В течение семи лет он работал в консалтинговой фирме Сантьяго, где, в частности, разработал проект городского метро. С 1988 по 1992 год он состоял в советах директоров двух чилийских компаний. В 1992 году его вызвали в Рим для участия в финансовом управлении Opus Dei, и с 1998 года он член Генерального Совета, главного руководящего органа мужского отделения организации. Если кто-то знает о финансах Opus Dei все, то это Элтон.

Говоря о цифрах и фактах, он ничего не скрывает. Он со смехом сказал мне, что на самом деле «мой самый большой враг внутри Opus Dei — PR-специалисты», имея в виду, что иногда ему хочется выйти за пределы зоны, контролируемой экспертами по связи с общественностью, которые считают, что слишком большая искренность только разожжет нападки на дело. Однако Элтон утверждает, что «нечего бояться цифр». В июне 2004 года он дал мне интервью на Вилле Тевере. Элтон рассказал, что для понимания подхода Opus Dei к экономическим вопросам можно применить три основных принципа: секулярность, свобода и умеренность.

В приложении к финансовым проблемам секулярность означает высокую профессиональную подготовку тех, кто управляет финансовыми операциями Opus Dei. Суть в том, чтобы финансовые решения не принимались исключительно в штаб-квартирах. Opus Dei — это не корпорация Wal-Mart, которая следит за освещением и отоплением своих магазинов при помощи одного централизованного компьютера. Опытные специалисты-миряне принимают деловые решения, а Opus Dei ограничивается доктринальной и духовной поддержкой их деятельности. Среди прочего это означает, что владельцы «корпоративных предприятий» Opus Dei независимы в своих действиях. Более того, любой бизнес члена Opus Dei — владельца парикмахерской или компании Фортуна 500 — волей-неволей оказывается вне компетенции чиновников Opus Dei.

В это разделение между деятельностью членов организации и собственно Opus Dei многие никак не хотят поверить. Например, его не признает Майкл Уолш в своей книге 1989 года *The Secret World of Opus Dei.* «Каким-то образом обособлять любой вид предпринимательства от самого Opus Dei является чистой софистикой, — писал он. — Во-первых вся полученная нумerariями прибыль достается Opus Dei. Это следует из их обязательств быть бедными. Даже супернумерарии (состоящие в браке члены) обязаны отдавать как можно больше своих доходов организации. Во-вторых, безусловно, ни один из нумерариев и, возможно, из супернумерариев не займется бизнесом, не обсудив это подробно со своим директором, с которым он обязан быть совершенно откровенен как в этой сфере, так и в любой другой».

Тем не менее Элтон утверждает, что на практике это обстоит не так. Он приводит конкретный пример из 1989 года, когда он был региональным администратором, или

финансовым представителем Opus Dei, в Чили. Некоторые члены Opus Dei совместно с несколькими не членами предложили организовать университет Opus Dei, который позже стал называться Университетом Анд. Новый университет подписал соглашение с Opus Dei, в котором значилось, что Opus Dei отвечает за пастырскую и духовную опеку и воспитание в духе доктрины церкви. В какой-то момент совет университета стал искать землю для строительства общежития, и супернумерарий Opus Dei, который был членом совета и экспертом по недвижимости в Сантьяго, принял активное участие в поисках места для постройки. Со временем оно было найдено, и приступили к строительству.

Смысл этой истории в том, сказал Элтон, что до сего дня он не имеет понятия, сколько Университет Анд заплатил за эту землю, хотя в то время он был главным финансистом Opus Dei в Чили. Это было решение, принятое советом директоров, который консультировался с супернумерарием. Opus Dei здесь не играл никакой роли. В этом, сказал он, и есть дух секулярности. Opus Dei занимается духовными вопросами, а все остальное остается на усмотрение членов.

Opus Dei не вкладывал деньги в покупку земли или в организацию университета.

«Кстати, этот супернумерарий — мой друг, — сказал Элтон. — Тем не менее он никогда мне не говорил, сколько они заплатили. Да это и не было нужно. Это целиком забота совета».

Элтон рассказал еще об одном случае, также произошедшем в Чили, когда он состоял в совете директоров университета. Председателем совета был супернумерарий, который попутно был главой компании Price Waterhouse. «Ну и что мне было делать? Подойти к этому парню и сказать: «Я региональный администратор и считаю, что мы должны вложить деньги в то или в это?» А он бы ответил: «Послушайте, я знаю свое дело много лучше вас. Среди моих клиентов самые крупные компании мира, поэтому сидите спокойно». Он был бы прав. Поэтому я свободно высказывал свое мнение, но знал, что в конце концов они примут решение не потому, что это сказал я, а руководствуясь деловой логикой и пониманием духа Opus Dei».

Логика секулярности — это одна из причин, по которой журналистам и всем остальным бывает трудно получить от Opus Dei хотя бы базовую финансовую информацию. В то время как весь мир считает Университет Анд, или Наваррский университет, или Центр Shellbourne частью «системы Opus Dei», они воспринимают себя по-другому. Они считают себя независимыми, самоуправляемыми учреждениями, и единственное, что обеспечивает Opus Dei, — это изучение христианской доктрины и духовное формирование. Офис Элтона не интересуется их годовыми финансовыми отчетами и подробными выкладками. Он искренне не в курсе, каков их бюджет, сколько прибыли они приносят или сколько тратят. Возможно, в это трудно поверить или вникнуть, но он настаивает, что действительность именно такова.

В частных беседах официальные лица Opus Dei говорят, что есть еще одна, менее фундаментальная причина, по которой Opus Dei с такой неохотой чем-либо «владеет»: желание уменьшить риск того, что кто-либо внутри Opus Dei получит доступ к большим суммам денег, которые могут быть неправильно использованы. Говорят, что много лет тому назад нумерарий из Португалии бежал в Бразилию после того, как опустошил банковские счета нескольких учреждений Opus Dei. Умножая число собственников и обеспечивая профессиональное наблюдение и контроль за денежными средствами, Opus Dei препятствует коррупции.

Второй принцип Элтона — это свобода.

Элтон сказал, что попытка диктата штаб-квартир в области капиталовложений и расходов противоречила бы установке Opus Dei на свободные мнения своих членов по се-кулярным вопросам, которые не касаются учения церкви или духа Opus Dei. «Люди руководят этими учреждениями потому, что хорошо знают свою работу и понимают дух Дела. Естественно, мы уважаем их свободу», — сказал он.

В то же время, сказал Элтон, верность учению церкви ставит некие границы: «Это стезя. Некоторые идут по ней быстрее, другие медленнее, кто-то выбирает более живописный маршрут, кто-то скоростную трассу, можно даже идти пешком или ехать на велосипеде, но самое главное — оставаться в рамках дороги». Свобода совести не означает «свободы делать все, что хочешь». Например, можно считать хорошим бизнесом инвестирование в компанию, производящую контрацептивы, но это не согласуется с осознанием себя «последовательным христианином».

Третья посылка Элтона, относящаяся к дебатам по поводу Opus Dei, — умеренность, которая в другом контексте может упоминаться как «нищета духа».

«Умеренность может быть простотой, так же как и нищета, в том смысле, что христиане подражают Христу, — сказал он. — Как член Opus Dei может обрести эту добродетель? Он или она должны разрабатывать ее в себе, применяя к условиям своей жизни. Например, это разные вещи для нуме-рария и супернумерария. Супернумерарий, имеющий семью, находится в другой экономической ситуации, у него другие жизненные потребности. Но суть в том, что ни один из них не должен быть снедаем жаждой накопительства материальных вещей. Суть добродетели в том, чтобы довольствоваться скромной жизнью, что бы под этим ни имелось в виду».

Элтон сказал, что Opus Dei свойственна умеренность, и это одна из причин, по которой организация не хочет «владеть» собственностью. Opus Dei также хочет довольствоваться скромными средствами. По этой причине те виды деятельности, на которые ссылаются авторы типа Уолша или Хатчисона, — вовлечение в международные финансовые рынки, операции с недвижимостью и банковские махинации, — не только было бы трудно осуществить, но они противоречат идеалам Opus Dei. Он подчеркнул, что имеются в виду основные христианские добродетели, а не «нечто, изобретенное Opus Dei».

Нищета духа

Можно понять посетителей центров Opus Dei, когда временами они с трудом верят в «умеренность», о которой говорит Элтон. Чаще всего, хоть и не всегда, дома расположены в дорогих кварталах и обставлены прекрасной мебелью. Капеллы обычно очень торжественны и никогда не производят впечатления выстроенных за небольшие деньги. С годами мнение о богатстве и привилегированности Opus Dei поддерживалось его «элитарностью», и это никак не согласовывалось с тем, что традиционно имеется в виду под нищетой духа. Один из критиков так формулирует эту проблему: «Они могут служить бедным, но при этом, подобно Христу, хотят ли они быть с ними и быть одними из них?»

В ответ на это члены Opus Dei обычно приводят три довода.

Во-первых, не все центры расположены в шикарных районах. Например, нумерарии, живущие в Южном Бронксе, в районе Римас в Лиме или Тибуртина в Риме, не могут похвастаться своим местоположением. Американский ну-мерарий Дэвид Галлахер объяснил, что иногда рынок недвижимости заставляет Opus Dei отправляться в более дорогие районы. Когда члены ищут помещение для центра, их пожелания довольно необычны: дом с шестью-десятью спальнями, большая общая комната для собраний и еще одна большая комната для капеллы. Чаще всего помещения, отвечающие этим требованиям, находятся в престижных районах, поэтому у Opus Dei нет иного выбора, кроме как ухватиться за предложение и совершить сделку.

Во-вторых, как известно, Opus Dei обращает внимание на «мелочи», то есть дом должен достойно выглядеть. Для духа Дела было бы зазорно иметь обшарпанную приемную, или отваливающуюся краску в комнатах, или сломанные стулья для посетителей. Часто видимость богатства — действительно видимость, порожденная здравым смыслом извлечения максимума при минимальных средствах. Например, в центре Braval, который находится в непрестижном

районе Барселоны, где треть населения — безработные, есть гостиная для бесед. Она выглядит очень дорого. Занимающийся центром нумерарий Хосеп Массабо с удовольствием рассказал мне о помойках, уличных закоулках и секонд-хэндах, где, в сущности, он может найти все. Это тоже «обращение внимания на мелочи», которое в Opus Dei означает, что нужно использовать все возможности, чтобы отдать Богу самое лучшее. То, что кажется внешнему миру показным, изнутри воспринимается как продуманное этическое превосходство.

В-третьих, усилия по поддержанию внешнего вида больше всего заметны в публичных помещениях центров Opus Dei. Стоит пройти на жилую территорию, и все становится гораздо более спартанским. В большинстве комнат членов есть только кровать и письменный стол. Очень часто у членов общие душевые. Более того, обычно у них нет собственных машин и даже телевизоров. Например, на Вилле Тевере в Риме, где живут около восьмидесяти членов, всего семь или восемь машин и четыре-пять телевизоров. То есть в то время как Opus Dei прилагает усилия, чтобы не ударить в грязь лицом перед гостями, большинство его членов живут очень скромно.

Более того, у критики Уолша есть обратная сторона: то, что нумерарии отдают часть своих заработков для поддержки деятельности Opus Dei, говорит о том, что сами они не обогащаются. Если около 20 процентов членов Opus Dei — нумерарии-миряне и если около 60 процентов из них не работают непосредственно в руководстве Opus Dei, то, предположив, что их средний годовой заработок пятнадцать тысяч долларов (принимая во внимание различие в зарплате между развитыми и развивающимися странами) и что в среднем они отдают Opus Dei треть своих доходов, получается 51 миллион долларов в год, которые нумерарии расходуют на поддержание таких программ, как Центр ELIS в Риме или школа для девочек Kimlea в Кении, и оплату своего проживания в центрах.

Что касается супернумерариев, то среди них мало сверхпреуспевающих и высокооплачиваемых людей, и большинство с трудом дотягивается до среднего уровня жизни. Это, конечно, связано и с тенденцией иметь большие семьи, в результате чего доходы распределяются среди большего числа членов.

В качестве примера рассмотрим семью Дуга и Ширли Хиндереров из Чикаго. Дуг — вице-президент Национальной ассоциации риэлторов, у них с Ширли девять детей. Они бы не возражали иметь больше, но пока не получается, и, чтобы поддерживать ритм появления в семье новой жизни, они завели собаку по имени Хантер. Однако, когда в 2004 году собака заразилась парвовирусом, у Хиндререров не оказалось 2000 долларов, в которые обошлось бы лечение у ветеринара. Дуг сказал, что если бы у них были лишние 2000 долларов, они бы истратили их на обучение старшей дочери в колледже, а не на собаку. Ширли, по образованию медсестра, нашла в Интернете недорогое лекарство, заказала его и стала сама лечить собаку. К счастью, Хантер полностью выздоровел.

В семье Хиндереров никто не умирает от голода. Ширли сказала, что у них нет Nintendo или Game Boy, но это скорее нравственный выбор, чем недостаток денег. Случай с Хантером доказывает, что Хиндереры не свободны в своих средствах. Это и есть, по мнению многих членов Opus Dei, нищета духа [7].

Еще один пример — сорокачетырехлетний супернумерарий Хосе Меркадо, с которым я познакомился в Лиме. Он инженер-агротехник, трудится на государственном предприятии и имеет весьма скромный заработок. У него и его жены Мирты было девять детей, четверо из которых умерли. Расходы на лечение плюс средства к существованию пяти оставшихся детей очень напрягли семейный бюджет. Меркадо рассказал, что, когда он впервые обратился к Opus Dei, друзья убеждали его, что это «похоже на ЦРУ», что это «ультраправая группировка церкви». Однако, когда он стал членом Opus Dei, он обнаружил, что они помогли ему организовать жизнь и внушили уверенность, что, несмотря на скромные средства, он в состоянии обеспечить жену и детей.

«Некоторые спрашивают меня, как я справляюсь с содержанием такой большой семьи и со всеми проблемами? — сказал Меркадо. — Я говорю им: с Божьей помощью».

Для доказательства «умеренности» на уровне организации хорошим примером может послужить Япония. Opus Dei появился в стране в 1958 году и имеет всего 300 членов и 12 священников, но управляет 14 центрами в пяти городах, а также начальными и средними школами, известным лингвистическим институтом, центрами по обучению кулинарии и медицинской помощи. Однако Opus Dei как таковой не является собственником этих учреждений. Единственное, чем владеет Opus Dei, — маленькая часовня внутри центра Oku-Ashiya Study. Даже центральные офисы Opus Dei принадлежат другим организациям.

Я попросил отца Соихиро Нитта, викария Opus Dei в Японии, объяснить, почему так устроено.

«Мы не хотим ничем владеть, — сказал он. — Нам не нужно накапливать собственность для духовной деятельности, которую мы призваны осуществлять».

На самом деле единственная причина появления в собственности Opus Dei часовни заключена в японских законах, по которым для легального существования лицо должно иметь физический адрес. Часовня зарегистрирована на имя Нитта. Кроме нее все остальное принадлежит членам-мирянам вместе с другими заинтересованными сторонами, которые входят в советы директоров.

Opus Dei утверждает, что хочет обладать средствами, чтобы выполнять свою миссию и делать это добросовестно, но не стремится к накоплению богатств для своей выгоды. Мы проверим эту теорию, приведя цифры по США.

Финансовый профиль в США

США — идеальное место для тестирования размера богатства Opus Dei, поскольку в этой стране каждая некоммерческая корпорация должна заполнять ежегодный отчет для Налогового управления (Internal Revenue Service) по форме 990. Деятельностью Opus Dei охвачены семьдесят четыре индивидуальные корпорации в тринадцати штатах и в округе Колумбия.

Проанализировав ежегодные отчеты, мы можем узнать размер состояния Opus Dei в США. В конце 2002 года филиалы и другие организации Opus Dei распоряжались 344.4 миллиона долларов в активах. Эта цифра включает в себя 69 миллионов долларов, затраченных на семнадцатиэтажное здание штаб-квартиры на Манхэттене, стоимость нескольких университетских общежитий, школ, конференц-центров по всей стране, акции, облигации и другие вложения. Организации Opus Dei должны кредиторам в целом 24,4 миллиона долларов.

Эти 344 миллиона в активах распределяются следующим образом: центры и конференц-центры распоряжаются 66.5 миллиона, на капиталовложения и инвестиции уходят 84.4 миллиона. Фонд, который субсидирует Университет Святого Креста в Риме, и два других, спонсирующих программы в Мексике и Южной Америке, имеют в активах 83.6 миллиона. Административные активы составляют 69.5 миллиона. И, наконец, пять начальных и средних школ приносят Opus Dei доход в 40,3 миллиона.

Чтобы понять действительную величину этих 344 миллионов долларов, приведем пример для сравнения. В 2001 году офис по коммуникациям Конференции католических епископов США опубликовал отчет под названием *Catholic Information Project.* Если сложить приведенные в нем финансовые данные, то получится, что суммы, затраченные на католические программы в Америке в 2001 году, приблизились к 102 миллиардам долларов. Главную роль играли больницы и школы — соответственно 59,7 и 28,3 миллиарда, что несравнимо со скромной суммой общего богатства Opus Dei. Только одно общество St. Vincent de Paul сообщило о

поступлении — включая пожертвования, доходы от торговли в магазинах для бедных, гранты, аренду недвижимости и денежную стоимость работы волонтеров — 355 миллионов долларов. Другими словами, St. Vincent de Paul *получил* за один год сумму, равную *всей собственности* Opus Dei.

Можно привести еще одно сравнение: епархия архиепископа Чикаго, вторая по величине в стране, регулярно публикует официальные финансовые отчеты, которые включают активы от деятельности пасторских центров, приходских церквей и различных программ. На 30 июня 2003 года ее наличные деньги, инвестиции и сооружения оценивались в 2,472 миллиарда долларов. Административные активы епархии архиепископа Лос-Анджелеса составляли 626 миллионов. Епархия Jouliet в пригороде Чикаго оценивала свои программные активы в 117 миллионов, а административный центр епархии архиепископа Сиэтла распоряжался 182 миллионами. Таким образом, финансовый профиль Opus Dei сравним с активами американской епархии средних размеров.

Финансовая деятельность Opus Dei неуклонно растет, но относительно малыми темпами по сравнению с общей картиной деятельности американской католической церкви.

КОНТРОЛЬ

Как уже заявлял Элтон, теоретически Opus Dei ничем не «владеет», и все, что он предоставляет своим школам-филиалам и другим организациям, — это духовное и относящееся к доктрине воспитание. Однако, судя по США, реальность состоит в том, что существует государственная координация, которая, может быть, и не равноценна праву собственности, но является более значительным организационным участием, чем заявляет официальная риторика.

Например, Информационный офис Opus Dei на Манхэттене вносит в список программ, присоединяющихся к Opus Dei, Ассоциацию по развитию образования, находящуюся на улице North Keating в Чикаго. Ассоциация спонсирует философские, теологические и относящиеся к доктрине занятия в молодежных лагерях и клубах.

В 2002 году в Ассоциации было шесть сотрудников во главе с президентом Джоном Уайльдсом. Официальные представители Opus Dei утверждают, что заниматься «ремонтом протекающей кровли» должен Уайльде, поскольку он является собственником здания. Однако в действительности никто не «владеет» некоммерческими учреждениями, так как по американским законам их активы принадлежат обществу в целом. Но контроль — это совсем другое дело. Кто-то должен контролировать такие организации, не имея их в собственности, — обычно это делает совет директоров.

При взгляде на правление Ассоциации по развитию образования возникает мысль о системе «двойного контроля», подразумевающей равновесие между местной администрацией и государственным надзором. Большинство членов правления — местные жители, которые и отвечают на практике за функционирование организации. В то же время государственные центральные органы представляет Тим Хоган, член правления в Чикаго, а также член Совета консультантов США. Хоган — главный финансист Opus Dei в США.

Эта модель повторяется по всей стране. Активами Opus Dei управляют одна административная и пять фандрайзинговых[8] организаций, находящихся в Нью-Йорке. Эти организации осуществляют надзор за инвестициями, фандрайзингом, недвижимостью и распределением нескольких миллионов долларов в качестве субсидий корпорациям, которые спонсируют центры и конференц-центры. При ближайшем взгляде на членов правления обнаруживается, что на самом деле командные функции осуществляют весьма небольшие группы членов. Существует 30 мест для членов правления, из них в конце 2002 года были заняты 24. Пять членов Opus Dei занимали 17 из 24 мест. Джон Хали был президентом пяти ассоциаций, включая Woodlawn Faundation (которая специализируется на фандрайзинге), он

также член государственного Совета консультантов США. Хоган занимал четыре должности. Все шесть правлений контролируют 139 миллионов долларов, или 41 процент активов Opus Dei в США.

Opus Dei может не владеть этими активами, но участвует в управлении ими. В этом отношении руководители Opus Dei в большей или меньшей степени копируют практику американских епископатов. Будучи людьми состоятельными, епископы предоставляют священникам право руководить приходами по их разумению, но при этом имеют подробную информацию о том, что там происходит.

Рим гораздо в меньшей степени участвует в финансовой деятельности на местах, опять же подражая практике американских епархий. Официальные представители в США сообщают лишь о финансовой деятельности офиса Opus Dei на Вилле Тевере, которая в 2002 году выразилась в сумме 207 762 долларов. Таким образом, у Рима нет ключа к распространению финансовой активности Opus Dei в США. Когда Пабло Элтону и другим официальным представителям в Риме были показаны представленные в этой главе цифры, они заявили, что впервые их видят. Элтон сказал, что, судя по его информации, расчеты сделаны правильно.

ДОХОДЫ И ТРАТЫ

Организации, управляющие деятельностью Opus Dei, проводят успешную фандрайзинговую программу, которая в 2002 году дала 10,1 миллиона долларов чистой прибыли. Около половины этой суммы было отдано в поддержку программным бюджетам, другая половина пошла на увеличение капиталовложений во вклады. Отчисление денег на вклады позволило организациям избежать ловушки, обычной для некоммерческих учреждений, когда для того, чтобы убедить людей вложить деньги в ремонт отопительной системы, нужно ждать, пока взорвется бойлер. Благодаря вкладам у организаций есть деньги на починку крыш.

В 2002 году расходы распределились по четырем главным категориям:

• начальные и средние школы — 18,4 миллиона долларов;

• 61 центр и 7 конференц-центров — 18,1 миллиона долларов;

• поддержка программ в Мексике и Южной Америке — 3,6 миллиона долларов;

• фандрайзинг и административная часть бюджета штаб-квартиры на Манхэттене — 5,589 миллиона долларов.

Относящиеся к Opus Dei организации контролируют 46 корпораций, которые спонсируют 61 центр в 13 штатах и округе Колумбия с общими активами 46 миллионов долларов. Тридцать пять из 46 корпораций, спонсирующих центры, находятся в Нью-Йорке (7), Иллинойсе (7), Калифорнии (6), Массачусетсе (6), Техасе (5) и в округе Колумбия (4). Вне этих шести штатов присутствие Opus Dei относительно незначительно.

В США Opus Dei находится в сравнительно необычном положении, поскольку имеет достаточные денежные средства для погашения краткосрочных и долгосрочных долгов без распродажи необоротных активов. Принцип Opus Dei — всячески избегать необходимости залезать в долги.

Когда центр Opus Dei испытывает дефицит в средствах, он, как правило, обращается в государственную фандрайзинговую программу Woodlawn Foundation. За 2002 год директора Woodlawn выдали почти 4 миллиона долларов грантов. Капиталы фонда образуют благотворительные вклады и доходы от инвестиций. В настоящее время Woodlawn обеспечивает субсидиями 29 из 46 корпораций, спонсирующих центры. Гранты составляют одну треть из общего фандрайзингового годового дохода, созданного в Woodlawn Foundation государственной программой.

Конференц-центры весьма консервативны по отношению к наличным деньгам, что вообще является общечеловеческим свойством. Конференц-центры выводят среднюю сумму наличного баланса в 115 721 долларов и очень маленькую сумму 1116 долларов в неоплаченных счетах. Программные менеджеры мгновенно оплачивают счета, как только открывают утреннюю почту. Долги конференц-центров составляют в сумме 2,385 миллиона долларов, около половины которой должен Shellbourne конференц-центр в Вальпараисо, штат Индиана. Менеджеры предприятий, относящихся к Opus Dei, практически всегда совершают покупки из заработанных денег, а не при помощи ипотечного кредита.

Программы, посвященные домам престарелых, принесли 3,1 миллиона долларов. В них вошла сравнительно небольшая доля годового дохода от вкладов — около 15 процентов. Основную часть составляют взносы участников, большинство из которых члены Opus Dei. Общая стоимость функционирования различных приютских центров составляет 4,075 миллиона долларов. Программы конференццентров в 2002 году работали при общем дефиците в 969 337 долларов.

ФАНДРАЙЗИНГ

Различные относящиеся к Opus Dei фандрайзинговые программы имеются и в США, и за их пределами. Организация под названием Woodlawn & Affiliates добывает и распределяет денежные средства, в основном для мужского отделения Opus Dei. В женском отделении работает фандрайзинговая программа Rosermore. Существует еще небольшая программа, которая называется Pontifical University Foundation, для поддержки Университета Святого Креста в Риме.

Woodlawn Foundation выполняет функции финансового центра Opus Dei в Америке. Его коллектив настойчиво собирает взносы со всей страны, а в некоторых случаях — и по всему миру. Он управляет инвестициями через директоров Rockside и Sauganash Foundations. Директора Woodlawn переводят миллионы денежных средств на различные программы Opus Dei. Их гранты субсидируют деятельность центров, конференц-центров и штаб-квартиры Murray Hill Place.

Деятельность Opus Dei по добыванию денег вполне успешна, о чем свидетельствует увеличение за последние шесть лет чистых активов с 16,2 миллиона до 61,7 миллиона долларов. Официальные финансовые отчеты показывают, что относящиеся к Opus Dei организации получили 133 миллиона долларов взносов в 1997–2002 годах. Около 72 процентов этой суммы получено от двадцати донаторов, и вместе с другими существенными пожертвованиями это дало сумму примерно в 1,9 миллиона долларов в год в 1997–2002 годах.

В эти же годы Woodlawn Foundation собрал 163 миллиона долларов. 113 миллионов в качестве грантов было передано общежитиям и конференц-центрам, а также на завершение строительства Murray Hill Place. Кроме того, директора Woodlawn добавили 45 миллионов к инвестициям в деятельность Opus Dei.

У Woodlawn Foundation и подобных организаций также существует система грантов, которые по установившейся практике поступают в качестве субсидий в учебные и конференц-центры по всей стране. Эти гранты составляли в 2001–2002 годах 10,3 миллиона долларов. В 1997–2002 годах Woodlawn Foundation и его филиалы выдали гранты для приобретения недвижимости и субсидирования программ в размере 112 миллионов долларов другим корпорациям Opus Dei в США.

Директора Woodlawn в 1997 году ввели аудиторскую программу, которая ограничивала фандрайзинговую деятельность. Аудиторы из Ernst&Young LLP постоянно заявляли, что официальные финансовые отчеты представляют во всех отношениях консолидированную финансовую позицию Woodlawn Foundation и его филиалов начиная с 1997 года. Аудиторы не принимают во внимание прочие программы.

ИНВЕСТИЦИИ

Учреждения Opus Dei удержали средний баланс своих инвестиций в размере 60,9 миллиона долларов. За последние шесть лет они изменили свой подход к инвестициям, перейдя от соотношения 80/20 между малорискованными инвестициями в близкие корпорации к 45 процентам в общие капиталы и открыто продаваемые ценные бумаги и 55 процентам вкладов в компании с ограниченной ответственностью и близкие корпорации. Общие инвестиции и дивиденды за последние шесть лет составили 10,239 миллиона долларов. Прибыли за тот же период исчисляются 20,779 миллиона долларов. (Однако большая часть из них связана с заключением сделки, о чем будет сказано ниже.)

ЦЕНТРАЛИЗОВАННОСТЬ?

В США, как и всюду, Opus Dei окружают мифы, которые внушают, что это есть хорошо организованный и строго контролируемый финансовый механизм. Иезуит отец Джеймс Мартин дал свою оценку в недавнем интервью газете *National Catholic Reporter:* «Отличительными чертами Opus Dei являются очень хорошая организация, влиятельность и богатство. Эта группа очень централизована». На самом деле исследования, проведенные для написания этой главы, наводят на мысль, что Opus Dei не так богат и явно децентрализован. Создается впечатление, что им так же неэффективно руководят, как и многими епархиями США.

Во многих отношениях Opus Dei ведет себя как средняя американская епархия. Канонически полный контроль осуществляет епископ. Хотя на самом деле под епископским контролем часто находятся несколько сотен людей, на практике епископ занимается канцелярской работой, а священники управляют приходами по своему разумению. Несмотря на то что существует некоторое координирование через занимающих ключевые посты нумерариев, оно весьма незначительно.

Руководители Opus Dei в США совсем не регулярно собирают сведения о финансовых операциях, проведенных в стране. Например, при выполнении программ Opus Dei за 2002 год образовался остаток в 3,9 миллиона долларов. Этот остаток был прибавлен к инвестициям для увеличения сбережений. Однако такие важные статистические данные не отражены ни в одном отчете. В 2002 году программы Opus Dei принесли годовой доход в размере 49,1 миллиона долларов, а затрачено на них было 45,9 миллиона. Эти данные представляют собой первое исчерпывающее описание финансовой деятельности Opus Dei в США, но официальными руководителями они не были востребованы.

Передающиеся в Рим финансовые данные также не являются исчерпывающими. Причем это относится не только к США. В процессе работы над этой главой мы попросили у официальных представителей Opus Dei в Риме финансовые отчеты по мировым корпоративным предприятиям организации. Как оказалось, они ими не располагают. Они с удовольствием давали адреса и контактные данные по разным корпоративным проектам, и во всех случаях, когда запрос делался, информация поступала. Таким образом, суть не в том, что они пытались что-либо скрыть, скорее они не — собирают сведения. Это не связано с неудачным администрированием или нехваткой кадров, они просто не хотят знать.

БОГАТЫЕ?

Измерять богатство — очень сложное дело. На первый взгляд годовой доход католической церкви в США в 102 миллиарда долларов может показаться огромным богатством, но большая часть этой цифры связана с расходами на школы, церкви и больницы. Если вы попытаетесь убедить епископа, что его епархия богата, он скорее всего скажет, что очень мало школ и

фактически нет церквей, которые приносят прибыли, а независимо управляемые католические больницы не помогают ему оплачивать счета за электричество.

В фандрайзинговом окружении для некоммерческих предприятий «богатство» обычно означает добывание денег, превышающих разумные нужды организации. Экономия ради экономии — так можно назвать подобное стремление к обогащению. История Boys Town, случившаяся в начале 80-х годов, — классическая «некоммерческая» история богатства. Две трети денежных средств, добытых в то время Boys Town, не были нужны для функционирования организации. Безусловно, такая программа тогда квалифицировалась как «богатая».

В 2002 году Opus Dei проводил операции с 6,6 процента остаточной прибыли. Они равнялись 49 миллионам долларов, и 46 миллионов из них были потрачены на приведение в действие всех проектов. Остаток был прибавлен к благотворительному фонду. 31 процент от общих активов вкладывается в сбережения с целью обезопасить себя от проблем в будущем. Opus Dei сохраняет оборотные активы, особенно наличные деньги и их эквиваленты. Оплата счетов каждые семь месяцев позволяет не прилагать фандрайзинговые усилия на сбор дополнительных долларов. Эти финансовые характеристики говорят об Opus Dei как о предусмотрительной и внимательной организации, способной выдержать любые невзгоды и при этом аккуратно платить по счетам.

Согласно доступным свидетельствам, Opus Dei в США не занимается добыванием денег во что бы то ни стало. Обычно денежные средства идут на расширение программ и предприятий, составляющих суть апостольской миссии Opus Dei. В это входит увеличение числа студенческих общежитий и приютов для престарелых. Поэтому представляется неправильным называть такой внимательный и осторожный подход к финансовому управлению «обогащением».

Murray Hill Place

В США Opus Dei получил самый большой подарок, и, по большинству отзывов, это единственный столь дорогой подарок в мировой практике: 29 августа 1997 года ему были переданы в дар акции Ben Venue Laboratories стоимостью в 60 миллионов долларов. Через несколько месяцев доход от продажи этих акций составил 78 миллионов. Благодаря этому дару стало возможным возведение здания штаб-квартиры на Тридцать четвертой и Лексингтон на Манхэттене, которое обошлось в 69 миллионов долларов.

Ben Venue Laboratories — фармацевтическая фирма, находящаяся в Бедфорде, штат Огайо, была основана в 1938 году Р. Темплтоном Смитом. Изначально фирма занималась разработками искусственного эстрогена и консервированной плазмы крови. В 1943–1945 годах Ben Venue создала завод по производству пенициллина, что в большой степени способствовало доступности этого лекарства. В последующие годы учеными Ben Venue было разработано более четырехсот видов фармацевтических изделий. Акции Ben Venue, которые были переданы Opus Dei Woodlawn Foundation, были проданы 1 декабря 1997 года за 78 558 354 доллара Boehringer Ingeheim Corporation, немецкому фармацевтическому конгломерату. Boehringer Ingeheim, помимо многих других лекарств, производит Rhinospray — капли от простуды и гриппа.

Opus Dei отказался от комментариев по поводу имени дарителя, но широко известно, что до передачи акций Ben Venue Laboratories владели наследники основателя фирмы Р. Темплтона Смита. Его сын Кеннеди Смит, главный управляющий Ben Venue, умер в январе 1996 года. В 1995 году Смит перешел в католичество и стал прихожанином католической церкви Святого Духа, расположенной в пригороде Питтсбурга, штат Пенсильвания. В 1960–1970-е годы он был мировым судьей Питтсбурга, в то время единственным избранным на эту должность республиканцем в штате. Семья Смита была близка к Opus Dei, и во время похорон Кеннеди попросила, чтобы вместо цветов были сделаны пожертвования в Grandevue —

женский центр Opus Dei в Питтсбурге. Однако формально Woodlawn Foundation отказывается называть дарителями семью Смита, сохраняя конфиденциальность жертвователей.

В 2001 году Джон Хали подчеркнул важность национальной штаб-квартиры, когда назвал Murray Hill Place, ныне шутливо именуемый в кругах Opus Dei «бастионом власти», «осязаемым выражением веры». До возведения нового здания штаб-квартира Opus Dei в Америке находилась в Нью-Рошели, штат Нью-Йорк, что для многих желающих затрудняло участие в мероприятиях Opus Dei.

Строительство нового национального центра было многие годы мечтой Opus Dei. Предварительный сбор средств был начат в 1982 году. На архитектурном плане того времени было изображено сравнительно скромное трехэтажное здание, расположенное, судя по всему, в пригороде. В документе 2001 года нарисован подробный эскиз окончательного здания уже с семнадцатью этажами офисов и жилых помещений, расположенного посредине Манхэттена, одного из самых дорогих районов в мире. Сопоставление изображений маленького трехэтажного домика 1982 года и конечного семнадцатиэтажного результата 2001 года хорошо иллюстрирует изменение финансового положения Opus Dei после огромного дара семьи Смитов.

Земля на Манхэттене, на которой было построено здание, в 1993 году стоила 5,095 миллиона долларов. В основном покупка финансировалась ссудой в 4 миллиона, предоставленной Ассоциацией по культурному обмену, основанным Opus Dei в Нью-Джерси фондом, который обычно предоставлял гранты и ссуды для программ вне США. По-видимому, в этом случае все программы Opus Dei сконцентрировали свои средства для постройки национальной штаб-квартиры. Строительство началось в 1995 году и продолжалось до 2001 года. Общая стоимость здания — 57 486 320 долларов, и главные затраты на строительство пришлись на 1998–2001 годы. На меблировку было затрачено дополнительно 6 543 966 долларов. Общая стоимость штаб-квартиры, как было объявлено в 2002 году, составляет 69,125 миллиона.

Офисы и жилые помещения предназначены для многих функций, семнадцать этажей разделены на пять зон. На нижних этажах расположен учебный центр, где проводятся тренинги и инструктаж молодых нумерариев, также там находятся жилые и рабочие помещения для женщин, которые занимаются готовкой и уборкой. Средние этажи выполняют функции собственно штаб-квартиры и делятся на две зоны — для мужчин и для женщин. На верхних этажах находится конференц-центр с аудиториями, общими комнатами для неформальных встреч, помещениями для гостей. Как уже говорилось в главе 9, поскольку на Тридцать четвертой и Лексингтон живут и работают и мужчины, и женщины, здание разделено на две части, с двумя отдельными входами.

Многие наблюдатели говорят, что помимо чисто практического использования штаб-квартира является символом. Она четко заявляет, что Opus Dei «добился успеха» в США, что его присутствие неизменно, что он является силой, с которой надо считаться.

Финансовый профиль в общемировом масштабе

Из-за сложности получения информации о других странах, связанной с тем, что Opus Dei не собирает подробных финансовых данных о работе своих корпораций, мы приведем только предположительные оценки размеров и масштабов общемировых материальных ценностей Opus Dei.

Единственная страна, по которой существуют данные, это Великобритания. В Англии и Шотландии двадцать шесть предприятий Opus Dei.

Лондон

Netherhall House — общежитие для студентов-юношей Ashwell House — общежитие для студенток Lakefield — школа по обучению ресторанному делу и приему гостей

Dawliffe Hall — общежитие для студенток (и штаб-квартира женского отделения)

Kelston — клуб для мальчиков

Westpark — клуб для девочек

Tamezin — клуб для девочек

Woodlands — клуб для девочек

Hillcrest — клуб для девочек

Wickenden Manor — конференц-центр

Orme Court — центр, в котором также штаб-квартира мужского отделения

Elmore — центр для мужчин Pembridge House — центр для женщин Brentor — центр для женщин

Crosmore — не предназначенное для жилья учреждение в городе

Оксфорд

Grandpont House — общежитие для студентов-юношей Winton — общежитие для студентов

Манчестер

Greygarth Hall — общежитие для студентов-юношей

Coniston — общежитие для студенток

Langsett — школа по обучению ресторанному делу и приему гостей

Thornycroft — конференц-центр

Pine Road — центр для мужчин

Rydalwood — центр для женщин

Глазго

Dunreath — учебный центр для мужчин

Glenavlon — учебный центр для женщин

Hazelwood — приют

Активы Opus Dei в Великобритании составляют 72 869 807 долларов, но, учитывая задолженность в 42 498 599 долларов, их чистая стоимость лишь 30 371 208 долларов. В отличие от США, где Opus Dei фактически свободен от долгов, в Великобритании он по уши в долгах. Это означает, что он должен ежемесячно оплачивать заклады и не может продавать активы, которые отданы в залог. Возможность занять дополнительные средства равняется нулю. Этот весьма поразительный контраст в финансовых подходах, похоже, подтверждает слова таких официальных представителей из Рима, как Элтон, о том, что Opus Dei не дает никаких «директив» по этим вопросам. Члены Opus Dei в различных регионах и в рамках программ этих регионов более или менее свободны поступать по собственному усмотрению.

В 2002 году программы Opus Dei в Англии принесли доход в 6 310 237 долларов, на них было потрачено 4 885 879 долларов, таким образом, чистый остаток составил 1 424 358 долларов. Это также резко отличается от ситуации в США — английские программы, во всяком случае в их процентном выражении, образуют гораздо больший остаток, чем в США: 22

процента по сравнению с 7 процентами. Как уже говорилось, в Великобритании около пятисот членов Opus Dei, при том что католиков — примерно 4 миллиона.

На базе исчерпывающих данных по США и Великобритании и частичных данных по другим странам мы можем смоделировать оценку общего годового дохода и активов 325 корпоративных предприятий, перечисленных в главе 1. Администрация Opus Dei на Вилле Тевере в качестве корпоративных учреждений назвала 36 начальных и средних школ, 166 университетских общежитий и 97 профессионально-технических школ. Среднестатистическая школа США имеет бюджет в 3,5 миллиона долларов. Университетские общежития приносят в среднем 296 тысяч. Мы предполагаем, что профессионально-технические школы имеют средний годовой доход 500 тысяч долларов. В большинстве примеров общие суммы активов были в три с половиной раза больше, чем их годовой доход. В 2004 году эти 299 учреждений получили общий годовой доход в 233 миллиона долларов и распоряжались активами стоимостью 781 миллион долларов.

Кроме школ и общежитий, Opus Dei в качестве своих корпоративных учреждений назвал пятнадцать университетов. В Испании и в Риме их посещают примерно 25 тысяч студентов. Официальные финансовые отчеты Наваррского университета в Памплоне оценивают годовой доход от каждого студента в 10 194 доллара. В эту оценку включена стоимость университетской больницы. Мы полагаем, что эти данные относятся ко всем европейским университетам, а также к Университету Азии и стран Тихого океана в Маниле. Общий годовой доход с этих программ исчисляется 315 миллионами долларов, а активы — 1,1 миллиарда.

Opus Dei также назвал в числе корпоративных учреждений семь университетов в Центральной и Южной Америке. В их программах принимают участие 47 тысяч студентов. Мы полагаем, что годовой доход от каждого студента в университете Аргентины можно отнести ко всем этим учебным заведениям. Мы также считаем, что два африканских университета подпадают под эту категорию. Общий годовой доход исчисляется 224 миллионами долларов, а активы — 782 миллионами. В заключение мы оцениваем годовой доход от одиннадцати бизнес-школ в 50 миллионов долларов, а активы этих программ — в 175 миллионов. Эти оценки по странам можно объединить в одну итоговую, и тогда 325 корпоративных предприятий получат годовой доход в 811 миллионов долларов, а предполагаемые активы в 2,8 миллиарда.

Строго говоря, 2,8 миллиарда долларов — это не карманные деньги. Однако нужно иметь в виду два момента. Первое: эти активы не находятся в распоряжении прелата в Риме, и до него доходит весьма малая часть капиталов. Огромное большинство активов принадлежит Opus Dei только в метафорическом смысле и тратится на школы, больницы и другие социальные проекты. Это не «ликвидные» активы. Второе: по сравнению с другими группами в католической церкви это скромная цифра. Например, если суммировать общие активы большинства всемирно распространенных религиозных орденов, то, без сомнения, получится больший результат.

Octopus Dei

Некоторые обозреватели, желая расширить свои исследования за пределы активов центров и корпоративных предприятий Opus Dei, обращают внимание на секулярные предприятия, в которых участвуют члены Opus Dei, как на свидетельство расширения сферы их финансового влияния. Например, Хатчисон ссылается на таких нумерариев, как испанец Пабло Бофилл де Куадрас, возглавляющий компанию Condotte Espagnola, и на аргентинского супернумерария Хосе Феррера Бонсомса, семьи которых владеют огромной земельной собственностью, и намекает, что в каком-то смысле эта собственность также принадлежит Opus Dei. Если принять это всерьез, можно легко получить астрономические суммы, на которых

имеется печать «Opus Dei». Хатчисон назвал этот феномен «octopus Dei», имея в виду, что Opus Dei охватывает своими щупальцами все финансовые инициативы[9].

Без сомнения, стоит продемонстрировать, что некоторые члены Opus Dei занимают важные посты в коммерческих кругах, международных финансах, банковском деле и т. д. Как уже упоминалось в главе 1, Луис Валльс, семидесятивосьмилетний испанский нумерарий, недавно ушел с поста исполнительного директора Banco Popular, третьего по величине испанского коммерческого банка с капиталом 47,9 миллиарда долларов — суммой, в четыре раза превышающей активы Opus Dei во всем мире.

Другой критик Opus Dei журналист Майкл Уолш в 1989 году написал, что Opus Dei «имеет тесный контакт» с 479 университетами и средними школами, 604 изданиями, 52 радиостанциями, 38 издательскими и рекламными агентствами и 12 кинокомпаниями. Цифры взяты из секретного отчета Ватикану, представленного в 1979 году преемником Эскрива Альваро дель Портильо с надеждой на преобразование Opus Dei в персональную прелатуру. Этот отчет просочился в *El Pais,* ведущую испанскую ежедневную газету, и был опубликован 8 ноября 1979 года. Портильо привел эти цифры, чтобы показать проникновение членов Opus Dei во все области секулярной жизни. При этом он имел в виду, что члены Opus Dei работают в 479 университетах и средних школах, 604 изданиях и так далее, а вовсе не владеют этими организациями и не контролируют их.

Элтон считает несправедливыми утверждения, что организация находится под контролем Opus Dei просто потому, что некоторые его члены там работают: «Это не соответствует действительности, так же как не соответствует действительности утверждение, что парламент или баскетбольная команда являются «католическими» лишь потому, что среди парламентариев или владельцев команды есть католики». Элтон подчеркивает, что в 1989 году, когда Уолш приводил данные из доклада Портильо, у Opus Dei на самом деле было всего шесть «корпоративных» университетов во всем мире: Наваррский в Испании, Панамериканский университет в Мексике, Университет Piura в Перу, Университет Sabana в Колумбии, Университет Анд в Чили и Austral университет в Аргентине.

Поскольку Opus Dei делает упор на освящение работы, который частично трансформируется в упор на совершенство в своей профессиональной области, вполне вероятно, что членов Opus Dei непропорционально много среди успешных банкиров и исполнительных директоров корпораций. Безусловно, это облегчает Opus Dei доступ в круги благосклонно настроенных жертвователей, когда речь заходит о сборе средств на капитальные кампании или строительные проекты. Например, сказал Элтон, время от времени он обращается к состоятельным членам Opus Dei с просьбами о финансовой помощи. Можно представить себе, что в случае серьезного кризиса у Opus Dei будет доступ к значительным ресурсам и он сможет выстоять.

Однако подобная логика может завести слишком далеко. Во-первых, в Opus Dei существует соглашение, по которому как члены не используют принадлежность к Opus Dei в своих интересах, так и Opus Dei не злоупотребляет просьбами о поддержке и помощи. Конечно, не всегда так происходит, поскольку человеческая натура слаба, но тем не менее Opus Dei настаивает на этом пункте, и, без сомнения, это имеет результаты. Вообще прелат Opus Dei не влияет на экономическую деятельность банков, компаний и правовых фирм, в которых работают члены.

Более важно то, что, если эта логика справедлива для Opus Dei, она должна работать и для других групп. Например, нечто подобное характерно для мальтийских рыцарей, международной организации мирян-католиков, в которую входят промышленники и аристократы с крупными банковскими счетами. Организация католиков — промышленных лидеров Легатус, основанная бывшим главой сети пиццерий «Домино Пицца» Томасом Монаганом, насчитывает в США несколько сотен членов, включая руководителей самых больших банков, финансовых компаний и рекламных агентств. Членами становятся лидеры

компаний, имеющих по меньшей мере 1 миллион долларов в фонде заработной платы и 10 миллионов чистого капитала. Безусловно, если сложить активы всех компаний, в которых работают члены Легатуса, получится впечатляющий финансовый колосс, притом что в Opus Dei членов значительно больше. Также можно поступить с активами рыцарей Колумбуса, организацией американских мирян, или епархий с высоким социально-экономическим уровнем. На самом деле нет оснований ограничивать эти примеры сложения католическими группами. Если, например, сложить денежные ресурсы всех выпускников Гарвардского университета, работающих в крупных корпорациях, может получиться еще один «octopus».

Однако во всех этих случаях нет никакой гарантии, что данные активы когда-либо смогут пригодиться организации. Например, каждый фандрайзер, работающий с университетами, знает, как трудно убедить бывших выпускников прийти на помощь своей alma mater. Возможно, члены Opus Dei больше к нему привязаны, чем средний выпускник Гарварда к своему университету, но даже если так, нельзя напрямую связать богатство компаний, в которых работают члены, или даже их личные состояния с их помощью Opus Dei. Если бы это было так, то маловероятно, что Opus Dei в Англии имел бы столь большие долги.

Кроме того, существуют многочисленные примеры проектов Opus Dei в разных странах, которые пришлось свернуть из-за нехватки средств. Например, школа для фермеров Escuela Agraria El P1a в Каталонии недавно была закрыта, поскольку у ее учредителей кончились деньги. Совсем недавно, несмотря на усилия родителей, выпускников, помощников и супернумерариев Opus Dei по поискам финансирования, пришлось закрыть некоторые из программ Scuola Petranova в Риме. Удалось сохранить лишь начальную школу, но все надеются, что обстановка изменится и через несколько лет можно будет возобновить обучение в средней школе. Если бы доступ Opus Dei к богатству корпораций был неограниченным, подобные вещи бы не случались.

Хотя выражение «octopus Dei» имеет несомненную художественную привлекательность, оно мало полезно в оценке финансовой ситуации Opus Dei.

Глава одиннадцатая
OPUS DEI В ЦЕРКВИ

Три года тому назад я опубликовал книгу *Conclave: The Politics, Personalities and Process of the Next Papal Election,* и еще до смерти папы Иоанна Павла II в апреле 2005 года меня часто приглашали читать лекции на тему выборов нового папы. Я предупреждал слушателей, что журналисты, которые пытались заниматься предсказаниями, набросали в историю церкви кучи мусора, но это никого не останавливает от игры в тотализатор. Где бы я ни выступал, вне зависимости от страны и идеологической настройки аудитории, обязательно всплывал один и тот же вопрос. Иногда во время ответов на вопросы вставал какой-нибудь смельчак, но чаще всего после лекции кто-нибудь отводил меня в сторону и тихо спрашивал: «А кто кандидат Opus Dei?»

В этом вопросе содержались два допущения: 1) что у Opus Dei есть кандидат, то есть у Opus Dei имеется программа, и он стремится выбрать такого папу, который будет ее продвигать; 2) кем бы ни был кандидат Opus Dei, он будет очень сильным соперником, поскольку Opus Dei имеет огромное влияние в церкви. С обоими допущениями можно поспорить, но, учитывая умение членов Opus Dei быть в нужное время в нужном месте, можно понять, почему они считаются правдоподобными.

Нужно принять во внимание следующее.

• Ни одной группе в католической церкви во время понтификата Иоанна Павла II не выражались столь явные знаки одобрения. В 1982 году Иоанн Павел преобразовал Opus Dei в персональную прелатуру, в 1992 году беатифицировал Эскрива, в 2002 году его канонизировал. Ежегодно Иоанн Павел встречался со студентами университетов Opus Dei.

Очень многие представители католической церкви, а также журналисты считали Opus Dei «ударными войсками» папы.

• В сентябре 2001 года Ватиканская Конгрегация по доктрине веры опубликовала документ *Dominus Iesus,* который вызвал настоящую бурю. В документе утверждалось, что другие религии «в высшей степени несовершенны» по сравнению с христианством. На пресс-конференции, представляющей *Dominus Iesus,* рядом с кардиналом Йозефом Ратцингером, тогда главой Конгрегации доктрины веры, а ныне папой Бенедиктом XVI, сидел монсеньор Фернандо Окарис, один из основных авторов *Dominus Iesus* и генеральный викарий Opus Dei.

• В начале 2004 года, когда шли споры, были ли сказаны папой Иоанном Павлом II слова «Это так, как было на самом деле» по поводу фильма Мэла Гибсона *Страсти Христовы,* выяснилось, что помощник режиссера фильма Ян Микелини — сын известного итальянского политика и журналиста Альберто Микелини, супернумерария Opus Dei. Младший Микелини был первым ребенком, которого окрестил Иоанн Павел, став епископом Рима. Более того, официальным представителем Ватикана, который косвенно подтвердил слова папы о фильме, был испанец Хоакин Наварро-Вальльс, глава пресс-центра. Наварро — нумерарий Opus Dei. Все это привело некоторых к подозрениям, что Opus Dei «состряпал» цитату. (Для справки: Мэл Гибсон — не член Opus Dei.)

• В сентябре 2002 года, на пике скандала по поводу сексуальных домогательств католических священников США, журнал *America* опубликовал статью официального представителя Ватиканской Конгрегации по делам епископов, в которой доказывалось, что гомосексуалисты не должны посвящаться в духовный сан. Статью написал отец Эндрю Бейкер, священник из Аллентауна, штат Пенсильвания, который также является членом Священнического общества Святого Креста, другими словами, членом Opus Dei.

• Когда в компьютере одной из семинарий австрийской епархии Sankt Poelten было найдено порядка сорока тысяч порнографических картинок, Иоанн Павел II выслал туда папского дознавателя, который, очистив семинарию от скверны, принял должность епископа. Новым епископом стал Клаус Кюнг, ранее бывший епископом Фельдкирха (Австрия), член Opus Dei.

Достаточно связать эти заметные для всех моменты отношений Ватикана и Opus Dei, чтобы понять, почему так распространено мнение, что Opus Dei пытается «принять бразды правления». Это касается не только общеизвестных дел. Люди, хорошо осведомленные в церковной жизни, могут назвать огромное количество малоизвестных инцидентов, в которых Opus Dei играл явно «консервативную» роль.

Приведем только один пример, относящийся к общине монахинь Святого Сердца Марии, состоящей из 440 сестер, с отделениями в Испании, Перу, Гватемале, Сальвадоре и Мексике. Она является продолжением многочисленных религиозных общин Святого Сердца, основанных в XIX веке французским священником отцом Жюлем Шевалье. В период после Ватикана II одно крыло женской части общины стало более либеральным, другое считало, что слишком много традиций безнадежно утрачивается. Лидером второго направления была испанка, сестра Мария де Хесус Веларде, лично знакомая с Портильо, к которому она и обратилась с просьбой о помощи, когда ее группа решила отколоться. По утверждению Марии Горетти, настоятельницы монастыря в Чаклакайо, Перу, «оперение» общины происходило под прикрытием Opus Dei, и в 1998 году она получила канонический статус, согласно которому Opus Dei отвечает за воспитание священников, исповедь и пристанище. После того как община была официально оформлена, она единодушно стала «сотрудником» Opus Dei. Например, в семинарии в территориальной прелатуре Яуойс, вверенной Opus Dei, сестры занимаются покупками, уборкой, готовкой и стиркой. По поручению члена Opus Dei кардинала Хуана Луиса Сиприани представители общины работают в приходах и школах Лимы.

Осознание духовного влияния Opus Dei ведет к постоянным слухам о его следующих завоеваниях. В Риме повсеместно считается, что Opus Dei стремится завладеть радио Ватикана, которое сейчас контролируется иезуитами. Вещающее на сорока языках радио Ватикана, на котором работают четыреста человек, — чрезвычайно дорогое предприятие и, поскольку отрицает коммерческую рекламу, не приносит никакого дохода. Неудивительно, что именно Opus Dei видится тем богатым благородным рыцарем, который, возможно, его приобретет. Подобный же пример привел бывший ректор руководимого иезуитами Грегорианского университета отец Франко Имода, рассказав, что во время своего ректорства часто слышал сплетни, что Opus Dei собирается захватить этот флагман иезуитских учебных заведений Рима, но подчеркнул, что сам он всегда считал это «фантазиями». Для справки: представители Opus Dei в Риме утверждают, что у него нет желания захватывать ни радио, ни Грегорианский университет и что единственный интерес Opus Dei, по словам Эскрива, «служить церкви, поскольку церкви нужна эта служба».

В данной главе рассматриваются наиболее часто приводимые примеры якобы усиливающегося влияния Opus Dei внутри церкви и делается попытка выяснить, на чем на самом деле основаны подобные впечатления.

Иоанн Павел II и Opus Dei

В каком-то смысле Иоанн Павел был «папой общественных движений», руководителем, который решительно поощрял множество новых религиозных орденов и групп мирян в рамках католической церкви: Focolare, Comunione e Liberazione, L’Arche, Sant’Egidio, неокатехуменаты, Легионеры Христа, Дочери Милосердия — если перечислить лишь самые яркие из них. Но даже в этой плеяде новой духовной жизни нет ничего ярче Opus Dei. Папа отдал дань восхищения Эскрива в своей книге 2004 года *Rise: Let Us Be on Our Way!* вспоминая, как «в октябре 2002 года я с радостью приписал к лику святых Хосемарию Эскрива де Балагера, основателя Opus Dei, преданного священнослужителя, защитника интересов мирян». Тем не менее не стоит преувеличивать вес Opus Dei. Рядом с людьми, на которых он производил впечатление, всегда находились те, кто им возмущался.

Кроме того, Opus Dei не был «креатурой» Иоанна Павла II. Он даже был не первым, кто проложил путь новой категории в каноническом праве, и Opus Dei впервые оказался в выигрыше. Это был Пий XII, опубликовавший 2 февраля 1947 года папскую конституцию *Provida Mater Ecclesia,* согласно которой могли образовываться «секулярные организации», и 24 февраля 1947 года, тремя неделями позже, издал декрет *Primum Lnstitutum,* утвердивший Opus Dei в качестве самой первой секулярной организации. Пий XII также защитил Opus Dei, когда Ватикан решил расколоть его на отдельные организации для мужчин и женщин и избавиться от Эскрива в качестве главы.

Последующие папы также благоволили Opus Dei, даже если и с осторожностью относились к его юридическому статусу. Иоанн XXIII, бывший папой с 1958 по 1963 год, как-то сказал своему личному секретарю, что Opus Dei «предначертано открывать неожиданные горизонты общей апостольской миссии церкви». Как уже отмечалось выше, в последние годы правления Павла VI возникло некоторое охлаждение, но в то же время Павел использовал *Путь* для своих личных медитаций. Иоанн Павел I, бывший папой тридцать три дня, был почитателем Эскрива и говорил, что если святой Франциск Сальский раскрывал духовность мирянам, то Эскрива изобрел мирскую духовность.

Тем не менее на информационном уровне отождествление Иоанна Павла II и Opus Dei очень велико, и во многих случаях мнения о них совпадают. Особенно сильна эта тенденция в англоязычных странах, где первые серьезные публичные дискуссии об Opus Dei начались в 1982 году, когда была учреждена персональная прелатура. До этого в англоязычных средствах

массовой информации можно найти лишь отдельные упоминания об Opus Dei, но интерес был весьма эпизодическим. Однако с 1982 года в англосаксонских странах разгорелись споры вокруг Opus Dei, и это совпало с моментом, когда ужесточилась оценка деятельности Иоанна Павла II.

Аналитический документ, подготовленный представителями Opus Dei специально для этой книги, показывает, что для взаимной склонности Иоанна Павла и Opus Dei есть более глубокие причины, чем политический расчет. В документе приводятся десять примеров «непосредственной совместимости» на уровне «идей, представлений и мнений о приоритетах в диалоге между церковью и современным обществом». Это:

• всеобщий призыв к святости;

• свобода и плюрализм христиан;

• единство последовательностей жизни;

• апостольская миссия мирян;

• проповедь работы;

• семья;

• вера в молодежь;

• соблюдение таинств;

• милосердие и справедливость;

• преданность церкви.

До 1989 года Opus Dei не был представлен в Польше, поэтому краковский кардинал Кароль Войтыла, ставший папой Иоанном Павлом II, не мог там познакомиться с Opus Dei. Однако еще до выборов папы Войтыла был приглашен в Рим в центр обучения священнослужителей под управлением Opus Dei — Centro Romano Incontri Sacerdotali (CRIS) для участия в обмене мнениями. Беседы с ним вышли в виде книги *Lafede della Chiesa — Вера церкви.* 13 октября 1974 года в Rezidenza Universitaria Internationale (RUI), также под эгидой Opus Dei, он выступал в дискуссии на тему «Обращение в христианство и внутренний облик». Войтыла спросил: «Может ли подлинное развитие человеческой личности, то есть духовная зрелость и личная нравственность, не отставать от современного технического прогресса? Другими словами, каким образом, обустраивая современный мир, люди могут обустроить собственную духовную жизнь»? Он сам же ответил на этот вопрос: «Мы можем на это ответить очень удачным высказыванием, которое давно знакомо людям в разных странах мира и принадлежит монсеньору Хосемария Эскрива де Балагеру, основателю Opus Dei: «Каждый освящает свою работу, освящает в ней себя и освящает других через свою работу». Если принять во внимание интерес Войтылы к духовному и личностному истолкованию работы как к противоположности марксистским концепциям, то кажется естественным его тяготение к Эскрива.

Еще до первого конклава 1978 года, избравшего венецианского кардинала Альбино Лучиани папой Иоанном Павлом I, Войтыла приезжал на Виллу Тевере помолиться на могиле Эскрива. Его сопровождал польский соотечественник епископ Анджей Мария Дескур (позже ставший кардиналом), который в то время работал в папском Совете по вопросам социальной коммуникации. Этот визит произошел 17 августа 1978 года. После того как Иоанна Павла II выбрали папой, Дескур регулярно информировал его о деятельности Opus Dei. Дескур состоял в Римской курии с 1973 года, дружил с Портильо, первым заместителем Эскрива, и с Эррансом, священником Opus Dei, который позже стал кардиналом, а при Иоанне Павле II — одним из крупнейших должностных лиц Ватикана.

«Я познакомился с епископом Войтылой, который тогда служил в Кракове, во время Ватикана И, когда Дескур представил ему Альваро и меня, — рассказал Эрранс. — Когда Войтыла приехал в Рим, он остановился в доме Дескура, который был очень увлечен Opus Dei

и много рассказывал о нем Войтыле, в частности об освящении работы». Эрранс сказал, что первое соприкосновение Дескура с Opus Dei произошло через отца Сальвадора Каналса, когда они вместе работали над документом, посвященным кинематографии.

Эрранс рассказал, что когда папа назначил его секретарем Совета, который он нынче возглавляет, он принес Иоанну Павлу в подарок маленького ослика как символ, к которому постоянно обращался Эскрива для иллюстрации своей мысли о том, что каждый должен нести Христа так, чтобы все могли его видеть, а затем исчезнуть. Папа стал задавать Эррансу вопросы об Эскрива и при этом попросил удалиться своего личного секретаря Станислава Дзивиша, ныне архиепископа, чтобы можно было свободно поговорить.

На Пасху Иоанн Павел II встречался с молодыми людьми, которые участвовали в спонсируемой Opus Dei поездке в Рим, и всегда выступал с проповедью. В ранние годы он был более непосредственным, часто шутил, и в такие моменты было проще понять его отношение к происходящему. Opus Dei выпустил DVD «Двадцать пять лет с Иоанном Павлом II», куда вошли все эти случаи. Например, в 1987 году он отметил, что по иронии судьбы молодежь Opus Dei начала встречаться с папами в 1968 году, «особо известном в жизни университетов», — намек на студенческие волнения 1968 года, ставшие в Европе метафорой крайне левой разрушительной политической деятельности, которой Opus Dei всегда противостоял. Еще Иоанн Павел упоминает о том, что некий молодой человек из Opus Dei заявил, что прочитал послание папы к молодежи и оно показалось ему слишком длинным. «Если парни из Opus Dei считают его длинным, — пошутил папа, — то что тогда говорить всем остальным?» В другой раз папа говорил о таинстве исповеди, и вдруг раздались аплодисменты. Он очень удивился, поднял голову и сказал: «Это так замечательно — аплодировать покаянию».

Папу всегда восхищал упор Opus Dei на индивидуальную исповедь в эпоху, когда некоторые католики отказались от этой практики. В интервью для этой книги пресс-секретарь Ватикана Хоакин Наварро-Валльс рассказал, что в разговорах с папой они несколько раз касались Opus Dei. Однажды Наварро настаивал, что таинство исповеди вообще не должно подвергаться сомнению и вызывать дискуссии. «Вот, — язвительно заметил Иоанн Павел, — сейчас вы говорите как член Opus Dei».

За все годы Иоанн Павел устно или в печати не менее одиннадцати раз говорил об Opus Dei, включая декрет о персональной прелатуре, проповеди на беатификации и канонизации Эскрива и послание конгрессу 2002 года по поводу столетия со дня рождения Эскрива.

14 октября 1993 года папа изложил свои мысли об Эскрива на организованном Opus Dei конгрессе, посвященном святости в миру. Он сказал:

Современная церковь в своем служении искуплению, которое касается каждого отдельного человека, глубоко сознает, что под покровительством Святого Духа постепенно произошел духовный и интеллектуальный прогресс. Послание Блаженного Хосемарии… является в этом направлении одним из самых значительных харизматических импульсов, если исходить из огромной излучающей силы, которой обладает милосердие Искупителя… Основываясь на этом, Блаженный Хосемария призвал мужчин и женщин разного общественного уровня освящать себя и участвовать в освящении окружающих, освящая обыденную жизнь. В своей священнической деятельности он глубоко постиг ценность каждой человеческой души и мощь Евангелия, пробуждая сознание и по-христиански активно относясь к защите личности и достоинства человека. Какую же силу имеет эта доктрина, несмотря на тяжесть работы, и в то же время как она привлекательна в свете нового обращения, к которому призвана церковь!.. Хосемария Эскрива де Балагер, как и другие великие личности в истории современной церкви, — источник вдохновляющих идей для теологических размышлений. В результате возникают теологические изыскания, формами которых являются весьма важные размышления об отношениях веры и культуры, прогрессе и самообогащении с пристальным вниманием к Евангелию и под влиянием великих свидетелей христианства. Вне всякого сомнения, Блаженный Хосемария находится среди них.

Таким образом, Иоанн Павел II видел в Opus Dei не просто подходящую группу верноподданных, хотя в их отношениях вполне мог быть и этот элемент, а носителя проникновения во «всеобщую озаряющую силу» милосердия и ее важность во всех областях христианской жизни.

Влияние в Ватикане

Когда в Ватикане появляется новое официальное лицо, итальянские обозреватели чаще всего спрашивают: *Di quale parrocchia e?* то есть «К какому он относится приходу?» Дело совсем не в том, что новый человек может быть из прихода Святого Михаила или Святой Моники. Слово «приход» используется в качестве метафоры. Оно означает: «От какого круга людей он зависит?». Это, безусловно, очень связано с традиционными итальянскими предположениями об устройстве мира, о том, что за любой организацией стоит неформальная сеть родственных союзов, члены которых всячески помогают друг другу и пытаются расширить сферы своего влияния.

Эти замечания, возможно, помогут объяснить гипнотическое воздействие присутствия Opus Dei рядом со Святым Престолом. Обозреватели полагают, что работающие в Ватикане члены Opus Dei образуют свой собственный *parrocchia,* и по мере того, как их число увеличивается и известность растет, расширяется контроль Opus Dei над Ватиканом и всей католической церковью. Многие католики считают, что в настоящее время Opus Dei совершил практически абсолютное вторжение в Ватикан, а во время понтификата Иоанна Павла II занимал там командное положение. Причем такое мнение высказывают люди различного социального уровня и взглядов. В процессе работы над книгой я интервьюировал одного члена кардинальской коллегии, который хорошо отзывался об Opus Dei, но в конце добавил, что у него есть некое беспокойство: «Я живу не в Риме, и мне интересно, как они смогли до такой степени расширить свое влияние на Римскую курию».

На самом деле присутствие Opus Dei в Ватикане весьма ограниченно. Только три члена Opus Dei занимают высшие посты в Ватикане (имея в виду девять конгрегаций, двенадцать советов, три трибунала и другие учреждения): испанец Эрранс — президент Папского совета по толкованию законодательных текстов, который отвечает за интерпретацию значения и подтекста Кодекса канонического права; другой испанец Хоакин Наварро-Вальльс — пресс-секретарь Ватикана; итальянец Джио Мария Полес, руководитель Управления по труду Апостольского Престола, которое является чем-то вроде отдела кадров. Во время написания этой книги Полес еще работал, хотя давно превысил пенсионный возраст. Кстати, Наварро сказал, что не считает, будто его членство в Opus Dei прямо отразилось на его должности. Более существенным было то, что он дважды избирался главой Ассоциации зарубежной прессы в Риме, и это, безусловно, — знак уважения коллег. Он сказал, что его членство в Opus Dei, возможно, было для папы «гарантией» его серьезного отношения к католической доктрине.

Кроме этих троих, в Ватикане в декабре 2004 года работали семь священников Opus Dei:

- монсеньор Франческо Ди Муцио, *capo ufficio,* то есть менеджер среднего уровня, в Конгрегации по евангелизации народов, миссионерском агентстве Ватикана;
- монсеньор Хосе Луис Гутьеррес Гомес, *relator,* то есть служащий, в Конгрегации по делам канонизации святых;
- монсеньор Мигель Дельгадо, *capo ufficio,* в Папском совете по делам мирян;
- монсеньор Стефано Мильорелли, итальянский служащий в Государственном Секретариате (Мильорелли работает в первом отделе секретариата, который занимается вопросами внутренней церковной жизни и организован по языковому принципу);

• монсеньор Освальдо Невес, служащий Государственного Секретариата (Невес работает во втором отделе, который занимается дипломатическими отношениями);

• отец Мауро Лонги, служащий младшей категории в Конгрегации по делам клира, который имеет дело с епархиальными священниками всего мира;

• монсеньор Игнасио Карраско де Паула, канцлер Папской академии в защиту жизни.

Кроме Наварро, еще два других мирянина — члена Opus Dei работают в пресс-центре Ватикана: Мигель Кастельви Виллаэскуса, глава Информационной службы Ватикана, и Альфонсо Бейли-Бальер, редактор.

Еще в Ватикане работают восемь священников — членов Священнического общества Святого Креста. Будучи священниками в своих епархиях, они также считаются членами Opus Dei. Однако стоит заметить, что договоренность об их работе в Ватикане была сделана через местных епископов, и в некоторых случаях Ватикан не в курсе, что данный священник — член Священнического общества. Это следующие лица:

• архиепископ Юсто Мюллор, президент престижной Папской духовной академии, школы ватиканских дипломатов;

• монсеньор Нгуен Ван Фуонг, *capo ufficio* в Конгрегации по евангелизации народов;

• монсеньор Жак Содо, служащий в Папской академии, занимающийся проблемой защиты жизни;

• отец Фрасиско Винаикса, служащий в Папском совете, член комиссии по толкованию законодательных текстов;

• монсеньор Сельсо Морга, *capo ufficio* в Конгрегации, занимается делами клира;

• монсеньор Хосе Мария Янгвас, *capo ufficio* в Конгрегации, член комиссии по делам епископов;

• отец Эндрю Бейкер, служащий в Конгрегации, член комиссии по делам епископов;

• отец Грегори Гастон, служащий в Папском совете, занимающийся вопросами семьи.

Есть в этом списке один уязвимый момент: его невозможно совместить *с Аппиario,* ежегодником Ватикана, в котором даются списки чиновников различных отделов. Если вы ищете в указателе в концеAnnuarioсвященника из клира Opus Dei, там будет сказано «Opus Dei». Однако это не относится к мирянам — членам Opus Dei или к членам Священнического общества Святого Креста. В обоих случаях не будет указано, что эти люди — члены Opus Dei. Отсутствие указаний соответствует принципу секулярности, но также добавляет некую таинственность. Интересно, что это часто является тайной и для других членов Opus Dei: когда я интервьюировал членов Opus Dei, работающих в Ватикане, они обычно говорили, что не знают о других членах организации, которые работают там же. Большинство могли назвать шесть-семь других, включая высокопоставленные фигуры, такие как Наварро и Эрранс, но никто не представлял общей картины. Они утверждали, что не собираются вместе и не вырабатывают общей стратегии.

При подсчете всех вышеперечисленных имен получается, что в декабре 2004 года в Ватикане работали 20 членов Opus Dei. Для понимания общей обстановки — в Римской курии в 2004 году было 2659 сотрудников, и это означает, что число членов Opus Dei составляло 0,7 процента. Возможно, это в чем-то неправильный коэффициент, поскольку большая часть этих 2659 сотрудников подходит к телефонам, выдает пропуска и выполняет другие чисто административные функции. Существует порядка 500 должностей, определяющих политику Ватикана, и исходя из этого Opus Dei имеет 3,6 процента. Стоит заметить, что самым значительным учреждением Ватикана является Государственный Секретариат, который выполняет роль координатора остальных отделов. У Opus Dei там в каждом из двух отделений работает по священнику, правда, ни один из них не является «начальником», то есть не отвечает за принятие решений. Другими важными учреждениями являются «конгрегации»,

которые уполномочены принимать правовые решения в сфере своей компетенции. Ни один из членов Opus Dei в настоящее время не стоит во главе ни одной из конгрегаций.

Для сравнения можно привести цифры, относящиеся к иезуитам, монашескому ордену, который как по политическим, так и по историческим причинам часто считается «соперником» Opus Dei. В декабре 2004 года в Ватикане работали девять священников-иезуитов, если не считать Радио Ватикана. Если же сюда включить 17 иезуитов, работающих на Радио, то общее число будет равняться 26. В него входят один человек из Государственного Секретариата и двое руководителей учреждений. Отец Паскуале Боргомео стоит во главе Радио Ватикана, и отец Чеслав Дразек — глава польскоязычного варианта *L'Osservatore Rotnano.* Другими словами, трудно доказать, что Opus Dei заполонил Ватикан, если взглянуть хотя бы на одну из других церковных групп.

Кроме постоянного штата в Ватикане также существует широкая сеть «консультантов», включающая в себя священников и мирян, которые не работают в Ватикане, а вызываются в качестве экспертов. У Opus Dei два очень известных консультанта, и оба они содействуют работе Конгрегации доктрины веры: монсеньор Фернандо Окарис, главный викарий Opus Dei, и монсеньор Анхель Родригес Луньо, профессор нравственного богословия Университета Святого Креста. У иезуитов также есть влиятельные консультанты, такие как отец Карл Бекер из Грегорианского университета, тоже помогающий работе Конгрегации доктрины веры. Практически все монашеские ордена, католические группы и движения мирян имеют в своих рядах консультантов различных учреждений Ватикана.

В интервью для этой книги, которое состоялось еще до смерти Иоанна Павла II, Эрранс, чей стаж работы в Римской курии — сорок четыре года, отрицал, что внутри Ватикана существует «блок Opus Dei».

«Нет никакого лобби, никакого «белого масонства». Я слышал о таких вещах, но их нет. За все эти годы я только однажды заходил в Управление по труду и не для того, чтобы повидаться с Полесом, а потому что у меня был к ним вопрос. Время от времени я вижусь с Наварро. Мой прелат — это не прелат Opus Dei. Моего прелата зовут Иоанн Павел II. Я получаю указания от папы, и я их выполняю», — сказал Эрранс.

Эрранс добавил, что он никогда не обсуждал проблемы Ватикана с прелатом Opus Dei.

«Я никогда не советовался с прелатом по поводу каких-то дел Ватикана. Если такой совет необходим, то у нас пятьдесят пять консультантов по всему миру, которые являются экспертами в разных областях… Opus Dei страдает от того, что некоторые люди этого не понимают. Они ошибочно считают Opus Dei разновидностью политической или духовной партии».

Епископ Хавьер Эчеверрия, прелат Opus Dei, отверг предположение о том, что власть Opus Dei в Ватикане растет: «Я вспоминаю, как Эскрива, когда кто-нибудь просил его порекомендовать некоего человека из Opus Dei поработать в Ватикане, всегда говорил: «Хорошо, но я хочу, чтобы вы прислали мне письменный запрос, потому что не желаю, чтобы люди думали, что я пытаюсь внедрить кого-то в Ватикан в своих собственных интересах». Эчеверрия «категорически» настаивает, что Opus Dei никогда по собственной инициативе не выдвигал кого-либо из своих членов на должности в Ватикан. Более того, он не обсуждал проблемы Ватикана с членами Opus Dei, которые там работают.

Есть некий способ убедиться во влиянии Ватикана — посмотреть, что случается с теми, кто оказывается в неправильном *parocchia.* Частично своей репутацией властной структуры Ватикана Opus Dei обязан истории с архиепископом Луиджи Де Магистрисом, начавшим свою деятельность в Римской курии в качестве протеже известного кардинала Альфредо Оттавиани. Де Магистрис был главой Папского пенитенциария, конфиденциального ватиканского суда, и все были уверены, что он будет в числе новых кардиналов, которых Иоанн Павел II назовет в октябре 2003 года. Однако этого не случилось, через несколько недель он прекратил работать,

и его заменил американский кардинал Френсис Стаффорд. В возрасте семидесяти семи лет, когда многие высшие церковные сановники еще вполне в силе, Де Магистрис вышел на пенсию без кардинальской шапочки. В Риме ходили сплетни, что это была сильно задержавшаяся расплата за 1992 год, когда он, будучи экспертом Конгрегации по делам канонизации святых, был против беатификации Эскрива. Официальные представители Opus Dei отрицают свою роль в изгнании Де Магистриса, и некоторые источники в Ватикане утверждают, что он лишился своего места в Государственном Совете по другим причинам. Но это не удерживает обозревателей от комментариев, что судьба Де Магистриса является предостережением для желающих скрестить мечи с «Делом».

С другой стороны, члены Opus Dei побеждают не во всех столкновениях. Возьмем, например, случай с монсеньором Хоакином Льобелем, испанским священником Opus Dei и профессором канонического права Университета Святого Креста в Риме. Он очень уважаемый специалист по каноническому праву, который заседает в Apostolic Segnatura — Верховном суде Ватикана, а также в Апелляционном суде государства Ватикан. Он участвовал в качестве судьи *ad caиsam* в уголовных делах, которые вела Конгрегация доктрины веры, в том числе по обвинению священников, в большинстве своем из США, в сексуальных преступлениях. Льобель также член комиссии, которая подготовила пакет нормативов для регулирования «серьезных правонарушений», включая сексуальные преступления, под названием *Sacramentorum sanctitatis tutela*, изданный 30 апреля 2001 года.

Несмотря на то что Льобель — верный католик, он также ярый приверженец закона, и он понимал, что в процессах, которые церковь вела по поводу сексуальных преступлений, были допущены серьезные нарушения. В марте 2004 года он выступил с публичной лекцией, в которой утверждал, что каноническое право требует реабилитации правонарушителя и некоей пропорциональности между преступлением и наказанием, то есть «одно и то же» наказание за все преступления чуждо каноническим традициям. Оба этих пункта были нарушены политикой «одного удара», которая применялась по отношению к американским епископам с одобрения Ватикана. Он также критиковал пересмотр нормативов, определяющих сексуальные преступления, одобренный Иоанном Павлом II в феврале 2003 года. Согласно этому пересмотру, был отменен закон о сроках давности, разрешено Конгрегации доктрины веры лишать священника духовного сана внесудебным путем, и решение конгрегации не подлежало обжалованию. Льобель возражал против того, чтобы во главе трибуналов, которые занимались делами о сексуальных преступлениях, были обвинители. Никакая система правосудия не может быть справедливой, если судей выбирает и за ними наблюдает обвинитель. Речь идет не о «мягком» отношении Льобеля к сексуальным преступлениям священников: в конце 1980-х годов он заявлял, что американские епископы должны возбуждать уголовные дела против преступлений священников, руководствуясь Кодексом канонического права. Тем не менее он утверждает, что церковь не должна исправлять одну несправедливость другой, а современные нормативы, с процедурной точки зрения, он считает несправедливыми.

Некоторые с этим не согласны, включая ответственного за осуществление правосудия в Конгрегации доктрины веры монсеньора Чарльза Шиклуна, мальтийского священника, который отвечал за каноническую реакцию Ватикана на американский кризис. Шиклуна сказал коллегам, что, возможно, нормативы канонического права несовершенны, но церковь оказалась в кризисе и необходимо реагировать. Более того, Шиклуна проследил за тем, чтобы решения были приняты в относительно краткие сроки. До Ватикана дошло более 700 дел, и к весне 2004 года по 550 из них были начаты уголовные процессы, что является удивительным результатом для Ватикана, который известен своей склонностью «думать в течение столетий».

Льобель и Шиклуна — друзья и коллеги, поэтому нет речи о личном антагонизме, и Льобель уже перестал работать в Конгрегации доктрины веры, когда там появился Шиклуна. Тем не менее они являются выразителями двух различных канонических подходов, и точка зрения Шиклуна преобладает. С тех пор, как в 2001 году Льобель участвовал в работе над

нормативами, его больше не приглашали в Конгрегацию, несмотря на волну уголовных дел, последовавших за американским кризисом. Эта история очень показательна, особенно если принять во внимание, что самым высокопоставленным членом Opus Dei в Римской курии является Эрранс — также специалист по каноническому праву. Его взгляды на процессуальные соответствия и законность установления нормативов сексуальных преступлений гораздо ближе к взглядам Льобеля, чем Шиклуна. Если бы Opus Dei действительно обладал в Ватикане сокрушительной силой, можно было бы ожидать, что в этих правовых спорах победит другая сторона.

Поэтому суть в том, что хотя члены Opus Dei и занимают некоторые значительные посты в Ватикане, они там не «хозяйничают». Если вопрос в том, имеют ли члены Opus Dei то, что итальянцы называют *ипа voce in capitolo,* то есть влияние, то ответ на него, безусловно, «да». Если вопрос в том, может ли Opus Dei всегда подчинить систему своей воле, то ответ на него — «нет».

Opus Dei и Коллегия кардиналов

По правилам, введенным папой Павлом VI и подтвержденным Иоанном Павлом II, участвовать в голосовании могут кардиналы моложе восьмидесяти лет. В мире всего 183 кардинала, 117 из них моложе восьмидесяти лет. Многих удивляет, что только двое из них принадлежат к Opus Dei: шестидесятиоднолетний кардинал Хуан Луис Сиприани Торне из Лимы и семидесятипятилетний Эрранс. На конклаве в апреле 2005 года голосовали 115 кардиналов и среди них — Эрранс и Сиприани.

Иногда кардиналы, не являясь членами Opus Dei, тем не менее связаны с ним. Например, миланский кардинал Диод-жини Теттаманци считается «близким» Opus Dei. В 1998 году, на семидесятую годовщину Opus Dei, Теттаманци опубликовал статью, где сравнивал Эскрива со святым Бенедиктом и святым Франциском Ассизским, которые тоже были основателями новых движений внутри церкви. Теттаманци также автор предисловия к биографии Эскрива, написанной итальянским журналистом Андреа Торньелли, в котором говорилось, что жизнь, учение и труды Эскрива — «настоящий свет на пути церкви в наше время». Недавно одну из глав книги, изданной в память Эскрива, написал кельнский кардинал Иоахим Мейснер. Глава называется «Дар Божий Opus Dei в церковь».

Еще один кардинал, исторически связанный с Opus Dei, — бывший архиепископ Бостона кардинал Бернард Лоу, ныне настоятель церкви Santa Maria Maggiore в Риме. Лоу познакомился с Opus Dei в 1950-е годы, когда первая группа членов приехала из Испании в Гарвард. Лоу, который родился в Мексике и хорошо знал испанский, подружился с ними. Когда в 1953 году он окончил Гарвард, Лоу попросил своего приятеля Уильяма Стетсона позаботиться об испанцах. Впоследствии Стетсон стал священником Opus Dei, какое-то время жил на Вилле Тевере, потом служил викарием в Чикаго. Сейчас он руководит Католическим информационным центром в Вашингтоне. Стетсон и Лоу по-прежнему дружат, и когда Ватикан поручил Лоу заниматься делами членов епископальной церкви, желающих быть принятыми в католическую церковь, Стетсон работал в качестве его помощника. В 1985 году, когда Лоу стал кардиналом, он пригласил прелата Opus Dei Альваро дель Портильо на торжественный ужин по этому случаю. Однако на репутации Лоу сильно сказалось его поведение во время скандала с сексуальными преступлениями, когда он игнорировал свидетельства, что несколько священников его клира «неправильно» обращаются с детьми.

Среди других кардиналов, которые по разным причинам «дружат» с Opus Dei, следующие лица: Джакомо Биффи, профессор в отставке из Болоньи; Дарио Кастрильон Ойос, префект Конгрегации по делам клира; Николас де Хесус Лопес Родригес из Санто-Доминго; Альфонсо

Лопес Трухильо, президент папского Совета по вопросам семьи; Камилло Руини, викарий римской епархии; Иоханнес Адрианус Симонис из Утрехта.

Даже если прибавить сюда всех кардиналов, которые исторически связаны с Opus Dei или хоть в какой-то степени ему близки, это никак не составит двух третей Коллегии кардиналов, необходимых для выбора папы. Кроме того, кардиналы Opus Dei утверждают, что они не объединяются в «группу по интересам», чтобы добиться нужного результата.

«Я знаю, что они [некоторые другие кардиналы] это делают, — сказал Сиприани в своем интервью 11 июля 2004 года. — Мне это все равно. Я могу выразить свое мнение, но, главное, я считаю, что нужно быть верным сыном церкви. Если ты верный сын церкви, молись за святого отца, молись за благочестие. Если ты видишь кого-то, кто может стать в будущем папой, молись за него. Старайся помочь ему быть «славным парнем», усиленно работай. Когда наступит время, он будет подготовлен».

Я спросил Эрранса, будет ли он советоваться с прелатом Opus Dei, когда начнется конклав.

«Вы можете быть уверены, что я этого не сделаю, — ответил он. — Я знаю, с кем я должен поговорить. Я пойду, как и во многих других случаях, в храм и задам вопрос Господу.

Я поговорю с ним, обсужу человеческие качества [кандидатов]… уровень культурного развития, опыт пастырского служения, возраст, здоровье, многое другое. Я верю в Святого Духа и абсолютно убежден, что были моменты, когда Святой Дух озарял меня. Он мне все откроет. Я буду спрашивать у него».

Opus Dei и епископы

Во всем мире двадцать епископов, которые составляют клир Opus Dei, и, кроме того, три *emeriti* — епископа на пенсии, то есть всего двадцать три человека. В США единственный епископ клира Opus Dei — архиепископ Сан-Антонио Хосе Гомес.

Вот перечень епископов Opus Dei:

- Антонио Аррегуи Ярса, архиепископ Гуаякиля, Эквадор
- Хуан Луис Сиприани Торне, кардинал Лимы, Перу
- Альфонсо Дельгадо Эверс, архиепископ San Juan de Cuyo, Аргентина
- Антонио Аугусто Диас Дуарте, помощник епископа Сан-Себастьян-ду-Рио-де-Жанейро, Бразилия
- Хавьер Эчеверрия Родригес, прелат Opus Dei
- Рикардо Гарсиа Гарсиа, прелат Яуойса, Перу
- Луис Глейзнер Воббе, помощник епископа Ла Серены, Чили
- Хосе Горасио Гомес, архиепископ Сан-Антонио, Техас
- Хуан Игнасио Гонсалес Эррасурис, епископ Сан-Бернардо, Чили
- Хулиан Эрранс Касадо, кардинал, президент Папского совета по толкованию законодательных текстов
- Филипп Джордан, папский администратор, Эстония
- Клаус Кюнг, епископ Санкт-Пёльтена, Австрия
- Рогелио Рикардо Ливерес Плано, епископ Чиудад дель Эс-те, Парагвай
- Рафаэль Льяно Сифуентес, епископ Нова Фрибургу, Бразилия
- Энтони Мухерия, епископ Эмбу, Кения
- Франсиско Полти Сантиллан, епископ Санто-Томе, Аргентина
- Хьюго Еугенио Пуччини Банфи, епископ Санта-Марта, Колумбия

• Жауме Пужол Балсельс, архиепископ Таррагоны, Испания
• Фернандо Саенс Лакалле, архиепископ Сан-Сальвадора, Сальвадор
• Хуан Антонио Угарте Перес, архиепископ Куско, Перу

ЕПИСКОПЫ — EMERITI

• Хуан Игнасио Ларреа Холгуин, архиепископ в отставке, Гуаякиль, Эквадор
• Луис Санчес-Морено Лира, архиепископ в отставке, Арекипа, Перу
• Франсиско де Гурусеага Итурриса, епископ в отставке, Ла-Гуайра, Венесуэла

Кроме того, есть еще четырнадцать епископов из Священнического общества Святого Креста, которые хотя не инкардинированы в качестве священников в прелатуру Opus Dei и поэтому не находятся под юрисдикцией Эчеверрия, тем не менее считаются членами Opus Dei.

• Исидро Баррио, заместитель епископа Уанкавелики, Перу
• Марио Бускетс, прелат территориальной прелатуры Чуки-бамба, Перу
• Николас ДиМарцио, епископ Бруклина, США
• Роберт Финн, заместитель епископа Канзас-Сити Св. Иосифа, США
• Жильберто Гомес, помощник епископа Абанкая, Перу
• Франсиско Жиль Эллин, архиепископ Бургоса, Испания
• Габино Миранда Мельгарехо, помощник епископа Аякучо, Перу
• Хесус Молине, епископ Чиклайо, Перу
• Уильям Дермотт Моллой, епископ Уанкавелики, Перу
• Юсто Мюллер, президент Папской духовной академии, Рим
• Джон Майерс, архиепископ Ньюарка, США
• Исидро Сала, епископ Абанкая, Перу
• Хасинто Томас де Карвальо, епископ Ламегу, Португалия
• Гильермо Патрисио Вера Сото, епископ территориальной прелатуры Калама, Чили

В Священническом обществе Святого Креста также трое епископов — *emeriti.*

• Энрике Пелах-и-Фелиу, епископ в отставке, Абанкай, Перу
• Альберто Косме до Амарал, епископ в отставке, Лейрия-Фатима, Португалия
• Хесус Умберто Веласкес, епископ в отставке, Селая, Мексика

Всего в Opus Dei 40 епископов. В конце 2004 года во всем мире было 4564 епископа Римской католической церкви, и сорок епископов Opus Dei составляют 0,9 процента от этого числа.

Согласно вышеприведенным спискам, большинство епископов — латиноамериканцы. В Африке только один епископ Opus Dei, четыре в США и, кроме Рима, еще шесть в Европе. В Азии нет ни одного. В Латинской Америке — один кардинал и четыре архиепископа. Тридцать процентов, а именно двенадцать епископов, в одном только Перу — феноменальный результат решения папы Пия XII вверить Opus Dei территориальную прелатуру в Яуойс в 1957 году. Этот шаг дал Opus Dei возможность развития своего клира и последующего участия в совете епископов. Некоторые назначения на должность, полученные епископами Opus Dei, обычно считаются «доходными местами».

Число епископов Opus Dei можно сравнить с цифрами иезуитов, у которых в декабре 2004 года было семьдесят четыре епископа во всем мире и девять кардиналов — самое большое число в истории ордена. На самом деле официальные представители иезуитов в частных беседах утверждают, что они постоянно просят Ватикан не назначать их членов епископами,

поскольку им нужны рядовые священники. В действительности Иоанн Павел II назначил гораздо больше епископов из монашеских орденов, чем большинство его предшественников. Салезианцы Святого Иоанна Боско в декабре 2004 года имели во всем мире 111 епископов, включая шесть кардиналов. Таким образом, количество епископов Opus Dei не кажется запредельным, если принять во внимание отношение папы к другим группам церкви, и не является слишком значительным по сравнению с ними.

Единственная страна, где у епископов Opus Dei есть реальная возможность действовать сообща, — это Перу. Но Сиприани утверждает, что этого не происходит.

«Одна из важных особенностей Opus Dei состоит в том, что мы никогда не действуем как группа, — сказал Сиприани. — Если кто-нибудь попробует так поступить, мы его очень жестко спросим: «Что ты делаешь? К чему ты стремишься?» Далее Сиприани сказал, что в действительности на перуанском епископальном совете представители Opus Dei не выбираются на ключевые посты. «Это очень странно, но мы не можем ничего делать на национальном совете епископов. У нас нет никакой власти».

Когда я сказал ему, что ведь он руководит церковью в Перу, Сиприани рассмеялся и ответил: «Мне хочется в шутку сказать так «Я очень хотел бы руководить церковью, но я не могу!» Я делаю все возможное, но я просто не могу».

Персональная прелатура

28 ноября 1982 года Иоанн Павел II опубликовал апостольскую конституцию *Ut Sit,* которая объявила Opus Dei первой «персональной прелатурой». Эта публикация обозначила собой высшую точку сорокачетырехлетней борьбы за канонический «дом» для Opus Dei, который отстоял свою самобытность в качестве единой группы духовенства и мирян, мужчин и женщин, объединенных общим призванием. Члены Opus Dei любят повторять слова, сказанные Эскрива официальным представителям Ватикана в 1946 году: «Вы пришли слишком рано — на целый век раньше!»

Для многих англоговорящих католиков создание персональной прелатуры стало первым знакомством с Opus Dei. В то время он воспринимался многими как чисто политическое образование. В книге Майкла Уолша *The Secret World of Opus Dei* три главы посвящены юридической эволюции Opus Dei, которая понималась как жажда все больших привилегий. Кроме того, прелатура, как казалось многим, должна была положить конец власти местных епископов. Opus Dei это отрицает, утверждая, что руководствуется лишь духовными целями, а во всех других вопросах его члены — преданные католики и подчиняются местным епископам. Например, если член Opus Dei хочет расторгнуть свой брак, он не может обратиться с этим к прелату, а идет к своему епископу.

До 1982 года Opus Dei определяли по-разному: «религиозный союз», «священническое общество», «секулярная организация», и каждая из этих формулировок была далека от самовосприятия Opus Dei. Главная проблема состояла в том, что каждое определение затягивало Opus Dei в орбиту монашеских орденов и искажало его секулярную самобытность. Как сказал немецкий биограф Эскрива Питер Берг-лар: «Opus Dei был закреплен на лодке святого Петра, но не в том порту». Эскрива так говорил о поиске юридических решений проблемы статуса, который казался ему малоудовлетворительным: «Уступать, но не сдаваться, стремиться отыграться».

В качестве лишь одного примера тогдашних помех можно привести ватиканский указ от 22 марта 1950 года, запрещавший духовенству и членам религиозных и других обществ принимать участие в бизнесе. В указе специально заявлялось, что «члены недавно основанных секулярных организаций», среди которых на первом месте был Opus Dei, от этого не освобождались. Это означало, что супернумерарии, посвятившие себя бизнесу, формально

нарушали закон церкви. В 1958 году синодом римской епархии, созванным папой Иоанном XXIII, были подготовлены документы, согласно которым членам секулярных организаций так же, как и духовным лицам, запрещалось заходить в бары, заниматься бизнесом и посещать кинотеатры. В Кодексе канонических законов 1917 года (канон 500) утверждалось, что в организациях, которые претендуют на «безупречность», мужчины и женщины должны быть законодательно разделены. Указ 1947 года, который провозглашал создание секулярных организаций, также содержал это условие, то есть всегда существовала угроза, что Opus Dei может разделиться на отдельную мужскую и женскую организацию. Канонисты Opus Dei утверждают, что в этом смысле переход в персональную прелатуру был оправдан необходимостью создания новой категории, которая бы не была отягощена «багажом» долгой религиозной жизни.

Тем не менее большинство обозревателей считают, что для достижения своей цели, какова бы ни была при этом каноническая логика, Opus Dei организовал сильное правовое давление. Некоторые историки даже полагают, что Opus Dei, который был основан за десятилетия до Второго Ватиканского собора, оказался гораздо более ловким, чем повсеместно представлялось. Один из малоизвестных документов собора *Presbyterorum Ordinis,* или *Указ о духовенстве и жизни священников,* опубликованный 7 декабря 1965 года, содержит следующий пассаж: «Там, где природа апостольского служения в этом нуждается… нужно благоприятствовать созданию международных семинарий, специальных епархий или персональных прелатур и других организаций, к которым могут быть прикреплены священники, конечно, не в ущерб правам местного духовенства, а во благо всей церкви». Это был первый церковный документ, определенно ссылающийся на возможность существования персональных прелатур. Секретарем комиссии, которая подготовила *Presbyterorum Ordinis,* был Портильо. В этой комиссии работал также Эрранс. Некоторые критики обвиняли Opus Dei, что он «подделал» документ, чтобы подготовить собственное возвышение.

Эрранс отрицает, что этот раздел документа был создан специально для Opus Dei.

«Конечно, можно подумать, что за текст отвечал Портильо, — признает Эрранс. — Но это не так: он просто был секретарем комиссии Совета, а я помогал ее деятельности. Там было двадцать пять членов, кардиналов и епископов, выбранных со всего мира. Потом там было двадцать консультантов, включая доминиканца отца Ива Конгара и многих других. У Портильо были секретарские обязанности… соблюдение времени заседаний, созыв совещаний, но решения и тексты разрабатывались членами и консультантами».

Что же касается собственно прелатуры, то Эрранс настаивает, что у Ватикана были более серьезные мотивы, чем просто разрешение правовых проблем Opus Dei.

«Это была гораздо более широкая проблема. В церковном праве уже существовали персональные приходы, некоторые из них на основе чина, такие как армянский или сирийский. В результате всех социологических изменений в современном мире обстановка стала менее статичной, чем была, когда готовился Кодекс 1917 года, законы которого были рассчитаны на земледельческое общество… Сейчас люди переезжают с места на место, постоянно покидают прежнее жилье. Они вынуждены это делать в поисках работы и так далее. Понятно, что пастырская опека должна быть не только территориальной, но также и персональной».

Давление на церковь по поводу признания новых форм пастырских организаций началось в первые годы XX века. В 1938 году папа Пий XI назначил одного из самых энергичных итальянских католических деятелей францисканца отца Агостино Джемелли, основателя Католического университета Милана, председателем конгресса в Сент-Галле, Швейцария, на котором собрались лидеры двадцати пяти католических групп, требующих легализации новых возможностей для обращения в христианство и апостольской деятельности. Многие из этих групп надеялись найти для мирян способы вести жизнь серьезных преданных христиан, не прекращая в связи с этим быть мирянами. Конгресс в Швейцарии обратился с просьбой о юридическом признании новых форм жизни и миссионерской деятельности. По итогам

конгресса Джемелли составил меморандум, аргументирующий данную просьбу. Непосредственным ответом была апостольская конституция Пия XII *Provida Mater Ecclesia,* предоставлявшая возможность создания «секулярных организаций». Как уже говорилось, Opus Dei стал первой официально признанной секулярной организацией. Тем не менее, по мнению Эскрива, даже такая категория не уменьшала риск спутать Opus Dei с религиозными орденами.

Эрранс рассказал, что уже был прецедент создания личной прелатуры в форме Mission de France[10], группы священников-миссионеров и мирян, которые посвятили себя возвращению к вере отошедших от церкви французских католиков. Она была официально утверждена в качестве нетерриториальной прелатуры в 1954 году. «Они были разбросаны по всей Франции, — сказал Эрранс. — Они заключали договоры о работе в разных епархиях. К тому же в Mission de France работали и миряне, поскольку их статус это разрешал, поэтому это было больше похоже на персональную прелатуру».

Но даже если это было ясно Эррансу, так не обстояло дело с другими. Первое прошение Эскрива от 22 мая 1960 года о превращении Opus Dei в личную прелатуру было отклонено Государственным Секретариатом. В письме кардинала Джованни Чиконьяни говорилось, что это приведет к «почти непреодолимым юридическим и практическим трудностям». В 1969 году Opus Dei созвал конгресс для изучения вопроса юридического статуса, который высказался в пользу персональной прелатуры. Эскрива продолжал над этим работать вплоть до своей смерти в 1975 году, после чего тема перешла к Портильо. Однако Ватикан не менял свое отношение к проблеме. Проект нового Кодекса канонического права 1980 года включал в себя нормативы для персональных прелатур, хотя к тому времени они еще не существовали. В проекте эти нормативы содержались в том же разделе, что и нормативы для территориальных епархий, то есть предполагалось, что они равны и прелат считался аналогичным епископу. Однако на собрании кардиналов в 1981 году эта формулировка была отклонена. Кардиналы опасались, что отношение к персональной прелатуре как к равноценному заменителю местной церкви создаст «церковь внутри церкви». В результате в Кодексе канонического права 1983 года каноны были опубликованы под заглавием «Верующие в Христа», а не в разделе «Иерархическая конституция церкви».

Эрранс участвовал в комиссии канонистов Opus Dei и официальных представителей Ватикана, которая занималась этой проблемой между февралем 1980-го и февралем 1981 года, собираясь в зале Собрания Конгрегации по делам епископов. Он сказал, что самым сложным было прояснить отношения между Opus Dei и местным епископом: «Мы тщательно изучали юридические отличительные признаки Opus Dei на момент его просьбы об этой трансформации, а также каковыми они будут впоследствии. Было понятно, что наш Основатель не имел в виду выходить из-под власти епископа. Это скорее в характере монашеских орденов. Миряне Opus Dei должны были оставаться верующими тех епархий, где они жили».

Перед созданием прелатуры двум тысячам епископов стран, где был представлен Opus Dei, были разосланы документы, по поводу которых они могли высказать свои суждения и замечания. Эрранс сказал, что были предприняты «интриги» и попытки организовать епископов против изменения положения Opus Dei, но он не знает, кем именно. Монсеньор Марчелло Косталунга из Конгрегации по делам епископов в своей статье в *L'Osservatore Romano,* сопровождающей публикацию *Ut Sit,* комментирует реакцию епископов: «Многочисленные ответы епископов демонстрируют их удовлетворение тем, что решение организационных проблем Opus Dei было достигнуто в абсолютном соответствии с нормами, провозглашенными Вторым Ватиканским собором. Было также несколько писем, в которых содержались просьбы о разъяснении ситуации, все они были приняты во внимание и удовлетворены».

Что бы ни иметь в виду под «приняты во внимание», сам факт консультации с епископами говорит о том, что это был самый коллегиальный акт во время понтификата Иоанна Павла.

Весьма трудно вспомнить другое решение, которое потребовало бы реакции двух тысяч епископов всего мира.

С самого начала понтификата Иоанна Павла II было ясно, что он собирается решить проблему Opus Dei и сделать это как можно быстрее. Эрранс сказал, что папа пристально следил за процессом, и по этому поводу имеются свидетельства третьего лица. Кардинал Серджио Баджио, в то время глава Конгрегации по делам епископов, рассказал, что, когда он посещал папу в клинике после 13 мая 1981 года — неудачной попытки покушения, — один из первых вопросов, который Иоанн Павел задал касательно того, как обстоят дела с юридическим статусом Opus Dei. Папа, сказал Баджио, хотел довести это до конца.

«Когда был издан декрет, давший Opus Dei статус персональной прелатуры, Баджио опубликовал в *L'Osservatore Romano* две статьи, в которых четко утверждалось, что данный декрет направлен не только на решение проблем одной организации церкви, а на проведение в жизнь решений Второго Ватиканского собора, — сказал Эрранс. — Эти статьи были инспирированы папой, и я знаю об этом, потому что мне сказал Баджио. Святой Отец сказал, что таким образом приводится в действие идея собора. Да, это решало организационные проблемы Opus Dei, уходящие еще в 1928 год, но это было второстепенным. Второй Ватиканский собор предвидел появление новых пастырских организаций в новое время… Папа хотел, чтобы это решение было воспринято в более широком контексте».

Многие канонисты полагают, что отчасти мистика, окружающая персональную прелатуру, связана с тем, что Opus Dei после двадцати трех лет все еще является единственным и не очень типичным примером того, как «персональная прелатура» намеревается решить пастырскую проблему. Некоторые канонисты считают, что в недалеком будущем могут быть созданы другие персональные прелатуры, и это приведет к меньшей привилегированности Opus Dei. Например, есть предложение создать персональную прелатуру для большого количества филиппинских иммигрантов на

Аравийском полуострове, разрешив филиппинскому духовенству, которое владеет языком и знает свою паству, но приписано к другой епархии, осуществлять пастырскую опеку под руководством прелата. Если будут существовать другие персональные прелатуры, то эта категория перестанет казаться специальной протекцией для Opus Dei.

Наконец, стоит заметить, что Opus Dei — не единственная организация католической церкви, получившая при Иоанне Павле II, несмотря на жаркие споры, новый юридический статус. 28 июня 2002 года Папским советом по делам мирян была дана санкция сроком на пять лет на юридический статус для Неокатехуменального Пути, основанного в 1960-х годах в Испании двумя католиками Кико Аргуэлло и Кармен Эрнандес. Это произошло несмотря на *то,* что неокатехуменаты не подходят ни под одну из категорий канонического права — это не ассоциация верующих мирян, не движение, не монашеский орден, не говоря уже о персональной прелатуре. Более того, тринадцатитомное «катехизическое руководство», лежащее в основе неокатехуменатов и состоящее из учения Аргуэлло и Эрнандес, не стало достоянием общественности. Невзирая на возражения, похожие на те, которые выдвигались против Opus Dei, — что лидеры неокатехуменатов манипулируют своими членами, что все их документы секретны, — сейчас группа обладает официальным правовым статусом. Похоже обстоят дела с другими «новыми движениями», такими как движение фоколяров, получившее разрешение Ватикана на свою деятельность как организация мирян, имеющая право принимать в свои члены священников, и на то, что оно будет возглавляться женщиной, даже после смерти его основательницы Кьяры Любич.

Поэтому благоприятный ответ на просьбу Opus Dei не столько связан с его кажущимися исключительностью и политическим влиянием, сколько с желанием Иоанна Павла обеспечить процветание новых организаций церкви.

Беатификация и канонизация

Другими случаями, когда Opus Dei якобы подчинились все силы католической церкви, были беатификация Эскрива в 1992 году и, в меньшей степени, его канонизация в 2002 году. Беатификация вызвала шум на международном уровне из-за обвинений в том, что была проведена в неподобающей спешке и это будто бы произошло благодаря деньгам и политическим связям Opus Dei.

«Он должен войти в ранг святых с примечанием, — заявил Кеннет Вудвард, бывший в то время редактором отдела религии *Newsweek* и автором *Making Saints,* книги о процессе канонизации. Вудвард утверждал, что Ватикан не слушал критиков Эскрива. В 1996 году в письме в католическое издание *First Things* Вудвард писал: «Opus Dei разрушил процесс канонизации, чтобы добиться беатификации своего человека. Короче говоря, это был скандал, начиная от руководства действиями членов трибунала посредством написания positio[11] и заканчивая высокомерным обращением с экспертами, отобранными для обсуждения дела». Подобные же комментарии, хотя и не столь громогласные, появились во время канонизации в 2002 году.

Реки чернил были израсходованы обеими сторонами при обсуждении этих вопросов. Здесь мы просто хотели бы наметить базовую линию и бегло очертить разные точки зрения на интерпретацию фактов.

Некоторые факты.

• По историческим меркам беатификация Эскрива была очень быстрой: с его смерти в 1975 году до церемонии в 1992 году прошло семнадцать лет и еще десять от беатификации до канонизации — всего двадцать семь лет. Жанна д’Арк ждала этого события около шестисот лет.

• Процесс был дорогостоящим. Отец Флавио Капуччи, постулатор, официально отвечавший за дело Эскрива, как-то рассказал мне, что процесс сбора доказательств и подготовки документов для беатификации обошелся в 150 тысяч долларов, а сама церемония на площади Святого Петра — в 500 тысяч долларов. Канонизация стоила меньше, поскольку нужно было предъявить только одно дополнительное чудо, хотя опять же должна была быть организована огромная церемония. Общая сумма, затраченная на оба события, слегка превысила миллион долларов.

• Несколько голосов критиков были исключены из процесса. Как уже отмечалось в главе 2, бывшие члены Opus Dei Мария Кармен дель Тапиа, Мигель Физак и Мария Ангустиас Морено хотели предоставить свои воспоминания об Эскрива. Трибунал в Мадридской резиденции архиепископа установил, что все трое продемонстрировали по отношению к Эскрива то, что в каноническом праве называется «публичной враждебностью», и их просьба была отклонена. Это было решение трибунала, а не Opus Dei. Бывший член Альберто Монкада, также критик, был выслушан, но признан «не заслуживающим доверия».

• Внутри Ватикана существовала оппозиция. Беатификационная комиссии состояла из девяти судей. Де Магистрис, один из двух судей, проголосовавший против Эскрива, уже нами упоминался. Другим был монсеньор Хусто Фернандес Алонсо, единственный испанец, которого возмутило, что не были выслушаны критические свидетельства.

Как можно объяснить эти факты?

Для таких критиков, как Вудвард, — это просто. Несмотря на сдержанность по отношению к Эскрива, влияние и деньги Opus Dei привели к нужному результату. Это было сделано ценой огромных усилий и блокирования любых антагонистических голосов, которые могли бы задать ненужные вопросы. В этом смысле это была элементарная демонстрация власти Opus Dei, церковный эквивалент власти Калигулы, сделавшего свою лошадь сенатором.

Имон Даффи, английский историк церкви, написал: «Канонизация основателя Opus Dei — самый впечатляющий пример современного успешного продвижения дела под давлением некоей группы, чтобы расширить и легализовать устремления этой группы; здесь святой становится талисманом и средством достижения цели той группы, которая его почитает».

Постулатор Opus Dei Капуччи смотрит на вещи по-другому. Что касается «спешки» процесса, то он утверждает, что Opus Dei повезло с выбором момента. «Это было первое дело, начатое после реформы Иоанна Павла II, которую он провел еще в 1983 году с целью упрощения процесса беатификации», — сказал он. Среди других вещей эта реформа уменьшала количество необходимых чудес и отменяла пост «адвоката дьявола».

Он сослался на другие дела, которые из-за реформы 1983 года продвинулись даже еще быстрее. «Дело падре Пио заняло только девятнадцать лет. Те же нормы облегчили беатификацию итальянской пары Бельтрами Кватроччи в 2001 году, через семь лет после открытия дела, и Карлоса Мануэля Родригеса, первого пуэрториканца, ставшего святым в 2001 году, через девять лет после начала процесса». Капуччи также мог бы добавить сюда мать Терезу, беатификация которой превзошла все рекорды скорости: она умерла в 1997 году и была беатифицирована в 2003 году. Иоанн Павел II отказался от обычного пятилетнего выжидательного периода после ее смерти перед началом дела, чего не произошло с Эскрива.

Что касается расходов, то тут нет никаких отговорок: беатификация и канонизация стоят больших денег. Однако нет никаких свидетельств, что Opus Dei затратил деньги на что-либо, кроме процесса и церемоний. В этом смысле отличительным признаком Opus Dei является умение привлечь к задаче личный состав и ресурсы. Хотя он и не так богат, как часто считается, но у Opus Dei более вместительные карманы, чем у многих других организаций мирян или религиозных общин. По поводу предположения, что персонал Ватикана был подкуплен, Капуччи сказал: «Подобный вопрос оскорбителен не только для подозреваемого в даче взятки, но и для получателя. Те, кто его задает, не знают Opus Dei и Конгрегации по делам канонизации святых».

Что касается критических голосов бывших членов, то Капуччи утверждает, что он хотел бы, чтобы они были услышаны, и предлагал это сделать. Трибунал, а не Opus Dei исключил голоса критиков. Естественно, Капуччи уверен, что дополнительное изучение жизни Эскрива привело бы к тем же результатам, что бы ни утверждали критики.

Безусловно, вопрос о том, заслужил ли Эскрива беатификацию и канонизацию, может быть темой дебатов. Однако похоже, что скорость этих процессов является в меньшей степени показателем политических манипуляций Opus Dei, чем его производственной этики. По этому пункту имеется независимое свидетельство отца Рафаэля Переса, августинца, который до того, как это было отменено, однажды выступал в роли «адвоката дьявола». Он был судьей на мадридской стадии беатификации Эскривы.

«Это было бы практически невозможно [осуществить какое-либо давление] и неэффективно, поскольку в каждой стадии дела участвует большое количество народа», — сказал он. Перес сказал, что двумя определяющими факторами являются внутреннее существо дела и работа постулатора.

«Дело продвигается, когда постулаторы знают, что делают, и посвящают ему много времени, все время, которое требуется для дела. Если некоторые дела рассматриваются медленно, это значит, что те, кто их продвигает, не заинтересованы в них или что у постулаторов слишком много дел и они не справляются с ними. Это также может быть связано с недостаточной компетенцией. Когда все свидетельства собраны и представлены на рассмотрение конгрегации для принятия решения, еще остается большая часть работы по изучению этих свидетельств». Перес рассказал, что однажды он участвовал в деле, когда постулатор внезапно умер и не было денег для поисков нового постулатора, поэтому он уговорил продолжить дело местного епископа. В итоге дело продвинулось вперед.

«Деньги никогда не помогают стать святым, — сказал Перес. — Но без денежных средств дело не будет продвигаться, потому что те, кто над ним работает, — не бесплотные души. Чиновники конгрегации, переводчики, консультанты, юристы, доктора, наборщики и так далее должны получать заработную плату».

Но все же одного момента Перес не коснулся — интереса понтифика. Мать Тереза не была бы беатифицирована через шесть лет, если бы дело ограничилось хорошей работой ее постулатора. Понятно было, что Иоанн Павел II хотел, чтобы это случилось. То же самое с Эскрива — длинный ряд фактов, свидетельствующих о поддержке и преданности, включая посещение могилы Эскрива в 1978 году, не оставлял сомнений в намерениях папы.

На самом деле это, возможно, единственный, но самый весомый аргумент, опровергающий слухи, что Opus Dei «покупал» беатификацию и канонизацию или «манипулировал» ими. Это было просто не нужно. Иоанн Павел был настроен позитивно и спокойно ждал, когда все документы поступят к нему. Чтобы это произошло как можно быстрее, Opus Dei применил все необходимые ресурсы, включая первоклассного постулатора и поддержку личного состава, и в результате не было проблем с финансированием для созыва собраний или переводов каких-либо документов. В заключение хочется сказать, что Opus Dei может действовать быстро и жестко, но он играет по правилам.

Opus Dei в приходах

Большая часть католиков не придает особого значения вещам, о которых шла речь в этой главе, — сколько членов Opus Dei в Ватикане, или политическим причинам беатификации Эскрива. Если они вообще имеют представление об Opus Dei, то чаще всего из программы «CNN представляет», посвященной *Коду да Винчи.* Весьма у немногих имеются собственные впечатления от непосредственных столкновений с членами Opus Dei, мирянами или священниками. Когда они положительные, это помогает преодолевать предубеждения. Когда же они отрицательные, это усиливает предубеждения.

Обычно «простые католики» жалуются, что Opus Dei «сеет раскол». В некоторой степени это вопрос избирательного восприятия. Когда супернумерарии приходят с детьми на мессу и, не привлекая к себе внимания, во всем помогают приходу, они остаются незамеченными, и Opus Dei это в заслугу не ставится. С другой стороны, когда кто-то поступает неправильно, Opus Dei в этом виноват.

Возможно, наиболее символическая в этом смысле история относится к отцу Джону Макклоски, самому известному священнику Opus Dei в США. Когда Макклоски работал директором Католического информационного центра Opus Dei в Вашингтоне, он часто появлялся на телевидении в качестве «говорящей головы» в передачах, связанных с взаимовлиянием религии и политики. Во время написания данной книги Макклоски возвратился в США после годичной преподавательской поездки в Англию.

В начале своей карьеры, в 1986 году, Макклоски был назначен заместителем директора Института Aquinas, католического колледжа Принстонского университета. Это был бурный период его жизни, который в 1990 году закончился отставкой. Критики утверждают, что Макклоски был противоречивой фигурой, что он советовал студентам, какие курсы не нужно посещать и даже каким священникам лучше всего исповедоваться. В некоторой степени мнения о его деятельности зависят от подхода. Например, все соглашаются, что он поощрял индивидуальную исповедь и часто говорил студентам, что определенные грехи нуждаются в личном отпущении. Но одни видели в этом «духовное запугивание», а другие — правильную пастырскую опеку.

Нет сомнений, что Макклоски мог быть резким. Обращаясь к родителям, которые подыскивают для своих детей католический колледж, он писал: «Если вам говорят такие слова,

как «образец», «вера», «зрелость», «уверенность», «обязательство», «брак», «семья», «обращение в христианство», «культура», «характер», «истина» и «знание», присмотритесь повнимательнее. С другой стороны, если вы сталкиваетесь с такими словами, как «ценность», «открытость», «справедливое общество», «поиск», «многообразие» и «профессиональная подготовка», продолжайте разговор». Он добавил: «Если университет дает убежище любым известным «инакомыслящим», обсуждение закончено… Не давайте себя одурачить тем, кто якобы является католиком и защищает этот вымысел, чтобы обеспечить себе средства существования и пенсию».

Защитники скажут, что Макклоски просто старался убедить студентов Принстона серьезно относиться к благочестию. Более того, говорят, некоторые из обвинений, выдвинутых против него, были ложными. Например, у Макклоски никогда не было перечня запрещенных курсов. Наоборот, он однажды разослал список рекомендуемых курсов с таким предостережением: «Запомните, все зависит от подхода преподавателя. Он может показаться интересным и побуждающим к знаниям, но если это подход антихристианина, его влияние контрпродуктивно». Сопротивляться Макклоски было довольно сложно. Однажды он запретил пародийное представление, пропагандирующее безопасный секс, во время которого студентки должны были надевать огромные презервативы на головы студентов. В ответ на этот запрет один из студентов написал в университетской газете: «Может быть, обитателям Принстона и обществу в целом стоит посоветовать Макклоски не пить ничего, кроме спермы больных СПИДом».

Речь не о том, что нужно отличать хорошее от дурного, а о том, чтобы констатировать: для многих студентов Принстона Макклоски был их опытом общения с Opus Dei, и реакции были разными. Некоторые отворачивались, на других это производило впечатление. Во вторую категорию, например, вошли два нынешних семинариста Североамериканского колледжа в Риме, которые готовятся стать епархиальными священниками.

Можно привести другой пример — Дэвида Плиске, о дочери которого Берни, помощнице нумерариев, шла речь в главе 9- Муж и жена Плиске — добрая любящая пара, они ничуть не похожи на стандартные стереотипы неприветливых членов Opus Dei и активно работают в своем местном приходе. «Я горжусь нашей церковью и люблю наш приход, — сказал Дэвид. — Нам нравится там работать».

Плиске уже в течение тринадцати лет служит ризничим в церкви Святого Станислава в Мичигане, штат Индиана. Одной из его обязанностей является обучение алтарных служек. Во время нашего интервью в конференц-центре Shellbourne он сурово произнес: «Я не обучаю девочек». Не то чтобы Плиске имеет что-то против девочек, просто он считает это недопустимым в свете церковных выступлений против женщин-священников. Некоторые могут счесть его позицию косной, другие — смелой. В любом случае вещи такого рода во многих приходах могут привести к разногласиям, особенно когда известно, что человек со взглядами, подобными взглядам Плиске, связан с Opus Dei.

Не каждый член Opus Dei ведет себя так вызывающе, как Макклоски, или проводит ту же политику, что Плиске. И все же процент членов Opus Dei, задающих критические вопросы о деятельности приходов, отрицающих вещи, которые им не нравятся, и настаивающих на том, что они считают принципами, возможно, выше, чем среди католиков в целом. Во-первых, обычно они серьезные убежденные прихожане. Во-вторых, воспитание в духе доктрины, которое они получают в Opus Dei, дает им интеллектуальные возможности защищать свои позиции, а не оставлять их на «инстинктивном» уровне. И, наконец, они имеют склонность вести себя более «консервативно», чем средний католик, и в результате у них больше шансов заметить что-то не нравящееся им в типичных приходах. Неудивительно, что иногда люди воспринимают приезд членов Opus Dei в их приход как сильное переживание.

Но, с другой стороны, очень часто приходские общины относятся к членам Opus Dei, и к священникам, и к мирянам, как к глотку свежего воздуха. Они постоянно полны энтузиазма,

бодры, очень трудолюбивы. Когда в основе их поведения — христианская терпимость, они снисходительны и совсем не клерикальны.

Например, отец Джером Киш, пастор прихода Святых Петра и Павла в Напервилле, штат Иллинойс. Он также член Священнического общества Святого Креста — ассоциации священников, спонсируемой Opus Dei. Он сказал, что познакомился с Opus Dei в колледже, но по-настоящему оценил его после рукоположения. «В семинарии все предусмотрено для твоей духовной жизни, но когда ты становишься священником, ты отвечаешь за нее сам. Никто не ставит тебе оценок. Поэтому очень помогают регулярные встречи с духовником».

Киш заявил, что в его опыте общения с Opus Dei нет никаких поводов для разногласий, наоборот, Opus Dei помогает ему быть терпимее с паствой и другими священниками. «Люди не всегда соглашаются с церковью, — сказал он. — Без советов Opus Dei я мог бы вести себя более жестко. Opus Dei помогает мне осознать, что другие священники в пресвитерии — мои братья, что мы все — члены одной семьи. Мне это необходимо, чтобы жить в духе истинной любви».

В то же время, признает Киш, иногда бывают осложнения. Например, часть родителей — членов Opus Dei, относящихся к его приходу, основала собственную школу — Академию Kingswood. Они желали, чтобы их дети воспитывались в строгости, и для начала составили списки из ста детей. Проблема была в том, что в его приходе уже существовала школа, поэтому многие с интересом наблюдали, насколько далеко простирается его лояльность. «Я помогал новой школе, когда был не занят на своей основной работе, так что это было совсем не сложно», — сказал он.

Отец Жоан Коста — приходской священник в Барселоне, а также член Священнического общества Святого Креста. Коста говорит, что из примерно 600 человек — общего числа священников барселонского архиепископата — 60 входят в общество Святого Креста. Он признает, что кардинал Рикардо Мария Карлес Гордо всегда был этим недоволен. «Он думал, что если бы все епархиальные священники были только епархиальными священниками и не принадлежали к разным группам, была бы большая сплоченность», — сказал Коста.

«Но я думаю, что это не так. Я дружу с другими священниками. Я провожу с ними много времени, мы вместе ходим в горы. В нашем обществе поощряется дружба между священниками. Святой Хосемария Эскрива прекрасно сказал, что расстояние между священником Opus Dei и другим священником меньше тонкого бумажного листа. Другими словами, мы, по существу, одинаковы. Я и стараюсь так жить и так относиться к людям в своем приходе. Я не чувствую себя над ними».

Эмили Клок — одна старейших прихожанок церкви Святой Марии Ангелов в Чикаго, которая с 1991 года была единственным в США приходом, вверенным Opus Dei. Она родилась в 1933 году и всю жизнь активно помогала приходу — с самого начала, когда он был чисто польским, и до настоящего времени, когда он многоэтнический по составу. «Я отношусь с большим уважением и восхищением к священникам Opus Dei, — сказала она. — У них всегда есть время для людей. Трудно себе представить, сколько часов они проводят в исповедальне». Она особенно выделила пастора, поляка, отца Джона Дебицкого, который раз в неделю служит мессу на родном языке. Клок сказала, что благодаря ему в приходе нет раскола из-за присутствия Opus Dei.

«Мы здесь всегда молились — Богоматери Неустанной Помощи, святой Терезе и так далее, — сказала она. — Теперь у нас есть и святой Хосемария. В чем тут может быть проблема? Большинство прихожан не просто довольны этим, они испытывают трепет. Я вижу, что они стали более серьезными, чаще ходят на исповедь. Как можно с этим спорить?»

Если учесть, что в мире только 85 491 член Opus Dei и 1,1 миллиарда католиков, то есть вероятность, что каждый католик встретится за свою жизнь примерно с одним-двумя членами Opus Dei. Расхожее мнение об Opus Dei связано как раз с тем, кого именно они встретили. Это

был Макклоски или Киш? Был это Плиске или Коста? Как они реагировали на увиденное и услышанное? Так, как Клок из Святой Марии Ангелов или как некоторые враждебно настроенные студенты Принстона? Восприятие Opus Dei как организации, «сеющей раскол», часто зависит от таких случайных встреч.

Opus Dei и иезуиты

Университет Святого Креста в Риме, относящийся к Opus Dei, занимает здание рядом с площадью Навона, которое когда-то принадлежало иезуитам. Папа Юлий III (1550–1555) отдал церковь Святого Аполлинария и прилегающие к ней здания, включая то, где сейчас действует Университет Святого Креста, Немецкому колледжу, открытому святым Игнатием Лойолой, основателем ордена иезуитов. В настоящее время святой Аполлинарий — основная церковь Университета Святого Креста, и в ее притворе отведено место, посвященное Эскрива. Дальше вдоль главного нефа перед алтарной преградой можно обнаружить две боковые часовни, оставшиеся с прежних времен. В одной находится статуя Игнатия Лойолы, в другой — его великого сподвижника и патрона миссионеров Франсиса Ксавьера.

Пусть никто не говорит, что у Бога нет чувства юмора, — ведь практически ежедневно огромное число «лучших мозгов» Opus Dei молится под взглядами иезуитов.

В каком-то смысле соперничество между Opus Dei и иезуитами нелепо, поскольку сам Эскрива глубоко преклонялся перед Игнатием. Создается ощущение, что эти два человека, разделенные веками, тем не менее понимали друг друга. Оба были испанцами, имели необузданный нрав и были способны в один момент проявить хладнокровие и организаторские способности, а в следующий — поэтическое мастерство и духовную щедрость. Фактически самим своим названием Opus Dei обязан иезуиту отцу Валентину Санчесу Руису, который некоторое время был духовником Эскрива и однажды бесцеремонно спросил у него: «Как подвигается ваше Божье дело?»

Однако в конце 1930-х — начале 1940-х годов в отношениях Opus Dei с иезуитами появилась трещина, когда испанский иезуит отец Анхель Каррильо де Альборнос стал допускать критические высказывания в адрес Opus Dei, в частности связанные с тем, что организация переманивала молодых людей из Мариинской конгрегации, которая традиционно «подкармливала» иезуитов. Каррильо назвал Opus Dei квазимасонской сектой, проводящей собственную политику. Все более острая полемика между Каррильо и Эскрива, которая отразилась в их переписке, приведенной в биографии Васкеса де Прада, была одним из тех случаев, когда непреклонная сила столкнулась с неоспоримым возражением. Оба были очень горды, оба убеждены, что другой введен в заблуждение.

Перед тем как присоединиться к иезуитам, Каррильо был блестящим юристом и, по общим отзывам, красивым, и привлекательным мужчиной. Те испанские иезуиты, чья деятельность в 1940-е годы только начиналась, рассказывают, какое влияние на их призвание оказали его проповеди, его духовное руководство и вообще его личность. Во время гражданской войны он служил капелланом в республиканской армии. После одной из атак он был ранен, и его оставили на верную смерть. Каким-то образом врач узнал, что он — иезуит, и решил его оперировать. В результате в его теле осталась платиновая пластинка, которая часто причиняла ему сильную боль. Когда Каррильо служил мессу, он иногда заливался слезами. Его считали героем, и неудивительно, что многие иезуиты присоединились к его сражению с Opus Dei. В какой-то степени им руководили состязательные мотивы, но он также был убежден во многих грехах Opus Dei, в частности в его секретности и антикатолической направленности. Диспут между ним и Эскрива не был теологическим, хотя Каррильо был ортодоксальным консервативным католиком.

Проработав некоторое время в иезуитской курии Рима, Каррильо в 1951 году покинул орден, чем совершенно поразил братьев-иезуитов. Будучи в Швейцарии, он написал письмо генералу ордена и возвратил деньги, которые орден дал ему на эту поездку. Он оказался в Париже, где стал работать у некоего предпринимателя (и предположительно торговца контрабандой) по имени Марторелль. Впоследствии он женился на его дочери Марии Терезе. Он умер в Париже в 1981 году, и осталось неизвестным, вернулся ли он в лоно церкви и причащался ли перед смертью. Тем не менее группа бывших членов Мариинской конгрегации заказала в Мадриде мессу в его память.

Антагонизм между Opus Dei и иезуитами, зародившийся в те далекие годы, уже никогда не исчезал и после Второго Ватиканского собора разгорелся с новой силой. Во всем мире иезуиты энергично работали под влиянием новых идей послесоборного периода: создавали общины для изучения Библии, упрощали теологические формулировки, привлекали авторитетов внутри и вне церкви и делали упор на «преимущественном праве выбора для бедных» как политическом и персональном императиве. Ясно, что Opus Dei стал плыть против этого течения, настаивая, что роль церкви — не продвигать политические программы, а нести духовные и доктринальные традиции, которые и являются главной причиной ее существования.

Новым антагонистом Эскрива, во всяком случае, так это воспринималось, стал генерал ордена иезуитов отец Педро Аррупе, родившийся в 1907 году, на пять лет позже Каррильо, и умерший в 1991 году после долгой болезни. Если Аррупе стал символом нового подхода Ватикана, возникшего после II собора, называя иезуитов «людьми для других», что на практике иногда означало присоединение к движениям за мир и активную проповедь Евангелия, Эскрива пошел другим путем, настаивая на первенстве традиционных форм молитв, обрядов и сакраментальной жизни. Это не означает, что иезуиты не молились или члены Opus Dei не обслуживали бедных, — это было связано лишь с их приоритетами.

В Латинской Америке иезуиты считались ярыми сторонниками движения «свободной теологии» 1970-х — 1980-х годов, которое пыталось сломать традиционные связи католической церкви с правящей элитой. У Opus Dei, почти единственной организации, оппозиционно настроенной по отношению к свободной теологии, был другой подход. Социальные перемены могли привести к переменам в душе, отражая мысль Эскрива, высказанную в *Пути.* «Я поведаю вам секрет, явный секрет: эти мировые кризисы на самом деле кризисы отсутствия святых».

Пока некоторые из иезуитов восприняли более критический взгляд на власть и традиции, вытекающий из глубокой любви к церкви и желания увидеть, как она изменяется в лучшую сторону, та же самая любовь побудила Эскрива и Opus Dei остаться еще более непоколебимо верными этой власти и традициям. На личном фронте двое мужчин были вполне в дружеских отношениях — Аррупе принял участие в похоронах Эскривы в 1975 году. Но они вели свои группы в двух разных направлениях.

Ничто не демонстрирует это напряжение лучше того факта, что сначала Иоанн Павел на тринадцать месяцев с октября 1981 года по ноябрь 1982 года приостановил просьбу Аррупе о созыве Генеральной Конгрегации иезуитов и назначил собственного представителя для подготовки данного собрания, а затем установил персональную прела-туру для Opus Dei. У обоих этих решений сложные истории и последствия, но в глазах публики это выглядело как ущемление иезуитов и возвышение Opus Dei, и приговор был вынесен.

Даже если это преувеличено, все же были конкретные примеры разжигания конфликта. Например, один небольшой, но показательный эпизод, произошедший в Перу в 1990 году, когда Хуан Луис Сиприани, тогда помощник епископа, ныне кардинал Лимы, член Opus Dei, закрыл Архи-епископальный социальный офис, которым в то время руководил иезуитский миссионер отец Карл Шмидт. Иезуиты сочли это знаком, что Сиприани и соответственно Opus

Dei не хотят подвергать сомнению статус-кво; Сиприани настаивал, что радикальная политическая направленность офиса близка к террористам.

Хотя и Opus Dei, и иезуиты подчеркивают, что на личном уровне между членами обеих групп дружеские отношения, нет сомнения, что они находятся на разных планетах.

В сентябре 2004 года я посетил центр Opus Dei Windmoor в Университете Notre Dame и поговорил с молодыми людьми, которых по различным причинам привлекал Opus Dei. Каждый рассказал мне свою историю. Когда настала очередь Дэвида Кула, он упомянул, что посещал иезуитскую среднюю школу, и это вызвало смешки у собравшихся. Между тем, когда я был в Перу, я встретился с иезуитом, который работал в Национальном епископальном совете. Когда я спросил его, как он относится к Opus Dei, он сказал, что негативно. Я спросил почему, и он ответил, что он иезуит. Смысл в том, что дополнительного объяснения уже было не нужно. Два самых суровых критика Opus Dei в англоязычном католицизме — Майкл Уолш, автор *The Secret World of Opus Dei,* и Питер Хебблетуэйт, покойный писатель из Ватикана, были иезуитами.

Ранее не было обнародовано, что в конце 1960-х — начале 1970-х годов мог произойти поворот в отношениях между иезуитами и Opus Dei, который в итоге не случился. В интервью для этой книги в декабре 2004 года нынешний прелат Opus Dei епископ Хавьер Эчеверрия поведал, что в это время Аррупе рассчитывал протянуть Эскрива оливковую ветвь. Аррупе предложил, чтобы иезуиты и Opus Dei вместе организовали университет. Идея состояла не только в объединении средств для образовательных целей, но и в преодолении различий, чтобы таким образом уменьшить расхождение во взглядах в католической церкви, которое символизировала брешь между иезуитами и Opus Dei. Без сомнения, Аррупе понимал, что, принимая во внимание исторические обязательства как иезуитов, так и Opus Dei по евангелизации интеллектуальной части населения, этот проект мог быть естественным результатом их общей миссии.

Эчеверрия рассказал, что Эскрива отверг это предложение.

«Он сказал Аррупе: «В данном случае вы рискуете». Иезуиты становились чересчур похожими на мирян в своем желании сделать слишком многое для мира и в результате теряли свою религиозную индивидуальность. Эскрива чувствовал, что если бы мы таким образом объединились, то либо Opus Dei стал бы более религиозной организацией, либо иезуиты стали бы более секулярными. В любом случае кому-то из нас был бы нанесен ущерб. Это можно сравнить с работой докторов и юристов в одном ведомстве».

Таким образом, идея о создании совместного университета иезуитов и Opus Dei не была осуществлена.

Но в любом случае каждый наделенный воображением католик не может удержаться от мысли, что Эскрива, отказавшись, не использовал хорошую возможность. Такой университет мог бы стать не только изумительным экспериментом внутрицерковного диалога (я бы заплатил большие деньги, чтобы попасть на собрания профессоров факультетов!), но и на академическом и профессиональном уровнях это было бы первоклассное учебное учреждение.

Многие обозреватели утверждают, что сегодня старые соперники успокоились. Нынешний генерал ордена иезуитов отец Питер Ханс Колвенбах сказал мне, что он был знаком с епископом Альваро дель Портильо и считал его «превосходным человеком» и, насколько он знает, сейчас между двумя группами «нет проблем». В подтверждение можно привести следующее свидетельство. Дэвид Куоман, пятидесятитрехлетний супернумерарий из Перу, сказал, что, когда он впервые почувствовал тяготение к Opus Dei, он пришел к своему духовнику, который был иезуитом. «Если вы чувствуете, что это ваш путь, следуйте по нему», — благосклонно отозвался священник. Тем не менее даже в 2005 году напряжение существовало, хотя в молчаливой и менее взрывной форме. Готовность как иезуитов, так и членов Opus Dei найти созидательные способы преодоления этих затянувшихся разногласий станет важным моментом в решении широких церковных проблем.

Будущее

Официальные представители Opus Dei настаивают, что организация не имеет своей «повестки дня» в католической церкви и в рамках церковного учения, участвуя в дебатах, ее члены могут свободно занимать любую позицию. Например, в без конца обсуждаемом в США вопросе, нужно ли политикам, признающим право женщин на прерывание беременности, отказывать в причастии, членов Opus Dei можно найти среди сторонников обоих мнений. Недавно я завтракал в Вашингтоне со священником Opus Dei, который сказал, что он хотел бы до того, как лишать политиков причастия, знать о них больше, чем написано в избирательном бюллетене, и высказал мнение, что «все мыслящие люди» в Opus Dei имеют по этим вопросам либеральные взгляды. Я встречал мыслящих членов Opus Dei, которые могут с этим поспорить, но суть в том, что в этих спорах присутствует подлинный плюрализм мнений.

Тем не менее разница, установленная членами Opus Dei, между «учением церкви», которое вне дебатов, и «открытыми вопросами», которые дебатируются, не так проста, как кажется. Многие теологи, не говоря уж об обычных католиках, верят в возможность прогресса, если церковь будет глубже размышлять о смысле проповеди, о традициях и о человеческих переживаниях. Именно это английский кардинал XIX века Джон Генри Ньюман называл «развитием догмы», с его незабвенным высказыванием о том, что «жить — значит изменяться, а чтобы стать совершеннее, нужно изменяться часто». Таким образом, католические мыслители постоянно настаивают на продвижении вперед, побуждая церковь переосмысливать традиционные подходы к сексуальной ориентации, к нехристианским религиям, к власти папы и множеству других вопросов. Они утверждают, что это не рецепт релятивизма, а более содержательная преданность. Замораживание «учения церкви» на конкретной стадии развития чревато риском создания идола и однобоким толкованием доктрины, которая после многих изменений еще не достигла упомянутой Ньюманом степени совершенства.

Многие члены Opus Dei, находясь в состоянии постоянного напряжения между сохранением веры и размышлениями о том, понимает ли общество значение отдельных моментов вероучения, склоняются к первому, более «консервативному» полюсу. Рассмотрим отрывки из эссе Макклоски, в котором он в своем воображении обращается к священнику, посвященному в сан в 2030 году:

Как вы, возможно, знаете, в начале нынешнего века было примерно 60 миллионов католиков. Вы можете спросить, каким образом это число сократилось до теперешних 40 миллионов. Я думаю, что ответ заключается, если сформулировать это деликатно, в консолидации. Это не так плохо, как кажется. Взглянув в прошлое, можно увидеть, что только 10 процентов из 60 миллионов имели представление о «программе». То есть только 10 процентов из этого числа всем сердцем принимали учение церкви, практиковали воскресную мессу и хотя бы раз в год ходили на исповедь… Современные католики лучше образованы, живут в согласии со своей верой в традиционном смысле этих слов и все более охотно приобщают к вере своих соседей. Слово <раскол» исчезло из теологических словарей… Если мы останемся верны этому курсу, мы сможем преобразить мир.

Курс, описанный Макклоски, как раз тот, которым не хотят следовать наиболее либеральные католики.

Это не связано с тем, что у Opus Dei есть «установка» или «повестка дня», — как сам Макклоски признает, он говорит только за себя, но в какой-то степени это отражает социологические взгляды членов Opus Dei. Такова реальность, и она намекает на грядущие неприятные столкновения с людьми более «либеральных» или «прогрессивных» взглядов. В этом смысле вполне можно сказать, что Opus Dei идет на разногласия, всегда ставя жесткие вопросы. Однако было бы продуктивнее об этом дискутировать, сосредоточившись на

следующих моментах: каковы границы допустимых споров? Что мы понимаем под верностью учению церкви? Как мы справляемся с конфликтами, когда они возникают? Как католикам научиться слушать друг друга до наступления Судного дня? Сами по себе эти вопросы не имеют отношения к Opus Dei, хотя члены Opus Dei могут быть важными участниками их обсуждения.

Глава двенадцатая
OPUS DEI И ПОЛИТИКА

8–11 января 2002 года в Риме проходила огромная международная конференция «Грандиозность обыденной жизни», посвященная сотой годовщине со дня рождения святого Хосемарии Эскрива. На ней присутствовали двенадцать тысяч человек из пятидесяти семи стран, среди них — впечатляющее количество VIP-персон. On-line версия была в Интернете. На собрании, посвященном памяти католического святого, было естественно ожидать присутствия теологов, историков, монашества, и действительно, их было полно, но присутствие сенатора США, который даже не был членом Opus Dei, требует некоторого объяснения.

Американский сенатор Рик Санторум, республиканец из Пенсильвании, принимал участие в дебатах о роли религии в жизни общества. Санторум — католик и большой почитатель Эскрива. Он с одобрением цитировал известные строки из *Пути-.* «Ты что же, думаешь, что веру можно вот так запросто оставить за дверями университета, клуба или парламента — как пальто в передней?» Предвосхищая дебаты, которые состоялись в США во время предвыборной кампании 2004 года между президентом Джорджем Бушем и сенатором Джоном Керри, Санторум осудил любые разграничения между личными религиозными убеждениями и ответственностью перед государством. Главной его целью была известная речь Джона Кеннеди в Хьюстоне в 1960 году, когда Кеннеди заявил, что он не будет выполнять постановления католической церкви, если его изберут президентом. Такой подход, сказал Санторум, «причинил Америке много вреда. Все мы слышали, как люди говорят: «Лично я против абортов, однополых браков, исследования стволовых клеток, клонирования. Но как я могу решать, что это плохо для кого-то другого?» Это хорошо звучит, но это развращение свободы совести».

Обращаясь к католикам, Санторум утверждал, что недостаточно лично поддерживать учение церкви по таким вопросам, как аборты или однополые браки, нужно не допускать, чтобы они были «навязаны» гражданскому законодательству. Он назвал это разновидностью моральной шизофрении. Опять же предвосхищая риторику кампании 2004 года, Санторум смело заявил, что Джордж Буш — «первый президент США, являющийся католиком… Джордж Буш в своих экономических решениях сосредоточен на проблемах бедных и социальной справедливости…Он имеет полное право сказать: «Я с вами, если вы верующий католик».

26 июня 2002 года Санторум вернулся к теме, участвуя в дебатах в Культурном центре Иоанна Павла II в Вашингтоне, вместе с Джин ДеГроот, профессором философии Католического университета, и известным теологом, доминиканцем, отцом Романусом Сессарио. Тема дебатов: «Христианин в секулярном мире: Аспекты размышлений блаженного Хосемарии Эскрива». В печати Санторума иногда называют членом Opus Dei, и хотя это неправильно, репортеров можно за это простить.

Есть старая шутка, в которой английская церковь называется «партия тори на богослужении». Чисто внешне очень легко прийти к подобному выводу и по поводу действий Opus Dei в различных странах мира. В США имеются документы о связи между членами республиканской партии и определенными членами Opus Dei. Американские консерваторы Роберт Борк, Роберт Новак, сенатор Сэм Браунбек не являются членами Opus Dei, тем не менее тесно связаны с католической церковью благодаря усилиям отца Джона Макклоски. Судьи Верховного суда Антонин Скалиа и Кларенс Томас в американской печати постоянно называются членами Opus Dei. Хотя ни один из них таковым не является, сам факт, что по отношению к наиболее консервативным судьям может возникнуть такое предположение, о

чем-то говорит. Католический информационный центр в Вашингтоне, филиал Opus Dei, стал перекрестком для католиков-консерваторов, лоббирующих политику Конгресса; на ежедневную полуденную мессу иногда сходится много видных общественных деятелей.

В правительстве консерваторов бывшего премьер-министра Испании Хосе Марии Аснара было представлено трое членов Opus Dei. Супернумерарий Федерико Трильо был министром обороны, а супернумерарий Хесус Карденаль стоял во главе Министерства финансов. (Карденаль не был членом консервативной Народной партии, он был независимым.) Кроме того, ассоциированный член Opus Dei Хуан Котино был шефом полиции. В социалистическом правительстве премьер-министра Хосе Луиса Родригеса Сапатеро нет министров из Opus Dei. В Перу единственным членом Opus Dei, причастным к политике, является нумерарий Рафаэль Рей, член Конгресса и консервативный оппонент нынешнего президента страны, левоцентриста Алехандро Толедо. Супернумерарий журналист Альберто Микелини — член парламента от консервативной партии Форца Италия, возглавляемой Сильвио Берлускони.

Польский супернумерарий Роман Гертыч — лидер консервативной партии «Лига польских семей». Гертыч заявляет, что хочет защитить «христианскую Польшу» и потому активно выступает против Европейского союза. Его цель — создание политической силы, похожей на «аснаровскую Народную партию Испании или Британскую консервативную партию». Чилийский супернумерарий Хоакин Лавин — мэр Сантьяго и лидер правого крыла Независимого демократического союза. Лавин был кандидатом в президенты в 1999 году, но проиграл в последнем туре Ричарду Лагосу.

Можно приводить еще множество примеров, но суть должна быть уже ясна: члены Opus Dei, вовлеченные в политику, имеют тенденцию к правому уклону. Голоса известных членов Opus Dei особенно слышны при обсуждении вопросов, относящихся к так называемым культурным войнам. В результате многие обозреватели пришли к выводу, что сам по себе Opus Dei — правофланговая или консервативная сила в секулярной политике.

Однако довольно скоро пришлось провести разграничение. Существуют два аспекта, в соответствии с которыми организация может быть названа «консервативной». Первый — социологический, то есть большинство членов являются консерваторами; второй — институционный, то есть организация проводит политику, или «линию», которая может считаться консервативной. Как будет показано в этой главе, очень мало членов Opus Dei могут быть названы консерваторами, хотя есть исключения. Что касается второго аспекта, то у Opus Dei нет корпоративного политического курса, и если все же говорить о «консерватизме» членов, то говорить это же о собственно организации будет неправомочным.

Opus Dei и «линия партии»

Как уже отмечалось, у Opus Dei существует сильная антипатия к коллективной деятельности. Известно высказывание Эскрива по этому поводу: «Opus Dei не действует, действуют его члены». На практике Эскрива был непримиримым противником идеи Католической политической партии. В письме от 16 июня 1960 года он писал: «Для меня неизмеримо лучше, когда много высококвалифицированных католиков, не объявляя себя «официальными представителями» католичества, ответственно работают в некоей политической структуре и обеспечивают там истинное присутствие католиков, поддержанное искренней любовью к сослуживцам». Это подчеркивание мысли о том, чтобы не объявлять себя «официальными представителями», помогает понять, почему члены, активно занимающиеся политикой, часто не любят упоминать о своей принадлежности к Opus Dei. Это не всегда связано с секретностью, поскольку Эскрива настаивал, что их положение должно меняться лишь в зависимости от собственных заслуг, а не потому, что они являют собой одобренный католиками ответ на какой-то вопрос политики.

Для Эскрива необходимость оградить Opus Dei от участия в политике возникла по двум поводам. Первый — уважение к христианской свободе и секулярности, второй — предотвращение внутренних разногласий в Opus Dei. Один из первых членов Opus Dei Хуан Хименес Варгас рассказал, как подход Эскрива повлиял на его последователей: «На первом месте — согласие в Деле. Каждый из нас принимает участие в выборах с большой осмотрительностью, чтобы ни в коем случае не навредить Делу и не дать оснований в отождествлении себя с любыми политическими взглядами, любой политической фракцией».

В этом пункте Эскрива был особенно жесток. «Если Opus Dei хоть когда-нибудь станет заниматься политикой, хоть одну минуту, я покину его в тот же момент, когда эта ошибка совершится, — заявил он в 1970 году. — С одной стороны, наши намерения и цели всегда и исключительно имеют божественный характер. С другой стороны, каждый член, мужчина или женщина, абсолютно свободен во всех секулярных вопросах, а также персонально ответствен за свои действия, что логически вытекает из этой свободы. Поэтому невозможно, чтобы Opus Dei когда-либо связался с делами, явно не относящимися к духовным и апостольским».

Opus Dei и христианская демократия в Испании

История о попытке Ватикана создать в Испании в конце эры правления Франко Христианскую демократическую партию и отказ Эскрива участвовать в этом проекте как нельзя лучше иллюстрируют его настойчивое желание политической независимости членов Opus Dei.

Джованни Бенелли был одним из самых замечательных людей, когда-либо служивших в Римской курии. Выпускник Духовной академии, элитной школы Ватикана для дипломатов, находящейся на пьяцца Минерва в Риме, Бенелли, незадолго до того посвященный в сан епископа, работал поверенным в делах посольства Ватикана в Испании. На некоторое время он был отправлен в качестве посла в Сенегал, но быстро отозван в Рим, чтобы стать *sostituto,* то есть чиновником Государственного Секретариата, отвечающим за повседневные дела церкви. На этой должности он стал правой рукой папы Павла VI и обладал такой властью, которая редко бывала в руках чиновников. Он работал без устали и был вынужден взять на работу двух секретарей, которые сменяли друг друга в течение его восемнадцати-двадцатичасового рабочего дня.

Бенелли был посвящен в сан священника во время кровавых сражений Второй мировой войны в 1943 году. После разгрома, который сопровождался разрушением экономики, озлобленностью и отчаянием населения, возникла реальная угроза, что Италия в 1948 году выберет коммунистическое правительство и таким образом обеспечит Советам давно желаемый плацдарм в Западной Европе. Хорошо сознавая, чем может оказаться коммунистическое правление для религиозных объединений, католическая церковь бросила все силы на создание новой Христианской демократической партии, которая, по существу, была «официальной» католической партией, и, по общим отзывам, церковь с этим справилась. Символическая иллюстрация: одним из немногих случаев, когда падре Пио, монах-капуцин и провидец, покидал свою обитель в Сан-Джованни Ротондо, было голосование за христианских демократов в 1948 году.

Размышляя о конце эры Франко в Испании, Бенелли пришел к убеждению, что ее скрытый крах также может привести к опасности прихода к власти коммунистов. Он хотел, чтобы церковь помогла подготовить переход к стабильному демократическому периоду, который наступит после Франко.

Итальянский историк церкви Альберто Меллони отмечал, что, когда Бенелли работал в посольстве Ватикана в Испании, он был обеспокоен тем, что Ватикан в лице кардиналов Альфредо Оттавиани и Джованни Чиконьяни симпатизирует Франко. По возвращении в

Ватикан Бенелли был полон решимости изменить этот курс и хотел, чтобы испанские католики его поддержали.

Бенелли считал, что проблему можно разрешить по «итальянской модели». Испания должна основать Христианскую демократическую партию, и испанская католическая церковь должна всячески поддержать эту идею. Хотя до сих пор неясно, высказывал ли он открыто свои мысли Opus Dei, но всем было понятно, что он хотел политического ангажирования Opus Dei, как и других католических организаций Испании. Однако Эскрива отказался участвовать в планах Бенелли: как уже указывалось в главе 2, он направил Павлу VI послание, в котором объяснял, что он против создания в Испании «католической» партии. Что касается позиции собственно Opus Dei, то Эскрива заявил, что он не может навязывать политический выбор членам организации.

Кардинал Хулиан Эрранс, президент Папского совета по толкованию законодательных текстов, член Opus Dei, проработавший в Римской курии сорок четыре года, вспоминает время конфликта с Бенелли.

«Было сразу понятно, что он заинтересован в создании в Испании, так же как в Италии, разновидности Христианской демократической партии. Вопрос был в том, как это сделать? Некоторые члены Opus Dei склонялись к этой идее, другие — нет, считая себя политически свободными». Эскрива, сказал Эрранс, отказал Бенелли в поддержке, чем тот был сильно разочарован.

Один из эпизодов особенно четко иллюстрирует охлаждение, наступившее между Бенелли и Opus Dei. Посол Испании в Ватикане Антонио Гарригес Диас-Канабате устроил завтрак для Бенелли и Эскрива, на котором, как он считал, они обсудят свои разногласия. По воспоминаниям Портильо и Эрранса, во время завтрака Эскрива спросил у Бенелли, какую он допустил ошибку или несправедливость, и сказал, что хотел бы это исправить или попросить прощения. Бенелли ответил, что ему нечего на это сказать. Тогда Эскрива спросил его: «Монсеньор, почему вы держите нас в заложниках?» Он имел в виду, что ему не давали встретиться с Павлом VI и в результате не было никакого прогресса в деле превращения Opus Dei в персональную прелатуру. Бенелли опять не ответил.

Тем не менее, сказал Эрранс, Бенелли относился к Эскрива с уважением.

«Я встречался с Бенелли на следующий день после смерти Основателя. Он не понимал многих вещей, связанных с Opus Dei, но сказал мне: «Сегодня вечером в *L'Osservatore Romano* будет опубликована статья в память монсеньора Эскрива». Чтобы принять меня, он прервал аудиенцию послу. Он рассказал мне, что всегда восхищался монсеньором Эскрива как исполнителем промысла Божьего: «Кем Игнатий Лойола был для собора в Тренте, тем же Хосемария Эскрива был для последнего экуменического собора. Он был рожден для того, чтобы постановления Второго Ватиканского собора стали неотъемлемой частью церковной жизни».

История с Бенелли помогает разобраться в том, насколько серьезно Эскрива утверждал, что у Opus Dei нет политических планов. Никогда не было более благоприятных обстоятельств для возможного «захвата власти». В конце правления Франко выяснилось, что крайне необходимые Испании перемены вырисовывались весьма неясно. В 1964 году в своем письме Павлу VI Эскрива ясно дает понять, что тоже обеспокоен угрозой социалистическо-коммунистического переворота. Это признание могло бы стать убедительным доводом в пользу политического ангажирования. Кроме того, он получил благословение иерархов церкви. Если бы Opus Dei пошел по пути создания испанской версии партии христианских демократов, в новом испанском правительстве, сформированном после тридцати шести лет власти Франко, министров — членов Opus Dei было бы намного больше восьми.

Более того, в действительности в конце 1960-х — начале 1970-х годов Эскрива отчаянно бился за канонический статус Opus Dei, и у него были серьезные причины не портить

отношения с самым могущественным человеком Ватикана, близким к папе. Несмотря на все это, он отказался использовать организационное влияние Opus Dei и свой собственный авторитет и не поддержал план Бенелли. В результате можно прийти к выводу, что Эскрива имел в виду именно то, что говорил, — Opus Dei не должен становиться политической силой.

Даже такой неистовый критик, как Джон Роч, английский нумерарий с 1959 по 1973 год, на этот раз оправдывает Opus Dei. В письме в лондонскую *Times,* опубликованном 19 ноября 1979 года, он пишет: «По справедливости я должен сказать, что за четырнадцать лет моего членства в Opus Dei (до 1973 года), живя в Ирландии, Кении, Испании и Англии и занимая ответственные должности, я не чувствовал никакого политического давления». Однако, продолжает он, на социологическом уровне очень широко распространены определенные инстинкты. «Члены Opus Dei открыто разделяют различные политические убеждения, проистекающие из их антикоммунизма, их правых религиозных воззрений, их странной смеси служения Богу и мамоне и, разумеется, их испанских корней».

Консервативные тенденции

Постоянные утверждения членов Opus Dei, что у Дела нет политической программы, явно ставят в тупик сторонних наблюдателей. Количество свидетельств того, что большинство членов Opus Dei в вопросах секулярной политики — консерваторы, просто подавляет.

1 декабря, через несколько недель после ноябрьских президентских выборов в США, я оказался на автостоянке школы Opus Dei для мальчиков Heights, расположенной в Потомаке, штат Мэриленд, в пригороде Вашингтона. Я заранее приехал на назначенную мне встречу и стал разглядывать наклейки на бамперах, чтобы определить социологический настрой Heights. Я имел в виду, что Мэриленд — «консервативный штат», который отдал за Керри от 39 до 53 процентов голосов; соседний округ Колумбия отдал за Керри подавляющее число голосов. Однако это совершенно не было ясно на автостоянке. Я насчитал по меньшей мере двадцать стикеров за Буша — Чейни против одного за Керри — Эдвардса. Керри был связан с Майклом Перутка, кандидатом в президенты от Конституционной партии, который сурово критиковал Буша и республиканцев за мягкость в отношении к проблеме абортов, — его стикер красовался на бампере огромного автомобиля. Было также много стакеров ПОДДЕРЖИ НАШИ ВОЙСКА и ЕСТЕСТВЕННЫЙ ВЫБОР — ЖИЗНЬ[12].

Естественно, это только то, что я сумел извлечь из стикеров на бамперах. Я решил проверить свои ощущения, поговорив с Верой Голензер, двенадцатилетняя дочь которой учится в школе Opus Dei в Oakreast, а десятилетний сын — в Heights. Как она это истолковывает? «Здесь большинство семей — республиканцы. У них твердые политические взгляды». Она рассказала, что ее дети ездят в одном машине с детьми из семьи, поддерживающей Керри, и один из мальчиков подрался с приятелем, который сказал, что не может ездить в школу на машине со стикером Керри. Другим показателем общего климата может служить то, что в Heights учатся сыновья многих республиканцев, например сенатора Хака Хагеля, республиканца из штата Небраска, и сенатора Мэла Мартинеза, республиканца из Флориды. Можно вспомнить Эдмунда Маски, который баллотировался в президенты в 1972 году, был известным демократом и отдал своего сына в Heights. В то же время Голензер подчеркнула, что в Heights «нет навязываемых политических установок ни со стороны учителей, ни со стороны Opus Dei».

Это пример американской политической ситуации, но в зависимости от того, о какой стране мира идет речь, может меняться политический профиль Opus Dei. Тем не менее в большинстве стран Латинской Америки и Европы очевидна тенденция тяготения к консервативным партиям. В Азии, за исключением Филиппин, Opus Dei недостаточно широко представлен, чтобы иметь выраженную политическую репутацию. Но на Филиппинах его

воспринимают как правую организацию. Уильям Эспосо, филиппинский журналист, связанный с движением Фоколаров, так сказал о профиле Opus Dei: «Он воспринимается как центристский с возможностью правого уклона. Имидж Opus Dei никогда не может быть левым или левоцентристским».

Как же объяснить этот феномен, если у самого Opus Dei нет политической программы и он оставляет своим членам свободу выбора? Возможно, есть какая-то внутренняя «установка», объясняющая это несомненное единодушие? На самом деле, как мы сейчас документально докажем, это единодушие не абсолютно — существуют левые члены Opus Dei. В то же время тенденция к правому уклону очевидна, но она не подразумевает наличия тайной программы.

Во-первых, давайте определим, что мы имеем в виду под «консерваторами». Согласно большинству классических теорий, есть три кардинальных принципа консерватизма: 1) ограниченное правление, 2) свободный рынок, 3) зарубежная политика, основанная на национальной безопасности. Если таковы эталоны, то совсем не очевидно, что члены Opus Dei, даже в США, в подавляющем большинстве «консерваторы». Среди них можно найти либертарианцев и государственников, капиталистов и сторонников правительственного вмешательства в экономику. У некоторых членов Opus Dei более «интернационалистские» наклонности, чем у типичных американцев, хотя бы потому, что они серьезно воспринимают свое членство во всеобщей семье верующих и это расширяет их горизонты.

Такой же плюрализм очевиден в других странах. Можно привести пример Испании, где, как уже упоминалось, супернумерарий Федерико Трильо был министром обороны в консервативном правительстве Хосе Марии Аснара и, следовательно, проводил политику вовлечения Испании в войну в Ираке вместе с США. Его жестко критиковала испанская журналистка Пилар Урбано, нумерарий Opus Dei, которая публично доказывала, что эта война была основана на «лжи». (Урбано также утверждала, что вторжение в Афганистан было «вендеттой», а не конкретной реакцией на угрозы террористов.) По сходным причинам критиковал Трильо и Льюис Фойкс, ассоциированный член Opus Dei, обозреватель барселонской газеты *Vanguardia.* В Италии супернумерария Альберто Микелини можно отнести к консерваторам, а Марио Майоло, тоже супернумерария Opus Dei, — к противоположному лагерю. Он вице-губернатор южной провинции Калабрия и член левоцентристской партии Margherita. Губернатор, с которым он работает, принадлежит к Партии коммунистического возрождения.

Правда, в последние годы на Западе ключевыми знаками консерватизма стали в меньшей степени вопросы государственного управления или экономической политики, а в большей — вопросы культуры, в особенности три будоражащие темы: аборты, однополые браки и исследование стволовых клеток. По этим вопросам Opus Dei «согласен с церковью». И тот социологический факт, что большинство людей привлекает в Opus Dei его традиционная католическая точка зрения, формирует мнение о единообразных «консервативных» взглядах. Кроме того, многие католики считают эту точку зрения не подлежащей обсуждению. Типичный член Opus Dei уверен, что эти вопросы имеют решающее политическое значение, в отличие от налоговой политики или уровня бюджета. На практике, во всяком случае в США и в Европе, это обычно означает, что члены Opus Dei голосуют за консерваторов. В 2004 году мог бы быть поставлен интересный эксперимент на тему «За кого голосует Opus Dei», если бы вместо Джона Керри демократы выдвинули Роберта Кейси, бывшего губернатора Пенсильвании, который жестко выступал против абортов. Это не совсем гипотетическая ситуация, поскольку американский священник Opus Dei отец Джон Вок, преподающий в Университете Святого Креста в Риме, когда еще был мирянином, работал у Кейси спичрайтером.

Без сомнения, консервативные инстинкты, управляемые особым отношением католиков к сфере культуры, свойственны не только Opus Dei. На выборах 2004 года Буш набрал 52 процента голосов католиков против 47 процентов Керри, а среди католиков, посещающих мессу по меньшей мере раз в неделю, соотношение составляло 56 и 43 процента. Многие из

католиков не поддерживали политику Буша по охране окружающей среды, или по отношению к ООН, или даже по поводу Ирака, но считали себя обязанными голосовать за кандидата республиканцев, поскольку демократы предлагали неприемлемые подходы к проблемам культуры. Возможно, в этом смысле Opus Dei — особенно концентрированное проявление общей тенденции западной политики, которая заключается в том, что значительная часть убежденно верующих избирателей склоняется вправо. Если бы вышеозначенные проблемы каким-то образом были убраны из повестки дня, плюрализм мог бы усилиться как среди католиков, так и среди членов Opus Dei.

Проблема имиджа Opus Dei: пример Перу

Большинство членов Opus Dei, которым удалось в жизни добиться определенного положения, в глазах людей ассоциируются с правыми, и впечатление от этих публичных фигур переносится на собственно Opus Dei. Возможно, нигде в мире этот процесс так не очевиден, как в Перу, где для большинства перуанцев слова «Opus Dei» совпадают с личностью кардинала Лимы Хуана Луиса Сиприани.

Для критиков Сиприани олицетворяет собой авторитарную модель лидера и правого политика. В 2003 году перуанская Комиссия по правде и примирению, которая занималась расследованием случаев насилия в стране за период 1980–2000 годов, пришла к следующему заключению: «Сиприани никогда не возражает против нарушений прав человека, которые совершаются силами правопорядка, а, наоборот, постоянно и резко утверждает, что «нельзя сказать, что в Перу не уважаются права человека». Сиприани полностью отверг эту критику. В июле 2004 года, давая интервью для этой книги, Сиприани говорил о неправительственных правозащитных группах, таких как Международная амнистия и Human Right Watch: «Они не выступают за права человека, они дошли до того, что заигрывают с терроризмом». Он даже обвинил эти группы в том, что они «говорят о правах человека, как будто это *cojudes*», имея в виду, грубо говоря, «дерьмо собачье».

Сиприани начинал как помощник епископа в Аякучо, одном из беднейших районов Перу, места, где зародилась коммунистическая партия Сияющий путь. «У меня были очень хорошие отношения с группами самообороны — *rondos.* Для меня это и есть права человека. У них есть право жить на своей земле, защищать свои семьи, детей, скот, имущество. Это не военные, это они, сами крестьяне, разрушили Сияющий путь, не армия… Я не поддерживаю идеологию прав человека, я уважаю права человека, которые начинаются с осознания того, что мы дети Божии. Мне наплевать на все эти неправительственные организации, которые приезжают сюда для игр с террористами», — сказал он.

Сиприани признал, что самые ярые его критики не подвергали себя такому риску, как пришлось ему, когда он был в самом центре насильственных действий.

«Никто не хотел избираться в мэры, не было кандидатов, потому что их могли убить. Никто не хотел быть губернатором, потому что его могли убить. Никто не мог сказать ни слова против Сияющего пути, потому что за это убивали. Мой голос был единственным, пытающимся остановить насилие, но я не шел путем НПО. Для них это было страшным грехом. Я не устраивал игр по поводу нищеты и прав человека. Я шел непосредственно туда, где возникали проблемы. Я шел в войска и спрашивал: «Что здесь случилось, почему люди об этом говорят?» Идеологический подход может пригодиться для блестящей речи, но я никогда не видел представителей Комиссии по правде в Аякучо. Ни разу за все эти годы. Зато теперь они — мировые гуру».

Сиприани — союзник и сторонник бывшего президента Перу Альберто Фухимори, который провел жесткую антитеррористическую кампанию, уничтожившую Сияющий путь. Но коррумпированная и антидемократическая политика администрации Фухимори привела к

падению его правительства. Сиприани не дистанцируется от происшедшего. «Я думаю, что искусителем был Монтесинос, а не Фухимори, — сказал он, имея в виду бывшего главу спецслужб правительства, которого ненавидела вся страна. — Я не отказываюсь от дружбы с Фухимори. Говорят, что это вредит моему имиджу. Мне все равно, меня волнует только правда».

Сиприани также крайне против «теологии освобождения» — латиноамериканского движения, которое призывает официальную католическую церковь заняться решением социальных проблем. Он прямо об этом говорит: «Это идеология, а не теология. Они создали целую систему пастырского подхода, и она характерна не только для Перу. Десакрализация, привнесение на первое место социальной деятельности, критика Магистериума церкви, вовлечение священников в политику… это все то, что теология освобождения дала Перу и Латинской Америке, а «индейская теология» — Мексике и «африканская теология» — Африке. Это такая система параллельного Магистериума. В плане доктрины они терпят крах, их ошибки очень заметны. Но подлинные свершения церкви, пастырское служение по-прежнему происходят, и изменить это очень трудно».

Во время нашего интервью Сиприани рассказал, что он был объектом незаконной кампании, тайно подготовленной некоторыми силами внутри католической церкви, в том числе несколькими перуанскими епископами. В 2001 году тогдашний министр юстиции Перу Фернандо Оливера тайно передал в Ватикан три письма, одно из которых было якобы написано Сиприани, другие — папским нунцием. Мнимое письмо Сиприани было адресовано Монтесиносу, и в нем он будто бы просил об «уничтожении и сожжении» секретных видеопленок, которые ему показывал Монтесинос. Письма оказались фальшивками, состряпанными на отсканированных копиях бланков, украденных из офисов Конференции епископов Перу.

13 сентября 2004 года прокурор по антикоррупционным делам Перу обвинил епископа Луиса Бамбарена, иезуита и бывшего президента перуанской Конференции епископов, в сообщничестве с Оливерой во время скандала с письмами. Выступая по радио, Барбарен назвал эти обвинения «абсолютно ложными». Тем временем состоялся судебный процесс против другого перуанского епископа Хорхе Карриона, который также подозревался в участии в деле с письмами. Несмотря на все правовые споры, согласно последнему опросу, рейтинг Сиприани составляет 52 процента, что гораздо больше, чем у президента Перу.

«Они делают из меня святого при помощи лжи и зависти, которые часто исходят непосредственно из церкви. Меня это на самом деле очень обижает, — взволнованно произнес Сиприани. — Простите, но это причиняет мне боль. Я должен молчать, потому что люблю церковь, согласие в церкви. Но я думаю… большая часть лжи идет изнутри, не снаружи. Одна ложь следует за другой, и так все шестнадцать лет. Они не могут остановиться».

Сиприани бывал очень резок, критикуя группы по защите прав человека, теологию освобождения, или деятельность правительства Перу. Это обеспечивает ему популярность в журналистских кругах и объясняет, почему его имя так часто попадает в газетные заголовки. Но во всех этих случаях Сиприани говорит за себя, а не выступает как член Opus Dei. Формально, будучи епископом, он не находится под юрисдикцией прелата Opus Dei. Тем не менее большинство перуанцев и религиозных обозревателей всего мира ассоциируют публичные высказывания Сиприани с «курсом» Opus Dei.

Исключения

Подавляющая консервативная направленность Opus Dei все-таки не является всеобщей, о чем свидетельствуют несколько примеров.

СКВАЙР ЛАНС

Сквайр Ланс — демократ из Чикаго, в ноябре 2004 года успешно баллотировавшийся на должность судьи в Иллинойсе. Он афроамериканец, впервые пришел в политику в качестве протеже Сола Алински, легендарного радикала, организатора общины, который считал, что нужно напрямую обращаться к простым людям, а не действовать через организации; ему принадлежит известное высказывание: «Есть только одно достойное движение — движение кишечника».

Будучи исполнительным директором принадлежавшей Алински организации Woodlawn, Ланс руководил почти 60 процентами мероприятий, посвященных гражданским правам в Чикаго. В 1968 году член законодательного собрания Иллинойса Дан Уолкер попросил Ланса заняться юридическим расследованием беспорядков, произошедших на улицах Чикаго. Несмотря на противоположное общее мнение, Ланс сумел доказать, что лишь несколько чернокожих принимали в них участие. В 1972 году, когда Уолкер баллотировался в губернаторы, Ланс обеспечил ему поддержку афроамериканцев. Одержав победу, Уолкер ввел Ланса в законодательное собрание штата Иллинойс.

Ланс отвечал за деятельность пяти различных направлений, включая крупнейшую железнодорожную компанию Amtrak, автомагистрали, психиатрические лечебницы. Он действовал от имени губернатора, имел право нанимать и увольнять сотрудников, его жизнь была вполне благополучной. «У меня была настоящая власть. Я любил свою работу, и общество с энтузиазмом воспринимало мою деятельность. Я не выступал в роли «негра при входе», — сказал он мне в сентябре 2004 года во время интервью в его чикагском доме.

Однако в 1976 году Уолкера не избрали на новый срок, и Ланс оказался без работы. В итоге он устроился на низкооплачиваемую работу. «Мне было очень тяжело. Я был в полной депрессии и не видел никаких путей выхода из нее», — рассказывал Ланс. Он воспитывался в католической семье, но давно перестал интересоваться вопросами веры. Этот кризис вернул его в лоно церкви. «Когда становишься беспомощной жертвой социальной обстановки, начинаешь задумываться о вере. Я сказал себе: «Я опять обрету Бога».

Ланс пошел на мессу в приход Святого Филиппа, который он посещал в детстве. Как это часто случается, он не был на мессе после Второго Ватиканского собора и был потрясен тем, что литургия происходит на английском языке, а священник стоит лицом к людям. Это показалось ему «ужасно странным», поскольку, как он сказал, он считал себя «очень ортодоксальным католиком». Примерно в это же время *Chicago Sun-Times* опубликовал негативную статью об Opus Dei, и по иронии судьбы Лансу понравилось описание такого стиля католицизма, не затронутого реформами Ватикана II. (Opus Dei не так себя воспринимает, но это другой вопрос.)

«Вы знаете, я был полнейшим язычником, — сказал Ланс о своих годах, отданных политике. — Я мало обращал внимания на семью. Я был просто трудоголиком. Вне работы меня интересовали только компании. По пятницам я заходил в пивные бары, выпивал и смотрел по телевизору спортивные каналы. Нужно было, чтобы кто-то меня разбудил».

Ланс поговорил со священником Opus Dei, который изложил ему основы: освящение работы, богосыновство и так далее. Ланс сказал, что в то время он многого не понимал, но «этот парень задавал правильные вопросы», — он спрашивал о днях рождения жены и детей и о том, как Ланс понимает роль отца. Ланс стал посещать мероприятия Opus Dei и в 1978 году стал супернумерарием. «Я открыл, что легко могу распоряжаться своим временем и решать, что для меня является важным. Дисциплина, которой требовало от меня Дело, помогла мне быть более внимательным к семье. Я живу в мире с собой», — сказал Ланс.

Как он примиряет свои левые политические убеждения с пребыванием в Opus Dei?

«Это мой выбор — я хочу быть демократом, и я хочу быть в Opus Dei. В Opus Dei это не считают противоречием», — сказал он. Тем не менее он признает, что в чем-то он — редкая птица. Когда я спросил, знает ли он других демократов — членов Дела, он ответил: «Может быть, я знаю еще одного парня, который голосует за демократов… нас не много». Основная причина, по которой он сам является демократом, сказал он, «позиция демократов по расовому вопросу».

Членство в Opus Dei дает ему шанс подтолкнуть друзей демократов к проблемам нравственных ценностей. «Когда я беседую с мэром и прокурором, которые оба ирландские католики, я могу им сказать: «Ну хорошо, парни, а я из Opus Dei, и ваши добродетели — просто дерьмо», — смеется Ланс.

РУТКЕЛЛИ

Во время написания этой книги самым известным в мире членом Opus Dei на правительственном уровне была Рут Келли, супернумерарий и министр образования Англии. Келли — восходящая звезда лейбористской партии, исторически главной левоцентристской партии британской политики.

Ей всего тридцать шесть лет, и ее политическая карьера резко идет в гору. Она мать четверых детей и в 1990–1994 годах была журналисткой в *Manchester Guardian*, ведущей левой ежедневной газеты. До того как уйти в политику, она работала в Bank of England. Ее отец — фармацевт, мать — учительница. По мнению английских политических обозревателей, Келли — крупный специалист по разжиганию соперничества между премьер-министром Тони Блэром и министром финансов Гордоном Брауном. При этом она одна из немногих лейбористов, пользующихся уважением в обоих лагерях. До участия в кабинете Блэра (с 2004 года) она была секретарем аппарата британского правительства.

Келли — один из молодых британских политиков, которые подходят к антиобщественному поведению и родительским проблемам с позиций высокой морали. Она категорически против абортов и эвтаназии и говорит, что во время партийных дебатов откровенно высказывает свою точку зрения, хотя в интервью программе *Breakfast with Frost* она дала понять, что в своем ведомстве поддерживает политику правительства. Келли родилась в Северной Ирландии в католической семье, которая переехала в Англию, когда дочери исполнилось пятнадцать лет. Это было время экономического спада начала 1980-х годов во время премьерства Маргарет Тэтчер. Последующие за этим общественные беспорядки подтолкнули девушку в политику. «У меня было сильное ощущение несправедливости и того, что, если я могу что-то сделать, я должна сделать это», — сказала она.

Келли также принадлежит рекорд многодетности среди членов английского парламента. Она вышла замуж за Дерека Гадда в 1996 году и через год, во время внушительной победы лейбористов на выборах, родила своего старшего сына Имона. В течение следующих семи лет родились Синед, сейчас ему пять, Ройзин — три, Найам — год. Хотя в семье есть няня, Келли очень серьезно относится к материнским обязанностям, и она — одна из немногих министров, которые не берут на ночь работу домой (не потому что ленится, а потому что в высшей степени сосредоточенна).

«Благодаря семье я дисциплинированна. Если бы у меня не было семьи, то, возможно, я бы сгорала на работе, как многие министры. Я просто не могу себе этого позволить. У меня четверо детей, и они хотят видеть свою маму», — сказала она.

Хотя ее собственные дети посещают католические школы, Келли — яростный сторонник общедоступного образования. В целом она очень лояльна по отношению к Блэру, во многих вопросах занимает центристскую позицию, и некоторые рассматривают ее как будущего кандидата в премьер-министры.

Когда в декабре 2004 года открылась связь Келли с Opus Dei, это вызвало волнение в британской печати, многие публикации были негативными. Она справилась с проблемой, отказавшись ее обсуждать в течение почти целого месяца, причем Opus Dei оказался в сложной позиции, поскольку не мог ни подтвердить, ни опровергнуть ее членство. В конце концов она заявила: «Я, как и любой другой политик, имею право на определенный уровень конфиденциальности в том, что касается моей частной жизни. Да, у меня есть личная духовная жизнь, и я совершенно искренне о ней говорю. Люди знают, что я католичка, и для меня это серьезно».

КСАВИ КАСАЖУАНА

Не вздумайте назвать испанцем супернумерария Opus Dei Ксави Касажуана, который живет в Сабаделле, в нескольких милях от Барселоны. «Когда мне нужно куда-нибудь поехать с моим испанским паспортом, я это просто ненавижу. Я не хочу считаться испанцем. Я каталонец. У меня есть собственный язык — каталанский. Я предпочитаю посещать не испанскую, а каталонскую мессу, потому что молюсь Богу на каталанском, а не на испанском. Я говорю на каталанском и на трех иностранных языках: испанском, французском и английском», — заявил он мне во время интервью.

Чтобы подчеркнуть, какое значение он придает своему каталонскому происхождению, Касажуана рассказал, что, когда он ездит по Европе, то приклеивает стикер CAT (Catalonia) на испанский номерной знак с буквой E (Espana). «Я не испанец. Я отстаиваю интересы моей страны, а моя страна — Каталония». В процессе нашей беседы Касажуана достал из бумажника два предмета: флаг независимой Каталонии и изображение Святой Девы.

Касажуана тридцать два года, он компьютерщик на электромоторном заводе, но его страстью является политика. Он член левой партии Esquerra Republicana de Catalunia, которая выступает за независимость Каталонии. В Испании консервативные партии, такие как Народная партия, обычно имеют националистические взгляды, поэтому тем, кто борется за предоставление регионам автономии, ничего не остается, как присоединяться к левым.

Не вздумайте также говорить Касажуана, что как член Opus Dei он должен поддерживать бывшего премьер-министра Испании Хосе Марию Аснара, широко известного своими симпатиями к Opus Dei. «Аснар — последний человек, которого я хотел бы видеть. Как каталонец я знаю, что Аснар хочет разрушить мою страну. Он хочет уничтожить мой язык. Он хочет уничтожить мою культуру. Он хочет уничтожить историю моей страны», — произнес Касажуана, подчеркивая каждое свое слово.

«Я надеюсь, что когда-нибудь футбольная и баскетбольная команды Каталонии примут участие в Олимпийских играх. Я хочу, чтобы у меня был каталонский паспорт. Я хочу, чтобы мой родной язык был признан в Европе, потому что он один из восьми самых распространенных европейских языков», — сказал он.

Касажуана сказал, что у него нет предпочтений среди испанских политических партий, поскольку ни Народная партия, ни социалисты не склонны помогать Каталонии. Но если бы ему нужно было выбирать, он все-таки скорее проголосовал бы за социалистического премьер-министра Сапатеро, чем за Аснара. Он сказал, что не согласен с тем, что, будучи католиком, он должен голосовать определенным образом, — это было бы возвращением к «национальному католицизму» эпохи Франко. Он добавил, что «ненавидит» политический курс Федерико Трильо, министра обороны правительства Аснара и так же, как и Касажуана, супернумерария Opus Dei.

Касажуана признал, что многие его друзья и коллеги с удивлением узнают, что он член Opus Dei и одновременно левый. «Когда стало известно, что у моей будущей жены появился бойфренд, ее родственники спросили: «А он член Opus Dei?» И когда она ответила: «Я не

знаю», я думаю, что она на самом деле знала. Но они надеялись, что я член Народной партии, настоящий консервативный испанец. То есть они ничего не понимают».

Общественная совесть

У Opus Dei репутация «элитарной» организации, которая стремится оказывать влияние на высокопрофессиональные и интеллектуальные группы. Это, в частности, объясняет, почему Opus Dei старается в первую очередь охватить университеты. Однако это не означает, что духовная деятельность ведется исключительно в среде интеллигенции. В Opus Dei состоят парикмахеры, водители автобусов, механики. Кроме того, это не означает, что у Opus Dei нет общественной совести. Большая часть «корпоративных предприятий» Opus Dei предназначена для служения бедным и социально исключенным. Эскрива писал: «Человек или общество, которые не реагируют на страдания и несправедливость и не прилагают никаких усилий, чтобы их облегчить, очень далеки от христианской любви. Христиане должны быть едины в своем желании служить человечеству. Иначе их христианство не будет словом и жизнью Христа, это будет жульничество, обман Бога и людей».

Приведем следующие примеры общественной совести Opus Dei.

• ELIS центр в Риме — итальянская аббревиатура от слов «Образование, Работа, Руководство, Спорт». Он предназначен для молодых людей из малообеспеченных семей римского пригорода Тибуртина. Им предоставляется возможность совершенствовать свои ремесленные навыки, чтобы избавиться от нищеты, а также получать образование и заниматься спортом. В центре имеются зал для 150 студентов, здание для тренинг-программ по традиционным профессиональным навыкам для механиков, ювелиров, часовщиков, а также специалистов в области новых технологий; «бизнес-детский сад», обеспечивающий помещениями, оборудованием, консультациями только что зародившиеся малые предприятия; спортклуб с пятьюстами членами; библиотека с десятью тысячами книг и три учебных помещения. С помощью «детского сада» ELIS уже возникло около двадцати малых предприятий и 95 процентов молодых людей, посещавших тренинг-курсы, нашли работу.

• Центр Midtown в Чикаго, который проводит дополнительные занятия после уроков и в субботу в течение учебного года, а также летом. Основная идея в том, чтобы, сочетая обучение в классах с индивидуальными занятиями и спортом, отвлечь детей от участия в преступных группировках и дать им необходимые знания для окончания школы. Семьдесят два процента учащихся — испанцы, двадцать пять процентов — чернокожие. По меньшей мере 85 процентов — из семей с низкими доходами. Отличительным признаком Midtown является тот факт, что 95 процентов его учащихся заканчивают среднюю школу, а 75 процентов поступают в колледжи. Из общего количества учащихся мужского пола района, где находится Midtown, 60 процентов заканчивают среднюю школу, а 15 процентов идут в колледжи.

• Moluka, медико-социальная амбулатория в Конго при больнице Moncole. Врачи и медсестры обеспечивают медицинское обслуживание людей, для которых иначе оно было бы недоступно. Кроме того, в амбулатории есть программы по физической гигиене и диетическому питанию, санитарной обработке домов, здоровью семей, уходу за детьми, грамотности, финансам, домоводству и созданию производственных мощностей. Амбулатория охватывает своей деятельностью около 30 000 человек.

• Сельскохозяйственный центр для женщин Condorary в Каньет, Перу, в девяноста милях от Лимы. Более 20 000 женщин из беднейших регионов Перу обучаются грамотности и ремеслам. В этом районе около 83 процентов женщин от девятнадцати до тридцати девяти лет неграмотны и 70 процентов настолько бедны, что не могут обеспечить себя самым необходимым. На курсах обучения грамотности туземные женщины, которые были вынуждены

покинуть Анды из-за нищеты и насилия, учатся держать в руках карандаш и водить им по бумаге.

• Неофициальное отделение Института бизнеса в Найроби, Кения, которое обучает основным бизнес-навыкам беднейшее население Кении, занимающееся «неофициальным» бизнесом: торговлей сладостями, чисткой обуви, продажей деталей подержанных автомобилей. Суть в том, чтобы помочь людям повысить стандарты жизни их семей, дать возможность детям обучаться в школе. Тренинг включает в себя основы бухгалтерского дела, переучета товаров, техники продаж и планирования.

Что дают все эти программы?

Тридцатилетний испанец Хуан Карлос Окон принимал участие в программах Midtown в Чикаго, когда был мальчиком. Его семья приехала из Мексики, и мать считала, что Midtown поможет ему сориентироваться в жизни. Его отец умер через шесть месяцев после переезда семьи в США, а мать, оставшись с тремя детьми, нашла работу на фабрике и дополнительную работу на другой фабрике. Окон сказал, что в Midtown его вовлекли в спортивные программы, он стал звездой футбольной команды и это повысило его уверенность в себе. Его товарищи по футбольной команде до сих пор его лучшие друзья. Для подтверждения положительного воздействия Midtown на молодых людей можно добавить, что один из ближайших друзей Окона стал специалистом по информационным технологиям, другой — бухгалтером, а третий — инженером. Все трое происходили из нищих иммигрантских семей.

Окон продолжил свое обучение в Northridge — школе Opus Dei для мальчиков, но он не стал членом Opus Dei. Сегодня он работает преподавателем в Академии Juarez в Чикаго, где готовят руководящих работников. Сам он хотел бы встать во главе испанского сообщества, чтобы организовать, как он это называет, «культурную революцию… Многие из нас забыли, зачем мы сюда приехали, — чтобы обеспечить своим детям лучшие возможности. Мы боремся за выживание, не думаем об образовании. Нам нужно проявить активность и вернуться к первоначальным целям», — сказал он.

По поводу Midtown Окон заметил: «Я думаю, они искренне хотят помочь молодежи стать успевающими студентами и хорошими людьми, они формируют их характеры». Он старается, чтобы его студенты из Академии Juarez контактировали со студентами Midtown. «Midtown оказал на меня огромное влияние».

Тридцатилетний Джон Матенге участвует в программе Неофициального отделения Института бизнеса Найроби, расположенного в районе трущоб. Он делает рамы для кроватей, платяные шкафы, обивает мебель. Он рассказал мне, что до того, как прошел курс обучения в Институте, не имел представления даже о простейших бухгалтерских знаниях. Он думал, что все деньги, которые он выручал от продаж, должны идти в его карман. Теперь он знает, что часть из них он должен вложить в свою работу, чтобы купить древесину и другие материалы. Таким образом, даже когда нет срочных заказов, он не бездельничает. Теперь его бизнес расширился: на него работают еще три человека. В Институте он также научился основам работы на компьютере, и там же с ним провели несколько бесед о родительском долге.

«Я им так обязан. Я теперь в состоянии обеспечить свою семью», — сказал Матенге. Одним из результатов обучения в Институте стало его твердое решение, что его дети закончат школу.

Матенге сказал, что родился в католической семье, но потом стал пресвитерианцем. Он посещает церковь каждое воскресенье, и ему нравится «хвала и молитва». Вопреки сплетням, что Opus Dei набирает рекрутов на своих корпоративных предприятиях, когда я стал выяснять его мнение об Opus Dei, Матенге взглянул на меня и спросил: «А что это?» Оказалось, что за все месяцы обучения на курсах никто не рассказал ему, что их спонсирует Opus Dei.

Выводы

Как уже отмечалось, члены Opus Dei имеют сильную тенденцию к политическому консерватизму, особенно когда это касается общественных проблем, таких как аборты, контрацепция, гомосексуализм. Огромное большинство членов не заимствуют эти взгляды в Opus Dei: они были у них раньше или развились в процессе жизни в определенных социальных кругах. Единственно, что прибавляет к этому Opus Dei, — воспитание в духе церковной доктрины, которое внушает людям большую уверенность в своих успехах и большую ответственность при выборе. Отдельным людям и организациям, у которых другие точки зрения на общественные проблемы, члены Opus Dei иногда представляются страшными противниками, и трудные дебаты о том, что должна представлять собой публичная политика, абсолютно оправданны. Однако эти дебаты были бы более осмысленными, если бы на них действительно обсуждались проблемы, а не якобы тайная роль Opus Dei в поддержке правых движений.

Для Opus Dei существует также определенный риск, заложенный в природе современных западных политических блоков, когда консервативные партии склонны выражать традиционные «католические» взгляды по общественным и культурным проблемам, и это может привести Opus Dei именно туда, куда никогда не хотел идти Эскрива, — к восприятию политической партии в качестве «католической» и идентификации с ней Opus Dei. Некоторые католики-консерваторы в США, безусловно не относящиеся к Opus Dei, пытались играть в это во время президентских выборов 2004 года, навязывая голосование за Буша как религиозную заповедь. Поскольку любой католик может счесть какого-то кандидата более совершенным по отношению к восприятию важности церкви, ни одна из партий не может абсолютно соответствовать церковному учению, и всегда есть возможность дебатов о предпочтительности позиций. Именно поэтому Эскрива хотел, чтобы члены Opus Dei были свободны в своих взглядах. На фоне стремления быть последовательными католиками и «думать вместе с церковью» по политическим вопросам, что само по себе благородно, проблема Opus Dei в том, чтобы избежать превращения в «Народную партию на богослужении» или «Республиканскую партию на богослужении». Эскрива сильно бы разочаровали последствия такого исхода.

Глава тринадцатая
СЛЕПОЕ ПОСЛУШАНИЕ

Должность Дэвида Кларка называется «консультант в области преобразования мышления», но его узкая специализация — вытягивание людей из-под власти различных культов. Сам он бывший член оккультной группы из Южной Калифорнии, имеет сертификат эксперта по культам и работает в качестве адвоката, помогающего покинуть культовые организации, более двадцати лет. Он был одним из авторов книги *Recovery from Cults: Help for Victims of Psychological and Spiritual Abuse* (W. W. Norton, 1993). Одно из его самых известных дел — дело Тамми ДиНикола, нумерария Opus Dei из центра Brimfield в Массачусетсе. Семья ДиНикола попросила Кларка побеседовать с дочерью, когда та приехала домой отпраздновать окончание Бостонского колледжа. В конечном счете ДиНикола покинула Opus Dei и вместе со своей матерью Дианой создала Opus Dei Awareness Network (ODAN) — сайт, резко направленный против Opus Dei.

ДиНикола — не единственный член Opus Dei, с которым Кларк работал за все эти годы. Он сказал мне, что к нему обращались примерно двадцать семей, члены которых были вовлечены в Opus Dei, и, возможно, он работал с двадцатью членами. В мае 2004 года я беседовал с ним о его восприятии Opus Dei.

«Эта организация заявляет о своей принадлежности к католической церкви и защите веры. Они консервативны в вопросах теологии, и это представляется им очень важным. Но их внутреннюю жизнь постороннему человеку очень трудно понять. Они изо всех сил стараются

не дать посторонним увидеть, что происходит на самом деле, и это можно понять только по свидетельствам бывших членов, бывших руководителей и их документации», — сказал он.

Кларк, который не является католиком, сказал, что не намеревался делать Opus Dei своей мишенью. «Я не собирался проводить какое-то расследование. Я услышал об этой организации от семей, которые были намерены бороться с тем, что происходит с их сыновьями и дочерьми».

В 1972–1974 годах Кларк был участником, как он сам это назвал, «харизматического культа», который был ответвлением «Jesus movement» 1970-х годов. Потом он учился в Епископальной семинарии в Филадельфии, то есть обрел теологическую базу, и когда впервые услышал об Opus Dei, сразу узнал те самые извращения и методы, которые были знакомы ему по собственному опыту. В конечном счете он пришел к выводу, что Opus Dei «больше относится к культу, чем к церкви».

В общем, сказал Кларк, члены Opus Dei, которых он встречал, «честные люди и они хорошо приспосабливаются к образу Opus Dei. Они искренне верят ему и абсолютно повинуются». Он рассказал, что вначале семьи членов поддерживают участие в Opus Dei, «потому что знают, что это одобряется католической церковью». Но когда они сталкиваются с тем, что их дети не приезжают домой на каникулы, редко могут пользоваться телефоном, а нумерарии сообщают родителям, что перевели все свои деньги Opus Dei, семьи понимают, что что-то происходит не так. Кларк сказал, что, исходя из разговоров с членами, он считает, что Opus Dei оказывает «чрезмерное влияние» на молодых людей, чтобы они к нему присоединились, «и в результате это оказывается сражением с предопределенным исходом».

До какой степени Opus Dei похож на культ?

«Что ж, он поддерживает учение и авторитет Римской католической церкви. Обычно в культе традиции отвергаются, а Opus Dei в известном смысле строго соблюдает традиции. Но практика показывает другое. Часто люди не могут открыто выражать свои взгляды, их взаимоотношения с другими строго контролируются. Это напоминает научно-фантастический фильм, когда люди становятся похожими на клонов в симбиозе». В этом смысле, сказал Кларк, люди часто больше узнают об Opus Dei после того, как с ним расстаются, чем когда они были его членами.

Кларк сказал, что Opus Dei — «одна из самых опытных групп, с которыми он сталкивался. Это группа, которая стремится заполучить сливки общества, профессионалов в своей области. Очень жуткими, почти милитаристскими способами». Кроме того, сказал Кларк, он слышал, что беспокойство выражали не только семьи, но и сама католическая церковь. Обычно это касалось четырех пунктов: Opus Dei «контролирует души» своих членов; он разрушает семьи; люди с большим трудом могут уйти из организации; Opus Dei наносит вред церкви.

Кларк заявил, что все это недавние впечатления. Родители обращались к нему в прошлом году. «Но очень трудно что-либо сделать. Обычно у вас нет никакого доступа к этим людям. Им трудно выкроить время для встречи с вами», — объяснил он.

Кларк полагает, что Opus Dei должен использовать «сдержки и противовесы» для управления своей внутренней жизнью и соблюдать ныне обязательную «прозрачность». Он провел параллель с уроками, извлеченными из скандала с сексуальными преступлениями в США. «Речь идет о надзоре и ответственности. Вот это необходимо Opus Dei», — сказал он.

Плюрализм

Согласно мнению большинства, одним из отличительных признаков культа является строгое единообразие и непререкаемое уважение к власти. Члены Opus Dei утверждают, что для них это не характерно, а, наоборот, им свойствен широкий плюрализм. Кроме приведенных в 12-й главе примеров из области политики, в частности в Перу, где два нумерария,

относящиеся к оппозиционным либеральной и консервативной партиям, живут в одном центре, возможно, стоит привести еще несколько случаев.

В 2003 году относящаяся к Opus Dei организация ICEF (итальянская аббревиатура для «Культурной, образовательной и семейной инициативы») созвала в Риме конференцию по поводу спорного фильма Мэла Гибсона *Страсти Христовы.* Второй режиссер фильма Ян Микелини — сын хорошо известного итальянского супернумерария Opus Dei Альберто Микелини, журналиста и политика. Частично благодаря его вмешательству в декабре 2002 года папа Иоанн Павел II посмотрел этот фильм. Нумерарий Opus Dei пресс-секретарь папы Хоакин Наварро-Валльс был одним из сторонников фильма в Ватикане. Многие обозреватели, как в Италии, так и в мире, предположили, что Opus Dei единодушно выступает за *Страсти.* Тот факт, что большинство католиков-консерваторов всего мира поддержали фильм, лишь укрепил это впечатление.

Тем не менее на конференции ICEF итальянский супер-нумерарий Алессандра Канева остро критиковала *Страсти*, что потом было названо «ссорой». Канева — сценарист и писатель, в частности она участвовала в написании сценария очень популярного итальянского телесериала *Дон Маттео — о* священнике-детективе. Она критиковала фильм Мэла Гибсона как с точки зрения его художественных достоинств, так и в теологическом плане.

«Драматургический замысел фильма смещается в сторону натуралистического показа страданий. Объяснения причин этого [страданий] и значения жертвы Христа отсутствуют, и не только агностики, но и многие из христиан забыли об этом. Эти моменты затрагиваются только в диалогах, а в контексте моря крови слова — слишком слабый элемент кинематографии… Нет того глубокого ощущения бесконечной любви к людям, несмотря на их грехи», — сказала Канева. Другие участники конференции, некоторые из них — члены Opus Dei, некоторые — нет, резко выступили в защиту фильма, и последовали горячие дебаты.

Другой пример — в 2004 году спонсируемый Opus Dei Университет Святого Креста организовал конференцию «Поэзия и христианство», на которой состоялся «круглый стол», посвященный краеугольному камню итальянской литературы — роману Алессандро Мандзони *I Promessi Sposi.* Две противоположные точки зрения были выдвинуты двумя нумерариями Opus Dei — Чезаре Каваллери, редактором итальянского журнала *Studi Cattolici,* и профессором Сорбонны Франсуа Ливи. Для Каваллери роман Мандзони — выдающееся воплощение католической литературы. Для Ливи в *I Promessi Sposi* изображаются «следы культуры Просвещения, когда христианство часто рассматривалось только как религия народных масс». По сути Ливи заявил, что книга не может считаться «католическим романом», что для итальянской аудитории было равноценно ереси. Опять же последовали оживленные дебаты.

По мнению многих членов Opus Dei, подобные эпизоды опровергают утверждения о сходстве внутреннего строения организации с научно-фантастическим произведением, герои которого «клоны в симбиозе». В сущности, утверждают они, один из кардинальных принципов Opus Dei — это именно уважение к свободе совести, поэтому тот контроль над членами, о котором говорит Кларк, был бы поистине немыслим.

Католический Расемон

Если слушать людей, которые говорят о контроле внутри Opus Dei, может возникнуть ощущение пребывания в католической версии *Расемона*, фильма Акиры Куросавы 1950 года, в котором описывается одно и то же событие, увиденное с радикально противоположных перспектив. С точки зрения таких наблюдателей, как Кларк, Opus Dei — опасная культовая группа, которая строго надзирает за своими членами, изолирует их от внешнего мира и программирует их на абсолютное подчинение группе и ее лидерам.

Бывший нумерарий Альберто Монкада на испаноязычном сайте www.opuslibros.org, публикующем негативные свидетельства множества бывших членов Opus Dei, часть из которых подписана, а часть нет, отмечает: «Нет ни одной другой церковной организации, на которую бы так нападали бывшие члены». Действительно, экс-нумерарий Шарон Класен, представленная в главе 8 и уже покинувшая лоно католической церкви, заявила, что *Код да Винчи* больше всего заслуживает критики за то, что он слишком мягок к Opus Dei: «В романе не удалось передать суть контроля над душами… Вы не увидели всех манипуляций».

Другие видят действительность совершенно иначе. Как уже говорилось, в мире 85 491 член Opus Dei, не говоря о 164 000 сотрудников — не членов, которые поддерживают Opus Dei молитвами и другими формами помощи, и приблизительно 900 000 человек, посещающих различные мероприятия Opus Dei. Даже по самой щедрой оценке число озлобленных экс-членов очень невелико по сравнению с нынешними членами и сторонниками. Кроме того, многие экс-члены не сердятся на Opus Dei, они покинули его по разным личным причинам и сохранили с ним хорошие отношения. Трое из них будут представлены в этой главе. Хотя от экс-членов идет много негативных отзывов, это не означает, что все они говорят только негативные вещи.

Не только у членов или сотрудников положительное восприятие Opus Dei. Многие иерархи католической церкви с симпатией относятся к Opus Dei.

Архиепископ Найроби Ндинги Мвана а'Нзеки, которого я интервьюировал в сентябре 2004 года: «Я считаю, они делают замечательную работу. Они, несомненно, проникли внутрь общества. Они очень преданы церкви, ее учению. Они причащают людей, организуют семинары для молодежи, для семейных пар, для всех… Лично я их очень поддерживаю. Они были очень, очень искренними со мной. Я не согласен с теми, кто их критикует. Я не вижу, что они на кого-то давят или контролируют».

Или обратимся к свидетельствам кардинала Вестминстера Кормака Мерфи-О'Коннора, принадлежащего к той же епархии, что и покойный кардинал Бэзил Хьюм, который в 1981 году написал для Opus Dei руководство по поводу секретности и вербовки новобранцев. Вот как Мерфи-О'Коннор описывает свои впечатления: «Я думаю, они согласились с критикой и, сохраняя свой Божий дар, стали более открытыми, — заявил он в своем интервью в ноябре 2004 года. — На самом деле они совсем не умозрительно хотят сотрудничать с местными епископами. Они не желают быть в оппозиции… Католики Opus Dei, безусловно, очень убежденные католики, очень преданные тому, что завещал Эскрива, — миссии мирян, заключенной в их профессиональной деятельности».

Главное из сказанного Мерфи-О'Коннор: «Я очень доволен, что Opus Dei присутствует в нашей епархии». В январе 2005 года Мерфи-О'Коннор вверил духовенству Opus Dei епархию Святого Томаса Мора, находящуюся рядом с Университетом Netherhall в Лондоне.

Таким образом, для внешнего наблюдателя, старающегося быть объективным, Opus Dei является необычайно проблемным явлением. С одной стороны, нельзя игнорировать критические голоса тех, кто имел с ним дело; с другой стороны, полное удовлетворение тысяч членов и официальное одобрение даже от тех епископов, которые не участвуют в Opus Dei, тоже нельзя отбросить в сторону. В этой главе будут рассмотрены самые распространенные жалобы на чрезмерный контроль над членами и будет сделана попытка выяснить реальное положение вещей. После чего мы постараемся понять, почему люди так по-разному воспринимают реальность.

Одно замечание: фактически вся критика, относящаяся к так называемому контролю в Opus Dei, имеет в виду нумерариев, то есть 20 процентов членов, которые дают обет безбрачия и живут в центрах Opus Dei. Даже с точки зрения логистики было бы сложно контролировать супернумерариев, которые работают, имеют семьи и живут в собственных домах. Поэтому большая часть следующих материалов посвящена нумерариям.

Слепое послушание

Некоторые молодые люди, решившие посвятить себя Opus Dei, жалуются, что степень ожидаемого ими контроля не соответствовала первоначальным разъяснениям, и поэтому смысл жизни нумерария становится ясным только после принятия на себя обязательств. Например, Джон Шнейдер, студент Notre Dame, начал посещать центр Windmoor еще на первом курсе и очень скоро после этого «свистнул». «Если бы они мне сказали, что от меня потребуется, и выложили напрямую, что будет происходить, я бы сказал «Спасибо, нет». Вместо этого в течение долгих месяцев они рассказывали мне все очень постепенно. Что касается меня, со мной все в порядке. У меня проблем нет. Я только боюсь, что они, не спрашивая должным образом согласия людей, вовлекают их в свою организацию». В конечном счете Шнейдер не стал нумерарием.

Критики указывают на разные способы контроля: члены должны исповедоваться только священникам Opus Dei; члены обязаны получать духовные наставления от нумерариев; от них требуется признание своих недостатков перед группой; почта нумерариев просматривается; контролируется доступ нумерариев к книгам и телевидению; нумерарии не являются финансово независимыми, поскольку большую часть заработков отдают Opus Dei; практика «братского замечания» выливается в форму публичного контроля; нумерарии вынуждены пользоваться подсказками директоров и общины, а не мыслить самостоятельно; члены, которые хотят покинуть Opus Dei, подвергаются угрозам и преследованиям.

ИСПОВЕДЬ

Критики обвиняют Opus Dei в том, что он обязывает своих членов исповедоваться только священникам Opus Dei, чтобы те могли «следить» за членами. На самом деле формально такого требования нет. Такого условия не существует ни в «Статусе», ни в других документах Opus Dei. Это было бы нарушением Кодекса канонического права, утверждающего в 991-м каноне: «Все верующие христиане свободны исповедовать свои грехи установленному законом исповеднику по их собственному выбору, даже другого обряда».

С другой стороны, по установившейся практике обычно члены исповедуются священникам Opus Dei, полагая, что они лучше знают конкретные духовные обязательства членов, задают более острые вопросы и дают более уместные советы. К этому относится цитата Эскрива из журнала *Cronica* для мужчин — членов Opus Dei:

Ты можешь пойти на исповедь к любому священнику, которому дал на это право местный епископ. В этом случаен на стороне свободы, но также и здравого смысла. Все мои сыновья и дочери свободны идти на исповедь к любому священнику, утвержденному местным епископом, и они не обязаны рассказывать директорам центров Дела, что они это сделали. Грешен ли человек, который это делает? Нет! Правильно ли он поступает? Нет! Он собирается прислушаться к голосам дурных пастырей… Ты пойдешь к своим братьям-священникам, как это делаю я. И им ты откроешь всю свою душу, пусть она будет даже нравственно испорченная, со всей искренностью, с глубоким желанием исправиться. Иначе эта испорченность останется навсегда. Если мы идем к человеку, который может лишь поверхностно залечить наши раны, значит, мы — трусы, мы плохая паства, потому что хотим спрятать правду и не причинять себе ущерб… в своих поисках случайного доктора, который не может уделить нам более нескольких секунд, который не пользуется скальпелем и не прижигает рану, мы наносим вред Делу. Если ты это делаешь, ты поступаешь неправильно, ты не будешь счастлив. Это не будет грехом, но горе тебе! Ты начнешь сбиваться с пути и делать ошибки.

По-испански в выражении «случайный доктор» — *ип medico de ocasion,* — имеется в виду врач, незнакомый с историей болезни больного. Некоторые видят в этом умаление достоинств священников, не относящихся к Opus Dei, и переводят это выражение как «второсортный», что является неточным.

По мнению переводчиков из Opus Dei, Эскрива утверждает, что хотя члены могут пойти к любому священнику, если они регулярно обращаются к священникам, которые не знают ни их, ни Opus Dei, то это потому, что они не хотят, чтобы на них слишком давили. Им не нужна перестройка души, они ищут внешнего переживания, чтобы удовлетворить желание отпущения грехов, которое немецкий лютеранский теолог Дитрих Бонхеффер назвал «обесцененным прощением». Святая Тереза из Авилы тоже советовала своим монахиням, чтобы они при любой возможности исповедовались босоногому монаху-кармелиту, поскольку он наставит их наилучшим образом. Члены Opus Dei в общем и целом рассматривают эту проблему с точки зрения здравого смысла, так как сущность принадлежности к Opus Dei — получение соответствующего духовного воспитания.

ДУХОВНОЕ РУКОВОДСТВО

Членами Opus Dei духовно руководят директора центров, миряне-нумерарии или другие члены, назначенные директорами. Критики обвиняют Opus Dei в том, что директора требуют от членов разглашения личной информации, вплоть до подробностей их сексуальной жизни. Поскольку эта информация не защищена «тайной исповеди», некоторые считают, что директора делятся ею с другими руководителями для облегчения контроля над членами. Экс-нумерарий Мария Кармен дель Тапиа, написавшая книгу *Crossing the Threshold,* рассказала, что когда она была директором, то должна была писать отчеты о вверенных ей людях и иногда получала указания, что им говорить.

На это официальные лица Opus Dei имеют три ответа. Первое — если директора должны духовно руководить, то, естественно, они обязаны «заниматься конкретными личностями», беседуя о различных аспектах жизни членов. Сексуальный аспект нельзя преувеличивать, но нельзя и игнорировать. Второе — Opus Dei соблюдает общее правило церкви по духовному руководству, которое гласит, что никого нельзя заставить «демонстрировать свой внутренний мир». Другими словами, никому нельзя приказать говорить о том, чего он не хочет обсуждать. Третье — директора не обсуждают с кем-либо другим проблемы, затронутые во время духовного руководства, за исключением конфиденциальных случаев, когда необходим совет специалиста.

Люди, состоящие в Opus Dei, говорят, что именно так все происходит на практике, хотя некоторые из них утверждают, что члены, избегающие определенных тем в процессе духовного руководства, обвиняются в «безнравственности».

Среди обвиняющих Opus Dei в том, что духовное руководство создано, чтобы принудить членов раскрыть свои души, по меньшей мере один критик согласен дать Opus Dei шанс для оправдания. Экс-член Альберто Монкада сказал по поводу дела Роберта Хансена, американского супернумерария, продавшего русским секреты ФБР: «Все эти годы парень должен был раз в неделю приходить в Opus Dei для духовного руководства. Как они могли не вычислить, что он задумал?» (На самом деле на ранней стадии Хансен признался в продаже секретов священнику Opus Dei отцу Роберту Буккиарелли, но утверждал, что остановился и не выдал ничего лишнего. Буккиарелли посоветовал ему пожертвовать все деньги бедным, но не признаваться ради спасения семьи.)

Кроме того, как говорят члены, попытки использовать на практике духовное руководство для «контроля» над людьми, скорее всего, не работают. Нумерарии посещают друг друга для духовного руководства, но те же самые два нумерария не «хватаются за шляпы», чтобы бежать советоваться друг с другом. Таким образом, общество беседующих друг с другом в данном

центре или данном районе в известной степени случайно. «Просто с логической точки зрения очень трудно представить себе, каким образом может эта система осуществлять какой-то постоянный контроль», — сказал один американский нумерарий.

Некоторые нападают на практику духовного руководства по двум другим причинам: первая — оно осуществляется мирянами, у которых может не быть подготовки, и вторая — директора иногда слишком молоды, и у них нет жизненного опыта.

По первому пункту Opus Dei утверждает, что нумерарии имеют такую же подготовку в духовных вопросах, как священники, поскольку в Opus Dei священники и нумерарии, мужчины и женщины получают одинаковое теологическое воспитание. Поэтому нет оснований априори предполагать, что мирянин обладает менее высокой квалификацией. На самом деле можно доказать, и члены Opus Dei это делают, что предположение о том, что священник якобы лучше приспособлен к этой работе только потому, что является священником, свидетельствует о клерикальности менталитета, и, напротив, мирянин лучше сможет понять духовную борьбу другого мирянина.

Что касается обвинений в молодости и неопытности, то некоторые внутри Opus Dei «признают себя виновными», особенно в ранний период истории организации, когда было обычным, что директор был немногим старше двадцати лет. В некоторых случаях, признают члены, юношеское рвение опережает способность директора оценить сложность конкретной ситуации. Например, один нумерарий описывает ситуацию, произошедшую, когда он был директором центра в Испании. Другой нумерарий влюбился в женщину, во всяком случае, думал, что влюбился. Директору было только двадцать четыре года, он решил побороть эту ситуацию и теперь иногда винит себя за то, что тот нумерарий покинул Opus Dei. Члены Opus Dei говорят, что сегодня меньше очень молодых директоров. Кроме того, официальные представители утверждают, что с разрешения члена молодые директора всегда могут обрататься за помощью к более опытным, если чувствуют, что сами не могут справиться с ситуацией.

ИСПРАВЛЕНИЕ

Emendatio[13] *происходит во время еженедельного «цикла» — примерно сорокапятиминутной встречи, посвященной практическим беседам на духовные темы, обсуждению Евангелия и исследованию состояния собственной совести. Цикл заканчивается чтением Preces*[14]*, свойственных только Opus Dei. Идея emendatio* в том, что в процессе цикла член признает некие свои недостатки в повседневной «духовной жизни Дела», например нежелание читать некоторые молитвы или усмирять плоть или упущенную возможность проповедовать Евангелие. Единственное условие заключается в том, что это должен быть «недостаток», а не «грех», который подлежит более серьезному обсуждению на исповеди. Чтобы совершить *emendatio,* член должен встать на колени и произнести: «В присутствии Господа Бога нашего я обвиняю себя в…» Подобные практики были обычными в религиозных орденах, хотя после Второго Ватиканского собора от них в большинстве случаев отказались.

Члены Opus Dei говорят, что *emendatio* добровольно и совсем не все совершают его каждую неделю. Некоторые не делают этого годами. Кроме того, если член планирует совершить *emendatio,* он должен вначале обсудить это с директором и получить его одобрение для вынесения на «цикл». Официальные представители заявляют, что суть состоит не в том, чтобы члены себя унижали, а в том, чтобы укрепить в других дух покаяния и одновременно убедить их, что все борются с похожими проблемами. Оно также призвано укрепить ощущение, что церковь — единое целое, в котором недостатки одного задевают всех, и член имеет возможность просить у окружающих прощения. *Emendatio* совершают и миряне, и священники.

ПРОСМОТР ПОЧТЫ

Часто утверждают, что директора просматривают почту нумерариев, чтобы оградить их от всего, что может привести к сомнению или ослаблению их убеждений. Шарон Класен — супернумерарий, а затем нумерарий с 1981 по 1987 год — жила в центрах Bayridge и Brimfield — оба в районе Бостона. Она рассказала, что когда жила в Brimfield, то получала свои письма через прорезь в двери коридора уже наполовину вскрытыми. Кроме того, она считает, что часть корреспонденции вообще до нее не доходила, поскольку после прибытия в центр она перестала получать письма от бойфренда, который писал ей регулярно. Все, что писала она, должен был просматривать директор центра.

Никто в Opus Dei не отрицает, что в прошлом почта просматривалась, и это было обычной практикой в монашеских орденах, семинариях, интернатах и других католических организациях. Говорят, что в теории это происходило не для «контроля», но чтобы предупредить члена, если в письме будет что-то противоречащее его религиозным убеждениям. Кроме того, это было обозначением полной самоотдачи, демонстрацией того, что члены ничего не скрывают ни от своих руководителей, ни от Бога. Без сомнения, практика просмотра почты приводила к злоупотреблениям, и многие религиозные общины от него отказались. Официальные представители Opus Dei утверждают, что поступили так же.

Марк Карроджио, представитель Opus Dei в Риме, заявил, что считает «абсолютно неправдоподобными» предположения Класен об изъятии писем ее бойфренда.

Американский нумерарий Питер Бэнкрофт сказал, что современные технологические изменения сделали просмотр почты бессмысленным. «Уже лет десять-двенадцать назад после появления электронной почты и дешевой междугородной связи я почти перестал писать и получать обычные письма, и то же происходит с молодыми нумерариями центра, где я работаю директором. Один или два раза кто-то показывал мне написанное письмо, но не помню, чтобы я видел полученные письма. Я слышал, что директора вскрывали письма, но обычно они их не читали — это просто было способом показать людям, что их жизнь должна быть открытой книгой. Я считаю, что эта практика исчезла около пятнадцати лет тому назад. Вскрытие писем перестало быть актуальным».

КНИГИ, ТЕЛЕВИДЕНИЕ, КИНО

Еще одно частое обвинение заключается в том, что нумерарии должны испрашивать разрешение на чтение книг и просмотр телепрограмм. Класен рассказывала, что, когда она была супернумерарием в Бостонском колледже, ее попросили представить на просмотр директора список читательских требований на книги. В Brimfield ее подруге по комнате не разрешили читать некоторые необходимые материалы, дающие право на получение диплома с отличием, и, следовательно, просить Святого Духа о «внушении знаний». Испанец, отец Альваро де Сильва, в течение тридцати пяти лет работал в американском отделении Opus Dei, после чего покинул организацию и в 1999 году стал священником Бостонской митрополии. Он рассказал, что в бытность в Opus Dei ему не давали читать произведения отца Раймонда Брауна, который работал в Папской библейской комиссии и был всеми признанным ведущим специалистом в США по изучению Библии.

Представители Opus Dei на это отвечают, что никому не «запрещается» читать отдельные произведения или все написанное конкретными авторами. Если члены сомневаются, стоит ли это читать, им советуют обсудить этот вопрос с директором центра или с другим специалистом.

Отец Гийом Дервилль, один из директоров Opus Dei, рассказал, что у организации есть «база данных», в которой содержатся тысячи реакций членов на книги, и с ней можно консультироваться, когда люди интересуются конкретным изданием. «Есть книги, даже не на религиозные темы, которые проникнуты антихристианской идеологией. Другие глубоко согласуются с Евангелием, некоторые безнравственны, некоторые могут помочь любому из

читателей и так далее. Эта база данных не является официальным списком, и приведенные в ней мнения отражают некое стремление к совершенству». Дервилль подчеркнул, что это не «список запрещенных книг». В базе данных также содержатся и более официальные рецензии на книги.

Дервилль сказал, что перед тем, как начать что-то читать, не обязательно обращаться к базе данных, а также руководствоваться высказанными там суждениями. «Каждый должен выбирать сам».

Со временем, сказал Дервилль, эта база данных может превратиться в сайт в Интернете. Но сначала необходима работа профессионального коллектива редакторов, который оценит степень уравновешенности высказываний, использование единых критериев и очистит базу от «упрощения и тенденциозных выпадов. После этого потребуются «люди, время и работа».

Конечно, внутренние суждения Opus Dei по поводу подходящего чтения могут отличаться от общего мнения. Например, Дэвид Галлахер, представитель Opus Dei в США, заявил, что хотя никто не контролирует литературу, которую читают члены, но если кто-нибудь видит, как другой член читает нечто проблематичное, он должен поговорить с этим человеком. Я спросил у Галлахера, вызовет ли вмешательство чтение, к примеру, романов Джона Апдайка, и он ответил «да». Суть не в том, что Апдайк запрещен в Opus Dei, и я даже знаю членов, которым нравятся его книги, — дело скорее в том, что Opus Dei раньше других выбрасывает «знаки, предупреждающие об опасности».

Или другой пример — библиотекарь Университета Strathmore в Найроби супернумерарий Фиделис Катонга рассказал мне, что, поскольку он отвечает за духовное и нравственное развитие студентов, часть его работы заключается в том, чтобы оберегать «юные умы от вредных влияний». Катонга сказал, что на открытом доступе его библиотеки нет произведений Маркса, Энгельса или Бертрана Расселла. Если студентам почему-либо необходимы их работы, они заполняют требования, книги им выносятся из хранилища, и они занимаются с ними под наблюдением. Смысл в том, чтобы студенты не пошли «по неправильному пути».

«Я обязан проследить, чтобы эти вредные издания не отравляли юные умы», — сказал Катонга.

Члены Opus Dei, издающие книги, посвященные вере и нравственности, также должны консультироваться с экспертами Opus Dei, специалистами по теологии или этике, чтобы убедиться, что в книгах нет ничего противоречащего учению церкви. Если церковное право требует *nihil obstat,* то есть формального подтверждения, что в книге нет противоречий с церковным учением, члены Opus Dei, как и все другие католики, должны идти к местному епископу. Но если церковное право такого подтверждения не требует, члены Opus Dei обычно обращаются к кому-то внутри организации, хотя официальные представители Opus Dei настаивают, что получение подтверждения — личное дело каждого. Критики часто видят в этом еще один способ контроля, но члены Opus Dei говорят, что это помогает выявлять потенциальные проблемные моменты и потом их разрешать.

Что касается телевидения, основные принципы те же самые. Нумерариям не запрещается смотреть телевизор, и во всех центрах, которые я посетил, были специальные телевизионные комнаты. Например, когда я был в Барселоне, в субботу все собрались, чтобы посмотреть решающий футбольный матч. В Netherhall, университетском общежитии Opus Dei в Лондоне, группа нумерариев планировала посмотреть вечером встречу команд Англии и Австралии по регби. Никто не спрашивал ничьего разрешения. С другой стороны, можно предположить, что если нумерарий сидит в общей комнате Opus Dei и смотрит *Survivor*[15]*,* совсем не потому, что он защищает диплом по культурной антропологии, кто-нибудь по-братски сделает ему замечание. Степень «контроля» зависит, во-первых, от содержания телепрограммы, во-вторых, от того, какие надежды возлагает Opus Dei на данного конкретного члена.

Совершенно другая история с кино. Нумерарии изначально не посещают публичные развлечения, такие как кино и спортивные соревнования, разве что это зачем-то необходимо. Шведский нумерарий Габриэла Эйзенринг, которая работает в правлении женского отделения в Риме, сказала, что это связано со «строгостью, преданностью Богу и ненужной тратой времени». Она сказала, что если работа нумерария требует посещения этих мест, он делает это без всяких проблем. В центрах иногда устраивается «вечер кино», когда демонстрируется выбранный директором фильм.

ДЕНЬГИ

Как уже излагалось в главе 1, предполагается, что нумерарии отдают большую часть своего заработка на поддержку центров, в которых они живут, и обеспечение различных корпоративных предприятий Opus Dei, таких как ELIS, римский центр для молодых рабочих, или Condoray, центр в Перу, где обучают женщин грамоте и ремеслам. Opus Dei утверждает, что все происходит, как в семьях, когда их члены складывают свои доходы в общий семейный бюджет. Хотя на практике нумерарии могут сохранять контроль за значительной частью своего заработка, чтобы оплачивать личные расходы, налоги и т. п. Супернумерариев призывают быть щедрыми, насколько это возможно. Американский католический писатель Расселл Шоу отдает двести долларов в месяц.

Испанский нумерарий журналистка Мария Анхелес Бургера описала, каким образом это происходит: «У меня есть собственный бюджет. Я обдумываю, что мне нужно в этом месяце. Может быть, мне нужно купить пару свитеров и брюки, и еще я каждый день должна покупать еду. Потом я думаю, сколько я могу отдать. Я оставляю себе какую-то часть, а остальное отдаю в центр». Бургера сказала, что обсуждает свой бюджет с директором центра, чтобы убедиться, что центр ни в чем не нуждается. Ее заработная плата автоматически перечисляется на счет в банке, она снимает деньги в банкомате и вручает их директору. Она сказала, что оставляет некоторую сумму на счете для оплачивания ссуд и на медицинские расходы. Каждый месяц она отдает в свой центр примерно половину заработной платы, иногда это может быть больше, иногда меньше.

Американский нумерарий, зарабатывающий в год 40 000 долларов, наметил в общих чертах, как он распределяет этот заработок

13 000: Налоги, социальное обеспечение, пенсионный фонд

12 000: Расходы на еду и жилье

2000: Стоимость ежегодного курса (три недели) и молитвенного уединения (одна неделя)

2000: Расходы на машину

4000: Одежда, медицинские услуги, путешествия, такси, еда в дороге и т. п.

7000: Взносы на апостольскую деятельность Opus Dei

«Расходы на еду и жилье» включают в себя поддержку центра, в котором живет нумерарий, и иногда означают выплату ипотечных кредитов. Машина — это, скорее всего, общая машина центра, и каждый участвует в оплате бензина, ремонта и тд. С другой стороны, независимо от того, является ли человек нумерарием, он бы все равно должен был выделять примерно те же суммы на ведение домашнего хозяйства и транспорт. Специфическим элементом Opus Dei в данном бюджете являются «ежегодный курс и молитвенное уединение» и «взносы на апостольскую деятельность». Эта сумма — 9000 долларов составляет 22,5 процента его заработков.

Поскольку обычно нумерарии не придерживаются экономии, существует мнение, что они находятся в финансовой зависимости и в связи с этим у них отбивается охота к выходу из Opus Dei. В этом смысле Opus Dei не уникален — то же происходит в монашеских орденах, члены

которых, покидая их, часто вынуждены «начинать сначала» свою карьеру и пенсионные накопления. Но поскольку нумерарии обычно получают хорошее образование и становятся специалистами высокого класса и ранга со всеми положенными сертификатами, они по определению находятся в лучшем положении, чем члены монашеских орденов, у которых нет никакого опыта работы и контактов. Даже помощники нумерариев обычно учатся в центрах домоводства или кулинарных школах и по окончании получают сертификаты или удостоверения.

Пабло Элтон, главный финансист Opus Dei, сказал, что у нумерариев есть собственные банковские счета, а в странах, где принято расплачиваться кредитными картами, они ими пользуются. Единственное условие — нумерариев призывают «умеренно» пользоваться кредитными картами. По словам Элтона, нумерарии не обязаны, как иногда сообщалось, составлять завещания в пользу Opus Dei. Они свободны оставить свои деньги кому хотят, и их желания уважаются. На самом деле, заметил Элтон, многие члены Opus Dei оставляют свои деньги школам, общежитиям и другим заведениям, связанным с Opus Dei, так же как многие американцы оставляют свои деньги университету, который они закончили, или другим дорогим для них учреждениям.

БРАТСКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Если член Opus Dei видит, что у другого члена не получается жить «духом Дела» и это уже заходит за рамки естественной борьбы, он или она может предложить то, что называется «братским замечанием». Согласно Мэтью Коллинсу, бывшему супернумерарию, а ныне сотруднику, при этом нужно руководствоваться следующими принципами:

• Увиденная ошибка другого члена — это ошибка, относящаяся к духу Дела.

• Человек, которому уже сделали замечание, не должен переживать это же многократно.

• Если директора Дела знают какие-то факты, которые делают это замечание неуместным, его делать не следует.

• Мотивация для замечания — дух братского милосердия.

• Человек, которому сделали замечание, должен быть убежден, что речь идет не просто о мнении другого члена, а относится к духу Дела.

В то время как критики утверждают, что братское замечание — это еще один инструмент для «исправления» членов, официальные представители Opus Dei настаивают, что эта практика идет от Иисуса, который сказал (от Матфея, 18:15): «Если же согрешит… брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним: если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего».

Теоретически человек, который обнаруживает ошибку, сначала возносит молитву за провинившегося. Потом он идет к директору и конфиденциально об этом сообщает. Если директор соглашается, что должно быть сделано замечание, дается разрешение. Человек, который его делает, конфиденциально беседует с провинившимся. Подразумевается, что тот благодарит и все воспринимает спокойно. Когда замечание сделано, исполнитель идет в часовню молиться за провинившегося, а затем рассказывает о происшедшем директору.

Карл Шмидт, американский нумерарий вот уже в течение многих лет, привел конкретный пример. Он рассказал, что однажды нечаянно услышал, как члены из его центра недовольно отзывались о либеральных тенденциях *New*

York Times, и сделал им братское замечание. «Я знаю, что у газеты есть такой уклон, но *New York Times* — одна из самых значительных газет мира, и в ней должны работать члены Opus Dei. Если вы так будете рассуждать, вы отвратите любого человека от работы в этой газете. Вы ведете себя так, как будто эти люди — ваши враги, а на самом деле — они ваши

братья. У вас не будет братьев, если вы будете вести себя так недоброжелательно», — сказал он.

ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ДИРЕКТОРОВ

«Тим Коральто» — это псевдоним, который корреспондент журнала *Philadelphia* Джейсон Фаргоне придумал для молодого мужчины, набожного католика, принимавшего участие в движении под названием «Journey into Manhood». По сути, это программа для мужчин-геев, предназначенная помочь им контролировать свою сексуальность, не отрицая ее, но в то же время и не проявляя. Меня привлекло в истории Тима то, что он бывший нумерарий Opus Dei. Я познакомился с ним благодаря Фаргоне и так же, как Фаргоне, обещал не называть его настоящее имя.

Тим — испанец, он вырос в католической семье и впервые встретился с Opus Dei благодаря своему дяде, который был нумерарием в течение восемнадцати лет, но потом покинул организацию. Тим учился в средней школе, когда был впервые приглашен на мероприятие Opus Dei для мальчиков. «Мне очень понравилось быть в компании мальчиков моего возраста, которые вели разговоры на духовные темы, но одновременно шутили, забавлялись, смотрели кино, слушали, как студент-нумерарий играет на гитаре «Bye, Bye, Miss American Pie». На меня это произвело большое впечатление», — рассказал он.

Позже, уже заканчивая школу, он стал посещать курсы по воспитанию в духе церковной доктрины. «Я вырос в современном либеральном приходе, и мне сильно не хватало чего-то более существенного, поэтому я поглотил то, чему учил меня Opus Dei». В конечном счете один из нумерариев спросил Тима, чувствует ли он призвание быть в Opus Dei. Тим помолился перед дарохранительницей, и его ответом стало уверенное «да».

Тим «свистнул» в 1986 году. «Первые два года в Opus Dei были похожи на медовый месяц. Я ощущал себя близким к Богу и к моим братьям-нумерариям. Я помню, что даже щипал себя, чтобы убедиться, что я не сплю, я не мог поверить, что жизнь может быть так хороша», — сказал он. Затем что-то постепенно стало меняться. Стало совершенно невыносимым оказываемое на него давление по поводу профессионального тренинга, работы с молодежью, необходимости все время быть полезным Opus Dei. У него случилось нервное расстройство. К тому же его гомосексуальная ориентация «вернулась с лихвой». Opus Dei направил его к психотерапевту-католику, и в конце концов Тим пришел к выводу, что лучше всего будет покинуть Opus Dei. «Я понимаю, что это было и их желание», — сказал он. В 1990 году он вернулся в родительский дом, а 19 марта 1991 года, когда он не продлил свой договор с Opus Dei, его уход стал официальным.

Как Тим оценивает этот свой жизненный опыт сегодня?

«У меня смешанные ощущения… что-то вроде «любовь-ненависть». В общем, мой опыт был положительным, но я думаю, там есть несколько на самом деле вредных вещей. Если бы нужно было извлечь суть, то я бы сказал, что освящение работы и семейной жизни, глубокое исследование традиций и учения церкви и общий призыв к святости — это лучшее в Opus Dei. Но я думаю, что аскетизм их духовности опасен. Я думаю, он слишком недоброжелателен и побуждает людей относиться к себе жестоко. Вся жизнь находится под жестким контролем. Я перестал мыслить самостоятельно и предоставил это моим директорам, потому что не надеялся на свою интуицию».

Нужно подчеркнуть, что Тим не сердится на Opus Dei. Он в хороших отношениях со своей тетей, преданным супернумерарием. Перед тем как поговорить со мной, он посоветовался с тем нумерарием, который уговорил его «свистнуть». Тим хотел убедиться, что не причинит Opus Dei вреда.

Американец Деннис Дубро, нумерарий в 1973–1987 годах, описывает случай, произошедший во время его работы в общежитии университета Warrane в Сиднее, который подтверждает высказывание Тима о власти директоров:

Несколько студентов открыли в спальне пожарные выходы и выключили сигнализацию. Администрация пришла к выводу, что это сделано, чтобы тайно провести девушек, поэтому директора заперли все пожарные выходы в нашем восьмиэтажном здании на 200 спальных мест. Нам объяснили, что лучше, чтобы мы все сгорели заживо, чем некоторые из нас горели бы в аду. Один из директоров заявил, что если будет пожар, его ангел-хранитель разбудит его, он выйдет через главный выход и откроет запертые пожарные выходы снаружи. Через несколько дней о запертых дверях сообщили в университет. Там сказали, что это недопустимо, и велели отпереть пожарные выходы. Это было сделано, и мы подготовили публичное заявление, что мы благодарны университету, который заметил эту оплошность и помог нам обеспечить безопасность наших студентов. Тогда наш директор опять запер двери. Один профессор, член Opus Dei, работавший в нашем совете директоров, не поверил, что двери были закрыты. Он решил в этом убедиться. В течение дня университет выслал нам еще одну директиву о том, что все пожарные выходы должны быть открыты и оставаться открытыми постоянно. Но мы тут же услышали от местных директоров Opus Dei, что данный член не обладает никакой властью и не его дело — сомневаться в словах директора. Нам было сказано, что наши директора отчитываются только перед Богом, а члены должны посвящать свое время апостольской деятельности, а не проверке слов директоров.

История Дубро иллюстрирует изредка случающуюся эксцентричность внутреннего климата Opus Dei и наличие безапелляционных директоров, хотя стоит заметить, что именно член Opus Dei решил, что директор был не прав, и сообщил об этом руководству университета.

Многие члены настаивают, что атмосферы слепого подчинения просто не существует. Среди них Лусия Кальво, руководитель школы для девочек в пригороде Мадрида, ученицы которой живут в бедных районах, заселенных недавними иммигрантами. Кальво работает там уже три года. До этого она работала в школе Opus Dei в Австралии. В Мадриде она живет в женском центре с десятью другими нумерариями, двое из которых работают на Opus Dei, несколько преподают в университетах, а одна работает в испанской неправительственной организации. Еще одна — профессиональная художница семидесяти с лишним лет. От центра до школы Кальво едет около двадцати минут на метро. В своем интервью в мае 2004 года она рассказала мне, что ее жизнь совсем не «контролируется» и ее директор не дает ей указаний, как руководить школой.

«На своей работе я все решаю сама каждый день, каждую минуту. Никто из Opus Dei не стоит за моим плечом и не говорит, что мне делать. У меня полная свобода и в центре, где я живу, и вне его», — сказала она. В штате у Кальво 32 учителя, которые обучают 400 девочек в возрасте от одиннадцати до шестнадцати лет. Кальво допускает, что Opus Dei придает особое значение душевному единству, но подчеркивает, что она считает это «именно единством, а не единообразием». Разве ее жизнь нумерария, без обязанностей перед собственной семьей не делает ее более «свободной», чем замужнюю женщину? «Иногда я думаю об учителях, которые после школы идут домой, занимаются собственными детьми и считают это тяжелым трудом. В этом смысле у меня намного больше свободы», — сказала она.

Члены Opus Dei отмечают, что единственное отличие жизненного опыта Кальво от опыта Тима или Дубро — это возраст. Они говорят, что определенные оплошности директоров Opus Dei воспринимаются несколько более остро в раннем юношеском возрасте, чем в сорокалетием возрасте Лусии Кальво.

УХОД ИЗ OPUS DEI

Четких оценок количества бывших нумерариев не существует, поскольку представители Opus Dei утверждают, что не отслеживают «процент отсева». Однако, по приблизительным оценкам, от 20 до 30 процентов тех, кто «свистнул», не остаются в Opus Dei. Это процентное соотношение постепенно уменьшается после «посвящения», то есть формальной регистрации в Opus Dei, и еще больше после «верности», то есть постоянного обязательства, которое наступает через шесть с половиной лет после «свиста». Один из нумерариев, который в течение четырнадцати лет был директором трех центров и работал с шестьюдесятью двумя нумерариями в возрасте от восемнадцати до восьмидесяти пяти лет, сказал, что из этих нумерариев из Opus Dei ушли восемь, то есть приблизительно 13 процентов. Каким бы ни было общее процентное соотношение, количество бывших членов исчисляется тысячами, и у них были разные причины для ухода из Opus Dei.

Филиппинец Джозеф И. Б. Гонсалес, который «свистнул» в качестве нумерария в 1979 году и покинул Opus Dei за шесть месяцев до «верности» в 1985 году, сообщает, что на нумерариев оказывалось огромное давление, чтобы они не отказывались от своего призвания, включая предупреждение о том, что уход из Opus Dei — серьезное преступление перед Богом. «Когда я захотел уйти, священник велел мне признаться в смертном грехе, и я понял, что подобный нелепый обман применяется и по отношению к другим бывшим нумерариям», — сказал он. Сегодня Гонсалес преподает на курсах менеджмента при Ateneo Graduate School of Business in Rockwell Center на Филиппинах и работает в качестве консультанта по коммуникациям и исследованиям.

Гонсалес заявил, что требование исповедаться — только начало давления на колеблющихся членов. «Кроме угрозы проклятий и эмоционального шантажа, заключающегося в обвинениях в предательстве Иисуса Христа, были и другие формы психологического давления, например давление со стороны сверстников или при помощи создания у людей состояния внутреннего конфликта. После долгих лет искреннего служения Opus Dei нумерарию было очень трудно, если пользоваться терминологией фондовой биржи, признать безумие своей инвестиции, сократить убытки и выйти из игры. Это означало признание ужасной ошибки — возможно, психологически это самый трудный шаг, и многие-многие годы уходили на исправление негативных, а иногда травматических последствий этой ошибки», — сказал он.

Экс-нумерарии рассказывают, что дополнительное раздражение вызывают телефонные звонки, визиты домой и на работу и письма. Монкада говорит, что после того, как он ушел из Opus Dei в середине 1960-х годов, член Opus Dei обратился к его отцу, который был супернумерарием, и пытался убедить его лишить сына наследства (отец отказался). Кроме того, один из банков заказал Монкада проведение социологического исследования, но в последний момент отказался, и официальный представитель банка сказал ему, что это связано с вмешательством Opus Dei. Монкада признал, что в обоих случаях у него нет доказательств того, что эти лица действовали по указанию Opus Dei. Тем не менее сказал Монкада, когда кто-то уходил, во всяком случае, люди его поколения, Opus Dei пытался организовать им «гражданскую смерть».

В сентябре 1983 года немецкий экс-нумерарий Клаус Штайгледер опубликовал книгу *Opus Dei: An Inside View.* В четырнадцать лет Штайгледер участвовал в театральной группе кельнского молодежного клуба, не зная, что она относится к Opus Dei, и в конце концов «свистнул». Когда в девятнадцать лет он покинул Opus Dei, он заявил, что для членов уход очень сложен, потому что «их души сломлены и они потеряли всякую связь с повседневной жизнью». Штайгледер сказал, что после того, как он принял решение уйти, прошло еще два с половиной года. «Трудности были не организационного характера, а связаны с огромным моральным давлением. Членам, которые проникнуты доктриной, менталитетом и духом Opus Dei, чрезвычайно трудно от них освободиться и взглянуть на все это объективно», — сказал он.

Представители Opus Dei на это отвечают, что в каком-то смысле уйти из Opus Dei — самая простая в мире вещь. Перед стадией «верность», то есть принесение обязательств, все, что нужно сделать, — 19 марта не продлевать договор, и человек автоматически больше не состоит в Opus Dei. Поэтому это одна из немногих организаций, из которых можно уйти, ничего не делая. После стадии «верности» член, который хочет уйти, обязан написать письмо, в котором сообщает о своих намерениях. Некоторые это делают, хотя другие уходят и без этого. В любом случае, как уже говорилось выше, некоторые экс-члены остаются в хороших отношениях с Opus Dei.

Кристофер Хауз, нынешний редактор колонки обозревателя в лондонской *Daily Telegraph* и бывший нумерарий, рассказал, что для него процесс расставания с Opus Dei не был травмирующим. Он вступил в организацию, еще будучи студентом в 1970-е годы, а вышел из нее в 1988 году. Сейчас он живет недалеко от резиденции архиепископа Вестминстерского, он очень известный журналист и писатель. Он сказал, что решил покинуть Opus Dei, поскольку апостольская деятельность, которой от него ожидали, не отвечала чертам его характера. «Я обнаружил, что не создан для жизни нумерариев Opus Dei. Они должны быть учителями и почти пастырями, помогая другим своими молитвами. Я не был к этому готов».

Хауз сказал, что никто в Opus Dei не уговаривал его остаться. Он продолжал защищать Opus Dei во время публичных дебатов в Великобритании. Например, в январе 2005 года во время назначения Рут Келли министром образования он писал: «Я не встречал людей, которые были бы добрее, терпимее и меньше руководствовались личными амбициями».

Элизабет Фолк Сатер, экс-нумерарий из Чикаго, ушла из Opus Dei в начале 1983 года после пяти лет членства. «Я зашла на сайт Opus Dei Awareness Network», — сказала она. Она хотела прочитать рассказы бывших членов о том как они уходили из Opus Dei. «Я была шокирована. Я не испытала никакого насилия, никто не запирал передо мной двери. Мой директор сказал: «Это должен быть твой свободный выбор». Я не чувствовала никакой травли. Они видели, что я открыта и правдива».

Практически все согласны, что для супернумерариев уход из Opus Dei проходит гораздо спокойнее. Мэтью Коллинс из Балтимора был в течение двадцати шести лет супернумерарием, после чего в 2003 году стал просто сотрудником. Вот как он описывает свой опыт:

Несмотря на то что многие люди в Деле не согласны с моим решением и, возможно, даже считают, что я «изменил призванию», ко мне отнеслись с большой добротой и уважением. Ни один человек в Деле никоим образом не дал мне ошутить себя лишним. Я был очень откровенен с директорами, когда решал уйти из Дела, и моя свобода всегда уважалась. Для меня это было очень трудным решением, и временами я почти хотел, чтобы на меня надавили и я остался. Они и не думали этого делать. Наоборот, они постоянно заявляли, что, по их мнению, у меня есть призвание к Делу, но решать должен только я, и если я выберу уход, они будут рады видеть меня на всех мероприятиях Opus Dei. Кроме того, я получил совет, как вести себя после ухода из Дела: я должен принять свой новый путь, верить, что Бог будет со мной, никогда не оглядываться назад и не думать, что совершил ошибку.

Разница в рассказах

Как согласовать между собой столь разные истории?

Во-первых, психологически объяснимо, что одни люди более толерантны, чем другие. Одному человеку окружающая обстановка кажется суровой и удушающей, а для другого она же — упорядоченная и свободная. Это можно сравнить с воспоминаниями солдат о воинской службе или людей, работавших в крупных корпорациях.

Во-вторых, поскольку в Opus Dei очень немногое объясняется установившимися правилами, очень большое значение приобретает личность конкретного директора или священника. Очень возможно, что и Гонсалес, и Фолк Сатер правильно описали свои впечатления и оба считают, что их опыт типичен, хотя на самом деле он отражает стиль руководства известных им директоров — один тяжеловесный и авторитарный, другой разумный и мягкий.

В-третьих, со временем происходят изменения, и Opus Dei научился быть внимательнее ко всему, что может показаться угрозой или запугиванием. Члены говорят, что рассматривают свое призвание к Opus Dei как обязательство перед Богом, и, следовательно, они хотят побудить всех тех, кто собирается взять на себя такое обязательство, и тех, кто хочет от него отказаться, обдумать это очень серьезно. Тем не менее сегодня они в большей степени понимают, что в конечном счете должна быть свобода выбора.

В-четвертых, некоторые из экс-членов, жалующиеся на контроль над нумерариями, — молодые люди, покинувшие Opus Dei через короткое время, — Шнайдер, Штайгледер и Тим. Они пережили самый интенсивный начальный период тренинга и воспитания, но не более того. Каждый нумерарий проводит два года в обучающих центрах, и это может стать серьезным испытанием, немного похожим на «учебный лагерь для новобранцев» в армии. От нумерариев ждут, что они будут продолжать свою профессиональную или учебную деятельность, совмещая это с усиленным духовным воспитанием, курсами теологии и философии и изучением «духа Дела». Неудивительно, что многие из самых критично настроенных экс-членов покидают Opus Dei во время этого периода или вскоре после него.

Члены старшего возраста говорят, что степень личной свободы увеличивается после нескольких первых лет, — очень похоже на ситуацию с солдатами-ветеранами, пользующимися большей независимостью, чем новобранцы. К тому же многие обозреватели утверждают, что ситуация со временем значительно изменилась: степень строгости надзора и регулирования, которая считалась уместной двадцать лет тому назад или шестьдесят лет тому назад, сегодня больше неприемлема. Один из членов Opus Dei сказал, что присутствие в центрах членов с большим стажем гарантирует большую степень зрелости, жизненного опыта, гибкости и способность не драматизировать несущественные моменты.

В то же время многие нумерарии признают, что их жизнь полна напряжения. От них требуются полная занятость на работе, разные виды апостольской деятельности, например работа с молодежью и образовательные программы для супернумерариев, дополнительное время на встречи с другими нумерариями, которые живут в их центрах. Члены часто с трудом совмещают свою профессиональную деятельность с обязательствами по отношению к Opus Dei. У них очень мало свободного времени и, как в любом коммунальном жилье, ограниченная частная собственность. Возникает ключевой вопрос: как на это реагировать? Удовлетворенные своим положением члены говорят, что такая жизнь их обогащает, а те, кто этого не «принимает», часто заявляют, что их жизнь сурова и зависима. И критики, и сторонники могут описывать одну и ту же действительность, но увиденную в разном свете.

Семьи

Еще одно обвинение, относящееся к контролю в Opus Dei, состоит в том, что организация отдаляет своих членов от их семей. В конце 1970-х годов озабоченная английская мать, чей сын стал нумерарием в возрасте восемнадцати лет, разослала письма разным представителям церкви, включая Вестминстерского кардинала Бэзила Хьюма. Письма были вызваны усиливающимся охлаждением ее сына к семье. 24 августа 1978 года мать писала священнику, которого Хьюм уполномочил ей ответить:

Предварительно нужно заметить, что, если бы мы были более бдительными родителями, эти проблемы могли бы не возникнуть. Нас, родителей, ни о чем не проинформировали, номы полагаем, что наш сын получил духовные указания и был готов принять решение в возрасте 17 с половиной лет. Со стороны Optus Dei не было попыток контактировать с нами как с родителями по поводу его решения. Естественно, мы очень хотели, чтобы он полностью раскрыл свои разносторонние способности… Наш сын проводит дома очень мало времени, и хотя нам не хотелось бы говорить о его обучении, именно мы его финансируем и мы подписывали документ об ответственности… В обычных обстоятельствах мы бы обсудили с ним, не хочет ли он по окончании семестра заняться физикой (к которой у него были большие способности). К сожалению, у нас нет к нему никакого доступа. Косвенным образом, намеренно или нет, Opus Dei отдалил его или стал причиной отдаления от родителей и школьных друзей, также у него нет контакта с приходом или другими отделениями церкви… Мы могли бы поделиться с ним своим опытом студенческой жизни, обсудить, как лучше завершить семестр и т. д. Речь не о том, что мы хотим помешать его призванию, но хотелось бы быть уверенными, что на этой стадии перед ним открыты все пути… Как христианка я чувствую, что сегодня человек должен полностью отдаваться своей работе, своим друзьям и семье как внутри, так и вне церкви, опираясь на причастие и руководствуясь Евангелием. (До сих поря не видела, чтобы он читал какие-нибудь религиозные книги, кроме «Пути», автор которого — основатель Opus Dei.) Поэтому я глубоко обеспокоена отделением, уходом и ограничениями, которые произошли в его жизни. Сегодня как никогда церковь работает над усилением семейных уз и подчеркивает роль родителей, и это мой главный упрек Opus Dei. Разве можно гарантировать призвание? Чем бы это ни было, я чувствую, что наш сын отказывается от прав старшего в семье, и мы не в состоянии выполнить по отношению к нему родительские обязанности. Однако я опять должна подчеркнуть, что мы не должны разрешать нашим сыновьям, пока они не достигнут зрелости, проводить так много времени в центрах Opus Dei, хоть это и церковная организация. В связи с создавшейся ситуацией мы можем только продолжать молиться.

Подобные письма появляются в резиденциях епископов всего мира. Это серьезная проблема, если учесть, что католицизм относится к семье как к своего рода «домашней церкви».

Американский католик Дж. Дж. М. Гарви, отец двух дочерей — нумерариев Opus Dei, исходя из своего опыта, написал в 1989 году пятидесятивосьмистраничную брошюру под названием *Руководство по Opus Dei для родителей* и основал группу «Мадонна и святой Иосиф в поисках потерянного ребенка», специальное объединение для защиты четвертой заповеди. Гарви, ортодоксальный католик, утверждает, что в Opus Dei отражается патология «секты», описанная в документе Ватикана 1986 года, посвященном этой теме, начиная с того, что молодые люди «внезапно уходят из дома, чтобы тайно присоединиться к Opus Dei».

Гарви пишет об этих молодых людях: «Их поведение становится жестким и фальшивым, их ответные реакции на слова и поступки родителей и близких родственников преднамеренно холодны. Нормальное общение с семьей значительно сокращается. Более того, родители не могут получить никаких удовлетворительных объяснений от представителей Дела по поводу изменений в характере и поведении детей». Сейчас семья Гарви живет во Фредериксбурге, штат Виргиния. Их дочери — по-прежнему нумерарии, одна живет в Вашингтоне, другая в Чикаго. Хотя Гарви не любят рассказывать о своих переживаниях, их друзья говорят, что семья считает, что «проиграла» детей Opus Dei.

Епископы, выслушивающие подобные жалобы от родителей, понимают, что на протяжении всей истории церкви молодые люди, которые чувствовали призвание служить Богу в монашеских орденах, епархиальными священниками, в различных мирских движениях, часто сталкивались с сопротивлением своих семей. Попытаться отделить законную обеспокоенность от острых реакций — одна из самых мучительных проблем церковной администрации.

На сайте Opus Dei Awareness Network так описывается подход Opus Dei к семьям членов: «Обычно нумерариям не разрешается ездить домой на Рождество, ходить на свадьбы и даже посещать больных родственников. Им говорят «твоя семья — Opus Dei» и заставляют чувствовать себя виноватыми, если они проводят время со своими родными семьями, поскольку это отрывает от «Дела Божьего». Прилагаются любые усилия, чтобы чувства, испытываемые к семьям, члены перенесли на Opus Dei. Например, в комнатах не разрешается вешать фотографии членов семьи, но зато там много фотографий Основателя, прелата, даже сестры и родителей Основателя. В результате эмоции, связанные у нумерариев с семьями, заменяются управляемыми эмоциями, связанными с Opus Dei».

По мнению членов Opus Dei, это описание не соответствует действительности. Например, когда я встречался в Мадриде с нумерариями Беатрис Комелья Гутьеррес и Марией Анхелес Бургера, они с гордостью показывали мне фотографии своих семей, причем не по моей просьбе, а просто как спонтанный жест во время разговора о жизни.

У Бургера девять братьев и сестер, она показала мне фотографии двух своих братьев-священников, один из которых салезианец, другой францисканец, оба сейчас работают в Эквадоре. Она также показала мне еще двух братьев — врача и менеджера и улыбнулась: «Не думайте, что все мы такие религиозные… они даже к мессе не ходят». Ее мать — супернумерарий Opus Dei, отец пока сомневается, как деликатно сформулировала Бургера, «они пока ведут разговоры». Правда, сейчас он изменился, в основном под влиянием ее старшего брата — нумерария и ее собственным. Она сказала, что часто видится с семьей, хотя, может, не так часто, как хотелось бы. Она приезжает домой на все крупные семейные события и постоянно общается с родственниками по телефону и электронной почте.

Аргентинский нумерарий Карло Кавацколи, который работает в Генеральном совете в Риме, сказал, что общие комнаты центров Opus Dei специально выглядят так, чтобы гость не подумал, что попал на чью-то личную территорию. Однако в комнатах нумерариев нет никакого запрета на фотографии членов семьи, и многие нумерарии их вывешивают.

Дэвид и Линда Плиске, родители помощницы нумерариев Берни, представленные в главе 9, говорят, что не утратили контакта с дочерью, когда она переехала в центр Shellbourne в Вальпараисо, штат Индиана.

«В самом начале после ее вступления в Opus Dei я очень беспокоился, что мы будем редко ее видеть. Мы ее нежно любим, и, конечно, мы бы скучали. Я помню, как я тогда думал: «Что значит «Opus Dei — твоя семья»? Мы — твоя семья». В то же время я знаю, что дети нам не принадлежат, они — дар Божий и дети Божьи, и мы должны их духовно поддерживать. Ведь когда человек вступает в брак, он тоже создает новую семью. Главное, что это был ее выбор. Мне просто нужно его принять», — сказал Дэвид Плиске.

Линда Плиске сказала, что она не разделяла волнений мужа. «Я не беспокоилась. Я к этому относилась так: «Куда бы ты ни пошла, я тебя найду». Я так за нее счастлива. Берни интересовалась некоторыми религиозными орденами, но там было мало молодежи. В Opus Dei молодых очень много, и у нее гораздо больше шансов найти друзей своего возраста», — сказала Линда.

Линда сказала, что Берни бывает дома на днях рождения, похоронах и других семейных событиях, что они хотя бы раз в месяц ездят к ней и вместе обедают. Иногда Берни приходит на такие обеды с друзьями, иногда они обедают втроем. Как минимум раз в неделю они разговаривают по телефону. Дважды в год они приглашают девушек из центра в свой дом в пригороде Индианы. Осенью они идут на тыквенное поле и катаются на возах. Весной устраивают пикники и играют в волейбол.

Дэвид сказал, что если сравнивать Opus Dei с другими формами религиозной жизни, которые могла бы выбрать Берни, они не могут жаловаться на дефицит общения. «У меня были

две тети — монахини в монастыре. Им разрешалось приезжать домой на два дня раз в семь лет. Так что у нас все замечательно», — сказал он.

Та английская мать, которая в 1978 году писала о своем сыне представителям церкви, согласилась побеседовать со мной при условии, что ее имя не будет упомянуто. Она не так озлоблена, как Гарви, и не так увлечена, как Плиске. Мы разговаривали с ней в январе 2005 года. Ее сын все еще нумерарий. Она сказала, что он «чрезвычайно послушный сын» и, по всей вероятности, «спокоен, счастлив и всем удовлетворен». Они находятся в постоянном контакте: как минимум раз в неделю говорят по телефону, видятся на все праздники, и она пару раз в год посещает мероприятия Opus Dei для семей членов.

«Большинство моих друзей, и католики, и некатолики, с опасением относится к Opus Dei, но когда они встречаются с моим сыном, они бывают полностью обезоружены». Мать сказала, что она «глубоко восхищается» большинством людей, с которыми познакомилась в Opus Dei, они ей кажутся «святыми». Она ездила в Рим на беатификацию Эскрива в 1992 году и на его канонизацию в 2002-м, и называет это «очень волнующими событиями». В то же время она убедилась, что Opus Dei — не для нее.

Она сказала, что «страшная тревога», испытанная ею и ее мужем (умершим восемь с половиной лет тому назад), когда их сын присоединился к Opus Dei, не очень отразилась в письме 1978 года, которое было приведено выше. После получения этого письма с сыном побеседовал кардинал Бэзил Хьюм, а она встретилась с отцом Филиппом Шерингтоном, тогдашним главой Opus Dei в Англии (позже погибшим в аварии в Ирландии), который ей очень понравился. После этих разговоров ее сын больше сосредоточился на учебе, и в целом ситуация улучшилась. Тем не менее родители были настолько обеспокоены, что забрали своего второго сына из клуба Opus Dei для мальчиков, и их другие дети не связаны с Opus Dei.

Мать рассказала, что заметила «огромные изменения», произошедшие в Opus Dei за последнюю четверть века. В первую очередь она связывает их с руководством для Opus Dei, изданном Хьюмом в 1981 году. «Кардинал был очень смелым, и люди его уважали. Он умел говорить без всякой враждебности, и все понимали, что он прав. Благодаря его вмешательству начались изменения: меньше секретности, меньше давления на молодежь и так далее. Сегодня все совершенно по-другому».

Мать сказала, что ее по-прежнему беспокоит, что сын выбрал свой путь еще до того, как был к этому готов, но она знает, что многие из его ровесников позже расстались с Opus Dei, и он тоже может так поступить.

Из-за постепенного «смягчения» Opus Dei за последние годы могут усилиться различия в жизненном опыте Гарви, Плиске, этой английской матери и тысяч других семей, чьи дети стали нумерариями. Взгляды на то, как часто следует контактировать с семьями тем, кто выбрал для себя путь Opus Dei, могут быть весьма разными. Принимая во внимание большую загруженность нумерариев, вполне вероятно, что бывают такие случаи, когда семьям не удается их повидать. Это нормальное течение жизни или контроль и изоляция?

Четвертый этаж

Экс-нумерарий Альберто Монкада, написавший несколько критических книг и статей об Opus Dei, говорит, что нумерарии испытывают чрезвычайно сильное давление и стрессы, которые приводят к большому числу психологических проблем. Он рассказал, что в Испании, когда у нумерария происходит нервный срыв, его обычно направляют в психиатрическое отделение клиники Наваррского университета в Памплоне, которое называется «четвертый этаж», поскольку именно там оно и расположено. Там, утверждает Монкада, нумерариев лечат, часто при помощи наркотиков, и потом отправляют назад. «Четвертый этаж — только для сумасшедших нумерариев Opus Dei. Вы можете сослаться на меня», — сказал Монкада.

В итоге, заявил Монкада, в Наваррском университете есть «Opus ГУЛАГ».

Чтобы увидеть все своими глазами, 21 июня 2004 года я посетил «четвертый этаж», официально называемый Университетской клиникой медицинского факультета. Я встретился с доктором Сальвадором Сервера Энгиксом, профессором кафедры психиатрии медицинского факультета и в течение вот уже тридцати пяти лет директором клиники. Сервера — бывший президент Испанского общества психиатров, главной ассоциации профессиональных психиатров Испании. Он также состоит в Испанском обществе биологической психиатрии и Испанском комитете по предотвращению и лечению депрессий. Все три организации не имеют никакого отношения к Opus Dei.

Сервера рассказал мне, что из десяти терапевтов клиники только двое — члены Opus Dei. В тот день, когда мы ходили по клинике, среди двадцати пяти ее пациентов не было ни одного члена Opus Dei. Он сказал, что в год, возможно, около 2 процентов пациентов клиники — члены Opus Dei, причем как нумерарии, так и супернумерарии. Сервера подчеркнул, что у клиники две цели: первая — лечить душевные заболевания «методами, признанными на международном уровне и научно доказанными», вторая — сделать, чтобы первая цель была «совместимой с христианским смыслом жизни». В частности, это означает уважать религиозные чувства верующих пациентов, допуская как духовное, так и сугубо научное объяснение их заболеваний.

Сервера сказал, что было бы этически несообразным использовать его клинику для «оздоровления» членов Opus Dei, тем самым навязывая какую-то иную цель, помимо эффективного медицинского лечения. Он заметил, что клиника полностью аккредитована и лицензирована секулярными регистрационными агентствами, которые бы «не потерпели» такого неэтичного поведения. Кроме того, его участие в нескольких секулярных психиатрических организациях предполагает, что клиника руководствуется общепринятыми научными нормативами.

«По моему опыту нумерарии не испытывают больших психологических трудностей, чем население в целом. Нет никакого отличия от любых других групп людей, очень преданных своему делу, очень много работающих и, чаще всего, недостаточно отдыхающих». Сервера сказал, что членство в Opus Dei помогает людям справляться со стрессами. «Давно доказано, что гармоничные религиозные убеждения являются защитой от психических заболеваний».

Сервера утверждает, что, когда члены Opus Dei обращаются в клинику, к ним относятся так же, как и к другим пациентам. Им не прописывают большего количества лекарств, чем другим больным. Сервера также сказал, что он никогда не принимает пациентов просто потому, что они испытывают «сомнения» в своем призвании. «Если это вызывает серьезную депрессию или тревогу, мы пытаемся это лечить, но не с гарантированным результатом. В некоторых случаях для конкретного человека самым здравым будет избрать другой путь». Сервера добавил, что врачи клиники никогда не обсуждают лечение пациентов — членов Opus Dei с директорами их центров. «Мы имеем дело только с пациентом и больше ни с кем».

В качестве примечания: эта клиника единственная в Испании, где пациенты не разделяются по половому признаку, что хотя бы в этом является отступлением от принципов Opus Dei с его строгим мужским и женским разделением. Сервера сказал, что не хочет, чтобы его пациенты были удалены от мира, — «просто сидели бы в своих комнатах и принимали лекарства». Он хотел бы, чтобы они, насколько это возможно, находились в обычной общественной среде.

Удовлетворенные экс-нумерарии

Поскольку большая часть критики Opus Dei поступает от экс-нумерариев, уместно заметить, что некоторые бывшие нумерарии остаются с Opus Dei в хороших отношениях и положительно воспринимают свой жизненный опыт.

ДЖОЗЕФ МАККОРМАК

Тридцативосьмилетний Джозеф Маккормак — рекламный эксперт крупного маркетингового агентства в Чикаго. В течение четырех лет он был нумерарием Opus Dei, потом ушел и в конечном счете стал супернумерарием. Он сказал, что больше всего ценит в Opus Dei то, что организация помогла ему включить веру в его жизнь. «Христа выкинули из общества, в котором мы живем. Как его вернуть? Мне помогает в этом только Opus Dei», — сказал Маккормак. Он привел такой пример: «Допустим, я иду на встречу с руководством Кодака. Они для нас очень серьезный клиент, я заинтересован в работе с ними, хочу помочь им соответствовать запросам рынка. И эта работа очень согласуется с моей прочей жизнью, это часть того, что я представляю собой как христианин».

Маккормак еще учился в школе, когда впервые познакомился с Opus Dei. В семнадцать лет он поехал в Рим на ежегодную встречу с папой для молодежи, связанной с Opus Dei, и ему это «очень понравилось». Он решил «свистнуть», чтобы стать нумерарием, и во время учебы в Чикагском университете стал жить в центре Opus Dei. «Там я был счастлив, — сказал он. — Я ни в малейшей степени не чувствовал контроля и манипулирования». В то же время, сказал Маккормак, он пришел к выводу, что «это не для меня. Я понял, что лучше будет уйти оттуда». Он перестал быть нумерарием в 1988 году, но продолжал посещать мероприятия Opus Dei и в 2000 году заново присоединился к организации уже как супернумерарий.

Маккормак рассказал, что знаком примерно с двадцатью экс-нумерариями, которые по тем или иным причинам покинули Opus Dei, и более половины из них по-прежнему в хороших отношениях с организацией. «Я нашел, что уйти из Opus Dei очень-очень просто. Никто ко мне не приставал и на меня не давил». По иронии судьбы сегодня большинство компаний, с которыми он профессионально работает, имеют проблемы с имиджем, в какой-то степени это касается и Opus Dei. «Представители Opus Dei консультировались со мной. Я сказал им, что они ни в чем не хуже большинства других организаций. У многих больших компаний также нет четких идей представительских функций».

ЭЛИЗАБЕТ ФОЛК САТЕР

Элизабет Фолк Сатер — бывший нумерарий, в настоящее время — сотрудник Opus Dei. Она выросла в «очень набожной ортодоксальной католической семье». Ее мать хотела, чтобы Элизабет получила религиозное воспитание именно в Opus Dei, и с двенадцати лет она начала посещать занятия. У нее есть сестра-нумерарий и брат-супернумерарий. Так же как и Маккормак, в последний год школьной учебы она ездила в Рим, и, как она сказала, «передо мной открылись целые новые миры».

В семнадцать лет, перед тем как уехать учиться в Бостонский колледж, Фолк Сатер «свистнула» в качестве будущего супернумерария. Она стала посещать занятия в центре Opus Dei в Бостоне, и однажды директор спросила, не хочет ли она стать нумерарием. Фолк Сатер сказала, что она «думала об этом, молилась об этом», и в конце 1977 года она решила «свистнуть» опять, теперь она трудится в Opus Dei в качестве нумерария. В начале второго курса она переехала в центр Bayridge в Бостоне, а затем в женский центр Briemfield в Ньютоне, штат Массачусетс. В 1980 году она перебралась в Милуоки, где стала работать преподавателем в женском центре. Ее семья жила в этом же районе, поэтому она могла часто видеть мать, и никто ей этого не запрещал.

Примерно в это время, сказала Фолк Сатер, у нее возникли сомнения, подходит ли ей жизнь нумерария. Она поговорила со своим директором. «Они всегда говорили мне: будь честна, будь свободна по отношению к своему призванию. Они говорили, что не нужно ничего держать в себе». Главной проблемой было то, что ей хотелось выйти замуж и иметь детей. Она сказала, что пыталась разобраться в себе около пяти месяцев, а потом решила уйти.

Сегодня Фолк Сатер замужем, у нее семеро детей — пять девочек и два мальчика. Она рассказала, что одна из ее дочерей учится в школе Opus Dei Marquette, и если кто-нибудь из детей захочет стать нумерарием, «это будет великолепно, я буду очень счастлива». Ее лучшая подруга — бывший ассоциированный член, ныне супернумерарий.

«Они научили меня молиться. Они сделали мою веру более применимой к повседневной жизни, показали, как быть хорошей католичкой в гуще жизни. Они помогли мне приблизить к Богу моих детей, научить их вере. Они очень помогли церкви», — сказала Фолк Сатер.

ИГНАСИО Г. АНДРЕУ

Сорокалетний Игнасио Г. Андреу — испанский экс-нумерарий, который преподает философию в публичном университете Барселоны. Впервые он встретился с Opus Dei, когда еще учился в старших классах школы в маленьком испанском городке, где он вырос в набожной католической семье. Правда, ни один из членов семьи не был членом Opus Dei. Когда ему было семнадцать лет, он, так же как Маккормак и Фолк Сатер, поехал в Рим. Вскоре он решил присоединиться к Opus Dei. Он сказал, что его привлекли «духовность… и свобода». И так же как для многих других членов Opus Dei, сильной движущей силой была идея освящения работы. «Я был потрясен возможностью посвятить мою учебу, а потом работу — Богу».

После вступления в Opus Dei Андреу некоторое время учился в Мадриде, а потом приехал в Барселону изучать философию. Все время, пока он состоял в Opus Dei, с семнадцати до тридцати пяти лет, он жил либо в Барселоне, либо в ее окрестностях. В течение некоторого времени он работал с группой членов Opus Dei в маленьком городке вблизи Барселоны, причем большинство членов были старше его и, как он тактично выразился, «немного неуживчивы». Это было напряженное время, и он стал «терять ориентиры», небрежно относиться к молитвам.

«Обычно жизнь в Opus Dei очень свободна, но она становится весьма тяжелой, если человек не совершает молитв. Когда вы находитесь в угнетенном состоянии, искушения возникают легче», — сказал Андреу.

Его искушение приняло облик молодой женщины. В момент сниженного самоуважения и духовной пустоты, не говоря уж о переутомлении от переработки, устоять перед ним было очень трудно. У него завязался роман с женщиной. В порыве откровенности он рассказал директору своего центра о том, что происходит. Вместо того чтобы его выгнать, директор предложил ему взять академический отпуск, чтобы разобраться в своих намерениях.

«Во время отпуска я не пытался встретиться с девушкой, — рассказал Андреу. — Когда через шесть месяцев я вернулся в Барселону, я позвонил в центр, где я все еще числился заместителем директора, и женщина, подошедшая к телефону, сказала: «О, сеньор Андреу, как вы поживаете? Два дня тому назад вам звонила Мария». Это была та девушка, и все опять вернулось. У меня не было сил разорвать эти отношения. Я не мог». Он возобновил эту связь.

Позже Андреу обратился к директору другого центра, который посоветовал ему переехать на пару месяцев в гостиницу, чтобы протянуть время и избежать скандала. В конце концов он решил написать официальное письмо о намерении покинуть Opus Dei. «Это было честно: бывает, что люди просто исчезают», — сказал Андреу.

Через два года закончились отношения с Марией. Как и предсказывали некоторые люди из Opus Dei, оказалось, что она им интересовалась только потому, что он был «запретным

плодом». Сегодня он сотрудник Opus Dei, и у него серьезные отношения с женщиной, которые ведут к браку.

Андреу говорит, что Opus Dei повел себя правильно, а в том, что случилось, был виноват он сам. «Если человек застенчив и скромен, директора сделают все, чтобы ему помочь. Не имеет смысла лечить его при помощи кнута. Они стараются, чтобы человек был счастлив, и не пытаются его прогонять». Он сказал, что нумерарии должны быть честны со своими директорами. «Директор может сказать: «Я хочу, чтобы вы сделали пять вещей». Вы прекрасно понимаете, что пять — это очень много, что вы справитесь с двумя или тремя, а пять вас надорвет. Но вы очень горды, вы хотите быть сильным, поэтому говорите: «Я сделаю все пять». Но это не вина директора, это ваша гордость и неискренность. Я должен был быть более честным в своей предыдущей жизни.

Возможно, если я женюсь, я стану супернумерарием», — сказал Андреу.

Различные интерпретации

Такие экс-члены, как Монкада, Класен, ДиНикола и Роч, и вдобавок такие обозреватели, как Дэвид Кларк, описывают закрытый мир Opus Dei, где нумерарии подчинены, запуганы, отрезаны от своих семей и внешнего мира, находятся под неусыпным контролем даже в мельчайших вопросах — что смотреть по телевизору или кому послать письмо. Просматривая Opus Dei Awareness Network и opuslibros веб-сайты, убеждаешься, что это больше чем просто ощущения небольшой группы экс-членов. Таких рассказов множество, их авторы и мужчины, и женщины, они относятся к десяткам лет их жизненного опыта.

И в то же время другая группа людей, состоящая из нынешних и бывших членов, заявляет, что, находясь в Opus Dei, они не чувствовали несвободы. Это связано не только с высокими духовными идеалами: освящением работы, размышлениями в гуще жизни и так далее, — с тем, что члены Opus Dei всячески превозносят, но и с искренними дружескими отношениями, которые часто продолжаются всю жизнь.

Я подробно беседовал с представителями обеих сторон и не могу поверить, что одна сторона лжет, а другая говорит правду. Когда экс-члены рассказывают об изоляции от внешнего мира, перенапряжении и цензуре, то детали в их рассказах выглядят обычно правдоподобно, но то же самое может быть истолковано как создание семейной обстановки, отдача апостольскому служению и выработка разумного подхода к чтению и просмотру телевизора. Другими словами, самое убедительное объяснение заключается в том, что это не недобросовестность, а просто другая точка зрения. Конечно, на уровне деталей некоторые моменты трудноразрешимы. Например, Opus Dei направляет или не направляет нумерариев с нервным срывом на четвертый этаж клиники в Наварре, директора сообщают или не сообщают о своих духовных беседах с членами. Но создается общее впечатление, что интерпретация фактов, относящихся к Opus Dei, зависит от того, как человек относится к духовности, семейной жизни и своему религиозному призванию.

Примирение

Когда во время работы над этой книгой я касался темы критически настроенных экс-членов в беседах с ветеранами Opus Dei, я ощущал их болезненную реакцию, которой не было при разговорах о *Коде да Винчи,* или о скандале с Банком Ватикана, или о контроле над выборами нового папы. Некоторые члены сказали, что из всей публичной критики Opus Dei самую острую боль им причинили комментарии экс-членов, поскольку совершенно очевидно, что они вспоминают свое пребывание в Opus Dei с обидой и горечью.

У меня был долгий разговор с директором центра, где жил хорошо известный экс-нумерарий. Когда мы уже заканчивали разговор, во время которого директор в основном защищал Opus Dei, он вдруг попросил меня: «Если вы будете говорить с этим человеком, пожалуйста, скажите, что я прошу прощения. Я очень сожалею, что все произошло таким образом». У меня было ощущение, что он говорит искренне, и это подтвердили появившиеся у него на глазах слезы.

У меня часто возникало впечатление, что многие члены Opus Dei надеялись, что эта книга может стать началом диалога между ними и экс-членами. Разумеется, в книге весьма скупо приводятся свидетельства такого желания, чаще противопоставляются комментарии критически настроенных экс-членов и утверждения нынешних членов — это представлялось мне неизбежным. Существуют реальные разногласия, и подход «кто что говорит» позволяет вникнуть в суть проблемы. Но этот обычный для журналистов подход не должен создать обманчивого впечатления: на самом деле я чувствую, что огромное большинство членов Opus Dei и по меньшей мере некоторые из экс-членов не хотят воевать. Если это возможно, не поступаясь тем, что обе стороны считают истиной, они предпочли бы жить в мире.

В этом смысле будет уместно закончить главу словами прелата Opus Dei Хавьера Эчеверрия из его интервью в декабре 2004 года на Вилле Тевере: «Я говорю это со всей искренностью и от всей души. Если мы кого-то обидели, если мы кого-то покинули, мы просим у них прощения».

Глава четырнадцатая
ВЕРБОВКА НОВОБРАНЦЕВ

Люди разными способами находят дорогу в Opus Dei, но путь голландского супернумерария Луизы Шине был одним из самых удивительных. Она родилась на юге Голландии и посещала школу по домоводству для девочек. Еще в школе она познакомилась с будущим мужем, ив 1961 году они поженились. Они переехали в Италию, где ее муж стал инженером-ядерщиком. Они жили в городе Лаго Маджоре, в сорока милях от Милана. У них было трое детей: два мальчика и девочка, все они посещали интернациональные школы и умели говорить на голландском, итальянском и французском языках.

Когда старшему сыну исполнилось восемнадцать лет, он поехал в Амстердам получать университетское образование. Примерно через год он рассказал по телефону, что живет в международном общежитии и ему очень нравится общаться с молодыми людьми из Испании, Франции, Италии и Голландии. Как оказалось, это общежитие управлялось Opus Dei. Затем их второй сын отправился в Амстердам и последовал примеру старшего брата. Через год он также сказал родителям, что хочет перебраться в общежитие Opus Dei. На этом этапе Луиза Шине почти ничего не знала об Opus Dei, и она просто спросила о нем голландского бенедиктинца, который подтвердил его хорошую репутацию. Через некоторое время она заметила в своих мальчиках перемены к лучшему. Они не спорили друг с другом, казались более сосредоточенными, более взрослыми и ответственными. Когда дочь тоже уехала на учебу в Голландию, она сразу же стала жить в общежитии Opus Dei для студенток университета.

Вскоре после этого семья Шине со всеми детьми отдыхала в Испании. Луиза рассказала, что она поняла суть перемен, когда один из детей предложил пойти к мессе в будний день, а другой — прочитать молитву. Кроме того, Луиза начала замечать перемены в дочери. Она больше улыбалась, казалась довольной, всегда охотно помогала по дому. Луиза вспоминает, что тогда она подумала: «Как это прекрасно!» Именно в это время она стала посещать собрания Opus Dei в Милане, хотя приходилось добираться до города по темной и опасной дороге.

В какой-то момент дети ей открыли, что собираются присоединиться к Opus Dei в качестве нумерариев. Она немного поплакала, но мужу ничего не сказала, поскольку пока не хотела, чтобы он знал, что дети не будут приезжать домой. На этом этапе она была не совсем уверена,

как вести себя с Opus Dei, а муж не выказывал к нему никакого интереса. В 1987 году совершенно неожиданно позвонил один из сыновей и предложил на следующий уик-энд всем впятером встретиться в Риме. Луиза и ее муж, который уже был на пенсии, согласились поехать. Когда они встретились в Риме, дочь и один из сыновей пошли с родителями погулять по городу, а другой остался у телефона, потому что должен был каждый час куда-то звонить. Родители нашли это странным, но не придали большого значения. Когда они вернулись, сын объявил: «Завтра мы идем на мессу, которую будет служить папа». От волнения Луиза плохо спала ночью, но не беспокоилась… Она сказала портье, что, если ее не разбудят в четыре утра, она не заплатит за гостиницу.

Семья пошла на мессу, после которой все выстроились в очередь за благословением и советом к папе Иоанну Павлу II. Помощник папы сказал им, что они могут немного поговорить с папой, и муж Луизы решился задать ему профессиональный вопрос: «Святой отец, что вы думаете о ядерной энергии?» Возможно, это не было обычной после-литургической темой, но Иоанн Павел спокойно ответил: «Научно-исследовательская работа — это всегда во благо. Мы должны проводить много исследований. Когда все делается легально и открыто — это хорошо». Луиза сказала, что муж был доволен ответом.

Затем настала ее очередь, и Луиза решила «огорошить вопросом». Показав на своих детей, она сказала: «Святой отец, у нас трое детей в Opus Dei, а мы не слишком много о нем знаем. Мы слышали разные мнения: некоторые положительные, некоторые отрицательные. Скажите мне, что думаете вы, поскольку ваше мнение — единственное, которое на самом деле имеет для меня значение». Папа посмотрел на нее и спросил: «Это ваши дети?» Луиза подтвердила, и папа стал с ними беседовать. Это продолжалось несколько минут. Видимо, дети произвели хорошее впечатление, и папа опять повернулся к Луизе и ее мужу.

Глядя родителям в лицо, папа улыбнулся и спросил: «И вы все еще не члены Opus Dei?»

После этого встреча с папой завершилась.

На следующий день все пятеро Шине были на аудиенции у епископа Альваро дель Портильо, прелата Opus Dei. Им опять предложили задавать вопросы, и муж решил провести последний тест. Обращаясь к Портильо, он спросил: «Отец, что вы думаете о ядерной энергии?» Когда Портильо ответил ему практически теми же словами, что и Иоанн Павел II, Шине решил, что Opus Dei ему подходит. Вскоре после этого они с Луизой стали супернумерариями.

Составные части обвинения

Из всех обвинений против Opus Dei чаще всего повторяется утверждение, что это жестокая вербовочная машина, которая использует свои центры и корпоративные предприятия в качестве «фронтов» для привлечения новых членов, особенно молодых и впечатлительных. Конечно, иногда, как в истории Луизы Шине, Opus Dei обнаруживает, что кто-то их поддерживает, в данном случае такая фигура, как сам папа Иоанн Павел II. Однако в общем создается впечатление, что Opus Dei редко полагается на случайности.

Образ ни перед чем не останавливающейся вербовочной машины Opus Dei стал материалом католической легенды. На анти-Opus Dei сайте www.opus-deialert.com, который отражает стойко консервативные традиционалистские католические взгляды, даже опубликовано предписание «прекратить и отказаться» для членов Opus Dei, пытающихся завербовать новобранцев. Ниже приводится его текст: *Предписание «прекратить и отказаться» сообщает тебе, что твои и культа Opus Dei раздражающие и запугивающие акции против моих братьев-католиков и меня стали непереносимыми. Такое антисоциальное поведение полностью нарушает все нормы этикета, права и приличий. Данное письмо требует от тебя и твоего культа Opus Dei, продолжающего вовлекать людей при помощи грубых*

методов вербовки, изматывания и запугивания, немедленно прекратить и отказаться это делать. Если ты и культ Opus Dei будете продолжать эту деятельность в нарушение данного предписания, мы без промедления продолжим дальнейшие законные акции против тебя и культа Opus Dei, включая (но не ограничиваясь) гражданские действия и/или уголовные жалобы. [Вставить сюда сведения об инцидентах. Обязательно указать дату(ы) и место происшествия(й).]

Я и люди моего круга имеют право освободиться от культовой, запугивающей, манипулирующей и довлеющей практики Opus Dei, и мы возьмем на себя ответственность, чтобы уберечь это право. Обрати внимание, что копия этого письма и уведомление о его доставке будут сохранены. Также обрати внимание, что оно полномочно быть свидетельствам в суде и будет использовано в таком качестве, если это будет необходимо.

Данное предписание «прекратить и отказаться» требует, чтобы ты немедленно прекратил и ни при каких обстоятельствах в будущем не совершал по отношению ко мне следующих действий: беседовал, контактировал, преследовал, изводил, атаковал, подталкивал, восстанавливал против, выпрашивал деньги, присваивал их, останавливал, угрожал, звонил по телефону (обычному и мобильному), пересылал сообщения по электронной почте, факсы, следил, подкрадывался, нарушал мой покой, держал под надзором, собирал обо мне информацию и препятствовал моим передвижениям дома, на работе, общественным контактам и религиозным обязанностям в лоне католической церкви.

Если говоришь о вербовке новобранцев с членами Opus Dei, то чаще всего они в ужасе отвергают сам термин. Они говорят, что членство в Opus Dei — призвание от Бога и членов нельзя набирать искусственно, чтобы заполнить квоту. Разве Иисус «вербовал» своих учеников? Или они находили в нем нечто чрезвычайно сильное, что заставляло их принять его предложение? Члены утверждают, что в любом случае они не заинтересованы в принудительном присоединении людей к Opus Dei. Они с грустью говорят, что меньше всего миру нужны дополнительные озлобленные экс-члены Opus Dei.

Но даже если Opus Dei действительно «вербует новобранцев», в этом нет ничего предосудительного. Армия, колледжи, правовые фирмы и Макдональдс делают то же самое. Фактически в каждой католической епархии мира есть священник, назначенный «директором по призванию», и хотя большинство из них стыдятся употреблять это название, их работа заключается в вербовке новых священников. Это же делают и монашеские ордена. На самом деле, если бы в Opus Dei не было «вербовки», это бы противоречило здравому смыслу, поскольку члены очень дорожат своим призванием, и желание поделиться им с окружающими кажется вполне естественным. Негативное отношение к Opus Dei связано не столько с самой вербовкой новобранцев, но и с тем, что организация использует для этого различные махинации и хитрости.

Мы рассмотрим три следующих пункта:

• Для Opus Dei постоянный поиск новых членов — вопрос его политики и практики.

• Opus Dei методично, очень организованно и эффективно подходит к вербовке новых членов.

• Эффективность этой деятельности связана с обманом, манипуляциями и насилием.

Вербует ли Opus Dei новых членов?

Высказывания Эскрива, целеустремленно направленные на привлечение новых членов, можно найти легко. Например, он писал в 1963 году в *Cronica*, журнале для мужчин — членов Opus Dei: «У нас нет никаких целей, кроме одной общей: прозелитизм, поиск призваний… Прозелитизм для Дела — это путь, способ достижения святости. Если человек не усерден в

завоевании других, он мертв… Трупы я зарываю в землю». Или еще раз в 1971 году: «Выйди на большие и малые дороги и подвигай всех, кого там найдешь, прийти и заполнить мой дом, заставь их войти силой, подтолкни их… Мы должны быть немного помешанными… Ты должен отдать жизнь за прозелитизм». И, наконец, в 1968 году: «Ни один из моих детей не может чувствовать себя удовлетворенным, если он каждый год не привлекает четырех или пяти верных членов».

Даже с учетом некоторой промашки в употреблении термина «прозелитизм», то есть «обращение в христианство», в значении «приведение людей в Opus Dei», предписания совершенно ясны: члены Opus Dei должны серьезно относиться к привлечению окружающих в свою жизнь. С другой стороны, представители Opus Dei утверждают, что, когда Эскрива сказал «заставь их войти силой», — это была отсылка к эпизоду из Евангелия, когда Иисус говорит о гостях на брачном пиру. Толкователи Эскрива говорят, что идея не в том, что людей принуждают или заставляют вступать в Opus Dei, а в том, что сила христианского примера настолько серьезна, что вызывает естественное притяжение. А слова о том, что каждый нумерарий ежегодно должен приводить пять новых членов, нужно понимать не буквально, а как гиперболу.

На начальном этапе существования Opus Dei задача привлечения новых членов была невероятно актуальной. Я получил возможность поработать в архивах Opus Dei и ознакомиться с письмами членов со всего мира, отправленными в штаб-квартиру в Риме. Одно из писем, датированное 8 января 1950 года, было от ирландского нумерария Дика Малкахи, назвавшего себя «человеком, который в данный момент держит красный свет», — шутливое определение, данное Opus Dei только что принятому члену. «Красный свет» — это сигнал на служебном вагоне поезда, и, по крайней мере в те времена, никто не хотел держать его долго. Малкахи писал: «Поскольку завтра день рождения Отца, было бы очень здорово подарить ему два новых призвания в Opus Dei».

В этой книге уже шла речь о том, с каким рвением Opus Dei привлекает людей к своей деятельности. Рафаэль Лопес Альяга, ныне исполнительный директор железных дорог Перу, рассказал, что, когда он прошел квалификационные экзамены на должность преподавателя в небольшом городе Перу, ему неожиданно позвонил член Opus Dei, с которым он никогда ранее не встречался, и предложил ему место в другом городе. В 1984 году после избрания ее деловой женщиной года голландский супернумерарий Эдна Кавана получила предложение участвовать в мероприятиях Opus Dei. Она также никогда не встречалась с организацией раньше. В итоге и Лопес, и Кавана были благодарны за сделанные им предложения, хотя и немного озадачены.

Некоторые обозреватели считают, что существует целая наука привлечения в Opus Dei новых членов.

«Вам говорят, что у вас должно быть пятнадцать друзей, пять из которых уже должны быть близки к присоединению», — рассказывает Тамми ДиНикола, американский экс-нумерарий, покинувшая Opus Dei при помощи эксперта по культам Дэвида Кларка. «Каждый вечер мы должны были подавать статистические сведения. Каждого человека из списка нужно было обсуждать с директором. А потом каждый месяц заполнялась специальная форма. Вы, например, пишете: «Я вела апостольскую беседу с этим человеком», «Они ходили на исповедь к священнику Opus Dei», «Они продолжали мне поддаваться» и так далее».

ДиНикола говорит, что в Opus Dei есть даже песни, которые превозносят вербовку новобранцев. *«La Pesca Submarina* — по-испански «Подводная ловля рыбы» — одна из многих песен, специально написанная для хорового пения на собраниях членов Opus Dei. Когда я была нумерарием, я пела ее много раз». Отрывок из песни: «Когда ты видишь рыбу, ты перемещаешься на ее уровень и, ловко маневрируя, сильно ударяешь цель гарпуном, затем хватаешь ее, и все!»

Кроме того, экс-члены утверждают, что ежегодная поездка в Рим на Пасху, во время которой молодежь, связанная с Opus Dei, встречается с папой, задумана в качестве «главного момента» принятия решения присоединиться к Opus Dei. Вспомним, что все трое бывших экс-членов, о которых шла речь в главе 13, сообщили, что ключевой точкой в их решении вступить в Opus Dei было участие в поездке в Рим. Свою историю рассказывает Шарон Класен:

Они пригласили меня в Рим, но я понятия не имела, о чем идет речь. Один из моих друзей, супернумерарий, сказал мне, что там «фабрика по производству нумерариев». Это было на Пасху 1982 года. Они работали командами. Женщина, которая работала с нами, была из тех, кто усиленно «рекламирует свой товар», как, например, когда вы покупаете машину. Когда я была в склепе у могилы Эскрива, она начала меня обрабатывать. Я, по правде говоря, не знала, что сказать. Я сказала, что должна подумать. У моей соседки по комнате началась мигрень, потому что они так на нее давили, чтобы она стала нумерарием, а она была из большой семьи и сама всегда хотела иметь детей. Она плакала, и у нее разболелась голова, и она всю неделю провела в постели… Еще одна женщина стала кричать на меня, что я убегаю от своего призвания, и я заплакала. В общем, я к ним тогда не присоединилась. Но на меня сильно давили.

Через месяц Класен стала супернумерарием, потом нумерарием, а через два года, в 1987 году, ушла из Opus Dei.

Экс-члены рассказывают, что и у других поездок по линии Opus Dei тот же вербовочный подтекст. Американский экс-нумерарий Чарльз Шоу, который «свистнул» во время пятинедельного летнего путешествия в Мексику в 1991 году, преподнесенного ему как льготная поездка, так описывает происшедшее: «Я ехал в одном автобусе с директором, и он стал говорить со мной о присоединении. В его устах это звучало так монументально, в частности, он говорил о том, что мое решение послужит спасению моей души, что его долг — показать мне этот путь, а мой долг — откликнуться. Все это казалось очень важным. Но теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что это была игра. Ему было нужно закончить летнюю программу с новым присоединившимся членом. Он познакомился со мной за несколько недель до этого. Но он, безусловно, обо мне много слышал — позже я узнал, что потенциальные члены тайно обсуждаются, причем гораздо более подробно, чем это необходимо.

Я совершенно ничего о нем не знал до этого путешествия, мы ни разу не встречались, но он услышал от директора центра рядом с Гарвардом, что я первый кандидат на получение ученой степени. Opus Dei организует эти путешествия и рабочие проекты для студентов колледжей, чтобы заполучить новых членов и помочь перспективным членам укрепиться в их решении. Однако тогда человек не осознает, что это их цель», — сказал Шоу.

В 1993 году, пробыв четырнадцать месяцев нумерарием, Шоу покинул Opus Dei. «Очень часто у директоров Дела, на которых постоянно давит необходимость привлечения новых членов, не хватает терпения и времени помочь людям обрести призвание. Для Дела это почти как мантра — подружиться с людьми, которые могли бы присоединиться в качестве нумерариев или супернумерариев. Все время происходит давление. Поэтому понятно, что, когда все это наблюдаешь изнутри, в определенных обстоятельствах может не хватить здравого смысла на поддержку уже присоединившихся людей из-за этого постоянного давления привлечь новых. Это понятно, но непростительно и на самом деле пагубно, поскольку человек начинает идти по пути, который он считает своим призванием, но в нем все время происходит какая-то борьба, он хочет, чтобы все получилось, но ничего не получается, потому что все это — не для него», — сказал Шоу.

Представители Opus Dei обычно говорят, что все эти высказывания выдернуты из контекста или свидетельствуют о юношеском запале, который пройдет по достижении зрелости. Они говорят, что при уважительном отношении к свободе христианина, унаследованном «духом Дела», было бы неэтичным «толкать» или «заставлять идти насильно»

в Opus Dei. «Вербовка новых членов», то есть уговаривание людей присоединиться к Opus Dei, когда это не входит в их планы, по мнению представителей Opus Dei, была бы извращением.

На сайте Opus Dei Awareness Network опубликована двухстраничная анкета, предоставленная экс-членом Энн М. Швенингер, которая утверждает, что она использовалась в 1987 году в учебном центре Van Ness в Вашингтоне. У нее нет заголовка, но она выглядит как формуляр для сбора сведений о людях, вовлеченных в программы Opus Dei, содержащий вопросы об их человеческих качествах, учебе и работе, отношении к церкви и Opus Dei. Официальный представитель Opus Dei в Нью-Йорке Дэвид Галлахер в январе 2005 года заявил, что «центры Opus Dei не используют подобных документов». Галлахер сказал, что в конце 1980-х годов он был директором мужского учебного центра в Вашингтоне и такой анкеты у них не было. «Если бы что-либо подобное попалось на глаза директорам, они бы воспрепятствовали ее распространению, поскольку это не сочетается с уважением к частной жизни людей, связанных с апостольской деятельностью», — сказал Галлахер.

По меньшей мере несколько представителей церкви, знакомые с опытом работы Opus Dei, говорят, что не ощущают чрезмерного давления в политике привлечения новых членов. Польский доминиканец отец Яцек Буда с начала 2003 года был священником в католическом кампусе Колумбийского университета в Нью-Йорке. Он приветствовал участие Opus Dei в деятельности кампуса и в своем интервью в ноябре 2004 года сказал, что у него не было причин подозревать Opus Dei в политике скрытой вербовки.

«Вокруг Opus Dei всегда есть эта мифология. Когда я только начал работать, я хотел посмотреть, что на самом деле происходит. Некоторые священники советовали, чтобы я не допускал усиления Opus Dei. Я был почти готов с ними сражаться, но понял, что сражаться не с кем… Я боялся, что они будут каким-то образом пытаться заполучить себе новых членов. Молодые общины часто так поступают, они стараются захватить для себя как можно больше молодежи. Но я обнаружил, что Opus Dei очень серьезно размышляет над своими действиями. Они работают для церкви. Для меня это ключевой критерий: работают ли люди для церкви или для своей группы? Я видал группы, которые действуют исключительно в своих интересах, но в Opus Dei я этого не увидел», — сказал Буда.

Испанский нумерарий Мария Хосе Фонт, о которой уже шла речь в главе 3, работает в юридической фирме Барселоны. «Меня совершенно не вербовали», — сказала она. Она согласилась, что члены Opus Dei вели с ней переговоры, но она не воспринимала это как давление. «Да, многие об этом со мной говорили», — сказала она, имея в виду классическое различие, которое всегда приводит Opus Dei, между «рекомендациями» и «вербовкой».

«Некоторые задавали мне вопрос о присоединении, и я всегда говорила «нет». У нас такой подход. Если мы считаем, что у человека есть призвание, мы говорим: «Почему ты об этом не думаешь, почему ты об этом не молишься?»

Фонт сказала, что сама применяла это на практике. «Я совершила это с множеством моих друзей. Я, наверное, сделала это раз пятьдесят в течение двадцати пяти лет, но я разговариваю со многими, у меня много друзей. Это не «вербовка», потому что я никогда не задаю вопроса о присоединении совершенно неожиданно, не зная человека». Именно это, как говорят члены Opus Dei, отличает их подход от «вербовки» в классическом смысле. Призвания новых членов вырастают из дружбы и семейных отношений, они никогда не бывают «равнодушным приглашением».

Фонт сказала: «Я никогда не ощущала давления ни от кого в Opus Dei по поводу привлечения большего числа народа. Но я очень люблю свое призвание, и для меня нормально пытаться найти людей, которые хотят в этом участвовать. Если ты владеешь самой лучшей в мире вещью, почему бы ею не поделиться?»

Исследование фактов

Чтобы определить, как относятся молодые люди к «жесткой вербовке» Opus Dei, обратимся к двум примерам: одному из Африки, другому из США.

ШКОЛА KIANDA

В школе для девочек Kianda в Найроби, Кения, представлена очень широкая аудитория учащихся, и, по общему мнению, Opus Dei может из них вербовать для себя наиболее энергичных молодых девушек. Kianda — корпоративное учреждение Opus Dei, одна из пяти лучших национальных школ Кении, в ней около девятисот учащихся. В сентябре 2004 года я беседовал с пятью ученицами школы, причем ни одна из них не была членом Opus Dei. Руководители школы при этом разговоре не присутствовали.

Восемнадцатилетняя Анни Киуна сказала, что ей кажется, что «цель членов Opus Dei — приблизить людей к Богу, но необязательно к Opus Dei». Ее вера «усилилась и стала крепче» после учебы в Kianda. Перед приездом в школу она слышала сплетни, что Opus Dei — «это культ, который отступает от основных религиозных направлений», но у нее не создалось такого впечатления.

Четырнадцатилетняя Бета Мунуку заявила, что и у нее были подобные опасения, но она обнаружила, что Opus Dei — «хорошая организация». Мунуку сказала, что члены Opus Dei — «самые обычные люди и не пытаются никого напрягать. Они просто стараются служить Богу».

Восемнадцатилетняя Элси Ойо рассказала, что хочет быть дипломатом и дома упражняется в искусстве дипломатии, поскольку она единственная католичка в семье евангелических протестантов. Родственники постоянно расспрашивают ее о разных аспектах католической церкви, и она благодарна Kianda за полученный багаж Она подумывает о вступлении в Opus Dei и пытается выбрать между нумерарием и супернумерарием, но совсем не потому, что Opus Dei на нее давит. «Насколько я могу понять, они пытаются жить жизнью Христа, следуя во всем его примеру».

Восемнадцатилетняя Хендрика Ванда, мать которой преподает в Kianda, сказала, что сначала она думала, что члены Opus Dei — это «чудаки, которые каждый день ходят на мессу, предаются молитвам и медитациям, и вообще очень странные». Потом она съездила в Рим на канонизацию Эскрива, где «увидела людей со всех концов земли» и подумала, что «что-то есть в этих людях». Она также увидела, «как любит Opus Dei папа». «Я поняла, что они обычные люди, которые хотят быть святыми». Она сказала, что во время поездки в Рим никто не пытался приглашать ее в Opus Dei, и она не знает, как бы к этому отнеслась, если бы это произошло. «Возможно, быть в Opus Dei — хорошая вещь, но не для каждого», — сказала она.

Тем не менее Ванда признала, что иногда люди из Opus Dei ведут себя слишком сурово. «Я посещала один кружок и хотела его бросить. Они мне не позволили. Это было давление. Было такое впечатление, что, если я не буду ходить в этот кружок, моя духовная жизнь просто провалится сквозь землю».

По мнению Киуна, в Kianda наблюдается «некоторое давление», относящееся к неизбежности участия в религиозных ритуалах, предлагаемых школой, и обдумыванию возможного присоединения к Opus Dei. «Иногда они дают тебе понять, что если ты не сделаешь того, что делают они, то попадешь в ад. Это скорее заметно по их поведению, чем выражается словами. Они могут заставить тебя чувствовать свою вину. Я думаю, поэтому многие бегут из Opus Dei». Например, сказала Киуна, ее почти насильно заставили посетить несколько медитаций. «Я должна была там сидеть и сорок минут слушать священника, а я этого не хотела. Я стала относиться к ним с предубеждением». Со временем она поняла, что «они стараются помочь, потому что это их работа — приближать людей к Богу». Тем не менее это навязывание «иногда от них отталкивает».

Пятнадцатилетняя Сьюзан Кимани сказала, что вначале ее тоже возмущало, что члены Opus Dei настаивали, чтобы она копировала их отношение к молитве, но позже она поняла,

что они пытаются ее духовно развивать. «Если хочешь стать врачом, нужно серьезно относиться к науке, не важно, нравится тебе это или нет. То же самое, если собираешься стать святым. По правде говоря, они очень упорны».

Ойо, которая подумывает о членстве в Opus Dei, считает подход к «вербовке» новых членов парадоксальным. «Давление есть, и его нет. Есть все признаки, что они хотят, чтобы ты это сделал, но когда ты хочешь это обсудить, они уходят в сторону. Они почти затыкают тебя, говорят, что нужно подождать, нужно молиться, чтобы обрести уверенность». Она сказала, что, по ее мнению, «давление не чрезмерно».

Киуна сказала, что более тонкая форма давления заключается в том, что к студентам, думающим о присоединении к Opus Dei, — «особое отношение», хотя это и не обязательно делается по расчету. «Ты становишься ближе к учителям — членам Opus Dei. Если ты приходишь в центр, там у тебя появляются друзья, люди тобой интересуются. Все это вполне естественно, но похоже на сигнал о том, что, если хочешь преуспевать в Kianda, нужно проявлять интерес к Opus Dei».

В итоге все пять девушек заявили, что благодарны Kianda за прекрасное образование, высокие нравственные образцы и заботу об учащихся. Никто из них не считает чрезмерным «давление» Opus Dei по поводу членства, но все согласились, что в какой-то форме оно существует.

WINDMOOR

В том же сентябре я посетил центр Windmoor в Notre Dame, крупнейшем католическом американском университете, где, как можно было ожидать, Opus Dei раскидывает свои сети с наибольшей агрессией.

Двадцатилетний Дэвид Кук сказал, что его «привлекли сюда дружеские отношения с высоконравственными людьми, а не вербовка Opus Dei». Он рассказал, что когда впервые стал ходить в Windmoor, он сообщил об этом ректору университета и тот ответил: «Вы должны быть очень внимательны. Они собираются засосать вас, заставить почувствовать, как неправильно вы живете». Частично это было правдой. «Раньше я ходил в бары, напивался. Теперь я стараюсь жить добродетельной жизнью, о которой говорит Opus Dei». В этом смысле он приветствует некоторое «давление», которое поможет ему привести в порядок свою жизнь.

Двадцатичетырехлетний Сэм Чен — классический пример «вербовки новых членов» Opus Dei. Он — китайский аспирант, который приехал в Notre Dame, практически ничего не зная о католицизме. «Я видел людей с крестами на груди, ходящих к мессе, и был совершенно растерян». Как-то он стал расспрашивать о католицизме одного из аспирантов, и тот предложил ему зайти в Windmoor. Чен пошел в центр, и его встретил «очень странно одетый человек». Это был священник Opus Dei, носящий сутану, с которым Чен и познакомился. Приближались весенние каникулы, и Windmoor собирался организовать путешествие в Аппалачи. У Чена спросили, не хочет ли он туда отправиться, и он охотно согласился. Это было хорошее приключение. «Они все мне очень понравились. Они были такие славные, так заботились обо мне». Чен заметил, что во время путешествия люди в машинах читали молитвы по четкам и они терпеливо объясняли ему, что это значит. «Я был удивлен, насколько они дисциплинированны. Они очень организованны и прилежны».

По возвращении из поездки Чен стал обдумывать вариант переезда в Windmoor. Он спросил у кого-то, можно ли ему там пожить, и ему ответили «О'кей, без проблем». С тех пор он участвовал в нескольких обучающих акциях и теперь подумывает о том, чтобы стать католиком. Думает ли он также о присоединении к Opus Dei? «Мне очень нравится Opus Dei, но я точно не собираюсь к нему присоединяться». Я спросил Чена, не казалось ли ему когда-нибудь, что высказанное ему расположение было фальшивым, что имелось в виду просто

заманить его в Opus Dei. «Совершенно нет. Думаю, что я бы почувствовал. Они просто славные парни и стараются хорошо относиться к людям».

Двадцатишестилетний Том Месснер — студент третьего курса юридического факультета Notre Dame, выросший в евангелической протестантской среде. Приехав в Notre Dame, он подружился с кем-то из Windmoor и стал посещать мероприятия центра. «Здешние парни много сделали для моего обращения. Благодаря Делу я познакомился с католической верой». Месснер был принят в лоно католической церкви осенью 2002 года.

Он совершенно не ощущает, что был «использован» Opus Dei, скорее наоборот — «это именно я использовал Opus Dei». Он сказал, что Opus Dei «помогает совершиться в человеке переменам, а потом указывает ему правильный курс в современном мире».

Двадцатилетний Бекет Греммельс, живущий в Windmoor, заявил, что там происходит своего рода вербовка. «Предполагается, что на все проходящие мероприятия, кружки, встречи, вечера воспоминаний ты приводишь своих друзей. Но я думаю, что то же самое происходит в духовных семинариях или в студенческих клубах. Я не считаю это неприемлемым».

Чен говорил, что все время слышит о вербовке в Opus Dei, но ни разу этого не наблюдал. «У меня был друг — член Opus Dei, а потом он решил от них уйти. Opus Dei на него не давил». У Чена был другой друг, который хотел присоединиться к Opus Dei, но «они сказали, чтобы он не торопился. В конце концов он решил не присоединяться, и это было правильно. Он по-прежнему в дружеских отношениях с людьми из Opus Dei. Я думаю, что эти парни не выглядели бы такими веселыми и раскрепощенными, если бы на них постоянно оказывалось сильное давление».

Девятнадцатилетний Андрес Валдивиа впервые встретился с Opus Dei в родной Бразилии. Позже его семья переехала в Даллас. Он вспоминает, как на Рождество в центре Opus Dei дети слушали *Little Drummy Boy.* В шестом классе он поехал в лагерь Opus Dei и потом ездил туда в течение четырех лет. Он сказал, что по-настоящему оценил «жизнь с молитвой, постиг ее высокий смысл».

Валдивиа рассказал, что в шестнадцать или почти семнадцать лет он пошел на прогулку с нумерарием Opus Dei и почувствовал, что на него «оказывается давление по поводу присоединения». Нумерарий заявил: «Я думаю, у тебя призвание быть в Opus Dei» — и «продолжал говорить об этом, советуя мне действовать быстро». Валдивиа слегка испугался: «Я не хотел быть нумерарием, но высоко оценил, что Opus Dei мне это предложил». Когда он все же решил не присоединяться к организации, этот нумерарий не прервал с ним дружеских отношений. «Этот парень действительно обо мне заботился и очень помог мне повзрослеть», — сказал Валдивиа.

Миф о вербовке

Деятельность какой-либо организации всегда подвергается критике, если у людей имеются против нее предубеждения, но и сами эти предубеждения, с точки зрения логики, могут противоречить друг другу. В случае с Opus Dei и его политикой вербовки новых членов люди склонны поверить в две вещи: первое, что Opus Dei хорошо организован и в высшей степени эффективен; второе, что он неустанно вербует новых членов. Если бы оба эти утверждения были правдой, то количество членов Opus Dei возрастало бы просто семимильными шагами. На самом деле ситуация прямо противоположная.

В официальном ежегоднике Ватикана *Annuario* за 2000 год сообщалось, что в Opus Dei состоят 1734 священника и 81 954 мирянина, всего — 83 688 человек. В 2004 году стало 1850 священников и 83 641 мирянин, всего — 85 491 человек. Это значит, что за четыре года Opus Dei приобрел 1803 члена, в среднем 450 человек в год. В действительности количество новых

членов немного больше, потому что ежегодно умирают около 200 членов Opus Dei, так что если за прошедшие четыре года умерли приблизительно 800 прежних членов, то для получения числа 1803 нужно прибавить примерно 2603 новых членов. Следовательно, каждый год во всем мире появляется 650 новых членов Opus Dei.

Если 20 процентов членов составляют нумерарии, это значит, что в 2000 году было около 16 400 нумерариев. Если имеется в виду, что каждый из них привлекает пять новых членов в год — квота, предложенная Эскрива, тогда каждый год должно прибавляться 82 000 новых членов, а за четыре года — 328 000 новых членов. Другими словами, до этой мнимой цифры нумерариям Opus Dei не хватает огромного числа — 325 397. Если бы это была торговая корпорация и нумерарии там работали, большинство из них оказались бы безработными.

В некоторых странах мира количество членов практически не увеличилось. Американский супернумерарий Расселл Шоу заметил, что, если бы вы спросили в 1980 году в офисе Opus Dei, сколько в США его членов, ответ был бы: «около трех тысяч». Спросите об этом сегодня, и ответ будет тем же — «около трех тысяч». Нет оснований считать, что эти цифры намеренно занижаются. Сведения о посвящении в духовный сан публикуются в официальных изданиях, и нумерарии живут на виду у всех в центрах. Большинство организаций, если не все, имеют тенденцию раздувать списки своих членов. Объективная реальность такова: Opus Dei растет весьма медленно.

В результате один из привычных имиджей Opus Dei должен быть изменен: либо они в действительности не относятся к вербовке маниакально, либо, если все-таки относятся, у них это не очень-то получается.

Все это не подвергает сомнению сделанный выше вывод о том, что Opus Dei проводит «вербовку» в том смысле, что его члены побуждают людей подумать об их призвании и, естественно, очень радуются, когда кто-либо слышит зов и кажется вполне достойным. Но какие бы технические и стратегические приемы они ни применяли, это не обеспечивает притока новых членов, который, по мнению публики, должен был бы происходить.

Свидетельства этому были во всех посещаемых мною местах. Например, в относящейся к Opus Dei школе Besana, которая находится в рабочем пригороде Мадрида, всего 400 учащихся. Из этого числа только четверо выразили желание присоединиться к Opus Dei, что составляет 1 процент всех студентов. Пабло Кардона, нумерарий Opus Dei и профессор IESE — элитной школы бизнеса в Барселоне, сказал, что за семь лет его преподавания 1400 студентам, только четверо из них присоединились к Opus Dei, что составило 0,3 процента. В Международном университете Каталонии в Барселоне, относящемся к Opus Dei, ежегодно примерно трое студентов из 3000 становятся членами Opus Dei, то есть 0,1 процента. Valle Grande, сельскохозяйственный институт в Перу, является центром образования местных фермеров и молодежи, его программы рассчитаны на 600 фермерских семей и 110 юношей. Из этого числа приблизительно один-два человека ежегодно вступают в Opus Dei. Вице-президент Университета Strathmore в Найроби Джон Одхиамбо сказал мне, что из общего числа 1500 студентов 200 — католики и, может быть, 50 время от времени посещают центр Opus Dei. В «удачный год» бывает, что четыре человека вступают в Opus Dei, то есть 2 процента от студентов-католиков. В Kimlea, центре для девушек около Найроби, 150 студенток посещают занятия ежедневно и 200 имеют частичную занятость. Из этого числа ежегодно к Opus Dei присоединяются две-три девушки, что составляет 0,8 процента.

Центр Midtown в Чикаго работает с 150 малообеспеченными студентами в течение года и еще с 200 — летом. Арт Телен, член Opus Dei, работающий в Midtown с 1963 года, говорит, что он знает лишь об одном человеке, который присоединился к Opus Dei во время учебы и в процессе посещения программ Midtown, и, может быть, еще пять-шесть человек присоединились позже. Пастор прихода Святой Марии Ангелов в Чикаго с 1991 года — единственного прихода, вверенного в США Opus Dei, — отец Джон Дебицки сказал, что за все это время он не слышал ни об одном члене Opus Dei, который бы был его прихожанином.

Директор центра для девушек Metro Achievement Шарон Хефферан сказала, что за пять лет ни одна из почти 300 девушек, посещавших различные программы центра, не высказала желания вступить в Opus Dei. В программах чикагского колледжа Lexington ежегодно участвуют около 200 женщин, но за двадцать семь лет его деятельности только 20 стали членами Opus Dei, как сообщила президент колледжа нумерарий Сьюзан Мангелс.

В центре Crotona в Южном Бронксе, где нумерарий Дэвид Холцвайс работает с 200 детьми и 100 взрослыми, за семь лет только один ученик средней школы проявил интерес к Opus Dei. Петер Браун, директор университетского общежития Netherhall, самого большого корпоративного предприятия Opus Dei в Великобритании, сказал, что вступил в Opus Dei, когда сам жил в общежитии. По его словам, из 100 ежегодно живущих там студентов, может быть, один присоединяется к Opus Dei в качестве нумерария или супернумерария. Я спросил у Брауна, не выясняют ли представители штаб-квартиры, почему Netherhall не поставляет Opus Dei членов. «Ничего такого не происходит. У нас нет никакой квоты», — ответил он.

Эти сообщения вполне соответствуют тем цифрам, согласно которым рост Opus Dei идет очень медленно. Почти нет подтверждения тому, что школы, центры и другие корпоративные учреждения Opus Dei являются «передовой линией» для вербовки членов или, если это так, они осуществляют одну из самых неэффективных вербовочных операций.

Когда говоришь об этих цифрах с директорами, они обычно выделяют три момента. Первое — среди участников программ Opus Dei с каждым годом все большее количество людей становятся католиками. Например, в Kimlea, по словам ее директора Франки Гиканди, в начале года католицизм исповедует только половина девушек, а к концу года католичек обычно уже две трети.

Второе — деятельность Opus Dei приводит к увеличению числа священников и активизации религиозной жизни в целом. Третье — главной задачей Opus Dei является не привлечение новых членов, а выполнение возложенных на себя миссий: обучение студентов, помощь бедным и так далее.

Как же объяснить столь медленный рост числа членов? Большинство наблюдателей объясняют это двумя факторами. Первое — быть членом Opus Dei нелегко, особенно нумерарием. Множество обязательств, связанных с ежедневным распорядком, еженедельной исповедью и духовными наставлениями, с другими моментами еженедельной, ежемесячной и ежегодной жизни, подразумевают серьезные затраты времени и сил, на что большинство людей просто не способны. Кроме того, особое отношение Opus Dei к духовности и воспитанию в духе церковной доктрины подходит далеко не каждому: вспомним образ крепкого Гиннесса во вступлении к этой книге. Второе — члены Opus Dei говорят, что перед тем, как уговаривать конкретного кандидата присоединиться к организации, они сами стараются убедиться, что это правильный выбор. Они знают по горькому опыту, что может случиться, когда человек не приживается в Opus Dei. Часто бывает, что кандидат в течение нескольких месяцев добивается разрешения написать письмо с просьбой о приеме в члены.

Обман

Последнее обвинение, относящееся к вербовочной практике Opus Dei, заключается в том, что, какими бы мягкими ни были ее способы и каким бы ни было действительное число членов, она все равно постоянно построена на обмане. Молодые люди часто неосознанно попадают в сферу влияния Opus Dei — увлеченные дружбой с членами и действующие под давлением, они присоединяются к Opus Dei, не успев понять, во что они вовлекаются. Испанский экс-нумерарий и главный критик Opus Dei Монкада сказал, что для него это самый серьезный момент: «Отлично, сам я понимаю, что это консервативная организация. Мое главное беспокойство — молодежь».

В ответ представители Opus Dei обычно указывают на то, что, по логике вещей, полтора года между тем моментом, когда человек «свистит», и «посвящением», когда он составляет договор с Opus Dei, предназначены именно для того, чтобы будущий член познакомился с Opus Dei изнутри. Нужно время, чтобы приспособиться к новой семье. Кроме того, доказывают они, ни у кого нет долговременных обязательств перед Opus Dei на последующие пять лет после посвящения, поэтому, когда это время приходит, человек знает все, что должен знать о требованиях Дела. Иногда экс-члены настаивают, что, поскольку момент «свиста» обычно ощущается как очень важный, все открытия и разоблачения должны происходить до него.

По мнению критиков, составной частью обмана является и то, что члены Opus Dei преследуют потенциальных членов своей дружбой в надежде, что в конце концов те присоединятся к Opus Dei, и дистанцируются от них, когда этого не происходит. Критики считают эти дружеские отношения искусственными и специально созданными для манипулирования людьми.

Отец Джеймс Мартин рассказал, что, когда он собирал материал для своей статьи в журнал *Америка,* он услышал от молодых людей из университетских кампусов несколько историй о том, как члены Opus Dei дружески к ним относились, но сразу же покидали их, когда становилось ясно, что они не собираются становиться членами. «Один парень, с которым я разговаривал, чуть не плакал: он пытался наладить контакты, но ничего не получилось. Он считал, что эти люди — его друзья. Он позвонил им, и ему ответили: «Ну, у нас вообще-то не хватает на тебя времени». Я думаю, что это вполне антихристианский поступок», — сказал Мартин.

Члены Opus Dei, сталкиваясь с такого рода критикой, обычно говорят о своей искренней дружбе с людьми, которая чаще всего продолжает сохраняться вне зависимости от решения друзей вступать или нет в Opus Dei. Как отмечалось в предыдущей главе, бывшие члены Джозеф Маккормак, Элизабет Фолк Сатер и Игнасио Андреу утверждают, что сохранили тесную дружбу с членами Opus Dei. Выдерживает ли дружба испытание уходом из Opus Dei, часто зависит от того, как происходит этот уход. При хороших отношениях во время расставания с Opus Dei дружба часто сохраняется, если же уход был связан с тяжелыми переживаниями, ситуация может усложниться.

Представители Opus Dei признают, что иногда в *tertulia,* особенно в центрах, где работают с молодежью, нумерарии проводят беседы с молодыми людьми, которые принимают участие в программах центра и у которых может быть призвание к Opus Dei. Однако нумерарии никогда не обсуждают личные темы и никогда при помощи обмана не соблазняют людей вступать в Opus Dei.

Я встретился Хуаном Де Лос Анхелесом, одним из директоров Наваррского университета, и Гонсало Роблесом, генеральным секретарем университета. Они оба отвечают за набор новобранцев, правда для университета, а не для Opus Dei. Тем не менее они находятся в непосредственном контакте с мыслящими и активными учащимися средних школ Испании, которые могут быть образцовой группой для «выращивания» будущих членов Opus Dei.

Девятнадцать процентов студентов Наварры набираются из восьмидесяти четырех школ Испании, и, по-видимому, эти студенты и их семьи знают, куда они поступают. Тем не менее Де Лос Анхелес сказал, что, когда он рекламирует университет, наиболее часто задаваемый ему вопрос — про вербовку Opus Dei новых членов: «Если я поступлю в Наварру, вы захотите, чтобы я стал членом Opus Dei?»

Де Лос Анхелес рассказал, что, отвечая на этот вопрос, он старается убедить людей не думать об обмане и тайных технологиях. «Я им говорю: «Послушайте, это же университет. Я имею в виду, что это место, где каждый делает, что хочет. Это свободное место. Это настоящий университет, так что никто не собирается чего-то от вас добиваться. С другой стороны, возможно, в вашей группе будет член Opus Dei и он захочет, чтобы вы куда-то пошли или что-

то сделали. Он может попросить вас пойти с ним на мессу или заняться еще чем-то. Его право — попросить, а ваше — сказать «нет». Все очень просто».

Де Лос Анхелес признал, что у Наварры как учреждения Opus Dei четкая «апостольская ориентация» и отчасти это означает, что университет предпочел бы студентов, которых привлекает Opus Dei. «Мы хотим повысить число членов, ищем людей, которые хотят присоединиться к Opus Dei. И мы это четко объясняем. Когда люди спрашивают об этом, я отвечаю: «Да, мы хотим найти новых членов. Но мы не собираемся слишком давить на вас, потому что хотим, чтобы для вас это стало призванием, свободным выбором.

Многие студенты не принимают участия ни в какой деятельности Opus Dei в течение всего времени учебы. Конечно, мы хотели бы другого, но они вольны так поступать».

Я спросил Де Лос Анхелеса и Роблеса, почему бы, если такова политика университета, не выпустить брошюру под заглавием «Вербовка новых членов Opus Dei в Наваррском университете», в которой объяснить, что такое Opus Dei, как студенты будут с ним контактировать, как поступить, если он их заинтересует, и как, если нет, и с кем связаться, если они почувствуют, что на них давят. Брошюра может распространяться среди студентов и их родителей, и таким образом станут понятными «правила игры». Не кажется ли им, что беспокойства по поводу обманных технологий вербовки членов связаны с фактом отсутствия четкой политики по этому вопросу?

Последовало ошеломленное молчание, и стало ясно, что своими вопросами я угодил в культурный разрыв, отделяющий англосаксонское мышление от всех других.

«Возможно, политика и есть лучший способ узнать о ней — приехать сюда и увидеть. Я имею в виду, что, живя университетской жизнью, вы прекрасно узнаете, как относятся к вещам люди из Opus Dei», — сказал Роблес. Де Лос Анхелес продолжил: «Дело в том, что мы так хорошо знаем эту политику, что писать о ней нет необходимости. К тому же при злоупотреблениях существует так называемое братское замечание, и, я полагаю, мы им пользуемся. Мой знакомый консультант по вопросам бизнеса любил говорить, что чем выше культура, тем меньше нужда в структуре. Я думаю, что в смысле культуры мы сильны, но структура у нас на низком уровне».

В заключение Де Лос Анхелес и Роблес заявили, что, по иронии судьбы, настоящая проблема Наварры полностью противоположна теме интенсивной вербовки новых членов. Студенты могут провести в кампусе несколько лет и ни в малейшей степени не «заразиться» христианскими ценностями, не говоря уже об интересе к Opus Dei. Бывший прелат Opus Dei Альваро дель Портильо однажды специально встречался со всеми членами, работающими в Наварре, и требовал от них, чтобы студенты, прожившие пять лет в кампусе, знали, кто такой Христос.

Резюме

В конечном счете реальность такова: Opus Dei молится за привлечение новых членов, этого желает и всячески поощряет новые призвания. Он делает это, уважая свободу человека и его совести, но в некоторых случаях особо усердные члены могут надавить слишком сильно, как это произошло с Андресом Валдивиа или Чарльзом Шоу. В этом смысле перспективы «вербовки новых членов» часто связаны с личными качествами конкретного «вербовщика» и зависят от того, как они воспринимаются потенциальным новобранцем. По своим внутренним причинам, в частности из-за упомянутого Де Лос Анхелесом предпочтения решать проблемы при помощи культуры, а не структуры, Opus Dei отказывается четко сформулировать свою политику и разъяснить, что именно необходимо обсуждать, беседуя с потенциальными членами. В дополнение к этому хваленая вербовочная машина Opus Dei оказалась чем-то вроде

мифа, поскольку ежегодное увеличение числа членов минимально по сравнению с тем, чего, по мнению многих, хочет Opus Dei.

Некоторые обозреватели считают, что, хотя в прошлом были сложности с вербовкой новых членов, сегодня все гораздо спокойнее. В статье Мартина, опубликованной в журнале *Америка* в 1995 году, цитируется Дональд Маккраб, в то время исполнительный директор Католического кампуса священников, заявивший, что священники жаловались на Opus Dei по поводу практики вербовки новых членов и контроля за членами. В январе 2005 года я спросил у Эда Франки, который сейчас занимает должность Маккраба, изменилась ли ситуация. «Возможно, некоторые высказанные Доном десять лет тому назад жалобы до сих пор в силе, но сейчас мы очень редко слышим об Opus Dei. За эти годы возникли разные другие католические организации, и связанных с ними вопросов и жалоб гораздо больше», — сказал Франки.

Карло Де Марчи, энергичный молодой итальянец, который работает в Генеральном совете Opus Dei в Риме и отвечает за апостольскую работу среди молодежи, поделился своими соображениями о том, почему у Opus Dei нет «политики вербовки новых членов»:

«Когда мне было восемнадцать лет, я рассказал друзьям о своем призвании, о том, что значит для меня Opus Dei, почему я думаю о безбрачии… всем этим я поделился совершенно спонтанно — своей историей, даром, который я получил от Бога. Такие доверительные отношения невозможно формализовать, четко организовать, потому что это — часть дружбы. Именно в такой атмосфере молодой человек может спросить: «А что, если и у меня есть такой дар?»

Часть IV
ИТОГОВЫЕ ОЦЕНКИ

Глава пятнадцатая
БУДУЩЕЕ OPUS DEI

Настало время сделать некоторые выводы. Что можно кратко сказать в ответ на типичные вопросы об Opus Dei, самого спорного подразделения католической церкви?

• Многие обвинения, выдвинутые против основателя Opus Dei, святого Хосемарии Эскрива де Балагера, такие как его якобы вспыльчивый характер, тщеславие, разочарование итогами Второго Ватиканского собора, поддаются множественным толкованиям и ни в коем случае не являются дисквалифицирующими в смысле личной святости. Если бы это было по-другому, многих известных святых нужно было бы исключить из списков. Другие обвинения явно преувеличены, во всяком случае, в их традиционной формулировке. Например, Эскрива не был настроен «профранкистски», самое большее, что можно сказать, что он также не был настроен «антифранкистски».

• Идеалы, завещанные Эскрива Opus Dei, такие как освящение работы, размышления в гуще жизни, свобода христианина и богосыновство, кажутся многообещающими составными частями глубокой христианской духовности. Даже если иногда наблюдается чрезмерный культ личности Эскрива, его идеи слишком долго были захоронены в клерикалистских и дуалистских дебрях.

• Opus Dei не является умышленно «тайным». Состав чиновников Opus Dei и адреса его центров публикуются в прессе, его деятельность подпадает под соответствующие правовые установки, и его информационные офисы отвечают практически на любой заданный вопрос. Тот факт, что на некоторые вопросы они все же не отвечают, — самый популярный из них, кто член Opus Dei, а кто нет, — не делает Opus Dei более тайным, чем Анонимные алкоголики. Другие группы церкви, различные секулярные организации также избегают раскрывать имена своих членов. С годами происходит неуклонное движение вперед, к большей открытости. Полемика в Испании в 1930-е и 1940-е годы, когда Opus Dei был обвинен в масонстве, странных ритуалах и ереси, а также проблемы 1950-х и 1960-х годов по поводу соответствия Opus Dei церковному праву во многом объясняют его традиционную сдержанность.

• Практика умерщвления плоти в разных ее видах не является уникальной. У нее длинная родословная, общепринятые теологические обоснования, и в большинстве случаев она не осуществляется экстремальными способами. Когда происходят исключения, представители Opus Dei без колебаний признают их ошибками.

• Женщины в Opus Dei не чувствуют себя «гражданами второго сорта». В некоторых случаях существует «традиционное» понимание роли полов, но люди, которых привлекает Opus Dei, в общем и целом поддерживают такой взгляд. Внутри Opus Dei основная власть возложена на мужчин, посвященных в духовный сан, так же как в католической церкви в целом. Но женщины Opus Dei имеют свою отдельную систему правления, что на практике делает их как бы автономными. Во всем мире женщины — нумерарии и супернумерарии занимают должности юристов, архитекторов, журналистов, профессоров университетов. Помощницы нумерариев, которые готовят и убирают в центрах Opus Dei, не считают себя притесненными, они исполняют роль «матерей» семьи Opus Dei.

• Opus Dei не богат, во всяком случае по мерилам других организаций католической церкви и, безусловно, по сравнению с гигантскими мультинациональными корпорациями. Мы можем с точностью установить их общие активы в Америке — 344 миллиона долларов и в Великобритании — 72 миллиона. (Opus Dei не признает этих сводных цифр, поскольку не «владеет» своими различными предприятиями, их владельцами являются отдельные члены и советы директоров.) Используя американские и английские цифры в качестве базовых, мы можем оценить общемировые активы в 2,8 миллиарда долларов. Для понимания величины этих цифр: американские епископы оценивают годовой доход одной только Американской католической церкви в 102 миллиарда долларов. В 2003 году General Motors сообщила, что ее активы составляют 455 миллиардов. По величине богатств Opus Dei сравним с американской епархией среднего размера.

• Восприятие Opus Dei как «элитарной» организации имеет под собой некие исторические обоснования, имея в виду интерес Эскрива к проповедям в интеллектуальных и профессиональных кругах. Тем не менее Opus Dei не «элитарен» в том смысле, который часто вкладывают в это слово, имея в виду исключительно «белые воротнички». Среди членов Opus Dei есть парикмахеры, каменщики, механики, продавцы фруктов. Большая часть супернумерариев относится к среднему классу, с трудом оплачивает счета и обучение своих детей в колледже. Конечно, есть и богатые члены Opus Dei, но они не типичны. Например, в Перу я познакомился с супернумерарием Изабель Чарун, у которой в крохотном двухкомнатном доме для большой семьи не было даже сплошной крыши над спальней. Ситуация Чарун типична для большой части членов Opus Dei, особенно в развивающихся странах.

• Opus Dei занимается не только высокими духовными проблемами, он решает и социальные задачи. Многие из его корпоративных предприятий созданы для помощи бедным, начиная со школы Kimlea в Кении, где девочек из беднейших семей с кофейных и чайных плантаций обучают основным ремеслам, и заканчивая сельскохозяйственным институтом Valle Grande в Перу, который помогает бедным фермерам противостоять биодиверсии и доставлять

свой урожай на рынки. Нужно добавить, что на уровне организации Opus Dei не участвует в борьбе за социальную справедливость.

• Opus Dei не «захватывает» католическую церковь. В декабре 2004 года 20 членов Opus Dei работали в Ватикане, в то время как их исторические соперники — иезуиты были представлены 26 членами ордена. Члены Opus Dei занимают 3,6 процента должностей Ватикана, в основном на среднем уровне. 40 епископов Opus Dei составляют крохотную долю в 0,9 процента из более чем 4000 католических епископов мира.

• Opus Dei как организация заявляет, что во всем поддерживает католическую церковь. Однако многие его члены имеют более правые взгляды по различным теологическим и литургическим вопросам. Интеллектуальный Рубикон переходится в зависимости от ответа на вопрос: может ли учение церкви быть ошибочным? Если католик отвечает «да», то в рядах Opus Dei ему будет неуютно, поскольку организация особо подчеркивает, что «думает согласно с церковью».

• Opus Dei как организация не имеет «установок» в секуляр-ной политике, поэтому ее членов можно найти в разных лагерях. Тем не менее когда речь идет об абортах, разводах, однополых браках и исследовании стволовых клеток, члены Opus Dei практически всегда оказываются справа, поскольку по этим вопросам существует «официальная» католическая позиция. В этом смысле нынешний интерес к данным проблемам может извратить тот подлинный плюрализм, который существует в Opus Dei по другим вопросам.

• Opus Dei не является мифической ненасытной вербовочной машиной. За последние годы число членов растет с черепашьей скоростью, составляя 650 новых членов в год во всем мире. Большинство относящихся к Opus Dei организаций были бы счастливы привлечь хоть одного нового члена в год из тех сотен людей, которые через них проходят. Хотя и были случаи излишнего давления на молодых новобранцев, они относятся к прошлому и были не столь сильны, чтобы человек не мог сказать «нет».

• Большинство членов Opus Dei, то есть супернумerариев, очень трудно держать под контролем. 20 процентов членов — нумерарии, которые живут в центрах Opus Dei. Там предусмотрена более жесткая структура, включающая в себя консультации с начальством по поводу выбора литературы для чтения и развлечений, которую сторонние наблюдатели могут счесть подавляющей. Однако очень мало свидетельств, что не склонные к такому режиму люди подчиняются ему при помощи «контроля над разумом». Большинство людей, которые считают такую структуру чрезмерно жесткой, просто уходят.

• Существенное количество экс-членов Opus Dei, вполне достаточное, чтобы не считать их отдельными случаями, рассказывают о своем отрицательном опыте пребывания в организации. Хотя по сути эти жалобы различны, самое серьезное обвинение состоит в том, что данные члены ощущали, как их вовлекали в обязательства перед Opus Dei, как на них давили и выдвигали требования, которые они считали чрезмерными. Эти сообщения говорят о необходимости уделить повышенное внимание профессиональной тонкости и чуткости, особенно в работе с молодежью.

• Иногда отдельные лица в своем рвении привлечь новых членов по недосмотру действуют излишне жестко, оказывают слишком сильное давление или недостаточно разбираются в человеческих слабостях. Некоторые критические замечания экс-членов связаны с отсутствием здравомыслия у части представителей Opus Dei. По истечении времени и достижении зрелости Opus Dei эти эпизоды становятся все более редкими, а внутренний климат организации — все более свободным. Найти критически настроенных экс-членов, оставивших Opus Dei в 2004 году, гораздо менее вероятно, хоть и не невозможно, чем сделавших это в середине 1960-х или 1980-х годов.

Историческая перспектива

Opus Dei любит подчеркивать свою уникальность и имеет на то причины. В истории церкви никогда не было ничего подобного: миряне и священники, женщины и мужчины, объединенные общим призванием и принадлежащие к одной организации. Тем не менее хронологически Opus Dei можно рассматривать как завершающий этап в серии перемен в католической духовности после Коперника, начавшихся еще раньше, где-то в XII веке.

Переоценка францисканцами монашеской жизни в сторону отказа от монастырей и возможности проживания в городе шла бок о бок с развитием секулярного сознания. Иезуиты демонстрировали, что монашеская жизнь не нуждается в совместной молитве или традиционной «монашеской деятельности», но во всех областях люди должны прилагать усилия «во славу Божию». В результате Opus Dei выдвинул идею, что жизнь верующих вообще не требует монашества в классическом каноническом смысле, что христиане-миряне без всяких обетов и обычаев любыми способами, но с четким ощущением своего призвания могут изменить мир изнутри.

Хотя Opus Dei никоим образом не монашеский орден, подобный францисканцам или иезуитам, общим для них является поступательное разрушение «религии» как отдельной категории человеческого опыта, постепенное понимание того, что все Божии создания, вся жизнь человека изначально полна религиозной значимости, и желание изменить жизнь согласуется с таким пониманием. Opus Dei стремится перевести этот процесс в новую стадию, заявляя, что обращение в христианство и искупление грехов — задача всех христиан в любом месте: в залах заседаний и в детских комнатах, в парламентах и на почте. Хотя Эскрива сказал, что глубоко уважает монашескую жизнь, его прозрение положило начало другому направлению. Оно возвестило конец клерикализма, большие возможности мирян как основной силы католической церкви во всех областях, кроме церковных обрядов. Все, что делает Opus Dei, несет в себе эту идею, полностью трансформирующую церковную культуру. В истории церкви новое осмысление жизни всегда борется за свое признание. Для Opus Dei стало уже банальностью замечать, что перед ними иезуиты, а перед иезуитами францисканцы и доминиканцы также были мишенями самых диковинных обвинений.

Исторически основатели орденов отвечали на эти рогатки и стрелы, выражая полное повиновение папству, чтобы продемонстрировать, что их перестройка служит на благо церкви. Первый раз папа Иннокентий III встретился со святым Франциском в 1209 году, и папа собирался сказать убогому Франциску, чтобы тот «шел валяться в грязи со свиньями», что Франциск фактически и делал. Но Иннокентия так поразила покорность Франциска, что он одобрил устав францисканцев. Святой Игнатий Лойола полностью отдал иезуитов в руки папы Павла III; когда его спросили, как бы он прореагировал, если бы папа запретил новую общину, Игнатий ответил: «Четверть часа молитв, и я больше бы об этом не вспоминал». Так же и Эскрива, который однажды торжественно пообещал, что, даже если кардиналы выберут папой дикаря, «я немедленно брошусь ему в ноги и скажу, что Дело целиком к его услугам». В этом контексте стойкая преданность Opus Dei Иоанну Павлу II кажется частью родовых мук любого нового начинания в рамках католицизма.

Во многих отношениях период после Второго Ватиканского собора был наихудшим моментом для выхода в свет нового явления, поскольку «культурные войны» последних сорока лет выявили, что многие видят в Opus Dei только его уважение к церковным властям, его «традиционализм», а вовсе не новый подход к христианской жизни, который вытекает из этого уважения и традиционализма. Opus Dei вышел на сцену в тот исторический период, когда католики определяли свое отношение к традиционным концепциям церковной доктрины и власти, и в контексте этих дебатов каждый факт тут же относился к категории «прогрессивных» или «консервативных». При всем уважении к Opus Dei это слегка походило на попытку воспринять трехмерный объект в двухмерной системе координат: на глаза попадались только осколки и кусочки. Да, по вопросу о *Roma locuta est*[16] Эскрива и его последователи были на «консервативной» стороне. Но если это все, что человек видит в Opus

Dei, то нечто весьма существенное упущено. Весьма серьезные споры, приведенные в этой книге, — о власти, секретности, деньгах, — необходимы для устранения недоразумений, но они также предваряют внимательное рассмотрение будущего Opus Dei.

Если Opus Dei сможет ответить на возникающие у людей вопросы, тогда своего рода сдвиг в христианском мышлении и поведении станет заметен. Но к этому существуют весьма труднопреодолимые препятствия. Когда произносится слово «молитва», большинство инстинктивно думают о произнесении слов к Богу, а не о том, как они живут и работают. Когда люди говорят о «духовной жизни» или «внутренней жизни», по-прежнему считается, что речь идет об определенной благочестивой практике, о медитациях, о событиях, происходящих в церкви. Когда говорят об «апостольской деятельности», очень немногие спонтанно думают об «освящении окружающих в процессе повседневной работы», или о дружбе, или об обычной общественной и семейной жизни. Идея о том, что обычные обстоятельства жизни человека уже являются молитвой, что они уже являются формами духовной жизни и евангельской миссией церкви, весьма сложна, и требуется время, чтобы ее впитать. Очень часто сами члены Opus Dei еще только пытаются ее усваивать.

Первые семьдесят пять лет своей жизни Opus Dei провел, стараясь ухватиться за любую точку опоры в структуре католической церкви, чтобы суметь осуществить свою миссию. В это время многое в Opus Dei понималось ошибочно или только частично, и это привело к поразительному количеству предубеждений, иногда из-за недоброжелательности, иногда благодаря ошибкам и слишком большому рвению членов Opus Dei, но чаще всего из-за полнейшей новизны, из-за абсолютной смелости заявлений Opus Dei по поводу секулярного мира и мирян. Может быть, как мечтают между собой члены Opus Dei, через пятьсот лет все это забудется. Может быть, как умоляют его враги, за это время сам Opus Dei будет забыт. Это невозможно предсказать, не зная намерений Господа. Однако ясно одно: если Opus Dei потерпит неудачу, это случится из-за дефицита духовности — в его особом подходе к освящению работы, в размышлениях его членов в гуще мира, а совсем не из-за его ошибок в начале пути и не из-за особенностей исторической эпохи, которые будто бы привели к тому, что сущность Opus Dei оказалась непонятой.

Будущее: реформы

Нам не дано заглянуть на пятьсот лет вперед, но, во всяком случае, при понтификате Бенедикта XVI Opus Dei имеет твердую почву под ногами. Его богатство может увеличиваться и уменьшаться, но он имеет крепкую юридическую основу, членов по всему миру, сеть относящихся к нему учреждений и поддержку внутри католической церкви. Вопрос, рассчитанный на дальнейшую перспективу, мог бы звучать так если Opus Dei хочет не просто выжить, если он хочет преуспеть, — успокоить иногда возникающие у людей опасения и открыть новые апостольские горизонты, — какие шаги ему следует предпринять?

На основе материала, содержащегося в данной книге, самыми насущными представляются следующие три действия.

ПРОЗРАЧНОСТЬ

В 1984 году Иоанн Павел II сказал, что католическая церковь должна быть «стеклянным домом», чтобы каждый мог видеть, что в ней происходит и как она осуществляет свою миссию верности Христу и проповеди Евангелия. Даже несмотря на то что по существу в Opus Dei нет ничего секретного, он не всегда соответствует идее «стеклянного дома», отчасти потому, что чуждается саморекламы или превращения в «группу по интересам». Тем не менее сводить вопрос только к самовосприятию Opus Dei представляется слишком ограниченным. Opus Dei

существует на свете не только для себя и своих членов, но и для всего остального мира. Opus Dei должен удовлетворять (и, честно говоря, чаще всего это делает) законное человеческое любопытство. К тому же негативное общественное восприятие Opus Dei, связанное как раз со случаями его противодействия прозрачности, неизбежно влияет на негативное восприятие католической церкви в целом. Если Opus Dei сможет улучшить отношение к себе, не жертвуя при этом своей индивидуальностью, он морально обязан это сделать.

Что может сделать Opus Dei, чтобы стать более прозрачным? Можно предложить следующие шаги.

• Каждый регион должен регулярно публиковать подробные финансовые декларации, включающие его доходы, затраты, активы и денежные обязательства перед корпоративными организациями. Эти декларации должны сопровождаться четкими комментариями на языках региона и на английском языке. Штаб-квартира в Риме должна сопоставлять суммы, приведенные в отчетах стран, и публиковать описание сфер деятельности корпоративных предприятий каждой из шестидесяти одной стран, где действуют программы Opus Dei.

В настоящее время это уже пытаются делать США, где фонд Woodlawn публикует отчетные финансовые декларации, освещая часть финансовой деятельности в стране. Ключевым словом здесь является «часть», поскольку включено далеко не все. Чтобы использовать данные этих деклараций, их необходимо дополнить. Эти отчеты могли бы прояснить тот факт, что Opus Dei не «владеет» корпоративными предприятиями, что они управляются светскими лицами, из которых состоит совет директоров. Существует настоятельная необходимость для финансового «раскрытия» Opus Dei, поскольку многие обозреватели считают его фантастически богатым. Недавнее возведение штаб-квартиры на Манхэттене только усилило это неправильное представление. Церковные обозреватели полагают, что строительство этого «бастиона власти» могло быть оплачено только при помощи таинственных долговых обязательств Ватикана, запрятанных под мрачными романскими сводами. В действительности все совсем не так загадочно. Opus Dei сможет избавиться от этих несправедливых представлений, только если сделает свои финансовые отчеты публичными, а не ограничится невразумительными отсылками к налоговой декларации.

• Четкая идентификация объектов, связанных с Opus Dei. Например, когда человек подходит к центру в Вашингтоне, Лиме, Мадриде или Хельсинки, он должен видеть указатель ЦЕНТР OPUS DEI. Кроме того, связь учреждения с Opus Dei достойна упоминания в специальной литературе о деятельности данного учреждения. Там может объясняться, что такое Opus Dei и как он влияет на деятельность данной организации (по аналогии с брошюрой об Oakcrest, школе Opus Dei для девочек в Маклине, штат Виргиния). В результате должно стать ясным, что Opus Dei отвечает только за духовное и относящееся к доктрине воспитание, а за все прочие стороны деятельности отвечают отдельные лица, то есть Opus Dei — это не «имя бренда». Точно так же нужно объяснять каждому новому человеку, особенно молодому, пришедшему в центр Opus Dei, что деятельность центра спонсируется Opus Dei. В большинстве случаев это уже делается, но все же нуждается в более обстоятельном объяснении.

• Opus Dei стоит подумать о публикациях, хотя бы в англосаксонском мире, посвященных наиболее волнующим моментам своей жизни и апостольской деятельности. Никто не заставляет Opus Dei издавать брошюру о «вербовке», поскольку это слово отдает принуждением и фальшью. Но брошюра о «дружбе в Opus Dei» может быть вполне подходящей, так как объяснит, почему члены Opus Dei часто привлекают к своей деятельности друзей и коллег, и подчеркнет, что никто не согрешит и не проявит себя плохим христианином, если скажет «нет». В ней можно было бы также кратко упомянуть, что делать, если ощущаешь сильное давление по поводу присоединения к Opus Dei. В той же брошюре можно объяснить, что приглашение посетить мероприятие Opus Dei, например кружок или вечер воспоминаний, не имеет никакого дополнительного тайного умысла, кроме участия вместе с друзьями в жизни

Opus Dei. Брошюра может распространяться среди студентов, их родителей и всех, кого беспокоят эти вопросы.

• Подобным же образом брошюра под заглавием «Призвание нумерария» может подробно изложить виды на будущее и обязанности нумерария и рассказать, как выглядит жизнь в центре Opus Dei. Наряду с другими моментами она должна кратко и тактично описать практику умерщвления плоти, материальные перспективы нумерариев и другие аспекты внутренней жизни Opus Dei. Она могла бы распространяться среди кандидатов перед тем, как они «свистнут», их родителей и всех интересующихся. Опять же суть не в том, что эти вопросы являются секретными. Безусловно, ко времени своего вступления в организацию большинство людей уже дружат с нумерариями и «знают что к чему». Тем не менее некоторые экс-члены, такие как студент Notre Dame Джон Шнейдер, говорят, что многого не знали и все, что может сделать Opus Dei, чтобы рассеять такие впечатления, будет очень полезно. Данные предложения могут вызвать возражения у членов Opus Dei из-за того, что они компрометируют дух коллектива, что они не «естественны», что они пытаются формализовать то, что должно быть спонтанным и неформальным. Может быть, и так, но у коллективов тоже бывает своя политика. Иногда внесение некоего структурирования — это цена, которую платят за то, чтобы коллектив функционировал. В этом случае самовосприятие Opus Dei должно уравновеситься огромной пользой, которую он получит после успокоения негативного общественного мнения.

• Opus Dei должен подумать о том, чтобы включить в контракт со своими членами пункт, согласно которому при определенных обстоятельствах, особенно когда речь идет о публичной фигуре, организация может обнародовать его членство. Конечно, это деликатный вопрос, поскольку каждый имеет право на частную жизнь, особенно когда речь идет о духовной жизни. Кроме того, решать, кто является публичной фигурой, — дело заведомо щекотливое. Тем не менее образу Opus Dei сильно вредит, когда он вынужден уклоняться от вопросов, член ли тот-то и тот-то. Характерен случай с министром образования Англии Рут Келли. Когда в декабре 2004 года британская пресса сообщила, что она «связана» с Opus Dei, представители Opus Dei в Англии, ограниченные политикой организации, предоставляющей самому члену решение о своем «разоблачении», были вынуждены делать заявления типа «Она в контакте с нами; она посещала собрания». Это были публичные факты, и, строго говоря, они были правдой. Тем не менее возникла двусмысленность: одни газеты утверждали, что Келли — член Opus Dei, а другие — что нет. В результате эти полуправды привели к очередному разжиганию эмоций по поводу секретности Opus Dei. Фактически это случай, когда с Opus Dei не слишком хорошо обошелся один из его членов. Если в принадлежности к Opus Dei нет ничего постыдного, то представляется нормальным, что организация прямо и честно признается в том, что данный человек в ней состоит. После этого сам член решает, что именно ему говорить. Это условие относится как к избранным представителям, так и к епископам Священнического общества Святого Креста, а также к его священникам, являющимся публичными фигурами католической церкви.

• Члены Opus Dei и особенно супернумерарии должны понимать вне зависимости от того, нравится им это или нет, что они являются послами Opus Dei в своей профессиональной и общественной среде. Они должны охотно говорить об Opus Dei на приходских собраниях, в католических школах и университетах и в любой другой обстановке, где люди задают вопросы и хотят получить на них ответы. Опять же речь не о том, чтобы рекламировать Opus Dei или претендовать на то, чтобы отдельные члены имели право говорить от имени организации. Члены просто могут делиться собственным опытом и таким образом дать людям представление о группе, которую большинство знают только по медиаинформации и слухам. Один из примеров — Мэтью Коллинс, бывший американский супернумерарий, а ныне сотрудник, который создал сайт, где в формате вопрос — ответ дается информация об Opus Dei. Супернуме-рарий из Мадрида Роберт Дункан ведет веб-сайт Santificarnos на испанском и английском языках, который также информирует о деятельности организации. Такие

инициативы могут умножаться и не только в виртуальном пространстве, удовлетворяя стремление к прозрачности и помогая созданию другого образа Opus Dei.

• И, наконец, Opus Dei должен найти способы протянуть руку экс-членам, у которых был отрицательный опыт общения с ним. Само собой разумеется, что некоторые экс-члены не желают примирения: возможно, нанесенные им раны были слишком глубоки или их диагноз Opus Dei настолько уничтожающ, что трудно продолжать разговор. Некоторые даже стали профессионально зависимыми от статуса «критиков Opus Dei». Тем не менее Opus Dei должен сделать видимое публичное усилие дотянуться до этих людей, сказать им открыто то, что сказал в этой книге епископ Хавьер Эчеверрия: «Простите нас». Это никоим образом не подразумевает, что каждое обвинение в адрес Opus Dei обоснованно. Opus Dei даже может пригласить и критически, и позитивно настроенных экс-членов на публичные дебаты для обсуждения конкретных вопросов, например, как облегчить выход из Opus Dei тем, кто решил его оставить. Эти дискуссии и их результаты должны быть открытыми, и это будет свидетельствовать об подлинном стремлении Opus Dei к диалогу.

Все эти шаги приведут к большей открытости Opus Dei, его большему пониманию окружающими. Некоторые члены Opus Dei могут быть разочарованы этими предложениями, считая, что Opus Dei уже стал, как назвал это один из членов Уильям О'Коннор, отвечая Майклу Уолшу, «открытой книгой». Они настаивают, что каждый желающий может обнаружить, что Opus Dei нечего скрывать. Тем не менее в мире образов XXI века проблема восприятия — абсолютно реальная проблема. Епископы, пасторы и другие представители католической церкви, без сомнения, вздохнут с облегчением, если Opus Dei найдет пути к изменению восприятия своего образа и тем самым существенно сократит дискуссии о роли и миссии организации.

СОТРУДНИЧЕСТВО

Однажды в Кении я обедал с приятелем, иезуитом, который тридцать два года активно работал в этой стране. Когда зашла речь об Opus Dei, он высказался негативно, но в чем-то справедливо, и самым важным для него было обвинение в «элитарности». Я спросил его, с какой деятельностью Opus Dei в Кении он знаком, и он назвал университет Strathmore и школу Kianda, где обучались сливки кенийского общества. Он не знал, чем еще занимается Opus Dei в Кении. Когда я рассказал, что в этот день был в яслях Gatina, находящихся на чайной плантации в пригороде Найроби, в которых две воспитательницы, поддерживаемые Opus Dei, приносят сотне детей молоко и печенье и это спасает малышей от голодной смерти, мой приятель-иезуит был ошеломлен. «Это не тот Opus Dei, который знаю я», — сказал он.

Возникает серьезный вопрос: как он мог этого не знать? Кения — относительно небольшая страна с католическим населением почти в 7,6 миллиона человек. Как он мог не знать о том, что большая часть деятельности Opus Dei в этой стране не говорит об элитарности организации?

Это не единичный случай. Я могу привести многочисленные примеры, когда католики всего мира, все свое время отдающие церкви, особенно члены монашеских орденов, не знают самых элементарных вещей об Opus Dei. Если отбросить такие факторы, как плохие средства связи или вражда Opus Dei и иезуитов, то ответ на поставленный выше вопрос сводится к социологическим моментам. Деятельность Opus Dei осуществляется в среде мирян, которые обычно не соприкасаются с фанатично религиозными людьми и монахами. Миряне не ходят на встречи или мероприятия, спонсируемые монашескими орденами, и у них другой круг общения. На личном уровне многие члены Opus Dei получают удовольствие от общения с членами религиозных общин. Но когда в Риме собирается Союз глав религиозных общин, охватывающий собой мужские религиозные общины, и Международный союз глав религиозных общин, объединяющий женские общины, Opus Dei в этом не принимает участия. Когда на

национальном, региональном и местном уровнях встречаются монахи или монахини, Opus Dei в этом также не участвует. И это не из-за высокомерия, но потому, что Opus Dei — не монашеский орден и в течение семидесяти пяти лет своего существования очень энергично это доказывал.

В результате члены религиозных общин часто мало знают об Opus Dei. Это особенно неприятно в связи с тем, что исторически и до некоторой степени и сейчас значительная часть критики в адрес Opus Dei поступает из самой гущи религиозной жизни. Секулярная печать создала несколько собственных мифов, а в целом она повторяет обвинения, которые выдвинула католическая церковь. Очень часто эти обвинения основываются на предвзятых мнениях, которые более близкое личное знакомство с Opus Dei могло бы легко развеять.

Безусловно, Opus Dei должен более систематически сотрудничать с другими группами внутри церкви, особенно с монашескими орденами. Вы уже прочитали в главе 11, что в конце 1960-х годов Эскрива отклонил предложение отца Педро Аррупе, генерала ордена иезуитов, о совместном спонсорстве университета.

Сегодня хотелось бы представить себе, что Opus Dei и иезуиты совместно проводят социальные программы, подобные Condoray в Перу или Kimlea в Кении, обучая ремеслам и грамоте женщин из беднейших семей. Можно ли себе представить, что Opus Dei и неправительственная благотворительная организация Catholic Relief Services вместе обучают основам бизнеса бедняков Кении, работающих в широком секторе «неофициальной экономики»? Такие совместные предприятия были бы не только очень полезны, но они также дали бы другим католикам возможность лично и близко познакомиться с Opus Dei. В более широкой перспективе, в связи с частыми разногласиями и разделениями в самой церкви, такие совместные инициативы могли бы содействовать развитию столь желаемого диалога между католиками разных взглядов и характеров.

Когда беседуешь о таких возможностях с членами Opus Dei, создается полное впечатление, что это «не в духе Дела».

«Мы сознательно не сближаемся с чисто религиозными кругами и не вмешиваемся в их работу. Мы пытаемся избегать идти туда, где они уже работают. Мы не хотим заходить на чужую территорию и тем самым порождать вражду. Наша главная миссия — идти в другом направлении. У нас новый подход к светской духовности, поэтому мы идем другим путем. У нас разные дороги, но мы совместно служим Богу», — сказал отец Том Болин, викарий Opus Dei в США.

Когда я спросил его, препятствуют ли созданию совместных проектов, подобных допущенным выше, какие-то принципиальные вещи, Болин не стал уклоняться от ответа: «На уровне организации — да. Мы настаиваем на том, чтобы работали миряне, а мирское сознание противоположно монашескому, и когда они соединяются вместе, то одно начинает влиять на другое». Основное положение Эскрива, из-за которого он отклонил предложение АрруПе о совместном Opus Dei-иезуитском университете: «Доктора и юристы не могут работать в одном и том же офисе».

Два других возражения обычно развивают это положение. Одно заключается в том, что члены Opus Dei уже вовлечены во множество видов сотрудничества. Чтобы это проиллюстрировать, прелат Opus Dei Хавьер Эчеверрия рассказал мне историю о кардинале Джованни Коломбо, архиепископе Милана в 1963–1979 годах. Однажды Коломбо собрал в Милане епархиальный синод, после чего пожаловался викарию Opus Dei в Риме, что Opus Dei на нем не присутствовал. Викарий в ответ заметил, что на самом деле пятеро из назначенных Коломбо членов координационного комитета были членами Opus Dei. Но в каком-то смысле в этом рассказе выкристаллизована суть проблемы. На уровне личной инициативы члены Opus Dei обычно вовлекаются в деятельность католических приходов, епархий и другие аспекты жизни церкви. Но эта деятельность практически незаметна, когда связана непосредственно с

Opus Dei. Поэтому очень сложно разуверить людей в том, что Opus Dei строит «параллельную церковь».

Нельзя сказать, что неофициальным образом учреждения Opus Dei не сотрудничают с другими группами церкви. Директор центра для девочек Kimlea Франки Гиканди привела один из тысячи таких примеров, рассказав, как группа монахинь-августинок, которые хотели основать собственную школу, несколько раз приходили в Kimlea и расспрашивали о подборе преподавателей, о расписании и даже задавали технические вопросы о коммунальных услугах и выдаче лицензии. Гиканди была рада им помочь, точно так же как помогла с организацией в епархии дома для инвалидов. Но это сотрудничество осталось в категории неофициального обмена: монахини-августинки и Opus Dei не собираются открывать совместную школу. Внешний мир не признает этот случай примером «сотрудничества» Opus Dei.

Второе — члены Opus Dei часто утверждают, что поскольку Opus Dei обеспечивает в своих корпоративных предприятиях духовное и доктринальное воспитание, он не может делить эту ответственность с кем-то еще. Таким образом, по их мнению, ключевым моментом является связь между Opus Dei и другими организациями католической церкви, а не сотрудничество на уровне корпоративных предприятий. Но это в чем-то упускает суть проблемы, поскольку сотрудничество — это форма связи. Речь идет о роли, которую любая из групп хочет играть в католической церкви, когда она пытается связаться с другими группами в поисках путей, при помощи которых доктрина о принадлежности к церкви — любимая тема Иоанна Павла II — может быть применена на практике. На психологическом уровне сотрудничество — это способ сказать: «Мы не знаем ответов на все вопросы и не думаем, что мы в большей степени католики, чем вы. Давайте работать вместе и посмотрим, чего мы достигнем».

Самый тяжелый вопрос, стоящий перед Opus Dei, можно сформулировать так: «Смогут ли они найти созидательные способы сотрудничества с другими группами церкви, особенно с монашескими орденами, на структурном и организационном уровне, не причиняя ущерба духу свободы, личной ответственности и подхода к мирянам? Без «групповых действий», в уничижительном смысле этих слов, смогут ли они наметить общие начинания и предприятия, которые стали бы очевидными всему миру?»

ВЕДОМСТВЕННАЯ САМОКРИТИКА

В ходе трех с лишним сотен интервью, взятых мной для этой книги, самый разочаровывающий момент обычно наступал, когда я задавал членам Opus Dei вопрос: «Если иметь в виду, что Opus Dei, как и сама католическая церковь, считает, что у него две стороны — божественная и человеческая, значит, он всегда допускает возможность реформирования. Как вы считаете, в каких реформах сегодня нуждается Opus Dei?»

В ответ все тут же переходили к теме своих личных изменений и самоусовершенствования, уходя от Opus Dei как организации. Вот, например, ответ Эчеверрия:

«Когда произошла канонизация [в 2002 году], я установил некую связь. Я сказал: «Канонизация означает личное изменение каждого из нас». Поэтому, стоя перед Господом, — так всегда говорил и Хосемария, — спроси себя, что можно переделать в твоей собственной жизни. Это огромное поле для усилий! Мы должны ежедневно переделывать себя заново в разных областях: в благочестии, в работе, даже в таких вопросах, как пунктуальность или отношение к мелочам. Мы должны быть более внимательными к нуждам окружающих. Если мы не будем так жить, мы погибнем.

Святой Хосемария говорил, что дело не нуждается во внешних реформах, потому что мы — мужчины и женщины в самой гуще мира и мы развиваемся вместе с миром. Opus Dei всегда будет нужен, не потому, что мы чем-то лучше или главнее, а потому, что мы в гуще других мужчин и женщин. Давайте будем идти в этом направлении, оно верное. Мы не отделяем себя от мира. Человек всегда может спросить, как поступить в необычном случае».

Ну, а как насчет структурных изменений в самом Opus Dei?

«Я не вижу для этого причин, — сказал Эчеверрия. — В настоящий момент нечего изменять. Только на личном уровне людей просят «действовать» в духе Opus Dei. Мы не выступаем в качестве группы».

По сути, в этом ответе содержится глубокая духовная мудрость: не перекладывай ответственность на организацию, а критически оценивай себя, заглядывай в собственную душу, чтобы узнать, какие сорняки нужно оттуда выполоть. Opus Dei напоминает, что организации и системы могут совершить очень мало, если входящие в них люди не добры, не порядочны и не великодушны. Тем не менее такие рассуждения, если их довести до крайности, могут стать оправданием нежелания организации подвергаться критическому исследованию.

В действительности это не реальная проблема, а скорее проблема восприятия. Когда вы сталкиваетесь с двумя-тремя нумерариями, выпившими по несколько кружек пива, иногда проблема в том, чтобы заставить их *прекратить* говорить об ошибках, сделанных Opus Dei, и о том, что нужно в нем изменить. Все это происходит от любви к Opus Dei и желания, чтобы «Дело» процветало. Более того, как было показано в этой книге, история Opus Dei во многих отношениях состояла из непрерывных реформ. В 1961 году официальный представитель Opus Dei заявил в журнале *Америка,* что информационные офисы противоречат природе Opus Dei, сегодня информационный офис Opus Dei есть в Риме и практически в каждой стране, где представлена организация. В Конституции Opus Dei 1950 года членам запрещалось раскрывать свое членство без разрешения директора центра, ничего подобного нет в Уставе 1982 года. В 1940-е годы Эскрива призывал членов соблюдать «осторожность» в рассказах об Opus Dei, позже он «вычеркнул» это слово из своего лексикона. В начальный период переписка нумерариев просматривалась директорами, сегодня этого не происходит.

Один из нумерариев Opus Dei, чтобы доказать мне, что члены могут критиковать организацию, составил свой собственный перечень «семи грехов Opus Dei». По его мнению, они таковы: 1) скудная информация, что разжигает слухи о секретности; 2) импульсивность молодежи, рвение, которое исторически привело к мнению о надменности и самонадеянности; 3) упор на отличие Opus Dei, в результате чего теряется то, что объединяет его с остальными частями церкви и Opus Dei кажется «церковью внутри церкви»; 4) преданность идеям Эскрива об освящении работы или богосыновстве настолько сильна, что члены иногда забывают о том, что не всем ясна применимость этих идей, и в результате создается мнение о догматизме и жесткости; 5) оборонительные и реакционные тенденции в кризисный для церкви период после Ватикана II, которые привели к созданию образа не желающих изменений традиционалистов; 6) настойчивое подчеркивание «верности» учению церкви стало причиной того, что члены производят впечатление формалистов, которые руководствуются этикой долга, а не любви; 7) и, наконец, столь сильная страсть к высокому качеству работы, которое может стать целью само по себе, создает мнение о поиске богатства и власти.

Как анализ деятельности организации это совсем неплохо.

Таким образом, проблема не столько в том, что члены Opus Dei не могут его критиковать, а в том, что по своим собственным причинам они не склонны позволять всем остальным участвовать в этом обсуждении. Отчасти это объясняется долгим периодом яростных атак на организацию, в результате чего возникло естественное стремление защищаться от «посторонних», а также желание не давать врагу дополнительных средств для нападок. Отчасти играет роль тот факт, что члены Opus Dei обычно страстно влюблены в свое призвание и в Opus Dei, который ему благоприятствует, и, как все влюбленные, не склонны публично обсуждать недостатки партнера. Отчасти же все объясняется общим предубеждением членов против разговоров об Opus Dei из страха подвергнуть риску свою секулярность, осознание себя «размышляющими в гуще мира».

Все эти чувства естественны, понятны и во многих отношениях похвальны. Тем не менее в результате многие, убедившись, что член Opus Dei не может критически отозваться об организации, приходят к выводу, что у членов «промыты мозги» или они что-то скрывают. Тайное убеждение можно выразить так: «В Opus Dei не может быть все так прекрасно».

На самом деле год моих путешествий, более трехсот часов, затраченных на интервью и, наверное, вдвое больше на неформальные разговоры, чтение литературы об Opus Dei, пока глаза не вылезали из орбит, загрузка в компьютер заметок и писем по теме создали у меня ощущение, что все не так плохо в Opus Dei или хотя бы значительно лучше, чем считается иногда. Парадоксально, но я подозреваю, что люди Opus Dei были бы удачливее в завоевании мира, если бы они на короткое время перестали превозносить добродетели святого Хосемарии или великий принцип освящения работы и приоткрыли бы для нас свою уязвимость, недостатки, потребность в помощи — не как отдельные личности, а как «Дело». Как святой Павел писал: «Я благодушествую в немощах… ибо, когда я немощен, тогда силен».

Строго законспирированное католическое общество Opus Dei всегда вызывало повышенную подозрительность. С ним связывают многочисленные политические и религиозные скандалы, его изображают тоталитарной террористической организацией христианских боевиков. Членами этого таинственного ордена крестоносцев называют президента США Джорджа Буша, актера Мэла Гибсона, бывшего директора ФБР Луиса Фри. Так кто же они, эти загадочные монахи, живущие в миру: «диверсанты Ватикана», хладнокровные убийцы, занимающиеся ритуальными самоистязаниями, – или истинные христиане, ищущие свои пути к Богу в повседневной жизни и демонизированные «Кодом да Винчи» Дэна Брауна?

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА OPUS DEI

СОПЕРНИЧЕСТВО С ИЕЗУИТАМИ

ЗЛОВЕЩИЕ МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

«БЕЛЫЕ МАСОНЫ»

СТРУКТУРА, СЕКРЕТНОСТЬ И ПАРОЛИ

ОБЕТ «КОЛЛЕКТИВНОЙ СКРОМНОСТИ»: ЗАГОВОР МОЛЧАНИЯ

ЛИЧНАЯ ПРЕЛАТУРА ПАПЫ РИМСКОГО

ДИКТАТОР ФРАНКО И OPUS DEI

ИОАНН ПАВЕЛ II И OPUS DEI

Почему вокруг Opus Dei создана такая завеса секретности? Снабжает ли Opus Dei Ватикан деньгами? Подвергают ли члены Opus Dei себя бичеванию, и если да, то зачем? Возможно, весь этот пожар разжигается падкой на сенсации прессой и завистниками. Но в действительности в основе этих споров – вполне оправданные вопросы о деятельности общества, которые заслуживают серьезных ответов. Проблема не в том, что возникают вопросы, а в том, что ответы слишком часто основаны на слухах, мифах и дезинформации с обеих сторон

Джон Аллен

ISBN 978-5-699-20888-3

Строго законспирированное католическое общество Opus Dei всегда вызывало повышенную подозрительность. С ним связывают многочисленные политические и религиозные скандалы, его изображают тоталитарной террористической организацией христианских боевиков. Членами этого таинственного ордена крестоносцев называют президента США Джорджа Буша, актера Мэла Гибсона, бывшего директора ФБР Луиса Фри. Так кто же они, зти загадочные монахи, живущие в миру: «диверсанты Ватикана», хладнокровные убийцы, занимающиеся ритуальными самоистязаниями, — или истинные христиане, ищущие свои пути к Богу в повседневной жизни и демонизированные «Кодом да Винчи» Дэна Брауна?

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА OPDS DEI
СОПЕРНИЧЕСТВО С ИЕЗУИТАМИ
ЗЛОВЕЩИЕ МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ
«БЕЛЫЕ МАСОНЫ»
СТРУКТУРА, СЕКРЕТНОСТЬ И ПАРОЛИ
ОБЕТ «КОЛЛЕКТИВНОЙ СКРОМНОСТИ»: ЗАГОВОР МОЛЧАНИЯ
ЛИЧНАЯ ПРЕЛАТУРА ПАПЫ РИМСКОГО
ДИКТАТОР ФРАНКО И OPUS DEI
ИОАНН ПАВЕЛ II И OPUS DEI

Почему вокруг Opus Dei создана такая завеса секретности? Снабжает ли Opus Dei Ватикан деньгами? Подвергают ли члены Opus Dei себя бичеванию, и если да, то зачем? Возможно, весь этот пожар разжигается падкой на сенсации прессой и завистниками. Но в действительности в основе этих споров — вполне оправданные вопросы о деятельности общества, которые заслуживают серьезных ответов. Проблема не в том, что возникают вопросы, а в том, что ответы слишком часто основаны на слухах, мифах и дезинформации с обеих сторон

Примечания

1

Крепким Гиннессом. — *Прим. пер.*

2

Skull and Bones — орден иллюминатов, основан в 1833 году в Йельском университете. Одна из могущественных организаций, входящих в систему масонских лож.

3

вписанные (лат). — Прим. пер.

4

Буря и натиск *(нем.)* — *Прим. пер.*

5

от отеля «Ритц». — *Прим. пер.*

6

Отрывок взят из русского перевода романа. — *Прим. пер.*

7

Имеется в виду евангельская заповедь: «блаженны нищие духом». — *Прим. пер.*

8

Фандрайзинг — поиск или сбор спонсорских средств для осуществления социально значимых проектов, программ и акций или поддержки социально значимых институтов. — Прим. пер.

9

Octopus — осьминог, спрут. — *Прим. пер.*

10

Французской миссии. — *Прим. пер.*

11

Положение *(лат.)* — *Прим. пер.*

12

Лозунг против абортов. — *Прим. пер.*

13

Emendation — исправление. — *Прим. пер.*

14

Молитв — *Прим. пер.*

15

Российская версия: Последний герой. — *Прим. пер.*

16

Рим, то есть папа, сказал свое слово. — *Прим. пер.*
